

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2023. Том 11, № 1

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW
2023, vol. 11, no. 1

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2023

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	ООО «Фолиант»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media No. PI FS77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	LLC “Foliant”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Нур-Султан, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемил, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванович, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (Далонга, США)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почекаев Роман Юлианович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Александар Узелац**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Стивен Поу, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Байбулатова Лилия Фаритовна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Uli Schamiloglu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (Dahlonega, USA)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

İlyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editors: Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Stephen Pow, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: Elmira G. Sayfedinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: Liliya F. Baybulatova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: Lyutsiya S. Giniyatullina, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Трепавлов В.В. Сибирский улус Джучи: кочевые традиции в преддверии имперских инноваций	8
Порсин А.А. Процесс по делу об отравлении каана Угедея в контексте противоречий разных групп источников	24
Meriç S., Paşaoğlu D.D. Postal organisation (yam) in the Golden Horde	37
Бородовская Л.З. Суфийские символические формы в поэме эпохи Золотой Орды «Каландар-наме»	62
Ахиезер Г., Крамаровский М.Г. Еврейские общины средневекового Солхата по археологическим и рукописным источникам: историко-культурные аспекты	79
Храпунов Н.И. Сведения о Крымском ханстве в трактате Адриана де Верди дю Вернуа	109
Лобков А.Е. Эпизод из истории крымского музыкального фольклора: сборник крымско-татарских песен Н. Боровко и М. Красева	123
Маликов А. Правление Шибанидов в Самарканде: легитимация, культура и монументальное зодчество (1512–1578)	143
Чернышов С.А. Эволюция дискурсов о покорении Сибири в локальной исторической памяти	167
Хабутдинова М.М. Вклад Наки Исанбета в изучение Золотой Орды	181
Галимзянова А.Т., Галлямова А.Г. Путь длиною в два десятилетия: как создавалась первая коллективная монография ИЯЛИ по «Истории Татарской АССР»	202
Шакиева А.С. Особенности освещения истории Улуса Джучи в «Историях Казахской ССР» в 1940–1950-х годах	220

Хроника

Галимов Т.Р. VII Международный Золотоордынский Форум «Цивилизационное значение принятия ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России»	242

CONTENTS

Original papers

Trepavlov V.V. The Siberian Ulus of Jochi: Nomadic Traditions on the eve of Imperial Innovations	8
Porsin A.A. Trial in the case of the Poisoning of Ögedei Khan in the Context of Contradictions between Different Groups of Sources	24
Meriç S., Paşaoğlu D.D. Postal organisation (yam) in the Golden Horde	37
Borodovskaya L.Z. Sufi Symbolic Forms in the Poem from the age of the Golden Horde “Qalandar-name”	62
Akhiezer G., Kramarovsky M.G. Jewish Communities of Medieval Solkhath according to Archaeological and Manuscript Sources: Historical and Cultural Aspects	79
Khrapunov N.I. The Account of the Crimean Khanate in a Treatise by Adrian de Verdy du Vernois	109
Lobkov A.E. An Episode from the History of Crimean Musical Folklore: a Collection of Crimean Tatar Songs by N. Borovko and M. Krasev	123
Malikov A. The Shibaniid rule in Samarkand: Legitimation, Culture and Monumental Architecture (1512–1578)	143
Chernyshov S.A. Evolution of Discourses on the Conquest of Siberia in Local Historical Memory	167
Khabutdinova M.M. The Contribution of Naki Isanbet to the Study of the Golden Horde	181
Galimzyanova A.T., Gallyamova A.G. A Path two Decades long: how the First Collective Monograph of the Institute of Language, Literature and History on the “History of the Tatar ASSR” was created	202
Shakiyeva A.S. Features of the Coverage of the Ulus Jochi History in the “Histories of the Kazakh SSR” in the 1940s–1950s	220

Chronicle

Galimov T. R. VII International Golden Horde Forum “The Civilizational Significance of the Islam adoption by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: Integration Processes in the Medieval history of Russia”	242

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 94(57)

DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.8-23

EDN: BVVBGR

СИБИРСКИЙ УЛУС ДЖУЧИ: КОЧЕВЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРЕДДВЕРИИ ИМПЕРСКИХ ИННОВАЦИЙ

В.В. Трепавлов

Институт российской истории РАН

Москва, Российская Федерация

trepavlov@yandex.ru

Цель исследования: определение принципов наделения Чингиз-ханом царевича Джучи уделом после подчинения народов Южной Сибири в 1207 г., соотнесение критериев территориального разделения улуса с сведениями из эпического фольклора Южной Сибири и Центральной Азии.

Материалы исследования: «Тайная история монголов», придворные хроники Монгольской империи XIII–XIV вв., героический эпос народов Южной Сибири и Центральной Азии, историография истории Монгольской империи первой половины XIII в.

Результаты и научная новизна исследования: в результате сопоставлений реалий ранней Монгольской империи с патриархальными устоями жизни тюрко-монгольского кочевого общества, отраженными в эпических сказаниях, наблюдается проекция традиционных норм организации кочевого улуса на ситуацию с наделением Джучи уделом в завоеванных землях Южной Сибири. Так же, как в богатырских сказаниях, сын по приказу отца завоевывает соседние племена, живущие на севере и западе от родных кочевий, и получает их в управление. В данной ситуации действовала не только завещанная предками парадигма отношений между коренным и присоединенным населением улуса, но и архаичная схема убывания сакральности с севера на юг и с востока на запад.

Ключевые слова: Джучи, Чингиз-хан, Монгольская империя, Южная Сибирь, разделение улуса между отцом и сыном, соуправление братьев, сакральность

Для цитирования: Трепавлов В.В. Сибирский улус Джучи: кочевые традиции в преддверии имперских инноваций // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 8–23. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.8-23 EDN: BVVBGR

© Трепавлов В.В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE SIBERIAN ULUS OF JOCHI: NOMADIC TRADITIONS ON THE EVE OF IMPERIAL INNOVATIONS

V.V. Trepavlov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
trepavlov@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* To determine the principles of Chingis Khan's giving of an appanage to his son Jochi after the submission of the peoples of Southern Siberia in 1207 and to correlate the criteria for the territorial division of the ulus with information from the epic folklore of Southern Siberia and Central Asia.

Research materials: “The Secret History of the Mongols,” the court chronicles of the Mongol Empire of the 13th–14th centuries, the heroic epos of the peoples of Southern Siberia and Central Asia, and the historiography of the Mongol Empire of the first half of the 13th century.

Results and novelty of the research: As a result of comparisons of the realities of the early Mongol Empire with the patriarchal foundations of the Turkic-Mongolian nomadic society reflected in epic tales, a projection of the traditional norms of the organization of the nomadic ulus on the situation with the endowment of Jochi in the conquered lands of Southern Siberia can be discerned. Just as in heroic tales, the son, on the orders of his father, conquers neighbouring tribes living in the north and west of their native nomadic lands and receives them in governing. In this situation, not only the paradigm of relations between the indigenous and annexed population of the ulus bequeathed by the ancestors but also the archaic scheme of descending sacrality from the North to the South and from the East to the West played its role.

Keywords: Jochi, Chingis Khan, Mongol Empire, Southern Siberia, division of the ulus between father and son, joint rule of brothers, sacredness

For citation: Trepavlov V.V. The Siberian Ulus of Jochi: Nomadic Traditions on the eve of Imperial Innovations. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 8–23. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.8-23 (In Russian)

Обстоятельства образования Джучиева улуса являются одним из основных проблемных аспектов в истории Золотой Орды. Из тех источников, которыми мы располагаем и которые многократно проанализированы в историографии, кажется, что предстает картина двухэтапного процесса: сначала произошло наделение Джучи уделом в Южной Сибири после его победоносного похода 1207 г. и затем, через много лет, получение им в управление Восточного Дешт-и Кыпчака и северного Хорезма. Первый этап четко отражен в «Тайной истории монголов» (далее ТИМ), насчет датировки второго споры среди историков ведутся до сих пор.

Однако представляется, что не менее важна еще одна проблема: по какому принципу Чингиз-хан передавал соответствующие народы и территории под начало своего первенца (а впоследствии и остальных сыновей и родичей)? Вопросу о критериях улусного членения империи исследователи обычно не уделяют внимания. В статье я предложу свой вариант решения этого вопроса относительно первого наделения Джучи в 1207 г. – как одну из возможных версий.

Как известно, одним из первых внешних мероприятий Чингиз-хана в статусе кагана была военная кампания в Южной Сибири. В 1207 г. правое крыло монгольского войска под командованием Джучи со среднего течения Онона выступило на северо-запад в сторону Байкала, пересекло без препятствий страну Баргуджин-Токум, населенную предками бурят, и подошло к верховьям Енисея, где начинались владения кыргызов. Тувинско-Минусинский регион подчинился без единого выстрела. Царевич был встречен кыргызской знатью, которая поднесла ему символические дары и присягнула на верность. Далее подчинились без сопротивления племена Горного Алтая и прииртышской лесостепи. Быстрое и бескровное присоединение к Монгольской империи обширного полиэтничного региона не только увеличивало ресурсы новорожденной державы, но и, надо полагать, знаменовало в глазах ее правителей явную поддержку со стороны божественных сил экспансионистских намерений, которые зарождались у монгольской правящей элиты.

Многочисленно цитировалась восторженная реакция Чингиз-хана на триумфальное возвращение Джучи: «Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные народы. Жалую тебе их в подданство» [18, с. 175]. Последняя фраза (*irge čimada ögsü*) в действительности не содержит «подданства», домысленного С.А. Козиным. Переводы ТИМ и дублирующего текста «Алтан тобчи» Лубсана Данзана XVII в., выполненные Н.П. Шастиной и И. Рахевилцем, адекватно передают ее как «Отдаю тебе эти народы» [22 с. 184; 53, с. 155].

Официальные придворные хроники не выделяют поход 1207 г. как значимую веху в формировании Улуса Джучи. В «Юань ши» рассказывается, что «Чжучи – старший сын Тай-цзу [Чингиз-хана]; в начале становления государства ему как циньвану [великому князю] был выделен в удел северо-запад. Эти земли крайне отдалены и находятся от столицы [Пекина] на расстоянии десятков тысяч ли» [21, с. 32; см. также: 14, с. 221]. Здесь явно речь не столько о южносибирском владении, сколько о созданной Джучиевыми наследниками громадной Золотой Орде, располагавшейся действительно в нескольких тысячах километрах от Китая¹. Но поскольку китайские историографы династии Мин пишут здесь и о «начале становления государства» (т.е. о времени, предшествовавшем широким завоеваниям), то в данном сообщении оказались объединены сведения о сибирском походе Джучи и позднейшей (посмертной) территории его Улуса в Дешт-и Кыпчаке и Восточной Европе.

Рашид ад-Дин вообще не упоминает участие старшего Чингизида в кампании 1207 г., сообщая только о тогдашнем Чингизовом посольстве к енисейским кыргызам и их ответном визите с изъявлением покорности [32, с. 151]².

Ни в одном источнике, насколько мне известно, не содержится обоснования причин передачи сибирских территорий под управление Джучи. Создается впечатление, будто это произошло по каким-то резонам, очевидным для монгольских и тюркских современников, но неизвестным для иноземных наблюдателей и позднейших хронистов. Учитывая сходство первоначального

¹ В эпоху династии Мин *ли* составляла расстояние немногим более 450 м.

² О том же посольстве говорится в «Юань ши» [14, с. 147].

государства Чингиз-хана с монгольскими улусами XII в. по многим параметрам [20, с. 198, 199], можно догадываться, что это произошло в ходе действия неких установок улусной жизни, которые перешли в новорожденную империю из кочевой старины. В историографии изредка встречаются краткие отсылки к неким традиционным нормам в данном эпизоде наделения. Например, по В.В. Бартольд, «Джучи как старший сын получил самый отдаленный удел» [4, с. 459], «...по-видимому, самому старшему сыну должна была предназначаться наиболее удаленная от отцовского дома часть владений. Этим и объясняется то, что вместе с военными успехами Чингиз-хана юрт (земельные владения) его старшего сына все время перемещались в западном направлении» [5, с. 496; то же см.: 10, с. 50]. Это была чрезвычайно плодотворная мысль, но она осталась на уровне догадки и при этом не объясняла, почему Джучиевы земли не расширялись после победоносных войн с империей Цзинь. О. Агатай в недавнем исследовании тоже видит главной причиной пожалования лесных народов Джучи в «простой семейной традиции степных народов: с достижением лидером зрелости он учреждал собственное домохозяйство и покидал отцовский дом» [51, с. 693]. Это тоже, если можно так выразиться, взгляд в верном направлении, хотя реальность несколько расходится с данной версией в деталях: Джучи после 1207 г. не «покинул отцовский дом», но долгие годы участвовал в военных кампаниях против чжурчжэней, хорезмшаха, кыпчаков и др. (сопровождая Чингиз-хана или отправляясь в дальние рейды по его приказу). Да и о его личной ставке («собственном домохозяйстве») известно, что располагалась она в Прииртышье, и он смог удалиться туда только по окончании войны в Хорезме [33, с. 78].

Дополнительную сложность при определении статуса сибирских пожалований Джучи вызывает назначение туда Чингиз-ханом нойона Хорчи в качестве полновластного наместника. Он получил приказ составить тумен из алтайских племен чиносов, телесов и теленгитов, над которыми ему надлежало «начальствовать»; причем свою кочевую ставку Хорчи должен был обустроить на Иртыше [18, с. 161; 53, с. 131], т.е. приблизительно в тех краях, где позднейшие хронисты помещали резиденцию Джучи. Вероятно, ему вменялись в обязанность те функции, которые хорошо известны по сведениям о компетенции «рядовых» улусных правителей (не принадлежавших к царствующему дому) в позднейшей Монгольской империи, – темников и тысячников: управление вверенным населением, его перекочевками, присмотр за пастбищами, сбор податей, командование отрядом улусных ополченцев и, возможно, судебные прерогативы.

Судя по ТИМ, назначение Хорчи произошло сразу после «коронационного» курултая 1206 г., когда новопровозглашенный каган отмечал наградами и почестями своих верных соратников. Отражение дальнейшей судьбы Хорчи в этом источнике ограничивается описанием его неудачной попытки умирения мятежных туматов. Очевидно, этот нойон никак не проявил себя на поприще управления «лесными народами», которые через год были пожалованы Джучи. Однако имеется аналогичный случай назначения наместника в Джучиевы земли. Этого эпизода нет в ТИМ, но он запечатлен у Лубсана Данзана при описании череды наград и поощрений, предпринятых Чингиз-ханом после возвращения из хорезмийской кампании: «Когда Чингиз-хаган выделял [для управления] землю оросутов и чэркисутов (т.е.

Руси и Северного Кавказа. – В.Т.) Хукин-нойана, он соблаговолил дать наставление: “...Отдели западную сторону владения Джочи!...”. Нойон отвечал:

«Ты дал мне людей, чтобы готовили пищу,
Людей, чтоб приготовили питье, –
Восемь тысяч людей ты мне дал!
В дальние земли свои

Посылаешь меня управлять чужим народом» [22, с. 232–233].

Как в случае с Хорчи, так и с Хунаном мы видим сосуществование в одном владении царевича и наместника-военачальника, ответственного за повседневное управление населением улуса. Причем, в отношении Хунана указано, что его опорой становятся восемь тысяч монголов, которые явно призваны не только готовить для нойона пищу и питье, но и составлять военную опору его власти. То есть этот контингент не принадлежал к тем войскам, которыми командовал официальный улусный правитель – Джучи. Возможно, в таком разделении уже коренились будущие структурные, административные подразделения в империи: тот Иртышско-Алтайский край, что отошел под управление Хорчи, остался в Джучиевом улусе, а более восточные земли отошли в собственно-монгольский Коренной юрт. Таким же образом земли, предназначенные под начало Хукина, со временем составили правое крыло Джучиева улуса, в то время как в восточном Дешт-и Кыпчаке образовалось левое крыло.

Примечательно, что Рашид ад-Дин называет территорией, отданной отцом в управление Джучи, только «все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей» (с задачей дальнейшего завоевания Дешт-и Кыпчака), но умалчивает о более восточных землях, составивших удел старшего Чингида после сибирского похода. Автору этих строк уже доводилось констатировать, что со временем Тува и Хакасия (области Кэм-Кэмджиут и Киргиз, по Рашид ад-Дину) были изъяты из юрисдикции Джучи и причислены к Коренному юрту – собственно монгольскому домену империи. Последний, по старой традиции и в соответствии с волей Чингиз-хана, находился после его смерти под властью его младшего сына Толюя, а вдова Толюя поручила управлять Южной Сибирью снова младшему сыну – Ариг-Буге [42, с. 48].

Названные выше факты и обстоятельства приводят к мысли о том, что появление Джучиева удела в Южной Сибири в результате похода 1207 г. не следует ставить в один ряд с позднейшим распределением улусов между Чингизовыми сыновьями. Представляется, что наделение/выделение отцом старшего сына строилось на патриархальных принципах, присущих до- или внегосударственной социальной жизни евразийских номадов.

Известно, что еще в доимперской жизни монголов практиковалось подчинение более сильными кочевыми сообществами более слабых и включение последних в систему сложившихся или формирующихся политий. Такие подчиненные группы обозначались многозначным термином *богол* (в данном контексте – конкретно *унаган-богол* – см. [35]), обычно и не вполне корректно переводимым как «раб». Он маркировал социально-политическую интеграцию новых «подданных» в структуру политии-победительницы и как бы перекодировку прежней структуры. Уже тогда, до образования империи,

пока еще в масштабе ограниченного региона, происходило «формирование общественных отношений на новом уровне, когда складывается надплеменная, надлокальная социально-политическая структура, тяготеющая к универсализации мироустройства» [19, с. 247–248]. Сибирские «лесные народы» стали унаган-боголами – номинально Чингизова клана кият-борджигин, но фактически являлись первыми подданными всемонгольского кагана за пределами собственно Монголии. Конечно, это было не буквальное «рабство», а относительно более низкий статус новых членов коллектива жителей улуса, их младший ранг по отношению к его исконному населению. Близким аналогом такого положения у тюрков Южной Сибири в XVII–XVIII вв., очевидно, можно считать *кыштымов* – зависимые племена-данники (см., например [17, с. 95, 96]).

Традиционные социальные устои отразились в памятниках эпического и исторического фольклора тюркских и монгольских народов, а также в нормах их обычного права. В данном случае следует обратиться к отражению в этих текстах распределения компетенции, власти и владений между отцом и старшим сыном – как наиболее близкой аналогии с ситуаций наделения Джучи в 1207 г. Причем, представляется резонным обратиться к наиболее архаичным памятникам, которые отразили изначальные схемы социального устройства, с минимальными позднейшими инокультурными наслоениями. К текстам такого рода относятся, в частности, якутские эпосы-*олонхо*.

Почти все фольклорные героические эпопеи построены на преемственности биографий: когда доблестный отец заканчивает земное существование, его храбрец-сын вступает в управление улусом и прославляет свое имя новыми подвигами. Это было возможно только при сохранении несомненного божественного покровительства, и таким образом в глазах народа целые династии оказывались отмеченными «Божиею милостью» и закрепляли за собой право на первенство в социуме.

Раздел власти, народа и территории улуса между отцом и сыном наиболее понятен и наилучшим образом объясним. Передача в управление будущему наследнику части земель и подданных имела чисто практическое значение – приучить «царевича» к искусству властвования. Хотя мальчик мог считаться потенциальным правителем уже по факту рождения в семье улусного предводителя, но в эпосах вступление в ранг младшего правителя обычно производится только после того, как он проявил себя достойным продолжателем родительского дела (разбил могущественного врага, например). Впрочем, для отделения сына не обязательно было ждать войны. Случается, юноши получают в удел половину ханства после женитьбы, т.е. по достижении совершеннолетия, возраста самостоятельных решений.

«Черным по белому» о разделении улуса надвое между отцом и сыном сказано, например, в одном из алтайских сказаний. Там это объясняется невозможностью старшего хана управлять чрезмерно разросшимися владениями (стало слишком много скота и подданных) [6, с. 212]³. В прочих известных мне текстах резоны для расчленения территории и народа пополам

³ Подобной рационализацией контроля над обширными территориями и чрезмерно многочисленным контингентом подданных П. Голден объясняет генезис разделения кочевых империй на половины-«крылья» с особым правителем в каждой из них [52, с. 100–101].

столь явно не называются, за исключением отделения женившихся сыновей или передачи приданого мужу ханской дочери.

Наделение заключается в том, что отец отводит сыну место для поселения и пастбища для выпаса скота, а сам практически устраняется от вмешательства в дела сыновней улусной половины (лишь по просьбе сына старший хан может появиться в его уделе). На отведенных «царевичу» землях кочуют те соплеменники, которые переданы ему отцом, а также прибывшие со скотом в караване молодой жены в качестве приданого.

Однако бывают ситуации, когда хан делит улус по принципу, так сказать, автохтонности. В своей удельной части он оставляет население, исконно проживавшее на этих землях и доставшееся ему от предков. Сыну же он передает тех подданных, которых завоевал во время своего правления или же по его приказу завоевал сын. Следовательно, в последнем случае иерархия двух удельных частей выглядит предельно наглядно: та часть, где остается верховный хан и где проживают исконные обитатели ханства, считается «старшей», высшей по рангу; та часть, куда перебирается младший хан-соправитель и где живут новоприсоединенные роды, является «младшей», низшей, починенной.

Один из распространенных вариантов отношений между отцом и сыном в эпосе – их управление в разных частях подвластных владений, т.е. разным контингентами подданных. Герой олонхо Хаптагай-батыр еще жив, но его сын Хохое-батыр уже признан покоренными ламутами (совр. эвены) «как тойон» и самовластно действует на территории улуса: «и ламутов, и якутов свободно убивает» [7, с. 61, 62]. Здесь сыну доверено управление завоеванными землями, а на родовой территории остается отец. В одном из вариантов олонхо «Эр-Соготох» наблюдается такой же расклад обязанностей. Сын богатыря Эр-Соготоха Басымджи остается в улусе побежденного им (Басымджи) духа-*абаасы*. Отец, примчавшийся было на помощь, возвращается восвояси в свою землю [48, с. 90]. Причем постоянное личное присутствие младшего правителя на отведенной ему территории было необязательно. Женившись, Басымджи селится в родительском улусе, где ему ставят отдельный дом [48, с. 102, 103].

Таким образом, на землях рода сын ожидает перехода к нему родительского статуса и имущества, которые со временем достанутся ему в качестве наследства; если же присоединяется (завоевывается) население из чуждых кланов, то сын тойона получает полномочия по владычеству над ним. Естественно, в таком случае он считается в улусе младшим правителем – и по возрасту, и по положению.

Историческое соуправление отца и сына обладало еще одним внешним атрибутом. Характерное для тюрко-монгольских политий (как каганатов, империй, так и мелких улусов) – разделение территории и населения на две части-крыла – имеет соответствия в эпосе. В олонхо «Сюнг-Джасын» герой, находясь на своей земле, призывает старшего брата на помощь. Тот приходит «из склона долины, обращенной к северу» [50, с. 86], т.е. младший соправитель селился соответственно на севере от старшего, и улус был поделен на северную и южную части. Упомянутый выше сын богатыря Эр-Соготоха Басымджи остается в улусе побежденного им врага. Посетивший его отец возвращается к себе «прямо на юг» [48, с. 90]. Наблюдается аналогичное

предыдущему примеру, расположение частей улуса, но с важным уточнением: завоеванная территория «по определению» ниже рангом, так как отходит младшему правителю, и северная ее позиция подтверждает эту второстепенность по сравнению с южным владением самого Эр-Согогоха.

Но противопоставление «север – юг» не основное в политической топографии исторических и эпических улусов. В том же тексте посланцы главы божеств-небожителей Юрюнг Айыы-тойона приказывают Басымджи отправиться на восток, дабы основать собственный улус [48, с. 93, 94]. Поскольку с востоком естественно соотносится запад, обратимся и к этой паре понятий.

Вот у супруги богатыря Тонг Саар-тойона после сына-человека рождается сын-бык. Изгнанный перепуганной матерью из дома, он селится на западной стороне улуса, но постоянно помогает старшему брату в борьбе с врагами своими мудрыми советами, да к тому же обладает способностью предсказывать судьбу [12, с. 113, 123, 124, 131].

Между востоком и западом существует давно замеченная исследователями оппозиция свойств. Восточные и западные земли осеяются подobaющими небесами –

Там, на западе, под склоном

Погибельного, бедственного неба,

Что всюду полосато и визгливо

Там, где находилось

Восточное, приветливое небо... [26, с. 69, 70; ср.: 27, с. 321].

Запад олицетворяется с враждебными силами, прибежищем античеловеческих стихий; с запада происходят нашествия демонов-абаасы, на западе герой ищет вора, угнавшего скот. Восток, напротив, – средоточие идеальных качеств, там самая привлекательная природа, туда обращали лицом погребаемого покойника (см.: [15, с. 224, 225; 23, с. 123]).

Нужно заметить, что в эпических текстах чаще фигурирует тандем не отца и сына, а двух братьев. Видимо, это наследие очень древнего близнечного мифа. Однако вторичность совместного правления двух братьев по отношению к соуправлению отца и сына может быть выведена даже из тех сюжетов, где мифологический пласт сохранился отчетливо, т.е. фигурируют небожители как жизненные персонажи и изображается начало человеческой истории. Герой ниспослан на землю, в Средний мир, и подвластное пространство он разделяет с младшим братом (см., например, олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»). Но само направление его в мир является выполнением воли небесного Отца, остающегося в Верхнем мире. Стало быть, мироздание сначала делится как бы по вертикали между Творцом и его креатурой, и только потом, на более низком уровне, начинается соуправление братьев.

Разделение управленческих полномочий отца и сына также коренится в распределении функций в патриархальной кочевой семье [25, с. 104, 105]. У казахов, например, богатые скотоводы старались еще при жизни дать самостоятельность сыновьям, наделяя старших значительной долей своего скота и иногда дополнительными пастбищами. Наследником отцовского имущества и зимовья считался младший сын. Если в семье имелось несколько сыновей, то скот делился между ними; если поголовье скота возрастало настолько, что пастбищ не хватало на всех братьев, то они по

очереди выделялись из семейных земель, начиная со старшего брата, а в отцовском стойбище оставался опять-таки младший сын [31, с. 255].

Если вновь обратиться к ситуации 1207 г., то мы видим проекцию традиционных норм организации кочевого улуса. Сын по приказу отца завоевывает соседние племена, живущие на севере и западе от родных кочевий, и получает их в управление. Здесь действует не только завещанная предками парадигма отношений между коренным и присоединенным населением улуса, но и архаичная схема убывания сакральности с севера на юг и с востока на запад.

В целом, можно согласиться с мнением О. Агатая, что в период первой военной кампании «Чингисхан расценивал Джучи как преемника на своем троне» [51, с. 691], и тот действовал соответственно этому статусу. Ведь в то время программа обширных завоеваний еще только задумывалась, и было неизвестно, насколько удачными они окажутся. Еще не было необходимости распределять между членами семьи огромные уделы и управлять множеством разноязычных кочевых и оседлых подданных. Когда же империя начала обретать свои пространственные очертания за пределами монгольских степей, по мере завоевания «оседлых» стран, вступили в силу иные принципы ее внутреннего административного деления, отличавшиеся от патриархальной схемы внутрисемейных отношений. Что это были за принципы, нужно исследовать дополнительно, но, как представляется, они уже во многом расходились с традиционными нормами распределения власти в кочевой степи прежней эпохи.

По мере постепенного расширения подвластных земель и увеличения количества поданных возникала проблема распределения этих трофеев между членами семьи монгольского кагана-завоевателя. Наделение Чингизовых сыновей улусами в 1220-х гг. в самом общем виде соответствовало этим нормам (о них см., например [24, с. 425, 426; 36, с. 88]). Даже после значительного территориального разрастания державы Чингиз-хана и начала притока к его двору полиэтничных специалистов-управленцев из покоренных народов влияние доимперских установлений можно увидеть в административной практике.

Приведем знаменательную сцену из «Алтай тобчи» Лубсан Данзана, описывающую наделение Чингиз-ханом уделами двух старших сыновей по возвращении из западного похода. К Джучи и Чагатаю отец обращается со словами: «Я отправляю вас, отделяя так, как отделил бы половину своего дома, половину своего тела». Как известно, Джучи были отданы в управление Хорезм и Кыпчакская степь, Чагатаю – Мавераннахр и Семиречье; все это расценивалось как «половина дома». Другая «половина», стало быть, – Монголия, Маньчжурия, Уйгурия и Южная Сибирь. Право наместника над западными землями предоставлялось Чиигизову первенцу, Джучи. Каган говорит ему: «В чем согласие между отцом и сыном? Ведь не тайком отправляю я тебя [так] далеко, [а для того], чтобы ты управлял тем, чем я овладел. Чтобы сохранил ты то, над чем я трудился. Отделяю тебя, чтобы стал ты опорой половины моего дома, половины моей особы» [22, с. 229]. Чагатаю же, судя по «Алтай тобчи», ничего подобного сказано не было. Значит, Джучи признан старшим правителем западной части государства,

обязанным сохранять завоеванные земли и управлять ими. А Чагатай подчинен брату, поскольку также выделен в западную «половину дома».

В «Тайной истории монголов» этой сцены нет, но содержится следующая информация. Чингиз-хан обратился к сыновьям с вопросом о кандидатуре своего преемника. Джучи тут же повздорил и подрался с Чагатаем, а затем сказал: «Будем служить парой с Чаадаем. Высказываемся за Огодая!». Чингиз-хан возразил: «К чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше – будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья» [18, с.186]. Данная версия наделения старших царевичей тоже свидетельствует о задуманной обособленности западных улусов, но умалчивает о главенстве Джучи на западе.

Здесь мы можем также обнаружить любопытные аналогии/прецеденты в фольклоре Центральной Азии и Южной Сибири. Героические эпосы дают развернутую картину традиционного разделения/сочетания компетенций в правящей кочевой семье (подробно см. [40; 41]).

Соуправление братьев гораздо более распространено в героическом эпосе. Если бы не многочисленные исторические аналогии, можно было бы видеть в этом сюжетном каноне отголосок близнечного мифа, столь популярного у первобытных народов [13; 16]. Действительно, в некоторых архаичных текстах братья неотличимы друг от друга, действуют синхронно, даже иногда говорят хором. Но ко времени письменной фиксации эпическая первооснова претерпела столь значительные изменения, что этих персонажей уже весьма трудно уподобить мифическим близнецам. У братьев появляются четкие возрастные и функциональные различия. К тому же обычная дуальная космогония предполагает наличие двух персонажей, в то время как в эпосах встречается и трое, и семеро, и девять братьев.

Очевидно, в памятниках фольклора отразились черты социальной организации эпохи возникновения фабул героического эпоса. Как для выделения отцом удела для сына, так и для соуправления братьев возможно найти реалистическое объяснение. Если в семье не один сын, а больше (а так оно чаще всего и бывало в многодетных кочевых семьях), то после кончины хан-отца старший или другой заранее избранный отцом сын заступал на место верховного правителя. Еще будучи наследником, этот новый сюзерен в прошлом, при жизни отца, правил «младшей» удельной половиной.

Эпические братья в южносибирских сказаниях, выделенные отцом или унаследовавшие его владения, могут управлять сообща. При этом отношения в подобной паре выстраиваются следующим образом: 1) проживание их в одном «белом дворце» или в стоящих рядом, одна подле другой, юртах-резиденциях [1, с. 159; 6, с. 213, 216; 9, с. 16; 30, с. 416, 557; 31, с. 232; 34, с. 92; 39, с. 189–191, 211, 219; 43, с. 106; 44, с. 198; 45, с. 49; 47, с. 179, 181]; 2) территория принадлежит обоим братьям [3, с. 200–284; 6, с. 149–211; 8, с. 142–145; 11, с. 205 и сл.; 28, с. 13, 14; 39, с. 87; 37, с. 89; 46, с. 226, 227, 231]; 3) общее подданство народа обоим братьям [44, с. 198; 47, с. 157]. Сюзеренитет их проявлялся во взимании податей или же в совместном выступлении для наказания неплательщика [1, с. 48; 2, с. 11–18]. В зависимости от отношения сказителя к персонажам это выглядело как справедливое правление или как «сосание народной крови» [38, с. 84; 47, с. 48]; 4) часто (но

не всегда) они уезжают воевать с соседями вдвоем, действуя в сражениях на равных [2, с. 28; 28, с. 61; 29, с. 159; 44, с. 56, 58]. Иногда создается впечатление, будто они близнецы, но не всегда являются таковыми на самом деле. Обычно это старший и младший братья, хотя различия между ними чисто декоративные: один мудрее другого, с одним герой сражается дольше, чем с другим и т.п.⁴

Приблизительное такое же сосуществование Джучи и Чагатай предполагалось в западной половине империи. Как известно, жизненные обстоятельства не позволили им исполнить отцовский завет, а впоследствии между их потомками началась вражда. Покорение многомиллионного Китая и утверждение власти завоевателей в густонаселенном Мавераннахре и других странах поставило монгольские власти перед необходимостью усложнить и модернизировать систему управления – в том числе удельно-улусную структуру империи. В Дешт-и Кыпчаке в 1220-х гг. был образован новый Улус Джучи (будущая Золотая Орда), территория которого со временем распространилась на часть Восточной Европы. Таким образом, первоначальное наделение старшего Чингизида владениями в Южной Сибири в 1207 г. не может расцениваться как начало золотоордынской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ай-Толай. Народные героические поэмы и сказки Горной Шории. Пер. с шор., вступ. статья и примеч. А. Смердова. Новосибирск: Новосибиргиз, 1948. 224 с.
2. Алтай баатырлар. Т. VIII. Сост. С.С. Суразаков. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-ва, 1974. 231 с.
3. Алтайские героические сказания. Пер. с алт. А. Плитченко. М.: Современник, 1983. 288 с.
4. Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. 760 с.
5. Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. 758 с.
6. Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). Тексты и переводы. М.: Наука, 1965. 340 с.
7. Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым. Иркутск: Изд. на средства И.М. Сибирякова, 1890. 216 с. (Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографии. Т. 1. Вып. 3)
8. Гесериада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света. Пер., вступ. ст. и коммент. С.А. Козина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 248 с.
9. Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 148 с.

⁴ Тандем равноправных братьев не имеет аналогов в политической истории кочевников, а если и был когда-то приемлем на первобытнообщинном уровне, то в улусах – реальных, а не эпических – не практиковался. Возможно, это чисто фольклорное «изобретение», отражающее изначальный эпический дуализм [49, с. 15]. Другое дело – если братья находятся в едином улусе, но наделены различными полномочиями. Самое общее выражение их отношений: один брат доводится помощником другому. Подробнее см. [41, с. 338–340].

10. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.
11. Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
12. Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 207 с.
13. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
14. Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. Пер. с кит., сост., введ. ст., коммент. Р.П. Храпачевского. М.: Б. изд., 2009. 336 с.
15. Зыков Ф.М. Материальная среда в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Ред. Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. Якутск: Якут. филиал СО АН СССР, 1978. С. 224–227.
16. Иванов В.В. Близнечные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Гл. ред. С.А. Токарев. Т. I. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 174–176.
17. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. Отв. ред. Л.Р. Кызласов. М.: Восточная литература, 1993. 525 с.
18. Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
19. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
20. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.
21. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С. 30–42.
22. Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.
23. Маак Р. Виллойский округ Якутской области. Ч. 3. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1887. 213 с.
24. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Алматы; М.: Социнвест, Горизонт, 1995. 320 с.
25. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. 264 с.
26. Могучий Дьагарыма. Якутский героический эпос олонхо. Пер. А. Романова. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1984. 415 с.
27. Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо. Пер. В. Державина. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1975. 432 с.
28. Ойротские народные сказки: Темир-Санаа; Келер-Куш; Кулакчин; Кара-Маас. Записаны П. Кучияком. Лит. обработка Е. Березницкого, И. Мухачева, А. Смердова. Новосибирск: Новосибгиз, 1940. 288 с.
29. Оленгир. Вступ. статья, лит. ред. и пересказ на рус. яз. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, Горно-Алтайское отд-ние, 1970. 175 с.
30. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. 1026 с.
31. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
32. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. Пер. с перс. О.И. Смирновой. Под ред. А.А. Семенова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
33. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. Пер. с перс. Ю.П. Верховского. Под ред. И.П. Петрушевского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
34. Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос. Предисл., пер. и коммент. Л.В. Гребнева. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1960. 185 с.

35. Скрынникова Т.Д. Богол в социальной стратификации монгольского общества периода империи // Монгольская империя и кочевой мир. Редкол. Б.В.Базаров и др. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 287–334.
36. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен. Сост., вступ. ст., коммент. А.А. Никищенко. М.: Старый сад, 2000. 289 с.
37. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 256 с.
38. Суразаков С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Бучае. Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1961. 179 с.
39. Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар // Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом. Вып. 4. СПб.: Тип. Э. Праца, 1858. С. 83–154.
40. Трепавлов В.В. Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Отв. ред. Ф.А. Сатлаев. Горно-Алтайск: Горно-Алт. НИИ ист., яз. и лит., 1989. С. 125–171.
41. Трепавлов В.В. Власть и управление в тюркском кочевом обществе (по эпическим сказаниям народов Южной Сибири) // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой Степи. Редкол.: С.Г. Кляшторный и др. М.: Восточная литература, 2006. С. 323–354.
42. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М.: Восточная литература, 1993. 168 с.
43. Тувинские народные сказки. Пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М.: Наука, 1971. 208 с.
44. Улагашев Н.А. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос. Новосибирск: Обл. гос. изд-во, 1941. 404с.
45. Улагашев Н.У. Малчи-Мерген. Алтайский героический эпос. Ойрот-Тура: Ойротиздат, 1947. 231 с.
46. Улигеры ононских хамниган. Записал Ц.Ж. Жамцарано; подгот. текста, пер., вступит. статья, примеч. Д.Г. Дамдинова. Новосибирск: Наука, 1982. 274 с.
47. Шорский фольклор. Записи пер., вступит. статья и прим. Н.П. Дыренковой. Новосибирск: ОГИЗ, 1948. 487 с.
48. Якутский фольклор. Тексты и переводы А.А. Попова. Общ. ред. М.А. Сергеева. Л.: Советский писатель, 1936. 326 с.
49. Ямаева Е.Е. Алтайский героический эпос (связи с мифологией, представлениями, социально-бытовыми институтами). Автореф. канд. дисс. Л., 1986. 20 с.
50. Ястремский С.В. Образцы народной литературы якутов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 226 с.
51. Agatay O. An analysis of Joči's debated paternity and his role in Altan Uruğ royal lineage of Činggis Khan // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 4. P. 684–714.
52. Golden P.B. Khazar studies. An historico-philological inquiry into the origin of the Khazars. Vol. 1. Budapest: Akademiai Kiado, 1980. 291 p.
53. Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century. URL: <https://cedar.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=cedarbooks> (дата обращения 17.01.2022).

Сведения об авторе: Вадим Винцерович Трепавлов – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН (117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1783-8670. E-mail: trepavlov@yandex.ru

Поступила 20.12.2022 Принята к публикации 03.02.2023
Опубликована 29.03.2023

REFERENCES

1. *Ay-Tolay. Folk heroic poems and tales of Mountain Shoria*. Transl. A. Smerdov. Novosibirsk: Novosibgiz Publ., 1948. 224 p. (In Russian)
2. *The epic heroes of Altay*. Vol. VIII. Compl. S.S. Surazakov. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Branch of the Altay Book Publ. House, 1974. 231 p. (In Altaic)
3. *Altay heroic tales*, Transl. A. Plitchenko. Moscow: Sovremennik Publ., 1983. 288 p. (In Russian)
4. Bartol'd V.V. *Works. Vol. 1. Turkestan in the epoch of the Mongol invasion*. Moscow: Publ. House of Oriental Literature, 1963. 760 p. (In Russian)
5. Bartol'd V.V. *Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples*. Moscow: Nauka Publ., 1968. 758 p. (In Russian)
6. Baskakov N.A. Northern dialects of the Altay (Oyrot) language. *The dialect of the Chern' Tatars (Tuba-kizhi). Texts and translations*. Moscow: Nauka Publ., 1965. 340 p. (In Russian)
7. *Verkhoyan collection. Yakut tales, songs, riddles and proverbs, as well as Russian tales and songs recorded in the Verkhoyansky district by I.A. Khudyakov*. Irkutsk: Publ. at the expense of I.M. Sibiryakov, 1890. 216 p. (In Russian)
8. Geseriade. *The tale of the gracious Geser Mergen Khan, the eradicator of ten evils in ten countries of the world*. Transl. S.A. Kozin. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1935. 248 p. (In Russian)
9. Grebnev L.V. *Tuvan heroic epos (an attempt at historical and ethnographic analysis)*. Moscow: Publ. House of Oriental Literature, 1960. 148 p. (In Russian)
10. Grekov B.D., Yakubovsky A.Yu. *Golden Horde and its downfall*. Moscow: Bogorodsky Pechatnik Publ., 1998. 368 p. (In Russian)
11. Emel'yanov N.V. *Plots of Yakut olonkhos*. Moscow: Nauka Publ., 1980. 375 p. (In Russian)
12. Emel'yanov N.V. *Olonkho plots about the founders of the tribe*. Moscow: Nauka Publ., 1990. 207 p. (In Russian)
13. Zolotarev A.M. *Clan system and primitive mythology*. Moscow: Nauka Publ., 1964. 328 p. (In Russian)
14. *Golden Horde in sources*. Vol. III. Chinese and Mongolian sources. Transl. R.P. Khrapachevsky. Moscow: Sine publ., 2009. 336 p. (In Russian)
15. Zikov F.M. Material environment in olonkho. *Epic heritage of the peoples of Siberia and the Far East*. Ed. N.V. Emel'yanov, V.T. Petrov. Yakutsk: Yakut Part of the Siberian Branch of the Academy of USSR, 1978, pp. 224–227. (In Russian)
16. Ivanov V.V. Twin myths. Myths of the peoples of the world. Encyklopedia. Ed. S.A. Tokarev. Vol. I. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, pp. 174–176. (In Russian)
17. *The History of Khakassia from ancient times to 1917*. Ed. L.R. Kyzlasov. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1993. 525 p. (In Russian)
18. Kozin S.A. *The Secret History of the Mongols. The Mongol chronicle of 1240*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russian and Ancient Mongolian)
19. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *The Empire of Chingis Khan*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006. 557 p. (In Russian)
20. Kychanov E.I. *Nomadic states from the Huns to the Manchus*. Moscow: Publ. House of Oriental Literature, 1997. 319 p. (In Russian)

21. Kychanov E.I. Information from the “History of the Yuan Dynasty” about the Golden Horde. *Source studies of the history of the Jochi Ulus (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556*. Ed. M.A. Usmanov. Kazan: Master-Line, 2002, pp. 30–42. (In Russian)
22. Lubsan Danzan. *Altan tobchi. Golden Legend*. Transl. N.P. Shastina. Moscow: Nauka Publ. House, 1973. 440 p. (In Russian)
23. Maak R. *The Vilyuy district of the Yakut province*. Pt. 3. Saint Petersburg: A. Transhel’s Typography, 1887. 213 p. (In Russian) (In Russian)
24. Masanov N.E. *Nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the life of nomadic society*. Almaty, Moscow: Sotsinvest Publ. House, Gorizont Publ. House, 1995. 320 p. (In Russian)
25. Meletinsky E.M. *A hero of a magic fairy tale. The origin of the image*. Moscow: Publ. House of Oriental Literature, 1958. 264 p. (In Russian)
26. Mighty Diagaryma. *Yakut heroic epos olonkho*. Transl. A. Romanov. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe Publ. House, 1984. 415 p. (In Russian)
27. Nyurgun Bootur the Swift. *Yakut heroic epic olonkho*. Transl. V. Derzhavin. Yakutsk: Yakutsk Publ. House, 1975. 432 p. (In Russian and Yakutian)
28. *Oyrot folk tales: Temir-Sanaa; Keler-Kush; Kulakchin; Kara-Maas*. Ed. E. Bereznitsky e.a. Novosibirsk: Novosibgiz Publ. House, 1940. 288 p. (In Russian)
29. *Olengir*. Ed. S.S. Surazakov. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Branch of the Altay Book Publ. House, 1970. 175 p. (In Russian)
30. Potanin G.N. *Essays on North-Western Mongolia. Vol. IV. Ethnographic materials*. Saint Petersburg: V. Kirshbaum’s Typography, 1883. 1026 p. (In Russian)
31. Radlov V.V. *From Siberia. Diary pages*. Moscow: Nauka Publ. House, 1989. 749 p. (In Russian)
32. Rashid ad-Din. *A Compendium of Chronicles*. Vol. I. Pt. 2. Transl. O.I. Smirnova. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1952. 316 p. (In Russian)
33. Rashid ad-Din. *A Compendium of Chronicles*. Vol. II. Transl. Yu.P. Verhovskiy. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 248 p. (In Russian)
34. *Tales of heroes. Tuvan heroic epos*. Transl. L.V. Grebnev. Kyzyl: Tuvknigoizdat Publ., 1960. 185 p. (In Russian)
35. Skrynnikova T.D. *Bogol in the social stratification of the Mongolian society of the Empire period. The Mongolian Empire and the nomadic world*. Ed. B.V. Bazarov e.a. Ulan-Ude: Publ. House of the Buryat Science Centre, 2004, pp. 287–334. (In Russian)
36. *Steppe law. Customary law of the Kazakhs, Kyrgyz and Turkmens*. Compl. A.A. Nikishenko. Moscow: Stary Sad Publ. House, 2000. 289 p. (In Russian)
37. Surazakov S.S. *Altay heroic epic*. Moscow: Nauka Publ., 1985. 256 p. (In Russian)
38. Surazakov S.S. *Heroic legend about the hero Altay-Buchai*. Gorno-Altaysk: Book Publ., 1961. 179 p. (In Russian)
39. Titov V. Epic hero poems of the Minusinsk Tatars. *Ethnographic collection published by the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. 4. St. Petersburg: E. Praz’s Typography, 1858, pp. 83–154. (In Russian)
40. Trepavlov V.V. Altay heroic epos as a source on the history of early statehood. Folklore heritage of Mountain Altay. Ed. F.A. Satlaev. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Institute of History, Language and Literature Publ. House, 1989, pp. 125–171. (In Russian)
41. Trepavlov V.V. Power and management in a Turkic nomadic society (according to the epic legends of the peoples of Southern Siberia. Turkological collection. 2005. Turkic peoples of Russia and the Great Steppe. Ed. S.G. Klyashtorny e.a. Moscow: Vostochnaya literature Publ. House, 2006, pp. 323–354. (In Russian)
42. Trepavlov V.V. *The state system of the Mongol Empire of the 13th century. (the problem of historical continuity)*. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1993. 168 p. (In Russian)

43. *Tuvan folk tales*. Transl. M. Vatagin. Moscow: Nauka Publ., 1971. 208 p. (In Russian)
44. Ulagashev N.A. *Oyrot folk epos*. Novosibirsk: Province State Publ., 1941. 404 p. (In Russian and Altaic)
45. Ulagashev N.U. *Malchi-Mergen. Altay heroic epos*. Oyrot-Tura: Oyrotizdat Publ., 1947. 231 p. (In Russian and Altaic)
46. *The Uligers of the Onon Hamnigan*. Transl. D.G. Damdinov. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 274 p. (In Russian)
47. *Folklore of the Shor People*. Ed. N.P. Dyrenkova. Novosibirsk: OGIZ Publ., 1948. 487 p. (In Russian and Shoric)
48. *Yakut folklore*. Transl. A.A. Popov. Leningrad: Sovetsky pisatel' Publ., 1936. 326 p. (In Russian and Yakutian)
49. Yamaeva E.E. *Altay heroic epos (connections with mythology, ideas, social-and-household institutions)*. Abstract of candidate dissertation. Leningrad, 1986. 20 p. (In Russian)
50. Yastremsky S.V. *Samples of folk literature of the Yakuts*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1929. 226 p. (In Russian and Yakutian)
51. Agatay O. An Analysis of Joči's Debated Paternity and His Role in the *Altan Urug* Royal Lineage of Činggis Khan. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 4, pp. 684–714. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.684-714
52. Golden P.B. *Khazar studies. A historico-philological inquiry into the origin of the Khazars*. Vol. 1. Budapest: Akademiai Kiado, 1980. 291 p.
53. Rachewiltz I. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century*. URL: <https://cedar.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=cedarbooks> (date of application 17.01.2022).

About the author: Vadim V. Trepavlov – Dr. Sci. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Head of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID 0000-0003-1783-8670. E-mail: trepavlov@yandex.ru

*Received December 20, 2022 Accepted for publication February 3, 2023
Published March 29, 2023*

ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ОБ ОТРАВЛЕНИИ КААНА УГЕДЕЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ РАЗНЫХ ГРУПП ИСТОЧНИКОВ

А.А. Порсин

*Независимый исследователь
Магнитогорск, Российская Федерация
porsinart@gmail.com*

Цель исследования: в статье дается анализ противоречивых сообщений источников о судебном процессе об отравлении каана Угедея, умершего в конце 1241 года.

Материалы исследования: несмотря на то, что источники имперского круга (Джувейни, Рашид ад-Дин) достаточно подробно описывают суды над отдельными представителями знати после прихода к власти в 1246 году сына Угедея Гуюка, о судебном разбирательстве касательно насильственной смерти бывшего правителя они ничего не сообщают. Однако прямое сообщение об аресте некоей дочери Чингиз-хана по обвинению в убийстве Угедея, который произошел сразу после интронизации Гуюка, содержится в отчете Плано Карпини, который присутствовал на курултае. Отчет Рашид ад-Дина, являющийся примером имперской историографии, не содержит прямых упоминаний об этом, но косвенные сообщения об убийстве Угедеидами дочери Чингиз-хана в нем присутствуют. При этом официальные имперские тексты относят наиболее громкий судебный процесс над братом Чингиз-хана Темуге-Отчигином и его казнь ко времени после интронизации, но Плано Карпини говорит об этом, как о произошедшем до этого.

Результаты исследования: автор делает вывод о том, что именно отчет папского легата в большей степени отражает реальные события, а версии Джувейни и Рашид ад-Дина являются результатом действия имперской цензуры, целенаправленно скрывавшей события, идущие в разрез с чингизидской внутрисемейной этикой.

Ключевые слова: Монгольская империя, Угедей, Гуюк, Плано Карпини, Джувейни, Рашид ад-Дин, курултай

Для цитирования: Порсин А.А. Процесс по делу об отравлении каана Угедея в контексте противоречий разных групп источников // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 24–36. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.24-36 EDN: CKLVYF

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № BR10965240).

© Порсин А.А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**TRIAL IN THE CASE OF THE POISONING OF ÖGEDEI KHAN
IN THE CONTEXT OF CONTRADICTIONS
BETWEEN DIFFERENT GROUPS OF SOURCES**

A.A. Porsin

*Independent researcher
Magnitogorsk, Russian Federation
porsinart@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* The article provides an analysis of conflicting reports in the sources on the trial for the poisoning of Khan Ögedei, who died at the end of 1241.

Research materials: Although the sources of the imperial circle (Juvaini, Rashid al-Din) describe in detail the trials of individual representatives of the nobility after the son of Ögedei, Guyuk, came to power in 1246, they do not report anything about the trial regarding the violent death of the former ruler. Nonetheless, direct information about the arrest of a certain daughter of Chingis Khan on charges of murdering Ögedei, which occurred immediately after the enthronement of Guyuk, is contained in the report of Plano Carpini, present at the kurultai. Rashid al-Din's report, which is an example of imperial historiography, does not contain direct references to this but provides indirect reports about the murder of Chingis Khan's daughter by the Ögedeids. Simultaneously, the official imperial texts date the most high-profile trial of Chingis Khan's brother Temuge-Otchigin and his execution to the time after enthronement, but Plano Carpini refers to this event as happening before that.

Results and novelty of the research: The author concludes that the report of the papal legate reflects real events to a greater extent, while the versions of Juvaini and Rashid al-Din are the result of imperial censorship, which purposefully concealed events that were contrary to Chingisid intra-family ethics.

Keywords: Mongol Empire, Ögedei, Guyuk, Plano Karpini, Juvaini, Rashid ad-Din, kurultai

For citation: Porsin A.A. Trial in the case of the Poisoning of Ögedei Khan in the Context of Contradictions between Different Groups of Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 24–36. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.24-36 (In Russian)

Financial Support: The work was financially supported by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (grant no. BR10965240).

Введение

Взаимоотношение источников, в случае серьезного несоответствия предоставляемых ими данных, является одной из самых распространенных проблем, возникающих при исследовании событийной, прежде всего, политической истории. В таких случаях возникает необходимость ответить на несколько важных и сложных вопросов. Какая из имеющихся версий произошедшего наиболее близка к исторической реальности? Каковы критерии выбора данного варианта и отклонения другого или других, имеющихся в источниках?

Проблема подобного выбора достаточно остро ощущается в процессе изучения политической истории Монгольской империи. В рамках источниковой базы здесь выделяются сразу несколько групп нарративов, создан-

ных на разных языках и в рамках разных культурных представлений – персидские, арабские, китайские, армянские, латинские и русские тексты. Значительная часть серьезных проблем политической истории в рамках данной темы характеризуется наличием двух или более версий произошедшего, зачастую отличающихся в весьма принципиальных вопросах.

Методы и материалы

Хотя иногда используемое в источниковедении деление источников на внешние и внутренние, с открыто декларируемым предпочтением данных второй группы, в последнее время применяется редко, подспудно исследователи вынуждены делить для себя имеющиеся тексты на более или менее «авторитетные» или «информативные».

Для политической истории Монгольской империи наиболее информативными являются тексты имперского круга, то есть хроники и исторические труды, написанные в XIII–XIV веках монголами, либо служившими им представителями покоренных оседлых народов. Эти тексты, к примеру «Тарих-и Джахангушай» Джувейни или «Джами’ ат-таварих» Рашид ад-Дина, предоставляют нам основной массив фактической информации о событиях политической истории всей империи и ее отдельных улусов. Хроники и исторические труды, созданные вне монгольского мира, также могут быть весьма информативны, однако, во-первых, их осведомленность чаще всего не всеобъемлюща, и ограничивается каким-то конкретным аспектом и временным периодом, а во-вторых, зачастую не просто бывает даже гипотетически определить источник, через который автором была получена информация, что, естественно, снижает уровень доверия к ней. Дошедшие до нас официальные акты монгольской канцелярии и письма каанов немногочисленны, а потому, хотя и первостепенны, в плане изучения государственного устройства и социальной структуры, могут лишь дополнить и уточнить ту событийную конструкцию, которую создают письменные источники имперского круга.

Предельно важным источником информации являются отчеты путешественников и дипломатов, посетивших Монгольскую империю. Речь, прежде всего, идет о трудах Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Помимо того, что эти работы предоставляют бесценную этнографическую информацию, благодаря свидетельским показаниям их авторов зачастую разрешаются некоторые проблемные вопросы политической истории. К примеру, несмотря на то, что многие арабские и персидские источники датируют смерть сына Джучи Бату 1252–1253 годом, на настоящий момент исследователи не рассматривают эту версию всерьез по ряду причин, но в значительной степени потому, что Гильом де Рубрук, покинувший Поволжье на обратном пути из Каракорума в конце осени 1254 года, видел Бату живым и ничего не сообщал о его болезни. Учитывая четкость хронологических указаний отчета Рубрука, конфликт источников решается в пользу датировки этого события 1255 или началом 1256 года [18, р. 29; 9, с. 73–82; 6, с. 48; 2, с. 61; 11, с. 58, прим. 193].

Однако ни отчеты путешественников, ни немногочисленные акты каанской канцелярии, ни «истории», написанные внешними наблюдателями или региональными авторами, по объективным причинам не могут сравниться по степени воздействия с обширными официальными текстами имперского круга. Последние формируют общую картину событий, «взгляд на историю»,

который остальными источниками лишь в большей или меньшей степени корректируется.

Однако исследования показали, что сама эта имперская картина событий нуждается во внимательном изучении. В 1971 году Д. Аялон, исследуя корпус сообщений, касающихся Ясы Чингиз-хана, отметил крайне политизированный характер описания событий авторами источников, написанных внутри империи и с санкции монгольских властей. Такие тексты практически всегда отражали точку зрения определенной группы Чингизидов, в зависимости от которой находился их автор и зачастую весьма серьезно искажали описываемую политическую реальность.

К примеру, подобная ангажированность явно присутствует в описании Джувейни провалившегося переворота, который Угедеиды попытались организовать после избрания в 1251 году великим кааном Менгу. Как известно, переворот не удался, и победившая коалиция Толуидов и Джучидов жестоко расправилась со своими противниками, прикрываясь при этом нормами Ясы. Хотя все участники приведения Менгу к власти (прежде всего Джучиды – Бату и Берке) осуществляли серьезные подготовительные мероприятия (Берке во главе золотоордынского войска прибыл в Монголию), Джувейни описывает раскрытие заговора, как случайность, ставшую полнейшей неожиданностью для Менгу, который просто не мог предположить столь открытое и грубое нарушение Ясы. При этом тот же Джувейни указывает на то, что только Толуиды в отличие от остальных Чингизидских домов последовательно чтят ее предписания. Поверить в историчность такой противоречивой наивности, учитывая факты серьезной силовой подготовки к конфликту именно со стороны Джучидов и Толуидов, очень сложно и Д. Аялон заключил, что если бы в ходе политической борьбы конца 40-х – начала 50-годов XIII века победу бы одержали Угедеиды, до нас бы дошло совершенно иное описание произошедшего [13, p. 151–166].

П. Джексон, разработавший подробную реконструкцию политических событий распада Монгольской империи, в целом поддержал выводы Д. Аялона и развил их. Методологической основой его реконструкции стало положение о том, что официальная «толуидская» версия произошедшего, сформировавшаяся после переворота 1251 года, часто сознательно создавала ангажированное, искаженное или просто выдуманное описание ключевых событий, а, следовательно, она нуждается в системной критической проверке данными других, не заинтересованных источников [2, с. 57–69].

В своей статье, посвященной сыну Чингиз-хана Джучи, К. Этвуд заключил, что перманентный конфликт между отдельными чингизидскими домами и группами монгольской элиты за экономические и политические ресурсы велся, в том числе, и в сфере официальной имперской историографии. Анализируя различные сообщения, касающиеся Джучи, он выделяет «стандартное повествование» о его жизни, содержащееся в большинстве имперских текстов, написанных на монгольском, китайском и персидском языках. В нем роль старшего сына Чингиз-хана сознательно принижалась, а его участие в наступлении на запад 1217–1223 годов замалчивалось. «Стандартное повествование», сформировавшееся по результатам «толуидской революции» 1251 года, вступает в противоречие с данными, содержащимися в биографиях отдельных персон этого периода (эти жизнеописания, впоследствии вошедшие

в «Юань ши», подвергались меньшему цензурированию или избегали его вовсе), и должно проверяться через сравнение с ними [12, р. 35–36, 50–54].

Анализ

В данной статье мы попытаемся соотнести противоречивые сообщения источников, касающиеся событий 1246 года, когда в Монголии после четырех лет междуцарствия кааном был избран сын Угедея Гуюк. Речь пойдет о том, как проходил каанский суд над государственными преступниками членами правящего рода, который являлся прерогативой верховного правителя и обычно приурочивался к его интронизации.

Ситуация в Монгольской империи стала обостряться сразу после смерти Угедея, наступившей в самом конце 1241 года. Уже в 1242 году произошла попытка захвата власти младшим братом Чингиз-хана Темуге-Отчигином. Об этом сообщают и Джувейни, и Рашид ад-Дин. Судя по этим сообщениям, к такому шагу его подтолкнуло отсутствие в Монголии старшего сына Угедея Гуюка, которого каан в начале 1241 года отзывал из западного похода, и именно слух о его возвращении окончательно убедил Темуге-Отчигина отказаться от задуманного и вернуться в свой юрт [3, с. 168; 8, с. 116–117; 19, р. 391].

Вопрос о том, была ли смерть Угедея естественной, толуидскими историками никогда не ставился. Однако в их трудах содержится достаточно странные намеки на этот счет. «Юань ши» напрямую не сообщает об отравлении, но акцентирует внимание на том, что в ночь перед смертью Угедей много пил и что вино ему преподнес Абд ар-Рахман [10, с. 176]. Речь идет о вельможе, возвысившемся в конце правления Угедея, получившем высокое положение в период регентства Туракины-хатун и казненном после прихода к власти Гуюка.

Рашид ад-Дин в «Рассказе о болезни Угедей-каана и его смерти» так же воспроизводит версию о том, что причиной тому стало опьянение. Более того, согласно этому источнику, дело было не в разовом возлиянии, а в тяжелом алкоголизме правителя. Но и персидский историк сообщает о подозрениях в отравлении, возникших на том основании, что чашу Угедею подавала Абикэ-беги сестра старшей жены Толюя Соркуктани-беги [8, с. 42; 19, р. 330].

Оба эти весьма расплывчатых сообщения можно было бы не брать в расчет, если бы не прямое указание Плано Карпини о двух судебных процессах над ближайшими родственниками Гуюка, завершившиеся их казнью. Поясняя правовой запрет на узурпацию власти, он сообщает, что «до избрания настоящего Куйюк-кана, из-за этого был убит один из князей, внук Чингис-кана, ибо он хотел царствовать без избрания» [7, с. 44; 14, р. 25; 17, р. 265]. В переводе К. Доусона при определении степени родства по отношению к Чингиз-хану, использован термин «племянник». В латинском тексте «nepos», что может переводиться и как внук, и как племянник.

В этом сообщении, судя по всему, речь идет о судебном процессе над Темуге-Отчигином. Причем в нем есть две особенности, отличающие его от рассказа Джувейни и Рашид ад-Дина. Во-первых, казненный был не внуком или племянником, а братом Чингиз-хана. Это явная ошибка, которая говорит о том, что Карпини не был глубоко знаком с этой ситуацией и, скорее всего, воспользовался смутными слухами о процессе и казни. Во-вторых, и Джувейни, и Рашид ад-Дин сообщают о том, что расследование, которое вели сын Толюя Мен-

гу и сын Джучи Орду, и казнь произошли после интронизации Гуюка, тогда как Плано Карпини относит казнь родственника Чингиз-хана, пытавшегося захватить власть, ко времени до нее [3, с. 176; 8, с. 119; 19, р. 393].

Второе сообщение куда более интересно. Описывая события после курултая 1246 года, Плано Карпини сообщает о том, что «была схвачена тетка нынешнего императора, убившая ядом его отца, в то время когда их войско было в Венгрии, откуда вследствие этого удалилось вспять войско, бывшее в вышеупомянутых странах. Над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты» [7, с. 77].

«Тетка нынешнего императора» приводится в переводе А.И. Малеина, а в переводе К. Доусона, выполненного по изданию текста Плано Карпини А. ван ден Вингарта: «the mistress of the Emperor», то есть любовница или подруга императора [14, р. 65]. Существует три списка второй, пространной редакции «Истории монголов» Плано Карпини. Перевод А.И. Малеина делался на основе издания М. д'Авезака, осуществленного по Лейденскому списку – единственному на тот момент известному списку памятника. В последствии было открыто еще два списка – Кембриджский и список библиотеки г. Вольфенбюттель в Германии. Издание А. ван ден Вингарта, на котором основывал свой перевод К. Доусон, делалось по Кембриджскому списку. В 1989 году в Италии было опубликовано издание текста «Истории монголов», учитывающее все три списка. Результатом публикации в том числе стали конкретные выводы по поводу взаимоотношения отдельных списков между собой. Стало ясно, что Лейденский список XIV века является копией Кембриджского списка, датированного концом XIII века, а Вольфенбюттельский список XIV века восходит к общему с Кембриджским протографу. Следовательно, если разночтение в Лейденском списке (по которому через издание М. д'Авезака делался перевод А.И. Малеина) противоречит Кембриджскому (по которому через издание А. ван ден Вингарта делался перевод К. Доусона) и Вольфенбюттельскому списку, то первое должно признаваться ошибочным и поздним [1, с. 115–116]. Однако в латинском тексте издания 1989 года эта женщина определяется как «*amita imperatoris*», то есть «тетка императора по отцу» [17, р. 322]. Сами списки нам не доступны, поэтому мы лишь можем заключить, что вариант «любовница императора» в переводе К. Доусона ошибочен, тогда как перевод А.И. Малеина подтверждается критическим итальянским изданием 1989 года. П. Джексон объясняет неправильный перевод К. Доусона ошибочным прочтением *amica* вместо *amita* [15, р. 131]. Этой теткой Гуюка должна была быть сестра Угедея и дочь Чингиз-хана.

Сам Карпини, по всей видимости, не был свидетелем произошедшего, так как во время каанского суда он находился в ставке Туракины-хатун. Но он прибыл к Гуюку вскоре после этого, и судя по описанию, был хорошо осведомлен об этом громком и обсуждаемом событии, которое, тем не менее, практически не нашло отражения в источниках имперского круга. Никаких упоминаний о казни тетки Гуюка не содержится ни в «Юань ши», ни у Джу-вейни. Однако исследователи связывают это событие с одним из не совсем ясных сообщений Рашид ад-Дина [15, р. 119–120; 4, с. 230]. В «Джами' ат-таварих» в описании правления Гуюка об этом также не сообщается, однако нужная информация содержится в самом начале этого труда в разделе о племени джалаир, а также в «Рассказе о восшествии на престол Бату». Речь идет

о дискуссии насчет кандидатуры Менгу, в ходе которой сторонник Угедеидов Элджидай напомнил клятву, которую участники давали Угедею касательно закрепления трона за его прямыми потомками.

В ответ сторонники Менгу привели свои аргументы. В разделе о джалаирах Эльджидаю оппонирует будущий каан Хубилай, одним из основных антиугедеидских аргументов которого является: «Первое то, что повелел Чингиз-хан: Если кто-нибудь из моего рода изменит ясу, то пусть не посягают на его жизнь, не посоветовавшись [предварительно] об этом вместе со всеми старшими и младшими братьями. Зачем вы убили Алталу-нойона?». Кто такой Алтала-нойон, какое отношение он имел к «золотому роду», и почему его смерть была настолько значима, из русского перевода понять нельзя. Но в переводе В.М. Текстона, основанном на тегеранском издании 1994 года, это имя воспроизводится как Алталункан. Переводчик поясняет, что речь идет о пятой дочери Чингиз-хана Altalun (~ Altalunqan ~ Aitaluqan), причем монгольский суффикс -qan ~ -gan – это уменьшительное, которое присоединяется к именам собственным [19, p. 39].

Этот вариант подтверждается сообщением из «Рассказа о восшествии на престол Бату...». Здесь именно сын Джучи произносит эту или близкую по смыслу обвинительную речь в адрес Угедеидов, одним из аргументов которой является: «преступив древний закон и обычай, не посоветовавшись с родичами, ни за что убили младшую дочь Чингиз-хана, которую он любил больше всех [своих] детей и называл Чаур-сечен». Любопытно, что согласно переводу В.М. Текстона, Чингиз-хан так называл не свою дочь, а ее мужа [8, с. 80; 19, p. 361].

Речь, безусловно, идет об Алталун или Алталукан – младшей дочери Чингиз-хана. Из сопоставления сообщений Плано Карпини, Джувейни и Рашид ад-Дина становится понятной суть обвинения, которое предъявляли сторонники Менгу в адрес Угедеидов. Рашид ад-Дин специально подчеркивает деликатный, а потому секретный характер процесса над Темуге-Отчигином. Более того дело было настолько важным, что расследование проводили не представители каанской администрации, а два царевича – Орду сын Джучи и Менгу сын Толуя [8, с. 115; 19, p. 393].

Других прямых указаний на процесс по делу Алталун и ее казнь, кроме лишенных контекста обвинений в ее гибели, которые были произнесены либо Хубилаем, либо Бату, и у Рашид ад-Дина, и в других источниках имперского круга нет. Видимо, эта тема была для толuidской историографии нежелательной. Хотя, исходя из сообщения Плано Карпини, можно заключить, что задержание и суд над Алталун были публичными [7, с. 77].

После ареста последовал суд, который, судя по краткому комментарию Карпини, был лишен даже намека на тот формализм и элитарность, которыми отличался процесс над Темуге-Отчигином. Сознательно или неосознанно, но папский посланник очень четко проговаривает основную особенность процесса над любимой дочерью Чингиз-хана и ее казни: «над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты». Никакого особого подхода, на который, она, как представительница «золотого рода», имела полное право, не было, по крайней мере, такой информированный человек как Карпини об этом ничего не знал. Так что последующие обвинения сторонников Менгу в адрес потомков Угедея имели все юридические основания.

Но, кажется, полное отсутствие или серьезное нарушение установленных норм судебного процесса над Чингизидом, не было основным содержанием этих обвинений. Примечательно, что если вариант обвинения, вложенный в уста Хубилая, только говорит о нарушении нормы, предписывающей необходимость коллективного решения о казни члена «золотого рода», то вариант, произнесенный или якобы произнесенный Бату, содержит прямое обвинение в бессудном, самовольном и беспричинном убийстве: «не посоветовавшись с родичами, ни за что убили».

Если допустить, что правоту Плано Карпини, а обвинять его в фальсификации или ошибке у нас нет никаких оснований, так как сообщение о казни тетки Гуюка подтверждается Рашид ад-Дином, то тогда возникают серьезные вопросы к той картине событий, которая содержится в трудах персидских историков. И Джувейни, и Рашид ад-Дин утверждают, что процесс по делу Темуге-Отчигина и его казнь произошли после официальной интронизации Гуюка. При этом расследование велось скрытно представителями Джучидов и Толуидов при избранном каане Угедеиде. То есть хотя бы внешне, но соблюдалась максимальная объективность. Но какой смысл был во всем этом формализме, если допустить, что за несколько дней до этого была арестована, а затем казнена любимая дочь основателя империи, старшая родственница как Гуюка, так и остальных царевичей? Причем арестована и казнена она была без согласия Джучидов и Толуидов, иначе их последующие обвинения не имели бы смысла.

Обращает на себя внимание то, что Плано Карпини говорит о казни анонимного внука Чингиз-хана «до избрания настоящего Куйюк-каана». Если незнание им степени родства между казненным и основателем империи еще можно объяснить секретностью расследования и закрытым характером процесса, то как быть с тем, что человек, присутствовавший на курултае, говорил о казни Темуге-Отчигина, как о чем-то произошедшем до этого?

По все видимости, толуидские историки постарались максимально сгладить крайне нелицеприятное происшествие, полностью выходящее за рамки монгольских политико-правовых представлений, основанных на внутрисемейной этике. Противоречие снимается, если допустить, что секретное расследование, закончившееся казнью Темуге-Отчигина, произошло до курултая и стало результатом консенсуса четырех чингизидских домов. Конечно, Гуюк как каан получал в свои руки, в том числе и высшую судебную власть и имел право принимать решения о казни или помиловании, но из числа членов «золотого рода» должен был пострадать только Темуге-Отчигин, вина которого, судя по всему, состояла в том, что он совершил типичную для ранних политических попытку предъявить права на престол брата в обход его сыновей.

Причины, по которым Гуюк пошел на выходящую за рамки его формальных полномочий казнь своей тетки, пока не ясны. Можно лишь предположить, что убийство Алталун было ударом не по Джучидам, а по Толуидам. Ее мужем был Тайджу из племени кунграт – родной брат Оэлун матери Чингиз-хана. Его сын (имя матери не указывается, но судя по контексту, ей была именно Алталун) был поочередно женат на двух дочерях Менгу – Ширин, а после ее смерти Бичикэ [19, p. 87].

Результаты

Мы не будем углубляться в вопрос о том, был ли в действительности отравлен Угедей и была ли виновна в его смерти Алталун или же это был лишь удачный и достаточно распространенный повод к расправе. Примечательно, что Чагатай, имевший весьма серьезные права на престол, умер практически сразу после Угедея в 1242 или в 1243 году. Рашид ад-Дин лишь вскользь упоминает о том, что после его смерти казнили его приближенного – китайца по прозвищу Везир: «Везир неоднократно говорил Чагатаю: «Ради тебя я ни одно существо не сделал себе другом. После тебя никто меня не пощадит. Когда Чагатай скончался, его умертвили по обвинению в том, что он [якобы] дал Чагатаю зелья» [8, с. 102].

Куда важнее факт того, что ни один источник имперского круга, подробно описывающий приход Гуюка к власти, ничего не сообщает о том, что имели место не просто смутные подозрения о неестественном характере смерти прежнего правителя, а судебный процесс в отношении дочери Чингиз-хана, которую обвиняли в убийстве своего брата. Процесс, проведенный практически сразу же после интронизации и закончившийся ее казнью, которая с точки зрения монгольского права мало чем отличалась от бессудного убийства. То, что это дружное молчание объясняется не незнанием, а результатом цензуры и определенной редакторской работы с текстом, подтверждается двумя фактами.

Во-первых, это наличие упоминаний о казни в тех местах текста, где речь о событии идет ретроспективно. Судя по всему, аргументы сторон на курултае 1249 или 1250 года фиксировались письменно, и именно так обвинение в убийстве Алталун оказалось и в описании самих прений в «Рассказе о восшествии на престол Бату и в разделе о джалаирах, как напоминание о неблагоприятных действиях Эльджида в отношении Толуидов.

Во-вторых, описание самого прихода Гуюка к власти и последующего за этим судебного процесса и казней явно корректировалось с целью скрыть произошедшее. Помимо того, что в повествование не были включены какие-либо сообщения, связанные с судебным процессом и казнью Алталун, была скорректирована и последовательность событий. По крайней мере, именно такой вывод можно сделать, соотнося описание Карпини, который говорит о казни Темуге-Отчигина как о событии, произошедшем до курултая, с текстами Джувейни и Рашид ад-Дина.

Рашид ад-Дин прямо говорит о том, что курултай не созывался несколько лет из-за неявки Бату [8, с. 79–80; 19, р. 360]. Без присутствия главы Джучидов, как лидера старшей чингизидской ветви, говорить о полноценном легитимном курултае и законом избрании Гуюка было нельзя. Судя по всему, к 1246 году после длительных переговоров между Джучидами, Толуидами и Угедеидами (роль Чагатаидов в этом процессе пока не до конца ясна) были достигнуты какие-то договоренности. Бату так и не решился отправиться в Монголию сам, но, видимо, одобрил кандидатуру Гуюка и отправил на курултай своих братьев во главе с Орду, страшим сыном Джучи, которому принадлежало не политическое лидерство, но генеалогическое старшинство среди Джучидов, а следовательно и во всем «золотом роде». В специальном исследовании, посвященном правлению Гуюка, Х. Ким убедительно показал, что при жизни он воспринимался как вполне законный правитель, а его легитимность оказалась поставлена под сомнение только после его смерти [16,

р. 320–326]. Судя по тому, что расследование по делу Темуге-Отчигина проводили сын Джучи Орду и сын Тулуя Менгу и предъявляли последующие обвинения в адрес Угедеидов, важным вопросом были гарантии неприкосновенности тех потомков Чингиз-хана, у которых были основания опасаться нового каана. Казнь Темуге-Отчигина была консенсусным решением Чингизидов, актом, демонстрирующим недопустимость притязаний на верховную власть потомков других сыновей Есугея. Но, как только Гуюк вззошел на престол, установленные договоренности были нарушены.

Достижение перед курултаем 1246 года определенных договоренностей между Джучидами и Угедеидами и их последующее нарушение Гуюком говорит о том, что, по всей видимости, гипотеза В.П. Костюкова о его совместных действиях с Орду против Бату не имеет должных оснований [5, с. 175–176]. Исследователь подкреплял ее следующими положениями. Во-первых, он полагал, что отправляя своих братьев на курултай, Бату хотел, чтобы они всячески противодействовали восшествию на престол Гуюка и продвигали кандидатуру наследника по завещанию Угедея – малолетнего Ширамуна. И, тем не менее, Джучиды поддержали интронизацию Гуюка, видимо, под угрозой насилия. Проблема в том, что оба эти фактора (продвижение на трон Туракиной Гуюка в обход Ширамуна и возможность физического воздействия на участников курултая) просто не могли стать для Бату неожиданностью. Именно потому, что что-то подобное могло произойти, он и не отправился в Монголию сам, послав братьев. Следовательно, у этого решения были какие-то конкретные основания.

Во-вторых, автор ссылался на сообщение чагатаидского историка ал-Карши, согласно которому, Гуюк пришел к власти без согласия сыновей Джучи. Проблема в том, что это известие фактически не верно, так как, даже если предположить нарушение Орду родственных обязательств по отношению к Бату и его перехода на сторону Гуюка, формальное согласие Джучидов тем не менее было получено [5, с. 176].

В-третьих, автор обращает внимание на указание Карпини на то, что на «этой, земле живет Орду, старший над Бату, мало того, он древнее всех князей татарских». Однако, тут дело скорее в русском переводе, нежели в свидетельстве Карпини. В переводе К. Доусона: «Ordu lives in this country; he is older than Bati, in fact he is the oldest of all the Tartar chiefs» [14, p. 60]. То есть источник вполне ясно указывает лишь на генеалогическое, а не политическое старшинство Орду по отношению к Бату. Ту же мысль Карпини приводил и ранее: «Bati, who is the richest and most powerful after the Emperor, Ordu, who is the eldest of all the chiefs in this country; he is older than Bati, in fact he is the oldest of all the Tartar chiefs» [14, p. 26].

В-четвертых, В.П. Костюков полагал, что отравление по приказу Туракины русского князя и вассала Бату Ярослава Всеволодовича было акцией устрашения, призванной вынудить Джучидов принять кандидатуру Гуюка: «если отравление вассала Бату Туракиной случилось, как позволяет думать сообщение Карпини, незадолго до вынесения решения об избрании Гуюка, то оно вполне могло быть совершено в демонстрационных целях, дабы устроить тех, кто сопротивлялся избранию Гуюка» [5, с. 176]. Однако сообщение Карпини не позволяет сделать подобного вывода. Известие об убийстве Ярослава Всеволодовича в тексте идет сразу после рассказа о процессе над Алталун:

«Над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты. В то же время умер Ярослав...» и сразу после рассказа об этом и о вызове в Монголию Александра Невского «после смерти Ярослава, если только мы хорошо помним время, наши Татары отвели нас к императору» [7, с. 77–78]. То есть расправа над Ярославом произошла тогда же, когда и судебный процесс над Алталун, закончившийся ее поспешной и незаконной казнью. Тогда, когда интронизация была уже проведена, Гуюк стал императором и запугивать Джучидов не было никакой необходимости, а нужно было продемонстрировать свою власть и нанести удар по позициям старых врагов и конкурентов.

Нельзя сказать, что сближение Орду и Гуюка, направленное против Бату, было в принципе невозможно или опровергается источниками. Другое дело, что имеющиеся данные скорее говорят о том, что отправляя делегацию во главе со своим старшим братом на курултай, глава улуса Джучи имел основания полагать, что какая-то система договоренностей с Гуюком достигнута. Казнь Алталун и убийство Ярослава Всеволодовича означали ее публичное нарушение, а вместе с последующим походом Гуюка на запад делали его столкновение с Бату неизбежным. Но сыграл ли какую-то роль в этих действиях каана Орду сказать нельзя из-за полного отсутствия сведений на этот счет.

Можно заключить, что если бы не сообщение из отчета Плано Карпини, лично присутствовавшего на курултае, мы бы не узнали из источников имперского круга о произошедшем практически ничего, кроме вырванных из хронологического контекста обвинений, высказанных на курултае 1249 или 1250 года, и смутных намеков на то, что Угедей умер то ли от пьянства, то ли от отравления. Это важно, так как очень многие проблемы политической истории Монгольской империи, в случае если они связаны с противоречиями в показаниях источников, подспудно решаются исследователями в пользу известий текстов имперского круга в силу их «авторитетности». Нельзя сказать, что правилен будет обратный принцип, далеко не всегда информация, противоречащая официальной монгольской историографии, верна. Однако именно в отношении событий, в ходе которых сталкивались жизненные интересы отдельных чингизидских домов и кто-то выходил победителем и получал все, а кто-то проигрывал и терял не только власть, но зачастую и жизнь, необходимо уделять особое внимание даже случайным и единичным, но явно не ангажированным сообщениям источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горский А.А. Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57). С. 115–121.
2. Джексон П. Распад Монгольской империи // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 50–83.
3. Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.
4. Карпов А.Ю. Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. 347 с.
5. Костюков В.П. Улус Джучи и Синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. №1. С. 169–207.
6. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2003. 175 с.

7. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.
8. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 214 с.
9. Фёдоров-Давыдов Г.А. Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников (источниковедческие заметки) // Археология и этнография Марийского края. Вып. 21. Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 72–82.
10. Храпачевский Р.П. Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. ЦИВОИ. М., 2009. 336 с.
11. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.
12. Atwood C. Jochi and the Early Western Campaigns // *How Mongolia Matters: War, Law, and Society*. Leiden, Brill, 2017. P. 35–56.
13. Ayalon D. The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Reexamination (Part B) // *Studia Islamica*. No. 34. 1971. P. 151–180.
14. Dawson C. Mission to Asia: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. New York, 1979. 246 p.
15. Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. Pearson / Longman, 2005, 497 p.
16. Kim H. A Reappraisal of Güyüg Khan // *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Edited by Reuven Amitai and Michal Biran. Brill, Leiden, 2005. P. 309–338.
17. Storia dei Mongoli by Giovanni Di Pian Di Carpine, Enrico Menestò, Maria Christiana Lungarotti, Paolo Daffinà, Luciano Petech, Claudio Leonardi, Enrico Menestò // Spoleto: Fondazione Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 1989. 522 p.
18. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or // *Oeuvres posthumes*. Paris, 1949. Vol. II. 292 p.
19. Thackston 1999: Rashiduddin Fazlullah's Jami' u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols / Thackston, Wheeler M. (tr.). Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. xlv + 819 p.

Сведения об авторе: Артем Александрович Порсин – независимый исследователь (455001, Магнитогорск, Российская Федерация); ORCID: 0009-0008-4517-5265; ResearcherID: rid49362. E-mail: porsinart@gmail.com

Поступила 16.12.2022 Принята к публикации 27.02.2023
Опубликована 29.03.2023

REFERENCES

1. Gorsky A.A. Witnesses of the Plano Carpini travel: unique information and reading errors. *Ancient Russia. Questions of medieval studies*. 2014, no. 3 (57), pp. 115–121 (In Russian)
2. Jackson P. The collapse of the Mongol Empire. *Golden Horde civilization*. 2017, no. 10, pp. 50–83 (In Russian)
3. Juvaini. *Genghis Khan. History of the conqueror of the world*. Moscow: Master-Press, 2004. 690 p. (In Russian)

4. Karpov A. Yu. *Batu*. Moscow: Young Guard, 2011. 347 p. (In Russian)
5. Kostyukov V.P. Ulus Jochi and the Federalism Syndrome. *Questions of history and archeology of Western Kazakhstan*. 2007, no. 1, pp. 169–207 (In Russian)
6. Myskov E.P. *Political history of the Golden Horde (1236–1313)*. Volgograd: Volgograd State University Publishing House, 2003. 175 p. (In Russian)
7. Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk / Editorial, introductory article and notes by N.P. Shastina. Moscow: State. Publishing House geogr. liters., 1957. 272 p. (In Russian)
8. Rashid ad-Din. *Compendium of Chronicles*. Vol. II. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1960. 214 p. (In Russian)
9. Fedorov-Davydov G.A. The death of Khan Batu and the dynastic turmoil in the Golden Horde in the coverage of Eastern and Russian sources (source notes). *Archeology and Ethnography of the Mari Region*. Issue 21. Medieval antiquities of the Volga-Kama. Yoshkar-Ola, 1992, pp. 72–82 (In Russian)
10. Khrapachevsky R.P. *Golden Horde in the sources*. Vol.3. Chinese and Mongolian sources. TsVOI. Moscow, 2009. 336 p. (In Russian)
11. Spuler B. *Golden Horde. Mongols in Russia. 1223–1502*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 500 p. (In Russian)
12. Atwood C. Jochi and the Early Western Campaigns. *How Mongolia Matters: War, Law, and Society*. Leiden, Brill, 2017, pp. 35–56.
13. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan. A Reexamination (Part B). *Studia Islamica*, no. 34, 1971, pp. 151–180.
14. Dawson C. *Mission to Asia: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. New York, 1979. 246 p.
15. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Pearson/Longman, 2005. 497p.
16. Kim H. A Reappraisal of Güyüg Khan. *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Edited by Reuven Amitai and Michal Biran. Brill, Leiden, 2005, pp. 309–338.
17. Storia dei Mongoli by Giovanni Di Pian Di Carpine, Enrico Menestò, Maria Christiana Lungarotti, Paolo Daffinà, Luciano Petech, Claudio Leonardi, Enrico Menestò. *Spoleto: Fondazione Centro italiano di studi sull'alto medioevo*, 1989. 522 p. (In Italian)
18. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. *Oeuvres posthumes*. Paris, 1949. Vol. II. 292 p. (In French)
19. Thackston 1999: Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols / Thackston, Wheeler M. (tr.). Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. xliv + \$8.99

About the author: Artem A. Porsin – Independent Researcher (Magnitogorsk 455001, Russian Federation); ORCID: 0009-0008-4517-5265; ResearcherID: rid49362. E-mail: porsinart@gmail.com

*Received December 16, 2022 Accepted for publication February 27, 2023
Published March 29, 2023*

POSTAL ORGANISATION (YAM) IN THE GOLDEN HORDE

Sinan Meriç¹, Derya Derin Paşaoğlu²^{1,2} *Karadeniz Technical University
Trabzon, Turkey*¹ *edgubilgekisig61@gmail.com*
² *derinderya@ktu.edu.tr*

Abstract: *Research objectives:* To determine the structure, activities, staff, and fiscal sources of the postal organization in the Golden Horde, and to demonstrate the connections and differences between the centre and other Chingisid khanates.

Research materials: The sources used for this research include the yarlıqs and payzas given by the khans of the Golden Horde and the Chingisid Empire, the sources of Chingisname that shed light on the history of the Golden Horde, travellers' notes, and other relevant sources.

Results and novelty of the research: The postal organization of the Golden Horde existed since the time of Chingis Khan's first conquests, but it reached its full development only with the postal reforms of Ögedei. The Yam, the Mongol postal organization, spread through the lands of the Golden Horde with the Mongol conquests.

The administrative hierarchy of the postal organization in the Golden Horde was similar to that of the Chingisid Khanate. There were darughas and basqaqs, chiefs of the tümen, the minngan, and the jaun, and under them, the station masters. Postal couriers, called ula'achin in the state of Chingis Khan, were sometimes called yam and sometimes yamchi in the Golden Horde. Decrees (yarlıqs) from the period after Möngke show that a different postal system operated in the territory of the Golden Horde from the reforms of Ögedei. Under this system, postal couriers still received their supplies from and were housed by the subject, although a station system existed. Postal organizations had to adapt to geographical conditions, and in the Golden Horde postal organization, sledges could be found, which were not present in other Mongolian postal organizations.

Keywords: ulak, kopchur (kobchur), süsün, baskak, darugha, payza (p'ai-tse, paize)

For citation: Meriç S., Paşaoğlu D.D. Postal organisation (yam) in the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 37–61. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.37-61

Introduction

Only with the northern campaign of Jebe and Sübütei in 1222 and the subsequent operations against Kipchak territories, as well as the defeat of combined Kipchak-Russian armies at the Battle of Kalka in 1223, did the Mongols start to become a centre of power in Desht-i Qipchaq (i.e., Cumania, the western part of the Eurasian steppe). Towards the end of the 13th century, the Golden Horde, which began to form with the granting of western lands up to the furthest place where Mongol horsemen could gain a foothold to Jochi Khan (1225–1227), was

© Meriç S., Paşaoğlu D.D., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

extended to the Lithuanian-Hungarian borders in the west, Novgorod in the north, the Irtysh in the east, and the Caucasus in the southeast.

On the one hand, the Golden Horde, which was subjected to the central khanate until the reign of Möngke Khan, had closer ties with the central Mongolian khanate; on the other hand, it maintained diplomatic relations with Eastern and Western European kingdoms and empires. Russian knyazes also made obligatory visits to Sarai and Karakorum. Considering that the Russian Knyazdoms belonged to the domain of the Golden Horde, it is not an exaggeration to say that someone who set out from these lands and arrived in Karakorum or Ta-tu (Beijing) crossed the then-known world from one end to the other (from west to east). Moreover, during the *Pax Mongolica*, there were Arab, Turkish, Persian, Genoese, and Venetian entrepreneurs and merchants who travelled with their caravans along the well-known Silk Road – from Europe to China. The most famous among them was the Venetian Marco Polo, who was able to travel all the way to China.

How was it possible to maintain trade and intelligence services in such a vast geography? Even in today's conditions, it is immensely laborious for someone who departs from Novgorod, Moscow, or Istanbul to reach Ta-tu (Beijing). The postal organization, a system that facilitated the accessibility of such geographies in the possibilities of the 13th to the 19th centuries, is a subject worth examining. It is not possible to address the whole Mongol postal organization in just one article. Therefore, we limit our study to the “postal organization (Yam) in the Golden Horde”. Despite this limitation, the postal organization of the Golden Horde is not disconnected from the postal organization of the central Mongolian Empire. Therefore, references will be made to the central Mongol Yam when it is possible to obtain information about the central form of the Yam, particularly the establishment of the Yam in the Golden Horde.

1. Earliest Data on Postal Organization in Mongolian Khanate

The earliest data related to the establishment of the postal organization (*yam*) in the Mongol (Chingisid) Khanate can be encountered in *The Secret History of Mongols* (12th–13th centuries). In *the Secret History of Mongols*, while he was mentioning his achievements, Ögedei Khan's discourses were recorded thusly: “(hitherto,) our *hlēapera* were passing through residential areas (through the nation), hence the reason they were both getting late and becoming a burden for subjects... As the second my achievement, I established the postal organization¹, which serves to our *hlēapera* for a quick commute and delivery of my orders” [6, p. 204–210]. But, despite the mentioned lines, it is impossible to conclude that there was no postal service during the time of Chingis Khan. Even with the timeframe in the

¹ The relevant part has been translated as “posta teşkilatı” by Ahmet Temir and as “post stations” by Rachewiltz. It should be considered that Mongolian forms of Turkish words starting with y, such as “yasak” (lex) and “yargu” (jurisdiction), begin with the letter c. The word “car”, which was described as a loan word from Mongolian to Ottoman and means “announcement, order, and declaration, has a relation with the term *yarlık* in old Turkish. It is possible to see the same c-y phonetic change here as well. Considering this information, the term c (j) *amut* in Mongolian text is spelled and written as *yamut* in Turkish transcription. According to the information given by von Gabain about plural suffixes in old Turkish, *yamut* means yams. In fact, the word “yam” refers both to each postal station and to the postal organization itself. Therefore, both translations can be considered correct [1, p.40; 2, p. 287–288; 4, p. 87–88; 5, p. 241, 243, 247; 6, p. 204–205; 7, p. 207; 8, p. 172; 9, p. 46].

related mot-a-mot quotation, which was specified by saying *hitherto*, it has been indicated that there was a postal service even before the Ögedei Khan. Naturally, it would not be enough to assert such ideas just depending on *The Secret History of Mongols* that there was no doubt postal service before the Ögedei Khan's era and vice versa. To conclude on the subject, Mongolian *jasakhs*² (yasaglar) must first be included in the discussion. The related chapter of *jasakh*, in which written “*The ruler should establish permanent mutations to be able to get information about the events in the country quickly*” [10, p. 55, 145; 11, p. 59], reflects – if Chingis Khan can be accepted as its legislator [12, p. 9] – that there was a postal organization in Mongolian Khanate before the Ögedei Khan. Another source that gives information about the existence of a postal organization (*yam*) is the itinerary of Chinese pilgrim Ch'ang Ch'un (1148–1227), who came to meet Chingis Khan during his Campaign of Khorezm. In the itinerary of Ch'ang Ch'un, it was stated that convoys and heralds of Chingis Khan benefited from a postal service. Apart from that, Ch'ang Ch'un's self was provided with postal horses by Chingis Khan and enjoyed the post stations around Sairam (Sayram). In the data given by Yeh-lü ch'u-ts'ai (1189–1243), it was stated that Ch'ang Ch'un and his caravan also possessed a *p'ai-tse* (*payza* is a kind of pass, a token of confidence and a travelling certificate). Apart from these sources, the written details in *Meng-ta pei-lu*, which provide information about unlimited access of Mongolian couriers to postal horses and the existence of *payzas* [17, p. 243; 18, p.78–80], and a chapter of Cüveyni's *Târih-i Cihângüşâ* named “The Emergence of Chingis Khan” in which the *yam* of the Mongolian Empire is being described, strengthen the idea that Chingis Khan was the founder of the Mongolian postal organization. As for the roads, Hosung Shim – comparing *Câmi 'ü't-Tevârih* and other itineraries – states that there was a special postal road during the reign of Chingis Khan. Additionally, he has expressed that

² *Jasakh* has been defined as “whole of the clauses, which has a penal sanction, in case of non-compliance”, “order”, “command”, and “penalty”. It has also been mentioned that the meaning of “administration”, sovereignty”, and “governance” is among the lexical meanings of the word. It is not difficult to understand how the last three meanings are related to the term *jasakh*. In the Turco-Mongolian stepped custom of governance, *khagan* is the highest authority in legislative, penal execution, decision, and command. Therefore, it is quite natural from this viewpoint that the term *jasakh* means administration, and sovereignty and is an expression of willpower of being sovereignty. Apart from these meanings, there is also information that the term means “tax” and the word existed in 13th century Turkish in terms of word meaning. Although the general opinion is that the *jasakh* was formed in 1206 *kurultai* during the reign of Chingis Khan, there are also those who argue that *jasakh* had a structure and background, which developed before Chingis Khan and continued its development with and later the reign of Chingis Khan. It is also noteworthy that Morgan has written “there was undoubtedly an unwritten Mongolian law before Chingis Khan.” In this case, both possibilities should be considered in the context of *jasakh* and postal organization. One of the possibilities is that the article of the *jasakh* related to postal organization may have come from the pre-Chingisid era. The other possibility is that it may have come from the old unwritten Turkish ruling practice named *törü* via pre-Ginghissid Mongols. However, Isenbike Togan's definition of the terms *jasakh* and *törü* can help solve this issue. Isenbike Togan describes the former term as “command”, and “order” and the latter one as “custom and practice of governance”. She adds that “*jasakh*, the new order of the early Mongol empire, symbolized the crossroad of political solutions under the ideology of open society”. This last quotation indicates that *jasakh* was mostly related to Mongols whether it had a root in old Turkish custom or not [11, p. 43–44; 103, p. 44; 10, p.49; 44, 83–86; 104, p. 203; 105, p. 9, 14].

the above-mentioned special postal road was the road that Chingis Khan used during his Campaign of Khorezm, and it was used by Ch'ang Ch'un and the legation of the Jin Dynasty, instead of the Silk Road [19, p. 408–412]. It can be much more meaningful why Olbricht described the Ogödei's postal reformations as “just a simple precaution taken to restrict the regulation and illegal uses of an institution that had come under the hegemony of a new ruler” [20, p. 42] when all these above-mentioned information is considered. Based on all the data above, it would be correct to say that the Mongolian postal organization existed in the Chingisid period, albeit in a simpler form.

2. The Establishment of the Postal Organization in the Golden Horde

Concerning the existence of *yam* in Chingis Khan, Ogödei's discourses shared under the first title should be perceived as *systematizing and organizing the modus operandi of the postal organization, which had started to fail to function efficiently and become deteriorated*. Also, it can be thought that post offices were increased. From the viewpoint of this article at hand, the most important matter is Ogödei's decision about the establishment of *yam* on the land of the Ilkhanate and Golden Horde. During the consultation between Chagatai and Ogödei Khan in the Secret History of Mongols, Chagatai said, “From here, I shall attempt to establish communication toward your post offices. Then I shall send a message to Batu and want him to establish communication here by way of constructing post offices” [6, p.203]. It is because it shows the date for establishing the Golden Horde *yam* and the date for the decision on covering the whole Mongolian lands with *yam* as 1240, i.e. the date when Ogödei Khan convened the kurultai, the mot-a-mot quotation, supra, has a vital value from the viewpoint of the research subject. In the continuation of the relevant section in the *Secret History of Mongols*, it is mentioned that “everyone accepted these ideas” [6, p. 203]. This information mentioned above shows that the establishment of *yam* in the Golden Horde started with the decision taken during the kurultai of Ogödei Khan in 1240. In the Sübütei's letters, which Timothy May published based on Chinese, Persian and Mongolian sources in his work titled *Portraits of Medieval Eastern Europea: 900–1400*, it is seen that the orders of Ogödei Khagan dated 1240 came into effect within a very short time. In the letter dated 1241, the phrase “as the *yam* continues to expand with our conquest, you should know that the Orusut city of Kiwa (Kiev) fell” reflects that, in parallel with the acquisition of the Russian lands by Tatars between 1237 and 1240, the postal organization was immediately established in these seized lands [21, p. 73]. It can be extrapolated from the abovementioned letter that the postal organization (*yam*) was established in centres like Ryazan, Vladimir, Suzdal, Pereyaslavl, Tver, Volog, Torzhok (*Torjok*), Chernigov, and Yuryev, which were captured by the western forces of Mongolian Khanate between 1237–1240/41 [22, p. 44–48; 23, p. 81–86; 24, p. 159–164]. This is because the letter states the conquest of Kiev (1240/41), just after giving information on the spreading of the *yam* along with the conquests.

3. The Structure of the Postal Organization in the Golden Horde

3.1. The Golden Horde Postal Organization in Parallel with the Central Mongolian Postal Organization

Post stations which were established on important roads during the reign of Chingis Khan were increased in number and expanded in services by Ogödei Khan. Postal horses had begun to be provided by Khanate with the reformation of Ogödei Khan, while they were not provided by the khanate. To prevent couriers from passing through settlements of subjects, seizing horses and provisions from them – that had been causing considerable displeasure among the subjects of the khanate, Ogödei Khan issued orders that animals for milking and slaughter, horses ready to ride, and provisions and service personnel should have been kept in complexes of *yams*. Thus, couriers (*ulaks*) would not need to go among the subjects to meet their needs [6, p. 203–204; 26, p. 101; 27, p. 459].

One of 1000 people was taken to be situated in *the yam* as either courier or stableman. Also, it is known that 1 sheep from 1000 was taken for a similar reason. Each *yam* (post station) was assigned 20 mounted couriers. Another reform of Ogödei Khan is that he had water wells drilled in the dry lands [6, p. 203–204; 26, p. 101; 27, p. 459]. By the aforementioned order of Ogödei Khan, water wells were drilled at regular intervals on the roads in dry areas of the Golden Horde as well [25, p. 52–55]. The responsibility of supplying postal stations (i.e., *yams*) was given to Yeh-lü ch'u-ts'ai according to 1235 Kurultai and the decisions made thereunder. Aratsen³ and Tohucar⁴ were also tasked with putting the postal organization (*yam*) in order. Delegates on behalf of each Chingisid prince (ie. each ruler of each Mongolian *uluses*) were assigned to actualize the decisions of Kurultai. The aforementioned delegates were tasked with establishing the postal organization in all parts of the Great Khanate, including the Golden Horde. Bitikchi Koridai was assigned on behalf of Ogödei Khan, and Emelegchin Taichutai on behalf of Chagatay, Suku Mulchatai on behalf of Batu, and Alchika on behalf of Tului. Additionally, it is known that an ad hoc mandate official was assigned during the reign of Ögedei to maintain the communication between princes and the centre [32, p. 45–48; 26, p. 101; 27, p. 459; 6, p. 203–204; 28, p. 212–215; 29, p. 39–40; 30, p. 135; 31, p. 324–325].

Reforms of Ogödei are partly successful, and in some points, there are lacunae. The most important one of them was the lacuna that made it possible for couriers to pass through the settlements and seize their needs in case of emergencies; that is to say, the couriers abused the related order arbitrarily and seized provisions from

³ According to the information given by Bahaeddin Ögel, he was an Uighur Turk. Based on the records in Yuan Shih, Ögel states that Aratsen was assigned to postal affairs in 1229. He also indicates that another name Aratsen was Hasan, and it is also indicated that Aratsen was tasked with ambassadorship. Apart from ambassadorship, he served as chief daruga (baş daruga/yeke daruga) in the lands on the South of the Yellow River, and most importantly Chü-yung-kuan was captured by the Mongolian army [106, s. 340; 107, s. 322–325, 344, 390].

⁴ Tohucar is one of the important Mongolian commanders in the Western Campaign of Chingis Khan. Berthold identifies Tohucar by naming him as the groom of Chingis Khan, while Ch'i T'ang names it as directly a son of Chingis Khan. The reason behind the explanation of Ch'i T'ang should be related to family terms; in another saying, he has been described as a son of Chingis because grooms were considered as sons. For that reason, he was also a member of the family of Chingis Han and naturally a son of Chingis Khan [6, p. 181–182; 108, p. 146, 152; 45, sp. 434–435; 109, p. 434–435].

subjects even though they were not in any emergency. Another lacuna was that it was not defined how many horses were going to be given to each of the *yams* (i.e., each post station). This circumstance led to excessive rates of collections and naturally became an overwhelming burden over the shoulders of the subjects [29, p.40].

3.2. Limitations over Usage of the Postal System and *P'ai-tse*

Even though the statements of Özyetkin and Obrusánszky, which are about the existence of *p'ai-tse* – or the existence of first sources related to *p'ai-tse* – in the T'ang and Song dynasties, strengthen the idea that *p'ai-tse* had been transferred to the Mongolian Khanate from China, *p'ai-tse* (i.e. *payza* or *paize*) has been associated with -on the other hand- Sha-to and Liao Dynasty of Khitans. Also, Carl Max Kortepeter and W. Eberhard have identified *payzas* in Sha-to with Tarkhanate edicts. Moreover, information related to tokens of confidence and authorisation in the T'ang Dynasty matches the physical characteristics of old *chiehs*, more than *pai p'ai-tses*. The aforementioned circumstance indicates that the structure of tallies and ensigns in the Classical T'ang Dynasty era was still in the model of *chieh*. While *dragon tallies* and tokens of confidence named *fu* could be encountered in the T'ang Code, the same thing was not valid for *p'ai-tse*. Naturally, there were similarities between *p'ai-tse* and the abovementioned *tallies* and *fus*. But there were nonignorable differences as well. This point can also overshadow the idea that the *payza* was entirely formed or entirely existed in the Classical T'ang era; in other words, considering these pieces of information, it can be said that there is no same item in the T'ang Dynasty from the viewpoint of modal and usage until the late T'ang era. the reason is the fact that the T'ang Code is a codex that is thought to be created in the 7th century, which is considered the Classical Tang era in Chinese History [36, p. 254; 37, p. 150–152; 38]. Consequently, if *p'ai-tse* appeared in the Classical T'ang Era, it should have been encountered in the T'ang Code. Apart from these facts, it is a necessity to compare the old *chiehs*, *fus*, and *tsuans* with *p'ai-tses*. The first major difference between tallies, mission identities dated before the late Tang era and *p'ai-tse* is that *chiehs* used in the Chinese postal system were two-pieced items. The first half of it was to be kept by couriers, and the second half was to be kept by the addressee. It is impossible to talk about such usage and structure of *p'ai-tse* samples available. As for the second argument, the tallies and tokens of confidence used in the Chinese military differed from those used in the postal system from the viewpoint of both usage, shape, and name. Tallies and tablets which were used in the military were called *fu*, and ones used in the postal system were called *chieh*. Another point is that apart from *chiehs*, there was another token variant in the Chinese postal system named *tsuan*, which was required by couriers to use the post stations and their benefits. As for *p'ai-tse*, there were no such differences. *P'ai-tse* could use it for both identity and benefit from the sources of post stations (i.e., *yams*). Also, there were no major differences in usage and shape between the military *p'ai-tses* and postal *p'ai-tses* of the Mongol Khanate and the Golden Horde. On top of this, it should be specifically mentioned that the area of usage of *p'ai-tse* covered all three forms of Chinese tallies and tablets of confidence (i.e. *chieh*, *fu* and *tsun*) [39, p.83; 40, p. 91–98; 41, p. 25, 131–132; 42, 93–94; 43, p. 13–25]. D. Morgan has mentioned that Mongolian *P'ai-tses* were in the Khitan style, and those Khitan *P'ai-tses* were ancestors of Mongolian *P'ai-tses*. As for more, Barthold has stated that Khitans called these tablets and tokens of

confidence, which were granted to officials, as directly same as Mongols, “*paiza* (ie. *payza* or *p'ai-tse*).” That is to say if statements of Eberhard and Morgan can be accepted as true, Kitan *p'ai-tses* were in one piece like Mongolian ones and these *p'ai-tses* of Khitans covered both postal and military and other usages like Mongolian *p'ai-tses*. On the other hand, it should be considered that according to Eberhard's statements, T'ang Dynasty was under a strong Sha-to influence in the late Tang era in which *P'ai-tse* can be seen. Even though there were tallies and tokens in China, even before the T'ang Dynasty, the direct ancestor of *p'ai-tses* should have been formed as a result of a synthesis between old Chinese tallies and Khitan – Sha-to influences. And herein lies the requirement of mentioning Herbert Franke's explanations on the origin of the Liao Dynasty and naturally the history of similar items in the inner Asian tradition. According to H. Franke, two major and important lineages formed the Liao Khitans' ruling class. One of them was the lineage of Yeh-lü which has been considered the highest ruling lineage. The second one was Uyghur originated Hsiao lineage. The Hsiao lineage is considered by H. Franke as the lineage that provides brides to the Yeh-lü lineage. These ideas have non-ignorable importance for considering the influence of Uyghur and Inner Asian ties. On that point, Obrusánszky and *Hou Han-shu* succour the argument of making a conclusion. B. Obrusánszky states that objects like *paiza* -from the viewpoint of both usage and physical appearance- were widespread among the Central Asiatic tribes and had an important role in communication and diplomacy. Obrusánszky mentioned that the first appearance of it was in the era of Hsiung-nu Khanate (3rd Century BC – 1st Century BC). Most importantly, she associated the *p'ai-tse*, in Hsiung-nu, with the communication system and envoys [33, p. 111–112]. These descriptions of her also match with data in *Hou Han-shu*. According to information in *Hou Han-shu*, the delegation committee of Hsiung-nu who was sent to the Western Regions (Hsi-yü) was granted a token of credence by the ch'an-yü. Thanks to this token, the states in the area were providing the committee with supplies such as food, horse, etc., and *relay service of escorts* [117, p. 137]. Taking all these pieces of information into account, it can be said that the ideas of G. Sukhbaatar, which indicates “*using p'ai-tse had been continuous from Hsiung-nu to the Mongolian empire*”, are not absurd [33, p. 111–112]. Also, it would be understandable to accept that the formation of the final form of *p'ai-tse* is a result of a synthesis of Inner Asian Turanid culture and Chinese one.

Usage of *yam* was limited because of the fact that the Mongolian *yam* was an ad hoc organization established just for the official needs of the khanate. Using the *yam* and benefiting from its facilities were possible just by having *p'ai-tse*. The first and most important thing which should be mentioned *p'ai-tse* is that they were denoting the official identities and duties of *ulaks* in *yam*. Therefore, *ulaks* (couriers) could seize all their needs from subjects thanks to *paiza* until the postal reforms of Ogödei [47, p. 142–147; 48, p. 368; 49, p. 46]. Indicators of authorization and credence named *p'ai-tse* had been used by Mongolians since Chingis Khan's reign [48, p. 89, 258; 13, p. 46; 50, p. 166]. After Ogödei's reform of post stations, *p'ai-tses* played an identity role in the couriers' use of postal stations. Hosung Shim's definition of *p'ai-tse* as a “*tablet of requisition*” for the period after Ogödei's reform [51, p. 110] is also related to the fact that couriers benefit from stations just by having a *p'ai-tse* in their hands. Apart from official postal couriers, it is also known that envoys [52, p. 81–82], merchants (at least until the reign of

Mögke Khahan), and the other ones who travelled under the umbrella of khanate were able to receive *p'ai-tse* and thus benefited from the services of the *yam* [28, p. 171–172; 53, p. 5; 13, p. 44; 54, p. 62]. Considering that during the Chingis Khan's era, there was an order to provide mounts and supplies, which were needed for the journey⁵, to people who had a *p'ai-tse* in their hands, the merchants must have also benefited from the aforementioned opportunities. It has been stated by Yakubovsky and Atwood that the trade association named *Ortag* was also tax-exempt thanks to their *p'ai-tse* [52, p. 28; 48, p. 238, 258, 429]. However, according to the information given by Cüveynî, *p'ai-tses exempted* merchants only from extra taxes. As of Möngke Khagan's era (1251–1259), *ortags* and other merchants lost their benefits as a result of Möngke Khagan's reforms over the usage and limitations of *p'ai-tse* [50, p. 486].

There is information about the existence of *p'ai-tse* in the Golden Horde Khanate. The Genoese delegation, who signed a treaty of commerce with the Golden Horde in 1380, saw a *p'ai-tse* in the hand of Cherkez who represented Toktamış Khan (1379–1390) and *p'ai-tse* in the Golden Horde recorded in Genoese documents with the form *paysam*. Even though Silvester De Sacy translated the related chapter as “avec les gens du pays (with locals)”, Cioçiltan has realized that the related word should have been *p'ai-tse* [55, p. 226; 56, p. 54–57]. The fact that the word *paysam* was also used with the same “*p'ai-tse*” meaning in the *yarlıq* which was granted to Venetians by Berdibek Khan indicates that Cioçiltan was correct to accept *paysam* as *p'ai-tse* in the Genoese documents. In addition to these, it is known that Canibek gave a golden *p'ai-tse* to Venetian merchants [57, p. 352]. The issue of giving *p'ai-tse* to Venetian merchants is particularly valuable because it reflects that merchants benefited from the opportunities of the *yam* in the Golden Horde, just as merchants benefited from the postal organization by having a *p'ai-tse* in Central Mongol Khanate until the reign of Möngke Khagan. Two conclusions can be drawn from the above information. First of these is that merchants in the Golden Horde benefited from the postal organization. Secondly, it reflects that either Möngke Khagan's prohibition over usage of *p'ai-tse* (i.e., postal organization) by merchants was not being practised in the region of Golden Horde or the practice was abandoned because Golden Horde was no longer under the suzerainty of the central Khaganate by the time of Janibek (i.e., Canibek) Khan (1347–1357). According to the information given by A. A. Spitsin, there was also a Metropolitan among those who were given a *p'ai-tse* in the Golden Horde. Metropolitan Aleksei was granted a *p'ai-tse* along with a *yarlıq* by Berdibek Khan. In that case, it would not be a mistake to think that also metropolitans were among those who had a right to use a postal organization and its benefits. Information in the Chronicle of Kazan about the existence of *p'ai-tse* in the Golden Horde mentioned that Ivan 3rd got the *p'ai-tse* of Ahmet Khan, on which it was thought that there had had a face graving of Ahmed Khan [58, p. 34–63; 59, p. 130–131; 60, p. 6–7]. Unfortunately, no golden *p'ai-tses* have survived the Golden Horde. There are only three silver *p'ai-tse* from the Golden Horde, and these are located in the Hermitage Museum. One of these, which was found in 1845 in the village of Grushevka near Dnepropetrovsk, belongs to Abdullah Khan and has an inscription on it: “*by the force of the Eternal*

⁵ In the Persian Oghuznama, it is stated that “Oghuz Khan gave a gold-tipped arrow and bow to his ambassador instead of the current time's modus of *yarlıq* and *payza*” [110, s. 27; 111, s. 227].

God and by the guardianship of the mighty anwealdes. Anyone who does not respect Abdullah Khan's order will be punished [materially] and die". The remarkable issue related to Abdullah Khan's *p'ai-tse* is that although the Golden Horde was in the Islamic phase, it was the Uyghur letters that were used in writing on the *p'ai-tse*. The usage of the Uyghur letter even in the *p'ai-tse* of Abdullah Khan, who ruled between 1361 and 1370, reflects how deeply rooted the Uyghur influence was in the customs of the Golden Horde and Mongolian Khanate, and in their postal organization as well. As for the other two *p'ai-tses*, they belong to Uzbek and Tokhtamış Khan [52, p. 119; 59, p. 130–138; 58, p. 63].

3.3. Darugha and Baskak

In the central Mongolian post, and hence in the Golden Horde postal organization, the post stations and postal operations were within the jurisdiction of *darughas* (*daruga*) and *baskaks*⁶. Darughas were responsible for the operation of *yam* and postal stations which were on their border. Considering that they were responsible for the collection of general taxes including the tax collected for the need of postal stations, keeping the number of postal horses high, and supply of necessary materials for stations under their command, it can be said that *darughas* were also involved in *yam* in terms of economy. Moreover, since they had a duty to make censuses⁷, *darughas* and *baskaks* had a role in organizing the subject who financed the *yams* (name of each postal station) [61, p. 35; 17, p. 252; 62, p. 71–72; 63, p. 202; 3, p. 147; 28, p. 144; 61, p. 388; 27, p. 372; 65, p. 192; 47, p. 156; 66, 168].

There is no clear information about whether the situation of the *darugha-baskak* system on a regional basis was exactly the same in the Golden Horde regarding management and taxation. However, considering that the Golden Horde was subordinate to the central Mongolian khanate at the time of Ogödei Khagan, it can be thought that *baskaks* and *darughas* were responsible for postal affairs in the Golden Horde as well. Because it is known that in the state organization in Ögedei Khagan's period, *darughas/baskaks* had the responsibility of regulating the *yam*. A wide field from organizing the subject to collecting taxes and functioning the postal organization was among their duty [30, p. 135; 67, p.188; 68, p. 257]. The fact that *darugha/baskaks* were responsible for postal affairs in the same way in Yuan Dynasty also indicates that the aforementioned practice got a permanent space for itself in the Mongolian government traditions [69, p. 33–35]. Taking into account the fact that ones who are mentioned as *darugha* in the *Secret History of Mongols* are also mentioned as *baskak*

⁶ Darugha/darughachi, which is seen in the six bureaus that provided the most important services of Mongolian central organization and had been in existence since 1214 (according to A.T. Özcan) or 1212–1213 (according to T. Allsen) in the Mongolian bureaucracy, is a title, and it has been stated that it referred to the same position with the title of *baskak*. It is known that the linguistic root of the term *darughachi* is *daru-*. The verb *daru-* just like the root of the word *baskak-* means to pressure, to force, to suppress, to put pressure on. Muqaddimat al-âdab, a Mongolian dictionary from 14th century also gives information that verbs *daru-* and *bas-* have the same meaning.

⁷ *Baskaks* named Berkay and Kasachik came to the Novgorod census in 1259 together with their spouses and they established their relationship directly with *knyazes*. At this point, it should be noted that *darughas* and *baskaks* were neither doing door-to-door counting nor collecting taxes door-by-door. They were the managers and responsables for such works. Therefore, instead of facing the public like mere officials, they were dealing directly with *knyazes* [23, p. 96–97].

in *Ta'rikh-I-Jahan-Gusha* (TJG) of Juwaynî, and ones who are mentioned as *baskak* in TJG are also mentioned as *daluhuachi* in *Yuan Shih*, it can be thought that the word *baskak* should have been used in places where the Turkish Language was common, and *darughas* should have been used where the Mongolian Language was dominant. It shows that Mongols used the Word *baskak* mostly as an equivalent of the word *darughas*. However, there are discussions over whether the words *darughas* and *baskak* do refer to the same governmental position [64, p. 375–377, 389–404]. Halperin stated that *baskaks* belonged to the phase of the pre-fourteenth century of *Tatar Yoke* (*Tatarskoe igo*) and after the fourteenth century, *baskaks* were replaced by *darughas*. According to the information given by Halperin, the difference between *darughas* and *baskak* in the Golden Horde was that *baskaks* actively resided in areas where they were responsible. As for *darughas*, Halperin considers them as *remote and absentee* administrators and adds that “*they were clearly resided in Mongols cities on Itil (Volga)*”. He underlines that this was a much cheaper way of administration. Additionally, he states that for the mounted Mongolian army, it was not a difficult task to reach or influence any part of Russia; therefore, turning *baskaks* into *darughas* and changing direct control into remote one would not depressurize the Mongol authority over Russia [70, p. 39–40; 71, p. 250]. However, Altay Tayfun Özcan asserts different ideas about *darughas* and *baskak* than the information given by Halperin. Based on expressions in edicts (*yarliqs*) which were granted to the Russian Church, Özcan defended the opinion that – contrary to Halperin’s thought – *darughas* were not absentee administrators. In his point of view, *darughaship* was developed dividedly from the *baskakship* the mention of both *baskak* and *darughas* jointly⁸ in the edicts (*yarliq*) and documents belonging to the Golden Horde supports his idea. The reason for the transition from *baskak* to *darughas* in Golden Horde – just as in China (i.e. in Yuan Dynasty) was that although the *baskaks* were in military predominance in the first period of Mongolian hegemony of Russia, they gradually shifted to a civil and administrative character following the establishment of absolute authority. On the other hand, the situation of the Golden Horde shifted from a steppe tradition to an administrative structure of region, city, and village over time; as a result, in parallel with the aforementioned changings post of *darughaship* was established as a new structure instead of reforming existing *baskak* system. Thus, both *baskaks* and *darughas* were able to operate simultaneously. The importance of *baskaks* gradually decreased in the Golden Horde even if they continued their existence [64, p. 404–418]. Considering the information at hand, whether we accept Özcan’s or Halperin’s opinion, it can be said that *darughaship* and *baskakship* were different posts in the Golden Horde. From the viewpoint of the postal organization (*yam*), it would not be wrong to say that when the *baskaks* were at the forefront, the management was their responsibility and after *darughas* started to gain influence, this time it was *darughas* who was responsible for the management of the postal system.

⁸ In the *yarliq* granted to Metropolitan Petro by Uzbeg (Özbek) Khan (1313–1341), phrases of both *baskak* and *darughas* can be seen together. Therefore, this situation would not have been possible if the duty of *baskak* had ended as soon as the post of *darughas* was established [76, p. 66–67].

4. Officials and Elements of the Golden Horde Postal Organization

Hierarchically, there were station masters under *baskaks* and *darughas*. Rubruck mentioned these station masters by naming them as *yam*. Right on this point, it is necessary to state that the term *yam* has three different usages in the report of William of Rubruck named *Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratiae 1253 ad partes Orientales*. While Rubruck recorded that station masters were called *yam*, he also used the same word for the structure of each post station's self. On top of that, Rubruck also named the person who greeted the ambassadors in the first place [72, p. 53, 78, 80, 88; 73, p. 177]. First of all, it is necessary to mention the followings about the reception of ambassadors. Where Rubruck finishes the part about the Golden Horde and starts to give information about Möngke Khagan, he states the following details with a retrospective reference to the Golden Horde chapter: "... for they do differently as regards envoys at the court of Baatu and Mangu. At Baatu's court, there is an *Iam* on the west side which receives all those who come from the west; and it is arranged in like fashion for other quarters of the world. But at the court of Mangu, all are under *Iam* and may visit and see each other. At the court of Baatu, they do not know each other, and one knows not whether another is an envoy, for they know not each other's lodgings, and only see each other at court. And when one is summoned, another perhaps is not: for they only go to court when summoned". Rubruck mentioned that when he went to Sartak's court, he directly came into the presence of *yam* [72, p. 72, 121; 73, p. 178]. In the light of the information given above, in the Golden Horde fashion, not everyone was received by *yam*, just those who came from the west, contrary to the fact that in Möngke's region, there was no separated emissary, and everyone was being received by *yam*. Based on that, it can be said that *yam* (chief or master of a post station) had a greater influence in the central khanate than the ones in the Golden Horde. As for the *yam*'s (chief or master of a post station) function in receiving envoys, Rubruck's discourses, which is about envoy-receiving station masters, would be clearer when it is evaluated together with the information in the study named *History of Liao Dynasty* by Wittfogel and Chia-Shêng. In the above-mentioned source, it is mentioned that there was a postal station in the southwest region of the city named *imperial capital* (later *sublime capital*), and envoys who came to the capital were lodged in this postal station. All these pieces of information make us think that a situation like the one in Liao Dynasty may have been the case with Mongols as well. If this is the case, that could explain why an emissary responsible for greeting envoys was named *yam* [74, p. 370].

Information about postal stations, couriers, and guides in the Golden Horde existed, even if they were not as detailed as its equivalent in the central Mongolian khanate. According to notes of Rubruck, the situation of postal stations was not as good as the ones in the central Mongolia. The priest recorded their travel with bitter complains that they traveled for days without seeing neither an encampment nor a station or even any human being. Rubruck recorded that when they arrived in large lodgings, post-horses, and pack animals, he was not provided with free horses, and guides were provided by commanders. We do not see any obstacle in writing that "animals were given". When Rubruck had to buy animals by paying money, he specifically mentioned the part he was forced to pay [72, p. 69]; in other words, as seen above, he was not provided with the free horse during the entire

journey. After they sent their horses back while they were crossing a river, they were told that a special permission document” from Batu was required for them to be provided with postal horses (72, p. 35–69). It is highly possible to say that this so-called “special document” was *p'ai-tse*. In light of the above information, it can be said that Rubruck did not have the *p'ai-tse* during the going part of his travel. However, when he met the commanders in camps and declared that he had a letter from the king, he was probably given mounts and food on the initiative. But it is clear that this did not work every time. Also, it is known that Carpini, just like Rubruck, was able to obtain post-horses⁹ by giving gifts to a major [75, p. 128, 93].

In the central Mongolian khanate, they were named as *ulachin*, *ula'achin*, couriers were named as *yamchi* in the Golden Horde, and it was the word *yamchi* -not the word *ulachin* or *ula'achin*- that can be encountered in the edicts (*yarlıq*) and manuscripts (*bitig*) that have survived from the Golden Horde. As for the word *ulak*, even though it can be seen in the above-mentioned edicts and manuscripts, the term *ulak* in the Golden Horde edicts and manuscripts did not mean “postman” or “courier”. Based on the usage of the term in *edict of Temir Kutlug*, the meaning of the term *ulak* was equos (post horse), just like in *Divanu Lügâti't-Türk*¹⁰. The term *ulak* is mentioned in the relevant edict as “*tavar k(a)r(a)l(a)rın ul(a)k tutm(a)sun konak tüşül tüşürm(e)sünler* [they shall not seisen thair (subject's) horses as equos and they shall not force them (subjects) to have them-selves accepted as a guest]”. The word “*tavar*” in the expression is not different from the word “*davar*” of today's Turkish and was translated as an animal by Özyetgin. Therefore, the word *ulak* in the mot-a-mot quotation above seems to be used to express the meaning of post-horse, rather than courier that Özyetgin gave the same meaning to the word [76, p. 51–53, 107, 219, 236; 52, p. 64–66]. *Yarlıq* and *bitigs* left from the era of the Golden Horde are not only important for the terms *yamçı* and *ulak* but for the economic resources and system of the postal organization as well [76, p. 46, 50–52, 63, 67–68; 77, p.164; 78, p. 88–89].

Examining the phrase *millenary* (*binbaşı*) and the officer referred to as major in the part of Giovanni da Pian del Carpine's itinerary where he stated that he procured postal horses from the *majors* [75, p.105] may lead to some implications for *yam* in the Golden Horde. The word was written as *millenario* in Carpine's original records [79, p. 93, 128] and translated as *millenary* by Beazley. The word has been translated as *binbaşı* by Ergin Ayan. The reason for being named as *millenario* for the officer that Carpine procured a postal relay horse is highly likely because of Mongols' practice of organizing the subject according to the decimal system in the form of *arban*, *jaun* and *minggan* [48, p. 139; 52, p. 82; 80, p. 37; 81, p. 225; 82, p. 61, 157; 83, p. 71]. It is stated in Cüveynî's work that Argun organized the people under his command according to the thousand system, which also supports the idea above [50, p. 430]. It is not in vain that the people were organized in this way. Organizing subject in groups of tens, hundreds, and thousands has a close relationship with the military organization. According to the information given by Vladimirtsov, the reason behind the construction of the aforementioned system is the perception of the khanate that classified the subject as communities capable of

⁹ Carpini did not use the Word *oulak* (*ulak*). He used the word “*equos*” which C. Ramond Beazley translated as “*poste horse*” [79, s. 93, 128].

¹⁰ The description of the word *ulaq* is thusly: “*post relay horse*”, *a horse who is given to a courier by the order of the lord (bey)* [112, p. 618].

landing ten soldiers, communities capable of landing a hundred soldiers, and communities capable of landing a thousand soldiers [82, p. 61, 157]. It is also stated by Atwood that *arban* indicates ten households, *jaun* indicates a hundred households and *minggan* indicates a thousand households, and each unit had its own *darugha*. Also, it is known that managers of *jauns* were given silver *p'ai-tses*, managers of *minggans* (ie. *millenarios* in Carpine's itinerary) star ornated golden, and managers of *tümens* lion-headed golden *p'ai-tses* [48, p.139; 52, p. 82]. The information that Carpine took the post-horse from the major should also be considered together with the information which is related to the postal organization of Chagatai Khanate. Observing that seizures were made by mentioning the names of people at the head of decury and hundred-household in the documents ordering seizures for postal organization and dating back to the era of Mongolian rule in the Chagatai area indicates that the postal organization spread to governmental units, which were even smaller than provinces. If we bring an approach with this point of view to Carpine's taking a postal horse from *millenary*, the governmental units of postal organization in the Golden Horde can be listed from top to bottom thusly: the highest ranked responsible were *darugha-baskaks*, and after them, it was managers of *tümen*, *minggan*, then post station masters (chiefs of stations, i.e., *yams*) and finally couriers.

Another element of postal organization in the Golden Horde is the *tutgaul* organization. The *tutgaul* responsible for the safety of the roads served in the Golden Horde and ensured the roads [25, p. 52–55]. Even though the roads were not secure during the war between Golden Horde and Ilkhanate, in a general scale, it seems that roads were safe enough during the peaceful times [84, p. 10]. As Oödey Khagan had it built in the central empire, water wells were drilled at regular intervals on the roads in the Golden Horde area [25, p. 52–55]. It can be considered that the above-mentioned wells were also used by the postal organization.

4.1. Taxes and Responsibilities Concerning the Golden Horde Postal Organization

4.1.1. Süsün

Süsün from the postal taxes is derived from the Mongolian words *šigüsü* and *šügüsü*, meaning food and provision [13, p. 105]. Doerfer describes the word as “*reiseproviand, insbesondere für Staatskuriere [travel provisions, especially for state couriers]*” [85, p. 362]. As a term, it means the obligation to provide provisions to the traveller by imperial order and couriers of the khanate. The term was expressed as *korm* in the *yarlıks* given to Russians [76, p. 145–146; 113, p. 105; 89, p. 329] and can be seen in *Secret History of Mongols* in the §280¹¹.

4.1.2. Ulufe and Other Taxes

The term *ulufe* mentioned in *yarlıkhs* of the Golden Horde has been defined as “*the obligation of providing fodder to horses of soldiers, ambassadors and officials of the khan*”¹² [76, p. 146]. The same term was used in the edict (*yarlıq/jarlyk*) of

¹¹ The form of the word in the transcription of *Secret History of Mongols* by Rachewiltz is *si'üsün*, and it can be found with this form in the 11913 numbered line [8, p. 172].

¹² It was not found any explanation or definition for the term *ulufe* in his article named “Timur Kutluğ Han” even though Hasan AbdullaHoğlu did an annotated translation of Timur Kutluğ Khan's edict (*yarlıq/jarlyk*) [86, p. 218].

Taydula Hanbike, which was granted to Metropolitan Theognostus of Kiev, and the edict (*yarlıq/jarlyk*) of Timur Kutluğ Khan to Muhammed and Mahmud [86, p. 218; 76, p.76, 51]. *Ulak* is the name of the subject's obligation to provide horses to official postal couriers and those traveling under the umbrella of the khanate. As for *konak tüşil*, it was an obligation to provide accommodation and provision to soldiers, couriers, and to those traveling under the umbrella of the khanate.

4.1.3. *Kopchur/Kobchur*

Kopchur/kobchur is a word, which was derived from the verb *kubchi-* (means to catch, to collect, and withdraw by force). With the suffix *-gur*, the word takes on “claim” meaning. The common use of the word, derived from *kopchi-/kupchi*, had been in the form of *kupchirin* [85, p. 387]. Also, Osman NedimTuna accepts the verbs *kapchi-* and *hupchi* as possible origins of the word, and adds the verbs “to gain”, “to extort”, and “to yank out by force” among the original meaning [2, p. 226–227]. *Kopchur* is also found in the Uyghur records with the meaning of animal taxes [87, p. 40–41]. P. Pelliot is also among the ones who gives information about the word. Pelliot wrote that *kupçir (qubçir)* was mentioned in edicts and records, which had been written with phags-pa alphabet, in the sense of tax exemption for clergy¹³. It is also among the information given about *kopchur* that *kopchur* tax was a tax taken from animals at a rate of one-tenth as a pasturage tax in Mongolians [12, p. 64; 3, p. 225; 52, p. 64; 88, p. 210; 27, p. 337; 89, p. 285]. Apart from this, it is also seen that there was a tax collected per person under the same name [5, p. 340; 90, p. 61; 89, p. 285; 91, p. 61; 13, p.179; 44, p. 88]. Together with the above-mentioned details, according to the information given by M. Özyetgin and H. F. Schurmann, there had been a tax named *kopchur* among the Mongols, including both animal and nonanimal taxes since the beginning of the 13th century. *Kopchur*, which was collected in extraordinary circumstances, was not only the name of animal taxes but also the name of all kinds of taxes that were collected to meet all the needs of khan and the khanate [92, p. 309–310; 78, p. 89]. Ilyas Kamalov adds the *kopchur* tax among the taxes that the Golden Horde should have collected, even though it is not mentioned directly under the name of *kochur* or any special name in Russian chronicles or historical sources. In actual fact, it was written in the edict (*yarlıq/jarlyk*), which was given to Russian Metropolitan, that animals in possession of clergy could not be touched, albeit it was not mentioned under the name of *kopchur*. Since edicts (*yarlıqs/jarlyks*) provide privileges to their holders, it can be said that the animal tax should have been collected from other subjects who did not have a *jarlyk* from the khan. Also, M. Özyetgin has stressed that *kopchur* should have been collected in the borders of Golden [77, p.164; 78, p. 88–89]. The detail of taking *kopchur* at a rate of one-tenth -as it has been mentioned above- opens the floodgates for some deduction for some inferences to be made on behalf of *kopchur* in Golden Horde. Considering the information given above, it can be said that the Mongols' demand of “one-tenth of everything” before their invasion over Ryazan can be accepted as *kopchur*. Chronicles named Novgorod and Voskresenskaya do not mention the term *kopchur* explicitly and they state the situation only recording “one-tenth of everything” [23, p. 81; 93, p. 81–88]. When it is thought that the phrase “everything” also includes horses, it

¹³ Information in this direction was found only in Pelliot's study [115, p. 153].

can be said that the taxes for providing postal organization of The Golden Horde with horses can be accepted as *ulak* and *kopchur* taxes.

5. The Points That Horde Khanate's Postal Organization Showed Individuality

The most remarkable aspect of the taxes and responsibilities in the edicts (*yarliqs / jarlyks*) is that in the Golden Horde, the couriers still seized their needs from the subject and are accommodated by them. It can be said that if the collocutors of the aforementioned tarkhanate edicts (*ukaz tapkanata / Tarkanlık yarlığı / yarliqs / jarlyks*) and edicts (*yarliqs / jarlyks*) given to the metropolitans were given privileges in such matters, those who did not have this privilege should have been liable at these services. In accordance with the idea above, M. Özyetgin stated – referring to the phrases in the edicts – that the subject was obligated to meet all the needs of postal couriers [78, p.139–140]. In this case, it can be concluded that the postal reforms, realized by Ögedei Khagan, were not followed in the Horde at the time when the edicts were issued. It is because, according to Ögedei Khagan's reform, postal couriers were forbidden to enter the residential areas and to go among people¹⁴. But even so, this information obtained from the edicts (*yarliqs / jarlyks*) shows that the postal couriers still passed among the people and met their needs from the subject, as they had done before Ögedei's reforms. Since the postal organization was established in the Golden Horde by order of the Ögedei Khan, it can be thought that the postal organization in the Golden Horde was operating according to the regulations of Ögedei Khagan during his lifetime. However, as it is understood from the edicts (*yarliqs / jarlyks*), this order may have been abandoned or forgotten sometime after Ögedei's reign. As a matter of fact, even the earliest of the edicts¹⁵ (*yarliqs / jarlyks*) is dated eight years after the death of Mönke Khagan.

Another thing in the Golden Horde postal system that differs from other Mongolian Khanates is the means of transport. Since the postal organization hinges upon geography, the modus operandi of postal organization in the Golden Horde naturally showed some differences -from those of other khanates- in the places where taiga and swamps were located. According to the information given by Marco Emilio Polo of Venetian and Allsen, sledges and sledge dogs were used in such areas because icy terrains and swamps would have prevented to march on horses or heavy animals of that kind if they had tried [17, p. 470–471]. This information given by Marco Polo corresponds to statements of Ibn Battutah (1304–1369). Ibn Battutah stated that Siberia, which he named the land of darkness, was able to be reached by “small sledges pulled by big dogs”. Afterwards, he recorded these lines confirming the information given by Marco Polo: “*As the land is completely covered with ice, the feet of people slip, and hooves of other animals do not catch on. Dogs have nails; for that reason, their feet stay stable on the ice, and they do not slip*” [94, p. 481].

6. Legacy of the Golden Horde Postal Organization

The Mongols and Tatars influenced Russian culture in terms of postal organization as well as in terms of social and political institutions and military structures

¹⁴ See: the related chapter of the study.

¹⁵ See for dates of the edicts: [76, s. 45–83].

such as *tamga* (custom/seal), custom tax Office, and *kazna*. Of course, communication and correspondence existed in the region before the Mongols dominated Russia. Information about the communication and correspondence practice of Russians in *Laurentian Letopis* in the chapter “Tales of Bygone Years” goes back to the event that Oleg (d. 912) sent an envoy to Radmic in 885 [24, p. 8; 95, p. 224; 96, p. 104]. It is known that there is a communication and post system, which was sometimes called *povoz* and sometimes *podvodi* in Russians. As for the first information about *podvodi*, they are dated back to the events of 984 [24, p. 27; 95, p. 224; 96, p. 104]. In spite of this fact, there are disagreements about the meaning of the term *podvodi*, mentioned in *Laurentian Letopis* regarding the events of the year 984. S.M. Soloviev concludes that in the relevant chapter, the term was related to a requisition of transferring the tribute somewhere. On the other hand, Vladimirsky-Budanov and Gurlyand state that in the relevant chapter, the term was used to Express couriers. As it can be seen -like O. V. Semenov stated- the information about *podvodi* and *povoz* actually is based on speculative commentaries [96, p. 103–104]. But whatever the circumstance is, what is certain is that some activities were carried out in the name of communication in Russia before the Mongols. It is among the information given by Halperin that, based on this fact, some historians rejected the Mongolian and Tatar influence in the postal organization of Muscovite Tsardom [97, p. 246–247; 70, p. 150]. It should be taken into account for this subject that Russian roads were in a bad state in the pre-Mongol period. If there was a postal service that was so advanced that it would not require any external influence or loan, the condition of the roads would have been better. According to Vernadsky’s statements, the pre-Mongolian Russian roads were far from the brightness of Russian Tsardom’s postal roads and organizations, which fascinated Herberstein. On the other hand, the fact that *povoz* is a more primitive system than *yam*, both in terms of supplying passengers and bureaucratic development, causes these ideas to be approached cautiously. Although Yakubovsky and Grekov count supplying those, who were sent by state with food and means of transportation as one of the most ancient actions of Russians by emphasizing a *gramota*¹⁶ of Grand Knyaz Andrey Alexandrovich (1255–1304), which is dated 1294–1304, the years around 1294–1304 were the period that Mongols had already captured the region and even established their own system in the region by conducting censuses in 1245 and 1257–59. When the date is this late, the basis of the idea may be shaken by including the influence of the Golden Horde in the aforementioned issue. Moreover, The Mongols and thus the Tatars and the Golden Horde had been using the much more advanced station model than the Grand Knyaz Andrey Alexandrovich’s way of replenishing travellers by sending *gramotas*. Although the word *povoz* was not encountered until the end of Musco-

¹⁶ Related part of the abovementioned *gramota*: “Отъ великаго князя отъ Ондreja къ посадникомъ, и къ старостамъ. Како есмь докончль съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватаманъ Ондрей Критцкый, отъ дають съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѢ; а сынъ его Кузма како пойдетъ съ моря съ потками съ данными по даннучу пути, дадаютъ ему корму и подводы, по пошлинѢ, съ погостовъ; а какъ пошло, при моемъ отцѢ и при моемъ брате, не ходити на Терскую сторону Ноугородцемъ, и нынѢ не ходять” [116, p.1].

vite Knyazdom, words such as *yamy*, *yamskiye dvory* were encountered, and the tax *yam* was mentioned in the testaments and treaties of knyazes. Moreover, Sigismund von Herberstein, who realized a diplomatic visit to Moscow in 16th century, stated that the manager of a postal station was called as *jamschnick / iamshchik* and postal stations were called as *jamma*. The words *jamschnick / iamshchik* and *jamma* are Russian versions of *yamchi* and *yam* [77, p. 292–293; 98, p. 105; 99, p. 138; 100, p. 535; 101, p. 260; 102, p. 108; 97, p. 246–247; 70, p. 92–93].

Conclusion

In the Golden Horde Khanate, there was a postal organization since the first conquests in the period of Chingis Khan, but it reached a full development level due to the postal reforms of Ogödey Khagan. *Yam*, the Mongolian postal organization, spread in the Golden horde lands with the Mongol conquests. The letter that Sübütei Ba'atar sent to Ogödei Khagan reflects that the postal organization was established immediately in the area captured by the Mongols until the date when Kiev was conquered by Mongols. Together with the establishment of the postal organization in Khanates of Chagatay and Batu with the orders of Ögedei Khagan, the Mongol Empire was completely connected to each other.

The management hierarchy of the postal organization in the Golden horde is similar to those of the central Mongolian khaganate. The responsible committee for the postal organization formed during the Ögedei's period was most likely the highest management organ of the Golden Horde post as well. Under this delegation -similar to the postal organization of the central Mongols-, there were *darughas* and *baskaks*, under them, chiefs of *tümen*, *minngan* and *jaun* and below them, it was station masters. As it can be seen in the itineraries of the itinerants, the postal station officer of the central horde had a more special status compared to the other station officers.

Even though the situation of *darughas* and *baskaks* outside the Golden Horde was a circumstance, which was like naming the same institution with different words, it presented a different position in the Golden Horde. With the change of direct authority to indirect authority in the Golden Horde, the *baskaks* lost their influence and importance gradually, while the post of *darughaship*, which was established later than *baskakship*, began to gain importance. Contrary to general opinion, *baskaks* did not disappear in an instant as soon as *darughaship* was established, and the two institutions continued to exist together for a while. Moreover, *darughas* were not completely far from their place of duty as thought. The records at hand indicate that *darughas* occasionally appeared in their posts and were not like exact absentee administrators.

Postal couriers, called *ula'achin* in the central Mongols, were sometimes called *yam* and sometimes *yamchi* in Golden Horde Khanate. Edicts (*yarliqs / jarlyks*) dated to the post-Möngke Khagan period reflect that a different postal system from the reforms of Ögedei Khagan worked in the land of the Golden Horde. According to this system, postal couriers were still seizing their needs from the subject and were being accommodated by the subject -even though there was a station system-. This point also leads us to deduce that the postal organization in the Golden Horde was not as advanced as its central Mongolian example. If the

postal system of the Golden Horde had been this much advanced, the couriers would not have been in need to seize their needs from the subject and in need of forcing the subject to accommodate themselves. Also, this point indicates that there could be a disorderliness or a problem with stations from the viewpoint of both the number of postal stations and the equipment and provision of stations, so that couriers felt the necessity to pass through the residential areas. In other words, not enough stations in the area may lead couriers to find alternative ways to have accommodation and food. According to this system, the couriers were able to benefit stations' opportunities and possibilities by having *p'ai-tses*. On the other hand, it can be said that depending on the information given by historical sources, the prohibition of Möngke Khagan which banned traders from using *yam* does not seem to have followed in the Golden Horde region. As a result of the fact that the postal organizations had to comply with the conditions of the geography on which it was founded, sledges -which were not seen in other Mongolian postal organizations- were able to be encountered in the Golden Horde postal organization.

Even though there was a communication system in Russia before the Northern campaign of Jebe and Sübütei (1222), it was not as advanced as *yam*. Therefore, the Russian Tsardom, which rose with the decline of the Golden Horde Khanate, inherited the postal system just as other institutions of the Golden Horde which Russia had been familiar with for nearly 280 years. In spite of the fact that there are ones who argue that the Russian communication system before Mongols -called *podvodi* and sometimes *povoz*- was continued by Moscow, these ideas should be approached with suspicion based on both the information about the state of pre-Mongolian Russian roads and the absence of word *povoz* and *podvodi*. But in spite of the absence of the word *povoz* and *podvodi*, forms of the term *yam* are able to be encountered in the notes of H. Von Herberstein.

REFERENCES

1. Korkmaz Z. Elements Common to Turkish and Mongolian and the Place of Mongolian in Turkish Language Studies. *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı*. 1986. No. (34), P. 31–41.
2. Tuna O.N. Osmanlıcada Moğolca Ödünç Kelimeler. *İstanbul Üniversitesi Türkiyat Mecmuası*, Vol. 18. No. (0), 1976, P. 209–250. (In Turkish)
3. Buell P.D. *Historical Dictionary of the Mongol World Empire*. Exford: Scarecrow Press, 2003. 335 p.
4. Hodous F. The Quriltai as a Legal Institution in the Mongol Empire. *Central Asiatic Journal*, 2012/2013, Vol. 56, pp. 87–102.
5. Atwood C.P. Validation by Holinessor Sovereignty: Religious Toleration as Political Theology in the Mongol World Empire of the Thirteenth Century. *The International History Review*, 2004. Vol. 26. No. (2), pp. 237–256.
6. *Manghol-un Niuça Tobça'an (Yüan-Ch'ao Pi-shi): Moğolların Gizli Tarihi*. transl. by Ahmet Temir, Ankara: Türk Tarih Kurumu Basım Evi. 1986. 301 p. (In Turkish)
7. *The Secret History of Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*, Vol. I–II, transl. by Igor De Rachewiltz. Leiden: Brill Publishing. 2004. 1347 p.
8. Rachewiltz I. D. *Index to The Secret History of the Mongols*. Ed. by John R. Krueger. Bloomington: Indiana University Publications. 1972. 347 p.

9. Von Gabain A. Eski Türkçenin Grameri, transl. by Mehmet Akalın, Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988. 313 p. (In Turkish)
10. Alinge C. Moğol Kanunları, transl. by Çoşkun Üçok, Ankara: Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Yayınları, 1967. 215 p. (In Turkish)
11. Temizsu H. (2018) Cengiz Han Yasası ve Moğol Devletleri Tarihinde Yaşadığı Değişim. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2018. 232 p. (In Turkish)
12. Kafalı M. Çağatay Hanlığı(1227–1345). Ankara: Berikan Yayınevi, 2005. 156 p. (In Turkish)
13. Vér M. The Postal System of the Mongol Empire in Northeastern Turkestan, Yayınlanmamış Doktora Tezi, University of Szeget, 2016.
14. Li Chih-Ch'ang Travels of an Alchemist The journey of the Taoist Ch'ang-Ch'un from China to the Hindukush at the Summons of Chingiz Khan, transl. by Arthur Waley. George London: Routledge & Sons LTD, 1931. 166 p.
15. De Rachewiltz I. The Hsi-Yu Lu by Yeh-Lü Ch'u-ts'ai. *Monumenta Serica*. 1962. Vol. 21. P. 1–128.
16. Vladimircov Ja. Zаметки к Древнетюркским и Старомонгольским текстам [Notes On the Ancient Turkic and Old Mongolian Texts]. *Doklady Akademii Nauk Sojuza Sovetskikh Socialnisticskh Respublik= Reports of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics*, 1929, Vol. 16. P. 289–296. (In Russian)
17. Allsen T.T. “Imperial Posts, West, East, East and North: A Review Article Silverstain A. J. Postal System in the Pre-Modern Islamic World (Cambridge: Cambridge University Press, 2007), xii + 214 pp., Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. Vol. II. P. 237–275.
18. Cengiz İmparatorluğu Hakkında İlk Tarih Kayıtları: Meng Ta pei lu ve Hei Ta shi lu, transl. by Ankhbayar Danuu. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2012. 189 p. (In Turkish)
19. Hosung Shim the Postal Roads of the Great Khans in Central Asia under the Mongol Yuan Empire. *Journal of Song-Yuan Studies*. 2014. Vol. 44, pp. 405–469.
20. Olbricht P. das Postwesen in Chine unter der Mongolenherrschaft im 13. und 14. Jahrhundert., Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. 110 p. (in German)
21. May T. Sübedei Ba'atar: Portrait of a Mongol General. Potraits of Medieval Eastern Europea: 900–1400. Abingdon:Routledge Publication, 2018, pp. 68–78.
22. The Hypatian Codex Part Two: The Galician-Volynian Chronicle, Transl. by George A. Perfecky, Münih: Wilhelm Fink Verlag Publications, 1973, 159 p.
23. The Chronicle of Novgorod: 1016–1471. Transl. by Robert Michell ve Nevill Forbes, London: Offices of the Society Publishing, 1914, 237 p.
24. Lavrent'evskaya letopis', s. 159–164: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (18.01.2021) (In Russian)
25. Kalan E. XIII ve XIV. Yüzyıllarda Kuzey İpek Yolu ve Altın Orda Hanları'nın Ticaret Politikaları. *Avrasya Etüdleri*. 2014. Vol. 45 No. (1), pp. 43–62. (In Turkish)
26. Yuvalı A. İlhanlı Tarihi, İstanbul: Bilge Kültür Sanat Yayınları, 2017. 432 p. (In Turkish)
27. Spuler B. İran Moğolları: Siyaset, İdare ve Kültür İlhanlılar Devri 1200–1220. Transl. by Cemal Köprülü. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2011, 572 p. (In Turkish)
28. Özyetkin A. M. Orta Zaman Türk Dili ve Kültürü Üzerine İncelemeler. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2005. 272 p. (In Turkish)
29. Kushenova G. (2013), Ögedey Kaan Devrinde Türkistan ve Maveräünnehir (1229–1241), İstanbul: IQ Yayınları, 2013. 126 p. (In Turkish)

30. Kemalöđlu İlyas “Altın Orda Devleti”, Avrasya’nın Sekiz Asrı Cengizöđulları, İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2016, P. 98–150. (In Turkish)
31. Rashiduddin Fazlullah Jami’u’t-Tawarikh: Compendium of Chronicles: A History of the Mongol. Transl. by W.M. Thackston, Vol. 1–2–3, Harvard: Harvard University Press, 1998. 819 p.
32. Marshall Robert Dođudan Yükselen Güç: Mođollar. Transl. by Füsün Doruker, İstanbul: Sabah Kitapları, 1996. (In Turkish)
33. Obruşánszky B. The Hungarian Billog and its Parallel with Paiz. Türkbilig, Vol. 7, 2004, pp. 109–113.
34. Özyetkin A.M. Altın Ordu Hanı Toktamış’ın Bik Hacı Adlı Kişiyeye Verdiği 1381 Tarihli Tarhanlık Yarlığı. Türkoloji Dergisi. 1993. Vol. 13 No. (1). pp. 167–192 (In Turkish)
35. Züriye Çelik Mođol İstilası ve Türkiye Selçuklu Devleti. Unpublished Ph.D. Thesis, Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Konya, 2014. 224 p. (In Turkish)
36. Cortepeter C. M. The Origin and Nature of Turkish Power. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Bölümü Tarih Araştırmaları Dergisi. 1968. Vol. 10. pp. 241–285.
37. Eberhard W. Conquerors and Rulers Social Forces in Medieval China. Leiden: E. J. Brill, 1965. 191 p.
38. The Tang Code. Transl. by Wallace Johnson, Vol. 1–2, New Jersey: Princeton University Press, 1997. 591 p.
39. Falkenhausen L.V. The E Jun Qi Metal Tallies. Text and Ritual in Early China. Ed. by Martin Kern, Washington: University of Washington Press, 2007. pp. 79–123.
40. Lao Kan The Early Use of The Tally in China. Ancient China: Studies in Early Civilization. ed. by Davit T. Roy and Tsuen-hsuin Tsien. Hong Kong: The Chinese University Press, 1982. pp. 91–98.
41. Ssu-Ma Ch’ien The Grand Scribe’s Records the Memoirs of Han China. Ed. by William H. Nienhauser. Transl. by J. Michael Farmer et. al. Vol. 9, Indianapolis: Indiana University Press, 2008. 496 p.
42. Hung Shih-Ti The Establishment of A New System for the Consolidation of Unification The First Emperor of China. Ed. by Li Yu-Ning. New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. P. 91–115.
43. Bumbacher S.P. Empowered Writing: Exorcistic and Apotropaic Rituals in Medieval China, St. Petersburg: Three Pines Press, 2012. 226 p.
44. Morgan D. The Mongols. Oxford: Blackwell Publishing, 2007. 246 p.
45. Barthold V.V. Orta-Asya Türk Tarihi Hakkında Dersler, prepared by Kâzım Yaşar Koprıman-İsmail Aka. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2006. 237 p. (In Turkish)
46. Franke H. Kitan ve Cürcenler: Mançurya Ormanlarının Sakinleri. Erken İç Asya Tarihi. transl. by İsenbike Togan. comp. by Denis Sinor, A. Gün Soysal. İstanbul: İletişim Yayınları, 2009. P. 537–568. (In Turkish)
47. Silverstein A.J. Postal Systems in the Pre-Modern Islamic World, Cambridge: Cambridge University Press, Cambridge, 2007. 217 p.
48. Atwood C.P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts On File Inc., 2004. 678 p.
49. Marshall R. Dođudan Yükselen Güç: Mođollar. Transl. by Füsün Doruker. İstanbul: Sabah Kitapları, 1996. 171 p. (In Turkish)
50. Alaaddin Ata Melik Cüveynî Tarih-i Cihan Güşa, Transl. by Mürsel Öztürk. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1998. 632 p. (In Turkish)

51. Hosung S. Yam. The Mongol Empire: A Historical Encyclopedia. Ed. by Timothy May. California: Abc-Clio, 2017. P. 110–112.
52. Yakubovskiy A.Yu. Altın Ordu ve Çöküşü. Transl. by Hasan Eren, Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1976. 277 p. (In Turkish)
53. Danuu A. Büyük Han Mengü'nün Devlet Anlayışı ve İlhanlı Devleti Kuruluşunda Etkisi. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2015. Vol. 6 No. (2). pp. 1–12. (In Turkish)
54. Boyle J.A. The successors of Genghis Khan. Colombia: Clombia University Press, 1971. 372 p.
55. Ciociltan V. The Mongols and Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Transl. by Samuel Willcocks., Leiden: Brill, 2012. 321 p.
56. Silvestre De Sacy Pieces Diplomatiques Tirées des Archives de la République de Genes, Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi. Paris: Imprimerie Royale, 1827. 395 p. (In French)
57. The Book of Ser Marco Polo: The Venetian Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Transl. by Sir Henry Yule. Vol. 2. London: John Murray Publishing, 1903, 662 p.
58. Samoyloviç A.N. Cucu Ulusunda Payza ve Baysaya Dair: Ahmet Han'ın Basması Meselesi, transl. by Hasan Ortekin, Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası. 1939. Vol. 2. pp. 53–64. (In Turkish)
59. Spicyn A. Tatarian Baysı. Izvestiya Imperatorskoy *Arheologicheskoy Komissii*= *Bulletin of the Imperial Archaeological Comission*. 1909. Vol. 29. St. Petersburg, pp. 130–141. (In Russian)
60. Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey. Istoriya O Kazanskom Tsarstve (Kazanskiy Letopisets). pervoe izdanie. Tipografiya I. N. Okogokhodova, 1903. Saint-Petersburg. (In Russian)
61. Jackson P. The Mongol Age in Eastern Inner Asia. The Cambridge History of Inner Asia: The Chingissid Age. Ed. by Nicola Di Cosmo, A. J. Frank ve Peter B. Golden. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 20–45.
62. Aigle D. Persia under Mongol Domination. The Effectiveness and Failings of a Dual Administrative System. Bulletin d'Etudes Orientales, Institut Français du Proche-Orient. 2006–2007. Vol. 57. pp. 64–78.
63. Prwadin, M. The Mongol Empire Its Rise and Legacy. Transl. by Eden Paul ve Cedar Paul), London: George Allen & Unwin Ltd., 1953. 581 p.
64. Özcan A.T. Moğol-Rus İlişkileri (1223–1341). Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2017. 538 p. (In Turkish)
65. Kushenova G. Ögedey Kaan Devrinde Türkistan'da Teşkilat Yapısı. Bilig Dergisi. 2006. No. (38). pp. 185–196 (In Turkish)
66. Lamb H. Genghis Khan the Emperor of All Men. New York: Robert M. McBride Company, 1927. 258 p.
67. Vásáry I. The Golden Horde Term Daruga and Its Survival in Russia. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1976. Vol. 30 No. (2), pp. 187–197.
68. Vernadsky G. Moğollar ve Ruslar. İstanbul: Selenge Yayınları, 2007. 536 p. (In Turkish)
69. Xu Zhixin. The Perceptions of Horses In Thirteenth – and Fourteenth – Century China, Unpublished Master Thesis, Central European University. 2015. 63 p.
70. Halperin C.J. Russia and the Golden Horde, The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington: Indiana University Press, 1985. 192 p.
71. Halperin C.J. Russia in the Mongol Empire in Comparative Perspective. Russia and Mongol, Slavs and the Steppes in Medieval and Early Modern Russia. Ed. by Victor

Spinei ve George Bilavşchi. Bucureşti: The Publishing House of the Romanian Academy, 2007. pp. 239–261.

72. Wilhelm Von Rubruck. Moğolların Büyük Hanına Seyahat. Transl. by Ergin Ayan. İstanbul: Ayışığı Kitapları, 2001. 142 p. (In Turkish)

73. Rockhill, W.W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of The World 1253–55. London: Bedford Press, 1900. 304 p.

74. Wittfogel K.A., Fêng Chia-Shêng. History of Chinese Society Liao (907–1125). Philadelphia: Lancaster Press, 1961. 752 p.

75. Johann De Plano Carpini. Moğol Tarihi ve Seyahatnâme. Transl. by Ergin Ayan, Trabzon: Derya Kitabevi, 2000. 141 p. (In Turkish)

76. Özyetkin A.M., Kemaloğlu İ. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına Ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp İncelemesi. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1996. 297 p. (In Turkish)

77. Kamalov İ. Altın Orda ve Rusya (Rusya Üzerindeki Türk Tatar Etkisi). İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2009. 376 p. (In Turkish)

78. Özyetkin A.M. Eski Türk Vergi Terimleri. Ankara: Köksav, 2004. 250 p. (In Turkish)

79. Beazley R. (1903) The Text and Verisons of Johan De Plano Carpini and William De Rubruquis. Oxford: Cambridge University Press, 1903. 345 p.

80. Ebü'l-Ferec İbnü'l-İbrî Târîhu Muhtasari'd-Düvel, Transl. by Şerafeddin Yaltkaya, Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2011. 74 p. (In Turkish)

81. Temir A. Die Sozial-Militârische Organisation Der Mongolen Um 1200 n. Chr. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1960. Vol. 8 No. (3–4), 1960. pp. 221–225. (In German)

82. Vladimirtsov B.Y. Moğolların İçtimaî Teşkilâtı: Moğol Göçebe Feodalizmi, Transl. by Abdülkadir İnan. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1995. 338 p. (In Turkish)

83. Matsui D., Li Gang An Old Uighur Receipt Document Newly Discovered in the Turfan Museum. Written Monuments of Orient. 2016. Vol. 2, No. 2. pp. 68–75.

84. Marco Polo Description of the World, Transl. by A. C. Moule, P. Pelliot. London: George Routledge & Sons, 1938. 595 p.

85. Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente Im Neupersischen. Vol. 1. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1963. 557 p. (In German)

86. Abdullahoğlu H. Temir Kutluğ Yarlığı. Tükiyat Mecmuası. 1935. Vol. 3. pp. 207–227. (In Turkish)

87. Caferoğlu A. Uygurlarda Hukuk ve Maliye İstılahları. İstanbul Üniversitesi Türkiyat Mecmuası, 1934 Vol. 4 No. (0), pp. 1–44. (In Turkish)

88. Rızaeddin Fahreddin Altın Ordu ve Kazan Hanları, Transl. by İlyas Kamalov. İstanbul: Kaknüs Yayınları, 2003. 224 p. (In Turkish)

89. Özgüdenli O.G. Gâzân Han ve Reformları (1295–1304). İstanbul: Kaknüs Yayınları, 2009. 524 p. (In Turkish)

90. Usul D.İ. İlhanlı Döneminde Uygurlar, Yayınlanmamış Doktora Tezi. Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Konya, 2016. (In Turkish)

91. Biran M. The Mongols in Central Asia from Chinggis Khan's invasion to the rise of Temür: The Ögödeid and Chaghadaid Realms, The Cambridge History of Inner Asia The Chinggisid Age, Ed. by Nicola Di Cosmo, vd. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 46–66.

92. Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century, Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956 Vol. 19, No. 3/4. pp. 304–389.

93. Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey. Letopis' po Voskresenskomu Spisku, 1856, Vol. 7, Seint-Petersburg: Tipografii Jeduarda Prada. 360 p. (In Russian)
94. Ebu Abdullah Muhammed İbn Batûta Tancî İbn Batuta Seyahatnamesi, Transl. by A. Sait Aykut, Vol. 1. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2004. 1112 p. (In Turkish)
95. Grekov B.D. ve Yakubovskiy A.YU. Zolotaya Orda i Yeye Padeniye=The Golden Horde and Its Fall, Pervoye İzdaniye. Moscow: Komissii Akademii Nauk SSSR, 1950. 473 p. (In Russian)
96. Semenov O.V. On the Time and Circumstances of the Occurance of Yamskaya Chase in Russian Lands. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta=Bulletin of Ural Federal University*, 2016, Vol. 18. No. 1. pp. 103–119. (In Russian)
97. Halperin C.J. Russia in Mongol Empire in Comparative Perspective. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1983. Vol. 43. No. 1. pp. 239–261.
98. Çiçek A. The Legacy of Genghis Khan – The Mongol Impact on Russian History, Politics, Economy, and Culture. *International Journal of Russian Studies*. 2016. Vol. 5. pp. 94–115.
99. Wilson A.C. A Thousand Years of Postal and Telecommunications Services in Russia. *New Zealand Slavonic Journal*, 1989. Issue 1. pp. 135–166.
100. Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions. *Slavic Review*, 1990. Vol. 49. No. 4, s. 525–542.
101. Sigismund Von Herberstein Notes Upon Russia: Being a Translation of the Earliest Account of That Country, Entitled *Rerum Moscovitarum Commentarii*, Transl. by R.H. Major. Vol. 2, London: The Hakluyt Society, 1852. 266 p.
102. Sigismund Von Herberstein Notes Upon Russia: Being a Translation of the Earliest Account of That Country, Entitled *Rerum Moscovitarum Commentarii*, Transl. by R.H. Major. Vol. 1, London: The Hakluyt Society, 1851. 266 p.
103. Kafalı M. Altın Orda Hanlığının Kuruluşu. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1976. 169 p. (In Turkish)
104. Poppe N. N. *Mongol'skiy Slovar' Mukaddimat al-Adab* [Mongolian dictionary Mukaddimat al-Adab]. Moscow: Tipografiya Akademii Nauk SSSR, 1938. 451 p. (In Russian)
105. Togan İsenbike Flexibility & Limitation in Steppe Formations the Kerait Khanate & Chinggis Khan. Leiden: Brill, 1998. 192 p.
106. Bahaeddin Ögel. *Türk Kültür Tarihine Giriş*. Vol.1. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1991. 495 p. (In Turkish)
107. Ögel Bahaeddin Sino-Turcica: Çingiz Han'ın Türk Müşavirleri. İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2002. 412 p. (In Turkish)
108. Ch'i T'ang Moğol Sülalesi Devrinde Türk ve İslam Dünyası ile Temasta Bulunan Şahsiyetler. İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Ummi Türk Tarihi Kürsüsü, Unpublished Ph.D. Thesis, 1970. 464 p. (In Turkish)
109. Barthold V.V. *Moğol İstilasına Kadar Türkistan*. İstanbul: Kronik Kitap, 2017. 604 p. (In Turkish)
110. Togan Zeki V. *Oğuz Destanı Reşideddin Oğuznâmesi, Tercüme ve Tahlili*. İstanbul: Enderun Yayınları, 1982. (In Turkish)
111. Bahaeddin Ögel. *Türklerde Devlet Anlayışı*. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2016. 368 p. (In Turkish)
112. Mahmûd el-Kâşgarî, *Divânü Lugâti't Türk*, Transl. by Serap Tuba Yurteser ve Seçkin Erdi. İstanbul: Kabcacı Yayınevi, 2007. 725 p. (In Turkish)
113. Vér Márton. *The Postal System of the Mongol Empire in Northeastern Turkestan*, University Of Szeged Doctoral School Of History Medieval Studies Program, Unpublished Ph.D. Thesis, 2016. 375 p.

114. Matsui D. Dating of the old Uigur Administrative Orders from Turfan. Ed. by M. Özkan ve E. Doğan. VIII. Milletler Arası Türkoloji Kongresi Bildiriler Kitabı, Vol. 4. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Yayınları, 2013. 611–633.

115. Pelliot P. Qubçiri-Qubçir et Qubçi'ur-Qubçür. T'oung Pao. 1944. Vol. 37. pp. 153–164.

116. Gramota Velikago Knyazya Andreya Aleksandrovicha na Dvinu 1294–1304 [Gramota of Great Prince Andrei Alexandrovich on the Dvina, 1294–1304]. *Akty Sobrannyye v Bibliotekakh i Arkhivakh Arkheograficheskoyu Ekspeditsiyeyu Imperatorskoy Akademii Nauk*. Vol. 1. St. Petersburg, 1856. (In Russian)

117. Hulsevé A.F. P. China in Central Asia The Early Stage: 125 B.C. – A. D. 23 An Annotated Translation of Chapters 61 and 96 of The History of The Former Han Dynasty. Leiden: E. J. Brill, 1979. 273.

About the authors: Sinan Meriç – Ph.D. Student, Graduate School of Social Sciences, Karadeniz Technical University (Trabzon 61080, Turkey). E-mail: edgubilgekisig61@gmail.com

Derya Derin Paşaoğlu – Associate Professor of the Department of History, Faculty of Letters, Karadeniz Technical University (Trabzon 61080, Turkey). E-mail: derinderya@ktu.edu.tr

Received December 5, 2022 Accepted for publication February 19, 2023

Published March 29, 2023

ПОЧТОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (ЯМ) В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Синан Мерич¹, Дерьа Дерин Пашаоглу²

^{1,2} Караденизский технический университет

Трабзон, Турция

¹ edgubilgekisig61@gmail.com

² derinderya@ktu.edu.tr

Цель исследования: определить структуру, деятельность, штатные и фискальные источники почтовой организации и показать связи и различия между центром и другими чингизидскими ханствами.

Материалы исследования: ярлыки и пайзы, данные ханами Золотой Орды, ханами и хатунами империи Чингис-хана, источники «Чингиз-наме», проливающие свет на историю Золотой Орды, записки путешественников и др. источники.

Научная новизна и результаты исследования: в Золотой Орде почтовая организация существовала со времен первых завоеваний во времена Чингиз-хана, но своего полного развития она достигла лишь с почтовыми реформами Угедей-кагана. Ям, монгольская почтовая организация, распространилась по землям Золотой Орды с монгольскими завоеваниями.

Административная иерархия почтовой организации Золотой Орды была аналогична империи Чингизхана. Были даруги и баскаки, при них начальники тюменей, минганов и жаунов и при них начальники станций. Почтовые курьеры, называе-

мые улаачинами в государстве Чингиз-хана, в Золотоордынском ханстве иногда назывались ямами, а иногда ямчи. Указы (ярлыки) после Мункэ-кагана показывают, что на территории Золотой Орды действовала почтовая система, отличная от реформ Угедей-кагана. Согласно этой системе, почтовые курьеры по-прежнему получали свои припасы от субъекта и размещались у них, хотя существовала станционная система. Почтовые организации должны были приспособливаться к географическим условиям, в золотоордынской почтовой организации можно было встретить нарты, которых не было в других монгольских почтовых организациях.

Ключевые слова: улак, копчур (кобчур), сюсюн, баскак, даруга, пайза (пай-це, пайзе)

Для цитирования: Meriç S., Paşaoğlu D.D. Postal organisation (yam) in the Golden Horde // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 37–61. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.37-61 EDN: DPEHLC

Сведения об авторах: Синан Мерич – Ph.D. студент Высшей школы социальных наук, Караденизский технический университет (61080, Трабзон, Турция). E-mail: edgubilgekisig61@gmail.com

Дерья Дерин Пашаоглу – доцент кафедры истории, факультет литературы, Караденизский технический университет (61080, Трабзон, Турция). E-mail: derinderya@ktu.edu.tr

*Поступила 5.12.2022 Принята к публикации 19.02.2023
Опубликована 29.03.2023*

СУФИЙСКИЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В ПОЭМЕ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ «КАЛАНДАР-НАМЕ»

Л.З. Бородовская

Казанский государственный институт культуры

Казань, Российская Федерация

lilianotka@yandex.ru

Цель исследования: работа посвящена анализу суфийских символов в сочинении Абу Бакра Каландара Руми. Исследуется историческая эпоха создания поэмы – это время расцвета мирового суфизма, когда уже сформированы самые крупные тарикаты, написаны классические трактаты ал-Газали, Ибн-‘Араби, Сухраварди и др.

Материалы исследования: исследование выполнено на основе сочинения «Каландар-наме», также привлечены работы разных авторов, посвященных личности Абу Бакра Каландара Руми и его произведению.

Результаты исследования: на основе анализа научных работ разных авторов выделяется одна из возможных версий происхождения нисбы поэта (каландар). Описывается религиозное окружение поэта в Турции и в Крыму. В работе выполнен герменевтический анализ символических форм суфийской традиции. На основе сравнения с другими средневековыми сочинениями суфийских авторов выявляются три группы наиболее важных для исламского эзотеризма символов – это общеисламские коранические образы, суфийские ритуальные и суфийские мистические. В результате анализа текста найдено большое количество самых важных и известных по другим суфийским трудам символических форм исламского мистицизма. Образы сравниваются с аналогичными в известных суфийских трудах, описывается их значение согласно традициям суфизма. Поэма «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми имеет важное значение для расширения источниковой базы исследований по культуре в Золотой Орде. В будущих работах возможно продолжение анализа наиболее важных суфийских символов поэмы в контексте взаимосвязей исламской культуры разных стран в эпоху средневековья.

Ключевые слова: герменевтика, суфизм, Золотая Орда, исламские эзотерические символы, Каландар-наме, Абу Бакр Каландар Руми

Для цитирования: Бородовская Л.З. Суфийские символические формы в поэме эпохи Золотой Орды «Каландар-наме» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 62–78. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.62-78 EDN: GABTGV

© Бородовская Л.З., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**SUFI SYMBOLIC FORMS IN THE POEM OF THE AGE
OF THE GOLDEN HORDE “QALANDAR-NAME”**

L.Z. Borodovskaya

*Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russian Federation
lilianotka@yandex.ru*

Abstract. *Research objectives:* This article analyzes Sufi symbols in “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi. The research is focused on the historical era of its creation. This era coincided with the heyday of global Sufism, when the largest tariqats were already formed and classical treatises by al-Ghazali, Ibn-'Arabi, Suhrawardi, and others were written.

Research materials: The study is based on the composition “Qalandar-name” and works by various authors dedicated to the personality of Abu Bakr Qalandar Rumi and his work.

Results and novelty of the research: The article presents a hermeneutical analysis of the symbolic forms of the Sufi tradition in “Qalandar-name”. Based on a comparison with other medieval writings of Sufi authors, three groups of the most important symbols for Islamic esotericism are identified: general Islamic Qur'anic images, Sufi ritual, and Sufi mystical ones. The analysis of the text reveals a large number of the most important symbolic forms of Islamic mysticism, known from other Sufi works. The images are compared with similar ones in well-known Sufi works, and their meaning is described according to the traditions of Sufism. The poem “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi expands the source base for research on the culture of the Golden Horde, and future works can continue the analysis of the most important Sufi symbols of the poem in the context of the interconnections of Islamic culture in different countries in the Middle Ages.

Keywords: hermeneutics, Sufism, Golden Horde, Islamic esoteric symbols, Qalandar-name, Abu Bakr Qalandar Rumi

For citation: Borodovskaya L.Z. Sufi Symbolic Forms in the Poem from the age of the Golden Horde “Qalandar-name”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 62–78. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.62-78 (In Russian)

Введение

Введение в современный научный оборот текста суфийской поэмы «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми (сочинение периода 1320–1340 гг.) является важным событием, расширяющим источниковую базу исследований исламской культуры периода Золотой Орды [1]. По предыдущим источникам мы уже знаем о большой роли суфийских шейхов в процессе принятия ислама ханами Золотой Орды [8], а затем их влиянии на управление государством, на народное образование и многие другие стороны общественной жизни [8; 21]. Глубокий анализ поэмы, который предстоит в ближайшие годы ученым, расширит понимание исторического места суфийской традиции в становлении татарской исламской культуры этого периода. Эта поэма дает богатый материал для исследований не только литературоведам, но и музыковедам, этнографам, религиоведам, историкам.

Основной задачей нашего исследования является поиск и анализ традиционных суфийских символических образов в тексте поэмы. Краткое первое знакомство с текстом позволяет увидеть большое количество общеисламских

(коранических), а также эзотерических суфийских символов (известных еще задолго до Абу Бакр Каландара Руми). Мы согласимся с М.Р. Шамсимухаметовой, что эту поэму можно назвать «энциклопедией суфизма» эпохи Золотой Орды [27, с. 47]. В ходе исследования будет предпринята попытка увидеть эту поэму как часть мировой суфийской литературы, наполненной теми же сакрально-эзотерическими символами, что и сочинения других авторов.

Степень изученности поэмы на современном этапе ограничена несколькими статьями и первым официальным выпуском комментариев. Активация исследовательских работ усилится с выпуском академического издания полного текста поэмы, заявленного руководителем проекта [1, с. 41]. От полного издания мы ждем возможности сделать более глубокий анализ арабоязычных формул зикра, так как они применялись в ритуальной практике многих тарикатов (тахлил, такбир, тахмид, тасбих), являясь определителями уникальности ритуала (количество прочтений, последовательность).

Методы и материалы

Методика изучения творчества суфийских поэтов традиционно основывается на историческом обзоре эпохи, биографических сведениях, на фактах суфийской принадлежности к определенному тарикату. Эти вопросы были подняты в нескольких работах о поэме «Каландар-наме» и ее авторе Абу Бакр Каландаре Руми. Одна из самых трудных и неоднозначных проблем связана с нисбой «каландар» в имени поэта. Мы рассмотрели несколько источников на тему работы [1; 3; 11; 12; 15; 16; 17; 18; 22; 23; 28; 31; 34], и приходим к выводу, что скорее всего надо рассматривать обе нисбы как единое целое – «Каландар Руми» в значении принадлежности к каландарам эпохи *Сельджукского Рума*. В пользу подобного толкования нисбы Абу Бакра свидетельствуют исторические факты, описанные в работе турецкого историка Мустафы Аккуш (Mustafa Akkuş) [31]. В поэме «Каландар-наме» упоминаются представители разных суфийских направлений и тарикатов того времени – каландары, муваллахи, абдалы, хайдари, Рифа'ийя, «*которых он не отделял друг от друга*» [1, с.39]. Мустафа Аккуш пишет о «каландаровых группах» времени незадолго до Абу Бакра в Турции, включая в них суфиев «Кавлаки, Хайдари и Рифа'ийя» [31, с. 117]. Таким образом несколько суфийских групп того периода объединены общим термином – «каландары».

Для более полного понимания особого положения суфийских групп каландаров приведем еще несколько предлагаемых М. Аккуш исторических фактов. Когда монголы вторглись в Анатолию и держали ее под своим влиянием (с 1241 по 1335 гг.), это был регион со множеством суфийских групп – Ахи, Каландари (Кавлаки), Хайдари, Мевлеви, Бабаи, Бекташи, Шемсилер, Евхади, Рифа'ийя, Экбери, Кубрави [31, с. 118]. Особую поддержку монгольских ханов получили группы каландаров и Мевлеви (тарикат турецкого поэта Дж.Руми, которого так почитал Абу Бакр Каландар Руми) [31, с. 119]. М. Аккуш подробно анализирует влияние каландаров на укрепление влияния монгольских ханов в регионе, и объясняет это тем, что суфийские группы имели много преимуществ для этих целей: мобильность, особое влияние на широкие слои населения, уважение среди монгольской знати.

Каландары быстро завоевали внимание монголов тем, что также как монгольские шаманы они имели влияние на простой народ, тоже «творили чуде-

са», были мистичны. «Когда монголы приехали в исламские страны, они увидели дервишей Каландари как бахши и шаманов» [31, с. 122–123]. Дервиши Кавлаки также приняли участие в походах монгольской армии [31, с. 123]. Исходя из этих исторических сведений, мы видим, что еще до Абу Бакра Каландара Руми на его родине сформировалась сильная религиозно-политическая группа каландаров, имевшая высокое положение и доверие среди монгольской знати. «Каландариды играли важную роль в религиозной политике Ильханидов в Анатолии почти во все периоды. Они также выполняли важные обязанности по установлению монгольского господства в Анатолии» [31, с. 125].

«Монголы возложили многие важные стратегические задачи в Анатолии на каландарских шейхов и дервишей, использовали этих дервишей в своих армиях и в качестве государственных служащих, которые распространяли *официальную идеологию государства*» [31, с. 131]. Шейхи каландаров были щедро поддержаны фондами, строительством медресе и завия в Анатолийском регионе. Историки видят в этом сотрудничестве причины быстрого падения анатолийского государства сельджуков [31, с. 131].

Эмиграцию большой группы анатолийских каландаров на территорию Крыма в тот период можно объяснить необходимостью продвижения религиозной политики на новых землях, и в этой работе суфийские группы уже рекомендовали себя перед монгольскими ханами. Принадлежность Абу Бакра к подобной группе влиятельных каландаров, поддержанных монгольскими властями, призванных служить на благо распространения ислама в Крымских землях – вот эта миссия поэта становится более очевидна: «Каландар прибыл в Крым сделать иршад», призывать к исламу по приглашению золотоордынского хана Узбека [19, с. 77]. Таким образом, можно предположить, что Абу Бакр Каландар Руми принадлежал к «провластной» группе каландаров Рума, имея на тот период уже достаточный авторитет.

Под описание обычных дервишей этого направления он никак не подходит: «Сторонник Каландарийа исполнял только обязательные предписания веры (фар'ид), безразлично относился к ритуалу и посту» [3, с. 130]. Ибн-Баттута называет его «шафиитским хатибом» [32, с. 464], официальным служителем мечети: «Когда мы отправились в путь, с нами были Тулек-Тимур бей, его брат Иса, его дети Кутлуг-Тимур и Сару Бек. Кроме того, в нашей группе были учитель Тулека-Тимура Са'д ад-дин, хатиб Абу Бакр, кади Шамс ад-дин, факих Шараф ад-дин Муса и му'арриф 'Ала' ад-дин [32, с. 466].

Мысль о том, что поэт не принадлежал официально к какому-либо тарикату, косвенно подтверждается и тем, что он сам в поэме называет себя последователем суфийских поэтов Ф. Аттара (жил в XII веке, примерно 1145–1221) и почитателем Дж.Руми (1207–1273гг.) [19, с. 76]. И это могло означать *духовное наследование* традициям этих суфиев, а не буквальное обучение у них (хронологически также вряд ли возможно). В этот период развития суфизма еще не был широко развит институт следования шейху-наставнику, как это явление позднее прослеживается в тарикате Накшбандийа. Многие суфии этого периода могли развиваться самостоятельно, организуя собственные небольшие группы.

Это время расцвета мирового суфизма, такие крупные тарикаты, как Ясавийа, Кубравийа, Сухравардийа, продолжают развиваться по всей территории Золотой Орды. Такие крупные мыслители и суфийские шейхи, как ал-Газали

(XI–XII в.), Ибн-‘Араби (XII–XIII в.), повлиявшие на становление духовной культуры татар, уже написали свои труды до рождения Абу Бакра Каландара Руми (есть упоминание Ибн-‘Араби в 124 главе поэмы). Многие суфийские мыслители того периода уважительно относились к письменному наследию шейхов из разных тарикатов, читали их трактаты, цитировали или писали «ответные» полемические труды. Г.Галиахметова в исследовании по суфизму в Золотой Орде приходит к выводу, что «начиная с X века, во всем мусульманском мире наблюдается переход от официального ислама факихов и мутакаллимов к суфийскому исламу. [...] проявление этой тенденции было актуальным в Золотой Орде, по крайней мере, в эпоху правления Берке хана и хана Узбека» [10, с. 295].

Результаты

Переходя непосредственно к задаче исследования, следует отметить, что подобный анализ символических форм суфизма уже проводился нами на примере «Хикметов» А.Ясави, татарских мунаджатов и поэмы Кул Гали «Кыйсса-и Йусуф». Научная методология герменевтического анализа суфийской символики применима не только к поэзии, но и для всей исламской народной художественной культуры. Согласно апробированной методике исследования символики в суфийских текстах, мы можем предложить следующую классификацию:

первая группа – общемусульманские образы и символы, понятные каждому верующему (Коран, Пророк, «судный день», «рай», «ад», «мост», Трон/ал-‘арш ал-мухит, «Божественное перо»/ ал-калам ал-илахи (Калам), «Хранимая скрижаль»/ ал-лаух ал-махфуз и др.);

вторая группа – это суфийские ритуальные символы (духовный путь / тарика, образ «сердца», молитвенные формулы зикра, 99 Прекрасных имен Аллаха/ *ал-асма’ ал-хусна*, макамы/ступени духовного восхождения и др.);

третья группа – сакрально-эзотерические символы «скрытых наук»/ «ал-‘ильм ал-батин» (буквенно-числовая, графическая, цветовая, звуковая и др.). Известно, что поначалу в основном шииты были приверженцами «скрытых» наук, но позднее элементы эзотерических толкований проникли и в суннитские суфийские тарикаты.

Д.А. Шагавиев исследовал источники богословских глав в поэме «Каландар-наме» на примере анализа и сравнения с текстом Корана, Сунны Пророка Мухаммада, хадисами и суфийскими сочинениями. Он находит некоторые символы из первой и второй групп – это 99 Прекрасных имен Аллаха, ‘Арш и Курсий, Лаух и Калам, Симвург, Рай [26]. Мы расширим интерпретацию этих и других исламско-суфийских символов на основе других средневековых трактатов. Комментаторы русского перевода также подчеркивают наличие в тексте большого количества специфических исламских выражений и формулировок, нуждающихся в научном анализе [12, с. 6]. Э.Г. Сайфетдинова пишет: «Текст «Каландар-наме» полон суфийских смыслов, что еще раз доказывает постулат о том, что проникновение суфийской традиции в духовную культуру Золотой Орды было намного глубже» [12, с. 7].

Следует отметить, что общеизвестные, общемусульманские образы из первой группы имеют и «явное» и «скрытое толкование» (традиционная оппозиция захир/батин), поэтому в сочетании с числовой и геометрической

символикой могут быть представлены в третьей группе. Некоторые образы представлены в поэме «Каландар-наме» целыми группами, как напоминания мусульманам, и раскрывают суть их «сакрального взаимодействия»:

«Если обойдешь все *семь небес*

И увидишь *рай* с гуриями,

Если оставишь ты *ад*, то будешь ты в безопасности,

А если освободишься от *барзаха*, станешь верующим (му`мин),

Если в один присест обежишь ты вокруг *Трона* (‘арш),

И если отпавишься к [миру] без пространства,

Если пройдешь *Престол* (курси), подобно молнии,

И если лучезарнее ты луны и солнца [1, с. 115]».

В Коране несколько раз упоминается образ «семь небес», и каждый аят раскрывает разные стороны символического образа. Вторая глава, 27 аят: «Он сотворил для вас все, что есть на земле; потом Он взошел к небу и устроил там семь небес. Он всеведущ [14, с. 7]. Двадцать третья глава, 88 аят: «Скажи: кто Господь семи небес и Господь великого престола» [14, с. 195]. Среди эзотерических ассоциаций с цифрой «7» в исламской литературе встречаются следующие образы – символическая круглая лестница (Семь ступеней восхождения и нисхождения) [7, с. 252], семь ступеней духовного становления суфия на пути совершенствования.

Образ «Божественного трона» (ал-‘арш ал-мухит) в Коране также занимает почетное место и часто сочетается с символом «Божественного престола» (ал-Курси), это два разных коранических символа. Вторая глава, 256 аят: «Престол Его обширнее небес и земли, и хранение обоих их не есть для Него бремя, потому что Он высок, могуществен» [14, с. 26]. Десятая глава, 3 аят: «Действительно, Господь ваш есть Бог, который сотворил землю в шесть дней, потом воссел на престол, чтобы управлять своим созданием» [14, с. 113].

В хикмете №69 А.Ясави описывает состояние духовного опьянения суфия в момент приближения к Истине с перечислением божественных Трона, Престола, Хранимой скрижали и Пера:

«Влюбленный, постигший этот макам-напев, выпьет вина.

Испив вина, искренне простится со своей душой.

Крепко ухватившись за крылья страсти, дальше полетит.

С интересом увидит Гарыш, Курси, Лаух, Калам» [30, с. 83].

Здесь мы видим, что образы Трона и Престола перечисляются в качестве отдельных категорий устройства божественного мироздания.

Суфийские авторы средневековья отражают в своем творчестве и подчеркивают идею высшего символизма «по образу и подобию», описанную в трактате ал-Газали «Эликсир счастья»: «Он создал из сердца твой престол. А из животного духа, подчиненного тому сердцу, создал для тебя Исрафила. Из мозга сотворил для тебя трон. Из кладовой представлений изготовил твою Хранимую Скрижаль. А из глаз, ушей и всех чувств создал тебе ангелов» [2, с. 43–44].

Основоположник тариката Кубравийа писал в своих трактатах: «Сходным образом, Небо, Землю и Престол тоже нельзя считать вещами внешними, это же касается Рая и Ада, смерти и жизни. Все они существуют в тебе; свершив своё мистическое странствие и очистившись, ты убедишься в этом» [13, с. 44].

На протяжении всего периода татарской исламской культуры мы встречаем эти образы в поэзии татарских поэтов и в суфийских мунаджатах, например, следующий образец XIX века, записанный Н.Ф. Катановым: «La ilaha illa' lla» ул *гарше көрсөй баскычы*» [20, с. 27]. Перевод его же: «(Слова) «Нѣтъ Бога, кромѣ Единаго!» – *лестница къ престолу* Божию на небѣ» [20, с. 28]. В этом примере мы видим сочетание сразу нескольких символов, описанных выше – лестница, ведущая к Престолу и Трону.

Очень важный коранический символ Мирового Древа часто встречается в поэме как группа образов с символикой «1», «9», аль-Лаух аль-махфуз и Перо/калам:

«Все Ты создал из небытия,
Луну, солнце, звезды, [Хранимую] *Скрижаль* и *Перо*.
Девять небесных сфер по Твоему велению возникли,
Рай и [*древо*] *Туба* – целиком от Твоей милости.
Под этой аркой и навесом голубым,
Создал Ты великий указатель *пути*» [1, с. 89].

Осевой символ Божественного Древа (Туба) упоминается в Коране в Двадцатой главе, в 118 аяте: «Адам! Не показать ли тебе *древо* вечности и владычества, которое не прекратится?» [14, с. 179]. Описание этого райского дерева дает Хусаин Амирханов в своем историческом трактате «Таварих-е Булгарийа» (Булгарские хроники): «По преданиям, его величина составит расстояние земли, что обойдет всадник за 100 лет. Дерево Туба обладает уникальными особенностями и невиданными объемами. Кроме этого, как передано в хадисах, в раю из него изготавливают райские одежды» [5, с. 63]. Это один из самых распространенных символов во всех традиционных культурах – *древо мироздания*. Встречается в следующих словосочетаниях – «Срединное Дерево», «Дерево мира», которое в трудах исламского эзотерика Ибн-‘Араби названо «шаджарат ал-каун (ал-кавн)» (*Дерево вселенной*) [33]. «Временами он понимает космический порядок как дерево, ветви которого символизируют различные уровни космического существования, а иногда он рассматривает мир в коранических терминах Пера и Скрижали» [24, с. 124]. Поэтическая картина мира, нарисованная поэтом Ф. Аттаром в поэме о соловье «Булбулнаме»:

«*Дерево*, у которого садовник – бог,
тайна плодов его всегда – душа и разум.
Знай, что весь мир – *древо*, полное плодов,
так как ты видишь, ты не можешь отрицать» [9, с. 364].

Задолго до Ибн-‘Араби Ахмад Ясави пишет в «Хикмете» №73 о «волшебном дереве Тубби», как о символе Божественного Центра, к которому можно только приблизиться:

«Вольно плавая по морю любви,
Желаю взять алмаз блаженства.
Летая в пространстве отшельничества,
Мечтаю сесть на ветку волшебного дерева Тубби.
Дерево Тубби невозможно посадить и вырастить» [30, с. 86].

Следующие связанные образы аль-Лаух аль-махфуз и Калам многочисленно встречаются не только в Коране, но и в средневековых суфийских трактатах и поэмах. Седьмая глава Корана, 142 аят дает четкое понимание о Скрижали, как о

Книге мироздания: «Мы написали ему на *скрижaliaх* о всех вещах, в назидание, в изъяснение всех вещей» [14, с. 92]. Сам Коран является ниспосланной «арабоязычной копией» божественной небесной Хранимой скрижали, источающий свет изначального Слова. Все сакральные божественные знания записаны на священной небесной книге, о чем пишет А. Ясави в хикмете №9:

«Доску “*Лаух ул-махфуз*” увидел я.

Триста мулл собрались завершить ривайат,

Согласно Шариату я тоже завершу один ривайат,

И на пути к цели Аллах укажет суть.

Только потеряв голову, понял Божью Истину я» [30, с. 21].

Вторая группа суфийских образов в поэме «Каландар-наме» богато представлена самыми основными и важными символами. О самих суфиях поэт часто высказывается в разных главах в таких эпитетах, как традиционно для правоверных мультуман:

«Обладатели знания и учености они, непременно,

Подлинно знающие и действующие [они].

Некоторые из них – суфии чистые сердцем» [1, с. 88].

Абу Бакр Каландар пишет о Шейхе Баха` ад-Дин ‘Умар аз-Зилави – анатолийском шейхе, которого почитал как учителя и наставника. Говоря о нем, он упоминает основные стоянки/макамы суфийского пути, характерные также для тариката Ясавийа: «шариат-тарикат-хакикат-магрифат»:

«В морях знания, кротости и [духовного] знания (ма`рифат)

Проявлялся всякий раз в одном цвете и качестве.

В шариате [был] ученым, сведущим о нем,

В тарикате [был] мастером этот обладатель [духовного] взора.

Ведает истину (хакикат) та чистая душа,

Из [всех] друзей [Аллаха] этот является внушительным» [1, с. 61].

Учитывая большое влияние шейхов тариката Ясавийа в эпоху Золотой Орды, мы видим преемственность и общность основных идей суфийского пути в разных группах и направлениях суфизма.

В поэме встречаются эзотерические «полярные» символы – кутб/полюс [1, с. 198] и гора Каф [1, с. 270]. В суфийской иерархии только самые духовно возвышенные шейхи получали звание «кутб», которое символизирует достижение наивысших ступеней духовного совершенствования в лестнице восхождения к полюсу (часто символ вершины горы). Для суфиев *символом центра* является шейх тариката, которого символически называют «кутб» (полюс), и, несомненно, реальным центром – Аллах. 148 глава в поэме посвящена известному во всем мире суфийскому шейху IX века Абу Йазиду Бистами:

«[был] он дервишем почтенным и полюсом [своего] времени (кутб-и заман),

Что произошли от него эти познавшие (‘арифан)» [1, с. 265–266].

Абу Бакр называет его «полюсом времени», что является наивысшей ступенью в иерархии авлия [1, с. 198]. Согласно «цепи преемственности» («силсила») многих тарикатов, Бистами находится в самом начале цепочки в числе почетных последователей Пророка. Приводим наиболее популярный вариант «Золотой силсилы» тариката Накшбандийа (XIV в.):

1) Пророк Мухаммед

2) Халиф Абу Бакр ас-Сиддик

- 3) Салман аль-Фариси бин Муса
- 4) Касим ибн Мухаммад ибн Абу Бакр
- 5) Джа‘фар ас-Садик
- 6) Абу Йазид ал-Бистами и т.д. [4, с. 338–339].

Многие тарикаты свои ритуалы зикра проводили сидя или двигаясь в круге/по кругу, в центре которого находился шейх, что также символически отражало движение вокруг «Божественного центра». Духовным посредником был для начинающих мюридов именно шейх или «кутб» тариката. Вот описание ритмично ускоряющего вращения зикра у А. Шиммель: «Часто суфии образовывали *халка* «круг», вокруг *кутба*, «столпа»; каждый возлагал правую руку на левую руку своего соседа и, закрыв глаза, повторял *шахаду*, пока в ней не оставался только последний звук «х» [29, с. 142].

Важная часть суфийских радений – речитация 99-ти Прекрасных имен Аллаха, часто это обязательная часть ритуала многих тарикатов. «*ал-асма’ ал-хусна*» рассыпаны по всей поэме Абу Бакра:

«Аллах! Аллах! О *Великодушный!* О *Милосердный!*

Аллах! Аллах! О *Знающий!* О *Мудрый!*

Ты Творец, *Дающий* пропитание живым существам.

Ты Хранитель обоих миров и *Помогающий* [им]» [1, с. 377].

Самые популярные списки «*ал-асма’ ал-хусна*» даны в трудах ат-Тирмизи (IX в.), ал-Газали (XI–XII вв.), ал-Иджи (XIII–XIV вв.) и ал-Джурджани (XIV–XV вв.). Традиция перечисления «Прекрасных имен» присутствует во многих суфийских поэмах задолго до Абу Бакра. Во вступлении к «Мунаджату» А. Ансари (1006–1089) традиционно перечислены некоторые из 99-ти прекрасных имен Аллаха:

«Во имя Аллаха, *Милостивого* и *Милосердного*.

О *Щедрый* дарователь даров,

О *Мудрый*, прикрывающий наши проступки,

О *Вечный*, недоступный нашему познанию,

О *Единый*, бесподобный в сущности и свойствах,

О *Могучий*, достойный только Бога, и *Знающий* о всех вещах,

О *Суций*, лишенный всякого изъяна...» [6, с. 26].

Пожалуй, центральной символической формой многих суфийских трактатов и поэм является образ «*сердца*», ему посвящены многие строки у самых знаменитых шейхов-мыслителей средневековья. В суфизме образ сердца имеет центральное значение во многих смыслах. Суфийский контроль за сердцем, по мнению исламских эзотериков, не что иное, как контроль за божественной силой внутри себя.

Среди наиболее ярких и популярных символических сравнений сердца – это образ источника – целебного ключа, с кристально чистой водой [25, с. 108]. Абу Хамид ал-Газали в трактате «Эликсир счастья» пишет, что в этом источнике «помещаются все науки», и «внутри сердца существует одно окошко, открытое в Царствие небесное (малакут-и асман), подобно тому как снаружи сердца есть пять дверей, открытых в мир чувственного (‘алам-и махсусат), называемый телесным миром (‘алам-и джисмани), тогда как мир царствия (‘алам-и малакут) именуется миром духовным (‘алам-и рухани)» [2, с. 19]. Так, Абу Хамид ал-Газали подчеркивает мистическое происхождение сердца, которое является «*ключом*» к познанию Бога [2, с. 9]. Сердце для су-

фиев является важным связующим местом с божественным центром, поэтому часто употребляется в символических аналогиях с осью, полюсом и центральной точкой мира.

В поэме Абу Бакра очень поэтично образ сердца связан с «Божественным светом», внимание на сердце во время молитвы, в каждом вздохе – все подчинено цели достижения Божественного присутствия:

«Душу и *сердце* надели *светом* и убежденностью,
Дабы познали они подлинную основу дела.
Пока душа и *сердце* о Тебе ведают,
Вместе они идут по одному пути.
Путь они держат к молитвенной беседе,
Оба друг друга услаждают.
Оба говорят они: «О Аллах! Покажи!
Замок на сокровище тайном отопри,
Дабы достичь нам с его помощью цели,
Дабы душа и *сердце* достигли присутствия Твоего» [1, с. 583].

Сердце дервиша «вмещает Аллаха», ему доступны «тайные знаки и смыслы», для этого он «очищает» и «полирует» его до зеркального блеска многочисленными зикрами:

«У кого есть сердце, тот мой возлюбленный,
Ведает он, как толкование, так и тайны.
Таким образом, у *дервишей сердце бывает таким*,
Что не вмещают его в себя земля и небо.
Кто увидел море в кувшине?
От кого услышало сердце это разъяснение?» [1, с. 75].

Третья группа – сакрально-эзотерические символы «скрытых наук» («ал-‘ильм ал-батин») также широко представлены в поэме Абу Бакра и нуждаются в отдельном исследовании. Мы лишь обобщенно назовем некоторые из них. Так, в 64 главе Абу Бакр пишет о специальном таинственном языке суфиев, о котором достаточно хорошо описано в книге А.Шиммель [29, с. 131]. В поэме Абу Бакра в нескольких местах находим этот «секретный язык суфиев»:

«Речи их всецело тайнами являются,
У суфиев есть много деяний такого рода.
Суфии сердцем чисты в [этом] мире,
На пути духовного совершенствования (сулук ва сайр) они, несомненно» [1, с.181].

Глава 14 раскрывает место, в котором скрыто тайное знание – это сердце суфия:

«Кому открылось сокровенное знание (‘ильм-и ладуни),
Тот проявил эти скрытые тайны.

...

Сокровенное [знание] – в сердце, в душе и в возлюбленном,
А то второе знание подобно ноше на теле.
Сбрось ношу и стань свободным,
Как будто бы ты откупорил [бутыль] сокровенного [знания]» [1, с. 63].
И в другой главе:

«Сказал я: «О Истинный (Хак)! Я прошу у Тебя слов,
Чтобы рассказать о знании сокровенном (‘ильм мин ладун)» [1, с. 379].

И, наконец, самый таинственный символ божественного Слова в поэме «Каландар-наме» звучит в главе 120:

«С неба пришло слово, а потому не ничтожно оно,
Подобно Сулейману оно, а не муравью.
Благодаря слову устроились дела мира,
Не смотри на него с презрением, не считай его незначительным» [1, с. 235].

Гора Каф, как эзотерический символ центра мира, вокруг которого все вращается, также есть в поэме Абу Бакра:

«После этого ступай к [горе] Каф близости [к Аллаху] (курбат),
Вращайся (в танце – прим. ред.) непрерывно, будучи влюбленным.
Язык не смог передать толкование любви,
Превыше любовь чего бы то ни было.
О качествах своих поет она избранным и простому люду,
[О том], кто я такой, также расскажет она – на этом все!» [1, с. 270].

И сам текст 201 главы поэмы в подражание вращению божественного мироздания написан в рондообразной спиральной форме. Начальный риф в каждой строчке повторяется в 27 бейтах (54 раза), чередуясь с другими:

«О Тот, благодаря кому» [1, с. 1041–1043].

Вокруг этой фразы, как бы символически вращается каждая последующая строчка этой главы:

«О Тот, благодаря кому вместе с радостью есть и горе!
О Тот, благодаря кому во всяком горе есть радость и ликование!
О Тот, благодаря кому каждому рабу [дано] величие!
О Тот, благодаря кому всем подряд [дано] счастье!» [1, с. 1042].

Таким символическим вращением 54 раза (само число 9 является бесконечно круглым) вокруг центральной точки Абу Бакр завершает поэму.

«Точка в центре круга» как символ божественного творения также воспевается в стихах Абу Бакра Каландара Руми:

«Такого рода круг благодаря ему появился.
Точка человека благодаря ему возникла» [1, с. 915].

Традиционный символ «сферы» (в поэме – мяч), как основы строения вселенной также входит в науку священной геометрии, известной суфийским ученым. Еще до Джордано Бруно мусульманские ученые знали, что земля висит в пространстве, а не лежит на черепахе:

«Знарок сферической геометрии (‘ильм аль-хай’ат) говорит, что девять небес

Соединились и собрались [воедино], словно большой мяч.
У каждого из них вращение своего рода,
И оно [устроено] со знанием и мудростью – посмотри!
Луна и солнце вместе со всеми звездами
Украшением являются семи небес.
Посему земля с морями и горами,
Словно светильник, подвешена в воздухе.
Стоит она во чреве небесном
С [самого] сотворения, несомненно» [1, с. 240].

В 10 главе первого дафтара «Мунаджат» Абу Бакр Каландар Руми молит Всевышнего даровать ему «тайное» знание, осветить сердце божественным светом, и обращается к нему эпитетами 99-ти Прекрасных имен:

«О Великодушный Господь и Милосердный Друг,

[Ты] Единственный и Пречистый, Величайший, Великолепный, о Всезнающий!

Мы погрузились в сон, пробуди же нас,

О том смысле тайн просвети же нас.

Дабы сердце мое осветилось от озарений Твоих,

Дабы язык мой читал тайны Твои» [1, с. 57].

«Душу и сердце надели светом и убежденностью,

Дабы познали они подлинную основу дела.

Пока душа и сердце о Тебе ведают,

Вместе они идут по одному пути.

Путь они держат к молитвенной беседе,

Оба друг друга услаждают.

Оба говорят они: «О Аллах! Покажи!

Замок на сокровище тайном отопри,

Дабы достичь нам с его помощью цели,

Дабы душа и сердце достигли присутствия Твоего» [1, с. 583].

Среди других традиционных эзотерических образов суфизма, которые есть в поэме Абу Бакра, можно перечислить такие – «язык птиц» [1, с. 188]; «божественный свет» (соединенный с символом «мирового древа» и девятью его основными ветвями) [1, с. 65–66 и с. 89]; птица Симург [1, с. 188]; зеркало [1, с. 595–596], тайны ал-батин [1, с. 57]; наука букв в традициях «хуруфизма» [1, с. 171] и другие.

Обсуждение

Предварительный обзорный анализ поэмы «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми показывает, что, действительно, это сочинение изобилует как общеисламскими, так и суфийскими (эзотерическими) символами. Методология герменевтического анализа и опора на суфийские поэмы и трактаты исторического периода «до» и «во время жизни» поэта, показывает глубокую осведомленность Абу Бакра Каландара Руми в традиционных символических формах своего времени. Традиционные коранические и «скрытые» образы, числовая и буквенная символика, известные тарикаты и персоны ислама – все это присутствует в тексте и делает поэму очень ценным источником, которые на многие годы вперед должен стать объектом пристального изучения.

Основные выводы исследования

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу, что исламская суфийская культура на территории Золотой Орды была развита достаточно хорошо, что подтверждается многими исследованиями и новыми источниками – например, поэмой Абу Бакра Каландара Руми. Традиционные символические формы суфизма пронизывают весь текст поэмы «Каландар-наме», и свидетельствует о том, что суфийская культура развивалась не узко только в рамках тарикатов, а опиралась на труды представителей самых разных мировых суфийских направлений. Анализ показал, что поэма Абу Бакра также,

как мунаджаты, хикметы и трактаты суфийских авторов из разных стран содержат практически одинаковые символические образы: рай, ад, семь небес, Трон, Калам, Хранимая скрижаль, «божественный свет», тарика, Древо мира, гора Каф, небесная сфера, полюс/ кутб, образ «сердца», 99 прекрасных имен Аллаха, птица Симург, скрытое знание, «язык птиц», буквенно-числовая, геометрическая (круг, сфера, спираль) и др. Надеемся, что в будущем нас ожидает целый ряд научных открытий по культуре эпохи Золотой Орды на основе междисциплинарных исследований текста данной поэмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное. Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой / Общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.
2. Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ат-Туси «Кимийа-йи са`дат» («Эликсир счастья») / Перевод с персидского, вступительная статья, комментарий и указатели А.А. Хисматуллина. СПб.: Издательство «Петербургское Востоковедение», 2002. 324 с.
3. Акимушкин О.Ф. Каландарийа // Ислам. Энциклопедический словарь. Ответственный редактор С.М. Прозоров. М.: Наука. ГРВЛ, 1991. С. 130.
4. Акунов В.В. Военно-духовные ордена Востока. История орденов и тайных обществ. М., 2012. 352 с.
5. Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / Хусаин Амирханов; пер. со старотат., вступ. ст. и коммент. А.М. Ахунова. М.: Изд. дом Марджани, 2010. 232 с.
6. Ансари Хваджа Абд Аллах. Мунаджат. Сокровенные молитвы. Перевод с дари. Москва: «Номос», 2004. 112 с.
7. Арберри А.Дж. Суфизм. Мистики ислама. Пер. с англ. М.: Сфера, 2002. 272 с.
8. Бородовская Л.З. Расширение сферы влияния суфизма в период Золотой Орды // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 3(33). С. 82–94. DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-3-71-81 EDN: ZTPPRX
9. Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965. 531 с.
10. Галиахметова Г.Г. Суфизм в Золотой Орде // Суфизм в Иране и Центральной Азии: сборник статей. Материалы международной конференции. Алматы, 2006. С. 293–295.
11. Гибадуллин И.Р., Миргалеев И.М. «Каландар-наме» – ранее неизвестный памятник суфийской литературы Золотой Орды // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути: Материалы II Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция», Болгар-Казань, 3–5 сентября 2017 года. Болгар-Казань: Издательский дом «Исламская книга», 2018. С. 31–35.
12. Комментарии к «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми. Выпуск 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 96 с.
13. Корбен Анри. Световой человек в иранском суфизме. Перевод с французского Юрия Стефанова. М.: «Фонд исследований исламской культуры», 2009. 240с.
14. Коран / пер. на рус. Г.С. Саблукова; худож. Л. Андреев. Москва: Белый город, 2015. 378 с.

15. Крамаровский М.Г. Крым и рум в XIII–XIV столетиях (анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 1. С. 55–88.
16. Миргалеев И.М. Золотоордынский богослов Абу Бакр Каландар // Тюркомусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения: Сборник статей Международной конференции. К 80-летию профессора М.А. Усманова, Казань, 27–28 мая 2014 года / Составители и научные редакторы: Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. С. 241–243.
17. Миргалеев И.М. Абу Бакр Каландар Руми. Кто он? // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 41–45.
18. Миргалеев И.М. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 63–68.
19. Миргалеев И.М., Абызова Р.Р. Шихабетдин Марджани о Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 181–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198
20. Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии Н. Ф. Катановым: Отдельный оттиск из «Ученых Записок Императорского Казанского Университета» за 1898 год. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. 39 с.
21. Сайфетдинова Э.Г. Развитие ислама и его традиций на территории Золотой Орды по сведениям средневековых арабских сочинений XIII–XV вв. // Исламоведение. 2022. Т. 13. № 1(51). С. 25–32. DOI: 10.21779/2077-8155-2022-13-1-25-32 EDN: WRTZQS.
22. Сайфетдинова Э.Г. Религиозные традиции Улуса Джучи (на материале произведений золотоордынской эпохи «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара и «Нахдж ал-фарadis» Махмуда ал-Булгари) // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. М., 2018. С. 51–57.
23. Туйчиева Н.М. Каландария // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 49. С. 19–23.
24. Философы ислама: Авиценна (Ибн Сина), ас-Сухраварди, Ибн Араби. М.: ООО «Садра», 2014. 152 с.
25. Хисматулин А.А. Суфизм. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2008. 192 с.
26. Шагавиев Д.А. Источники богословских глав сочинения «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 69–74.
27. Шамсимухаметова М.Р. Религиозные братства ахи в Золотой Орде // Исламоведение. 2018. Т. 9. № 3. С. 40–52.
28. Шамсимухаметова М.Р. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми: источниковедческий анализ // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 75–78.
29. Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. М.: Алетейа, Энигма, 2000. 414 с.
30. Яссави Ходжа Ахмед. Хикметы / Общ. ред. и предисл. М. Х. Абусеитовой; излож. пер. на рус. яз. Н.Ж. Сагандыковой; коммент. З. Жандарбека. Алматы: «Дайк-Пресс», 2004. 208 с.
31. Akkuş, Mustafa. Anadolu selçuklu devletinin yıkilmasında kalenteri grupların rolü // International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Volume 9/7. Summer 2014. Pp. 117–134.

32. Ebu Abdullah Muhammed ibn Battut Tanci Ibn Battuta seyahatnamesi. Ceviri, inceleme ve Notlar: A.Sait Aykut. Istanbul, Yapi Kredi Yayinlari, 2000. Cilt 1–2. 1104 s.
33. Jeffery A. “Ibn al-Arabī’s Shajarat al-Kawn”// *Studia Islamica*, (Leiden), 1959. №11, p. 113–160.
34. Schamiloglu U. Reflections on the Islamic Literature of the Golden Horde: On the Occasion of the Publication of the Qalandar-nāme // *Золотоордынское обозрение*. 2021. Т. 9, № 2. С. 264–271. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-2.264-271

Сведения об авторе: Лилия Зелымхановна Бородовская – кандидат искусствоведения, доцент ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры» (420059, Оренбургский тракт, 3, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5680-1187, Scopus Author ID: 57577590100, ResearcherID: AFA-8129-2022. E-mail: lilianotka@yandex.ru

Поступила 01.12.2022 Принята к публикации 02.03.2023
Опубликована 29.03.2023

REFERENCES

1. Abu Bakr Kalandar Rumi. *Qalandar-name*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 1044 p. (In Russian)
2. Abu Hamid Muhammad al-Ghazali at-Tusi. “*Kimīya-yi sa'dat*” (*Elixir of happiness*). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 324 p. (In Russian)
3. Akimushkin O.F. Qalandaria. *Islam. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Nauka. GRVL, 1991, pp. 130. (In Russian)
4. Akunov V.V. *Military spiritual orders of the East. History of orders and secret societies*. Moscow, 2012, 352 p. (In Russian)
5. Amirkhanov Kh. *Bulgar Chronicles*. Moscow: Izdatelskiy dom Mardzhani, 2010. 232 p. (In Russian)
6. Ansari Khvadzha Abd Allakh. *Munajat. Secret prayers*. Moscow: Nomos, 2004. 112 p. (In Russian)
7. Arberri A. Dzh. *Sufism. Mystics of Islam*. Moscow: Sfera, 2002. 272 p. (In Russian)
8. Borodovskaya L.Z. The growth of Sufi influence in the period of the Golden Horde. *Islamovedenie*. 2017. Vol. 8, no. 3. P. 82–94. DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-3-71-81. (In Russian)
9. Bertel's E.E. *Selected works. Sufism and Sufi literature*. Moscow, 1965, 531 p. (In Russian)
10. Galiakhmetova G.G. Sufism in the golden horde. Sufism in Iran and Central Asia. *Materials of the international conference*. Almaty, 2006, pp. 293–295. (In Russian)
11. Gibadullin I.R., Mirgaleev I.M. “Qalandar-name” – a previously unknown monument of Sufi literature of the Golden Horde. *Islamic factor in the integration processes of the Great Silk Road*. Bolgar-Kazan: Izdatel'skiy dom «Islamskaya kniga», 2018, pp. 31–35. (In Russian)
12. *Comments on “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi*. Issue 1. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, 96 p. (In Russian)

13. Korben Anri. *Light Man in Iranian Sufism*. Moscow: «Fond issledovaniy islamskoy kul'tury», 2009, 240 p. (In Russian)
14. *Koran*. Moscow: Belyy gorod, 2015, 378 p. (In Russian)
15. Kramarovskiy M.G. The Crimea and Rum in the 13th–14th centuries: the Anatolian diaspora and urban culture of Solkhat. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no 1, pp. 55–88. (In Russian)
16. Mirgaleev I.M. Golden Horde theologian Abu Bakr Qalandar. *Tyurko-musul'manskiy mir: identichnost', nasledie i perspektivy izucheniya* [Turkic-Muslim World: Identity, Heritage and Perspectives of Study]. Kazan: Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet, 2015, pp. 241–243. (In Russian)
17. Mirgaleev I.M. Abu Bakr Qalandar Rumi. Who is he? *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2014, no. 1, pp. 41–45. (In Russian)
18. Mirgaleev I.M. The composition “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi Aksarayi as a source on the history of the Golden Horde. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya =Golden Horde civilization*. 2016, no. 9, pp. 63–68. (In Russian)
19. Mirgaleev I.M., Abyzova R.R. Shihabutdin Marjani on the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 181–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198 (In Russian)
20. Report on a trip made from June 1, 1897, to August 20 of the same year to Belebeevsky and Menzelskiy districts of the Ufa province by N.F. Katanov. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta, 1898. 39 p. (In Russian)
21. Sayfetdinova E.G. The development of Islam and its traditions in the territory of the Golden Horde, according to medieval Arabic sources of the 13th–15th centuries. *Islamovedenie* [Islamic studies]. 2022. Vol. 13, no. 1(51), pp. 25–32. DOI: 10.21779/2077-8155-2022-13-1-25-32. (In Russian)
22. Sayfetdinova E.G. Religious Traditions of Ulus Jochi (based on the works of the Golden Horde era “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar and “Nakhj al-faradis” by Mahmud al-Bulgari). *Islamskiy faktor v integratsionnykh protsessakh Velikogo Shelkovogo puti* [Islamic factor in the integration processes of the Great Silk Road]. Moscow, 2018, pp. 51–57. (In Russian)
23. Tychieva N.M. Calandaria. Collections of conferences SIC Sociosphere. 2013, no. 49, pp. 19–23. (In Russian)
24. Philosophers of Islam: Avicenna (Ibn Sina), al-Suhrawardi, Ibn Arabi. Moscow: OOO «Sadra», 2014, 152 p. (In Russian)
25. Khismatulin A.A. *Sufism*. St. Petersburg.: Izdatel'skiy Dom «Azbukha-klassika»; «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2008. 192 p. (In Russian)
26. Shagaviev D.A. Sources of the theological chapters of the composition “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya =Golden Horde civilization*. 2016, no 9, pp. 69–74. (In Russian)
27. Shamsimukhametova M.R. Ahi religious brotherhoods in the Golden Horde. *Islamovedenie=Islamic studies*. 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 40–52. (In Russian)
28. Shamsimukhametova M.R. The composition “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi: source analysis. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde civilization*. 2016, no. 9, pp. 75–78. (In Russian)
29. Shimmel' Annemari. *World of Islamic mysticism*. Moscow: Aleteya, Enigma, 2000, 414 p. (In Russian)
30. Yassavi Khodzha Akhmed. *Hikmety*. Almaty: Dayk-Press, 2004, 208 p. (In Russian)

31. Akkuş, Mustafa. The role of kalenderi groups in the collapse of the Anatolian Seljuk state. *International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. 2014. Vol. 9/7, pp. 117–134. (In Turkish)

32. *Abu Abdullah Muhammad ibn Battuta The travel book of Tanji Ibn Battuta*. Çeviri, inceleme ve Notlar: A.Sait Aykut. Istanbul, Yapi Kredi Yayinlari, 2000. Cilt 1–2, 1104 p. (In Turkish)

33. Jeffery A. “Ibn al-Arabī’s Shajarat al-Kawn”. *Studia Islamica*, (Leiden), 1959, no. 11, pp. 113–160.

34. Schamiloglu U. Reflections on the Islamic Literature of the Golden Horde: On the Occasion of the Publication of the Qalandar-nāme. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 2, pp. 264–271. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-2.264-271.

About the author: Liliya Z. Borodovskaya – Cand. Sci. (Art History), Associate Professor, Kazan State Institute of Culture (3, Orenburgsky tract, Kazan 420059, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5680-1187, Scopus Author ID: 57577590100, ResearcherID: AFA-8129-2022. E-mail: lilianotka@yandex.ru

Received December 1, 2022 Accepted for publication March 2, 2023

Published March 29, 2023

**ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЛХАТА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И РУКОПИСНЫМ ИСТОЧНИКАМ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ**

Голда Ахиезер¹, М.Г. Крамаровский²

¹ *Ариэльский Университет
Ариэль, Израиль
agolda@ariel.ac.il*

² *Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Российская Федерация
kramarovskiy@hermitage.ru*

Цель статьи: реконструкция истории и культурной жизни еврейских общин средневекового Солхата и их места в городской жизни поликультурного и полирелигиозного города Золотой Орды.

Материалы исследования: в статье использованы результаты исторических исследований XIX–XXI вв., а также новых археологических раскопок в Старом Крыму, проведенные М.Г. Крамаровским. Важным источником являются также средневековые еврейские рукописи из Крыма, проливающие свет на историю еврейских (караимской и раввинистической) общин Солхата.

Результаты и научная новизна: поскольку история иудейских общин Крыма, и в особенности, в средневековом Солхате является малоисследованной областью, обнаружение руин синагоги XIII в. и некоторых других артефактов, связанных с этими общинами города М.Г. Крамаровским является важнейшей вехой в изучении еврейской общины Солхата, а также в исследованиях Золотой Орды. Этот новый археологический материал в сочетании с существующими еврейскими рукописями из Крыма, которые до последнего времени не были систематически изучены, проливает свет на малоизвестную страницу истории этого периода. Сопоставление этих важнейших источников позволило авторам статьи провести частичную реконструкцию культурной и общественной жизни иудейских общин Солхата, и их места в средневековой городской жизни поликультурного и полирелигиозного города Золотой Орды.

Ключевые слова: Солхат, Золотая Орда, еврейские общины, караимы, раввинисты, археологические артефакты, рукописи

Для цитирования: Ахиезер Г., Крамаровский М.Г. Еврейские общины средневекового Солхата по археологическим и рукописным источникам: историко-культурные аспекты // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 79–108. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.79-108 EDN: IPBRBU

Благодарности: авторы статьи выражают свою искреннюю благодарность за важные комментарии проф. Мишелю Балару (Université de Paris), проф. Меиру Бар-Ашеру (Еврейский Университет Иерусалима), проф. Питеру Голдену (Rutgers University) и проф. Давиду Кассуто (Ариэльский университет).

© Ахиезер Г., Крамаровский М.Г., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**JEWISH COMMUNITIES OF MEDIEVAL SOLKHAT
ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL AND MANUSCRIPT SOURCES:
HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS**

Golda Akhiezer¹, Mark Kramarovsky²

¹ *Ariel University
Ariel, Israel
agolda@ariel.ac.il*

² *State Hermitage Museum
St. Petersburg, Russian Federation
kramarovskiy@hermitage.ru*

Abstract: *Research Objectives:* A reconstruction of the history and cultural life of the Jewish communities in Medieval Solkhat in the context of the urban life of the multicultural and multiconfessional city of the Golden Horde.

Research Materials: The article is based on the results of historical research from the 19th to the 21st centuries, as well as new archaeological excavations in Stary Krym conducted by M.G. Kramarovsky. Medieval Jewish manuscripts from Crimea are also an important source, shedding light on the history of the Jewish (Karaites and Rabbinic) communities of Solkhat.

Results and Novelty of the Research: The history of the Crimean Jewish communities, especially in Medieval Solkhat, is a field that has not been thoroughly researched. Therefore, events such as the discovery by M.G. Kramarovsky of the ruins of the 13th-century synagogue, along with associated artefacts related to these communities, are important milestones in the research of the Jewish past of Solkhat and the history of the Golden Horde. The combination and juxtaposition of the new archaeological material with the existing Jewish manuscripts from Crimea, which until recently had not been systematically researched, shed light on a little-known aspect of that historical period. Such a combination of sources provided the authors with an opportunity to carry out a partial reconstruction of the cultural and social life of the Jewish communities of Solkhat and an assessment of their place in the context of the medieval urban life of this multicultural and multireligious centre of the Golden Horde.

Keywords: Solkhat, Golden Horde, Jewish communities, Karaites, Rabbanies, archaeological artefacts, manuscripts

For citation: Akhiezer G., Kramarovsky M.G. Jewish Communities of Medieval Solkhat according to Archaeological and Manuscript Sources: Historical and Cultural Aspects. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no.1, pp. 79–108. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.79-108 (In Russian)

Acknowledgments: The authors express their sincere gratitude for the important comments to Prof. Michel Balard (Université de Paris), Prof. Meir Bar-Asher (Hebrew University of Jerusalem), Prof. Peter Golden (Rutgers University) and Prof. David Cassuto (Ariel University).

Введение

Весной 1223 г. в Таврике появляются Чингизиды, и всадниками воинской разведки монголов был разорен Судак [20, с. 229]. Это случилось за год до образования улуса Джучи (от имени владетеля земель старшего сына Чингисхана Джучи (1182–1227)). Спустя три века Улус Джучи в русском источнике получил именование Золотой Орды (впервые это словосочетание, а равно и именование «*Великая Златая Орда*» появляется в 1566 г.). Полную са-

мостоятельность Золотая Орда [48] приобретает спустя почти сорок лет после смерти Джучи в 1227 г., уже при хане Менгу Тимуре (1266–1282), сохраняя, впрочем, формальную зависимость от имперского центра. Таврида, сменившая в монгольскую эпоху свое византийское именование на Къырым, развивалась в составе Золотой Орды около 217 лет с 1224 по 1441 гг.

В XIII–XIV вв. наследники Джучи превратили улус в один из основных факторов восстановления северной ветви Шелкового пути на отрезке от столицы улуса Сарая (в нижнем течении Волги) к Северному Причерноморью. Торговые маршруты в 7 000 км оказались одними из самых успешных в системе первой Евразийской глобализации. На их путях возникли десятки новых рынков и даже города. Созданные по воле ханской ставки дома Джучи, эти центры оседлости в своем большинстве исчезают вместе с властью кочевых элит. Исключения составляют лишь немногие и среди них город Солхат/Къырым.

В арабских письменных источниках Солхат/Къырым¹ впервые упоминается Ибн ‘Абд-аз-Захиром, секретарем бахритского султана Бейбарса I ал-Бундукдари (1260–1277), в 1264 г. в описании первого египетского посольства к ордынскому «царю Берке» (1257–1267), сыну Джучи и пятому хану Улуса Джучи, принявшему ислам еще в сороковые годы. Сведения о Солхате дополняются в компендиуме арабского автора аль-Муфаддала, из которых мы узнаем, что в 1264 г. египетское посольство во главе с эмиром Фарис ад-дином Акуша аль-Масуди аль-Асади отправилось в Солхат² на *лошадях йулак* [23, с. 150], из чего можно заключить, что в это время Солхат/Къырым находился на этапе деревенского поселения. Здесь речь идет о *яме* (почтовой станции)³ а это означает, что Солхат, зародившийся еще в период монгольского единства, вырос на стойбище транзитного маршрута.

В 2014–2015 гг. в ходе археологических работ в центральной части города были обнаружены руины синагоги, а также некоторые артефакты с надписями на иврите. Это открытие является важнейшей вехой как в исследованиях Солхата и Крыма в целом в монгольский период, так и в изучении еврейской истории и культуры. Исследование археологических материалов в сочетании с письменными еврейскими источниками из Солхата проливают свет на почти неизвестную страницу этой истории.

Данная статья является попыткой реконструкции культурной и общественной жизни иудейских общин Солхата и их места в средневековой городской жизни поликультурного и полирелигиозного города Золотой Орды.

Типология раннего Солхата: от яма к городу

Солхат как субъект полукочевой империи, чье экономическое и культурное развитие предопределило его связь с Северной ветвью мировой торговли XIII–XIV вв., типологически принадлежит к разряду *степных городов*. По характеру организации пространства, эти поселения напоминали европейские предгорода, где на ранней стадии своего развития город не имел территори-

¹ На рубеже XIV–XV вв. тюркский топоним «Солхат», судя по арабским источникам, выходит из употребления. В.В. Бартольд, опираясь на текст аль-Кашанди, отмечает, что в этот период становится общеупотребительным топоним «Крым» [1, т. 3, 467–468].

² См. анализ контактов Золотой Орды и Каира [18, с. 27–30].

³ О чингизидской службе почтовых сообщений, учрежденной в 1229 г., см. [12, с. 197–198].

ального единства и нередко состоял из отдельных обжитых участков, живших собственными экономическими и общественными интересами. С ними степные центры оседлости сближало отсутствие стен, а также градообразующая роль рынка, основанного на хождении общегосударственных монетных номиналов. В социальном плане главное отличие города Джучидов состояло в отсутствии комплекса привилегий и свобод, дарованных в европейских городах той части населения, которая находила в себе силы освободиться от феодальной зависимости сюзерена⁴.

Солхат в своем развитии прошел несколько стадий. Первая из них – *догородская* – состояла из двух этапов: почтовой станции – *яма* и поселения деревенского типа – *қарйа* (араб.). Границы периода определяются в пределах около 1240-х – середины 1270-х гг. Наступление городского этапа связано с зарождением местного рынка, отмеченного началом чекана монетным двором «Къырым» медной розничной монеты – *пулов* в 674–979 гг. (1275/1276–1280/1281 гг.). Эта стадия приходится на конец правления хана Менгу-Тимура (1267–1280).

Первое упоминание Солхата как города относится к 1286 г. [27, с. 647–659]. Спустя 47 лет в 1333–1344 гг. арабский путешественник Ибн-Баттута называет его «городом Кирам» с эпитетами «большой и красивый» [23, с. 209]. Автор второй половины XIV в. египтянин аль-Калкашанди (1355–1418) характеризует Солхат/Къырым уже как столицу Правого крыла Золотой Орды [5, с. 265, 269, 286–287].

Феноменально короткое время, за которое Солхат прошел путь от *яма* к городу, обусловлено особенностями формирования его экономики. Состоятельным Солхат сделала транзитная торговля – фискальные сборы от дистрибуции им товаров и таможенные сборы с оборотов прохождения торговых караванов между Азией в Европой. Этому способствовало расположение города на линиях купеческих коммуникаций западной ветви Шелкового пути из причерноморских степей к грузовым причалам Каффы и венецианско-генуэзских факторий Азово-Черноморского бассейна. Отдельно отметим колесный путь *Via Tartarica* [2, с. 77–89], начинавшийся у северо-восточных ворот Солхата. Татарский путь вел из крымского предгорья к западнорусским и литовским землям с конечным пунктом во Львове, откуда товары «татарского» импорта перетекали в Краков и Прагу.

Возникновение «монгольских» городов на западе Евразийских степей представляет собой уникальное явление в истории мировой урбанистики⁵.

Население Солхата

Солхат, сформировавшийся к концу XIII в., занял ведущее место среди ордынских городов Крыма, став перекрестком культур в период монгольской глобализации. В состав его населения вошли представители степных народов

⁴ См. обобщающую характеристику Таврики монгольского периода, в том числе векторов торговых маршрутов с Русью и центральной Европой (через Львов), рынками государств Средиземноморья – [6, с. 87–94. Здесь же и основные сведения о поселениях Таврики и г. Крым/Солхат, с. 88, 90].

⁵ Города ханского домена Золотой Орды, созданные в регионе Поволжья по инициативе Джучидов, явились предметом исследования Г.А. Федорова-Давыдова и его школы [8; 9; 25; 26].

(монголы и тюрки, прошедшие этап седентаризации), мигранты из Византии, Италии, Восточной Европы, Ближнего Востока, Великой Армении и Киликии, представлявшие конгломерат из различных этнических и конфессиональных групп в рамках христианства, ислама и иудаизма. Среди мусульман, составлявших в XV в. суннитское большинство с четырьмя *мазхабами* (богословско-правовыми школами: маликитским, ханафитским, шафиитским и ханбалитским), доминировали ханафиты. Часть мусульман-неофитов были потомками монгольских родов (*кыят* и *найман*) и перешедших к оседлости кыпчаков. Христианство было представлено византийским православием, а также несторианской, католической и армяно-григорианской конфессиями. Это культурное многообразие, характерное для городов Золотой Орды, дополняется присутствием в Солхате двух иудейских конгрегаций: раввинистов, относящихся к основному течению талмудического иудаизма, и караимов, отвергающих устную традицию Талмуда⁶. Все три религиозные общины появились в городе, по-видимому, с начала его основания из переселенцев по принуждению [о перемещении ремесленников см.: 20, с. 208]. Часть из них была вынуждена покинуть свои домашние очаги в Византии (например, Константинополе), а также городов католического и исламского Средиземноморья в поисках жизненной среды, толерантной в религиозном отношении.

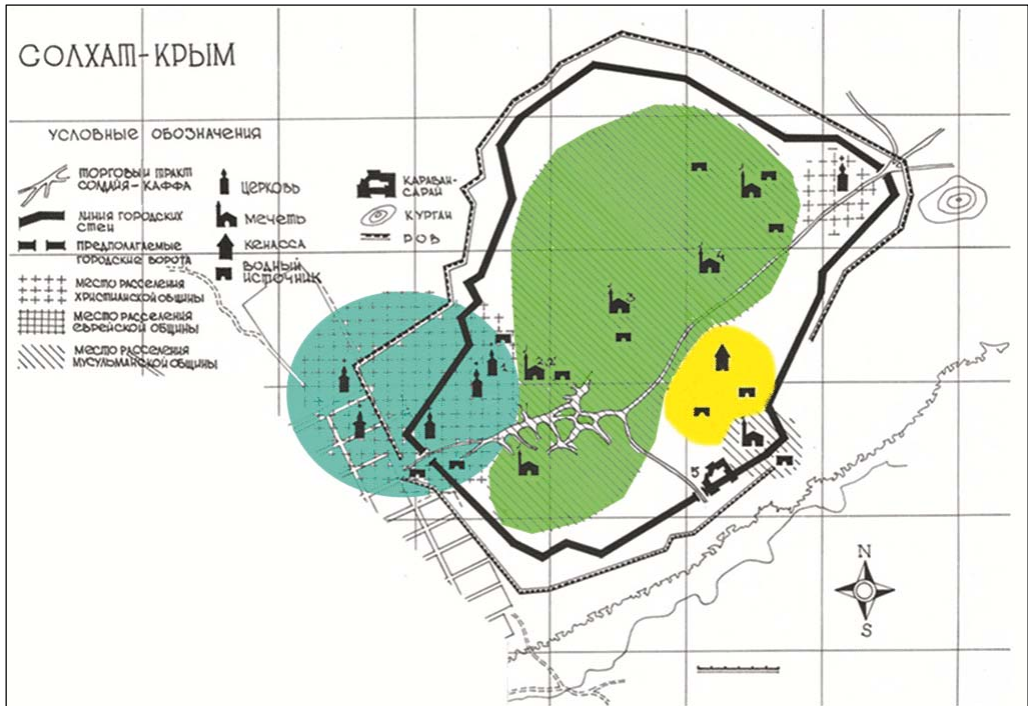
Еврейские общины Солхата по археологическим артефактам

Из анализа первого инструментального плана городища средневекового Солхата 1783 г. следует, что раввинисты и караимы в XIII–XV вв. проживали в одном квартале, окруженном в конце XIV–XV вв. застройкой исламской общины (см. Илл. 1).

С точки зрения представителей городской администрации (как и в других странах и городах, где проживали конгрегации раввинистов и караимов до Нового времени) население этого квартала составляло одну, а не две общины. Языком ритуала, эпитафий, а также деловой переписки в этих общинах был иврит. Языком бытового общения постепенно становится кумано-кыпчакский, который служил *лингва франка* на территории Золотой Орды, включая Крым, и в Мамлюкском Египте [40, 183–203]. Караимские иммигранты, прибывшие в Литву и Польшу из Сохата в XIV–XV вв.⁷, сохранили этот язык до наших дней и даже сделали его письменным, тогда как крымские евреи постепенно переходили на татарский язык, развивавшийся в Крыму после распада Золотой Орды [30, с. 339–342]. В надписях на прикладных печатях использовался иврит; на одной из находок можно видеть еврейско-арабскую билингву (см. далее).

⁶ Караимизм – версия иудаизма, отвергающая авторитет Талмуда и раввинистической литературы, развивался как самостоятельное течение внутри иудаизма в Вавилонии в IX–X вв. и пережил Золотой век в Иерусалиме до нашествия крестоносцев в 1099 г. Караимские общины в этот период распространились в Персии, Египте и Византии. В результате отказа караимов от раввинистической литературы их религиозные законы, касающиеся календаря, браков, погребения и др. отличались от практикуемых раввинистами [39, с. 73–18].

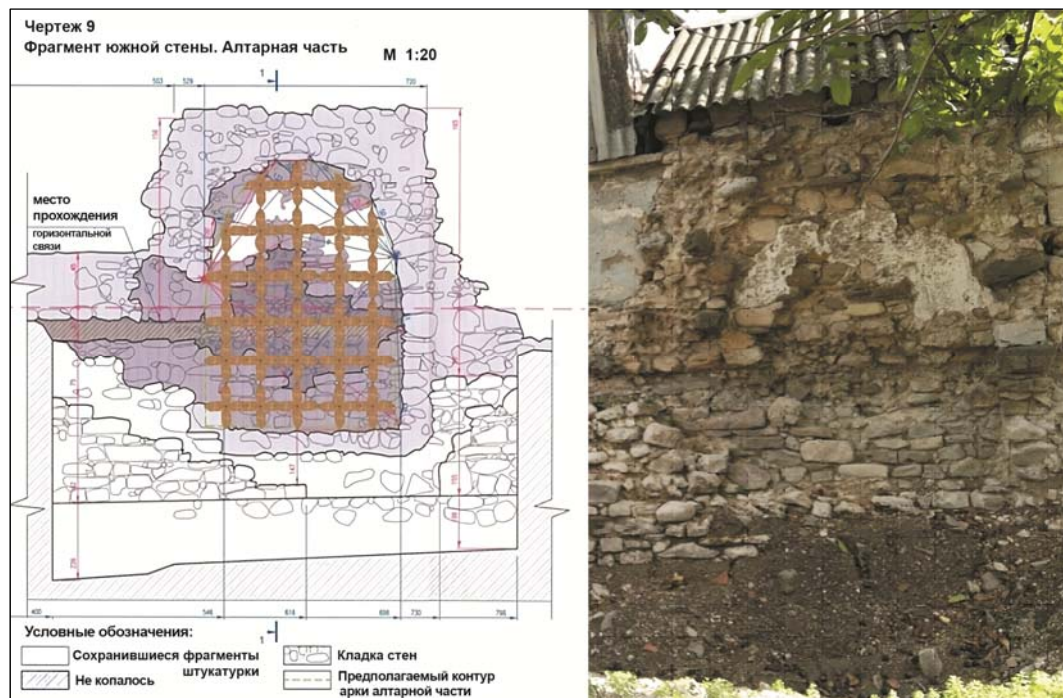
⁷ У нас нет документальных свидетельств о поселении караимов Солхата (и, возможно, Каффы) в этот период в Литве и Польше, хотя сохранились некоторые устные традиции караимов, записанные в XIX в.

Илл. 1. Карта-схема Солхата
Ill. 1. Map-scheme of Solkhat

Исследованная нами синагога по материалам монетных находок из слоев раскопок может быть предварительно датирована 1260–1280 гг. Ее стены выложены в технике панцирной кладки на известковом растворе; полы сделаны из плоского камня. Длина продольных стен – 18,3 м; поперечных – 14,8 м, их толщина – 0,9 м. Таким образом площадь объекта в интерьере (с учетом толщины стен) составляет ок. 215 кв. м. Строение ориентировано по линии с/ю с азимутом 156–157°. Южная стена сохранила следы алтарной ниши, предназначенной для *арон ха-кодеш* (дословно – «ковчег Святыни», иврит)⁸. Возможно, алтарная ниша была украшена мраморной мозаикой. План синагоги близок к структуре трехнефной базилики с аркадой. Расчетная величина конгрегации этой синагоги, принадлежавшей караимской общине, исходя из площади молельного зала, составляет ок. 1070–1100 чел. (из расчета 5–6 членов семьи). Присутствие в городе еще одной – равнинистической общины (величину которой нет возможности установить) – предполагает более высокие общие показатели иудейского населения Солхата. Таким образом его общая численность составляла не менее 23–25% населения города, насчитывавшего ок. 8–9 тыс. человек.

⁸ *Арон ха-кодеш*, который является символической заменой Ковчегу Завета, служит местом хранения свитков Торы. Во всех синагогах он обращен в сторону Иерусалима. В Крыму – это южное направление.

Илл. 2. Синагога Солхата и алтарная ниша синагоги
Ill. 2. Solkhat Synagogue and the altar niche of the synagogue

Историческая топография города, как мы уже отмечали, в XIII–XIV вв. развивалась в рамках жилых кварталов представителей трех монотеистических религий. Его планиметрия известна нам по первому инструментальному плану 1783 г., сохранившему основные черты второй половины XV в. [14, с. 141–157]. В начале 1360-х гг. общая площадь Солхата несколько сократилась. Наместник Кутлуг-Буга, потерпевший поражение в 1362 г. от войск Ольгерда (1345–1377) под Синими водами, принял решение защитить Солхат от литовской угрозы оборонительным рвом и валом в связи с ложной, как оказалось позднее, опасностью наступления Великого княжества Литовского на юго-восточный Крым. К этому времени город выполнял функцию экономического центра и ставки главы Правого крыла Золотой Орды [5, с. 265]. В 1375–1380 гг. земляной вал Кутлуг-Буги, оставивший за его чертой часть христианской общины, был заменен Мамаем⁹ системой каменных стен с оборонительными башнями, предназначенными для сдерживания милитаристских устремлений генуэзцев Каффы. В итоге, новая оборонительная система окончательно закрепила отказ от части ранних кварталов юго-западного сектора городища, где с середины XIII в. проживало христианское население, оставив в черте города не более 2.2 кв. км от его площади.

Жизнь горожан Солхата, представлявших три монотеистические религии, различные конфессии и этносы, определялась тремя главными факторами: единовластием наместника золотоордынского хана; общим для всех рынком, раз-

⁹ О Мамае см. [17].

вите которого подтолкнуло введение с начала 1260-х гг. монетного чекана, и единством форм городского хозяйства, например, системы водопользования.

Иудейские общины полуострова сложились из мигрантов из стран Ближнего Востока и Малой Азии, персо- и грекоязычных раввинистов-романиотов из Византии, и евреев-переселенцев из Персии (некоторые авторы ошибочно видят в еврейских общинах Крыма потомков хазар, что не имеет документального подтверждения). Каждая из групп обладала собственной идентичностью. У нас нет прямых данных для установления уровня паритета иудейских общин. Исходя из существующей практики, мы можем с уверенностью сказать, что каждая община имела отдельную синагогу. Ядро этих общин, возможно, сложилось в догородской период до 1250–1260-х гг. – времени начала работы монетного двора, обозначившего переход от поселения к собственно городу. Примечательно, что в Крыму в этот период серебряный анонимный *ярмак* с надписью “амир Крыма” сменили монеты с именем эмитента Темир Бука (Тука). До сих пор в наших раскопках на городище не обнаружены домонгольские слои города.

Авраам Самуилович Фиркович (1787–1874) коллекционер рукописей и один из лидеров караимов Восточной Европы и Крыма, утверждал, что найденные им в 1839 г. у западного подножия Кемаль Ата пять солхатских надгробий относятся к хазарской эпохе и он датирует их X–XI вв. [38, с. 209–210]. Эти караимские надгробия с надписями на иврите, из которых наиболее раннее Фиркович отнес к 910 г., однако, датированы, согласно их эпитафиям, XV–XVIII вв. [46, р. 198–204]¹⁰.

Самое раннее бесспорное свидетельство о присутствии караимской и раввинистической общинах в Солхате мы находим в сочинении «*Сефер халивхар*» (*Книга избранного*) караимского автора и врача из Константинополя, Аарона бен Йосефа ха-Рофе (1250–1320). Автор упоминает полемику по вопросам установления еврейского календаря между представителями обеих еврейских религиозных конфессий города, состоявшуюся в 1278 г. [29, 14v].

В соответствии с устной традицией, пересказанной *хазаном* (руководителем караимской общины) Чуфут-Кале, Шемуэлем бен Йосефом Калъи (ум. 1754), в Солхате периода расцвета (т.е. со второй половины XIII до нач. XV в.) караимская община якобы располагала семнадцатью школами и четырьмя синагогами. Одна из них будто бы могла вместить более 3 000 прихожан, а ее своды поддерживались 44 колоннами из дерева и мрамора (!). Нет сомнения в том, что эта традиция содержит в себе непомерное преувеличение, но вместе с тем она отражает представления о навсегда утраченном «золотом веке» солхатских единоверцев. Мы полагаем, что несмотря на бесспорные преувеличения, эта традиция также содержит в себе историческое

¹⁰ Важно подчеркнуть, что А. Фиркович, который боролся за эмансипацию караимов Российской Империи, создавал абсолютно новый образ караимов, отличный от стереотипа в отношении раввинистов, а также иную историю караимов Крыма. Он утверждал, что караимы являются потомками десяти потерянных колен, и поселились в Крыму задолго до распятия Христа, создав там процветающую культуру уже в VII–XI вв. Свои теории он подкреплял «документами» и «артефактами», исправляя даты на караимских надгробьях и колофонах на более ранние, а также собственноручно создавая «древние» эпитафии и колофоны. Он также пытался связать караимов с хазарами, утверждая, что последние приняли караимизм и смешивались с караимами [31, р. 101–117; 38, с. 131–180].

зерно: с XIV по XVIII в. мы находим многократное упоминание в караимских источниках «большой/великой» синагоги (см. ниже), и, по-видимому, речь идет именно об упомянутом здании XIII в. Трудно предположить, что в караимской общине было более одной столь большой синагоги, которая является самой крупной из известных нам в Крыму и Восточной Европе, и одной из крупнейших в средневековом мире.

На топографической схеме Солхата 1783 г. обозначена одна синагога. Ее руины были впервые исследованы нами в 2015 г. [13, с. 65–87]. Место расположения синагоги – юго-восток центральной части города. Как и всякая другая, солхатская синагога должна была располагать центральным мужским и женским, боковым входами. Следы главного входа прослеживаются на стыке северной и западной стены синагоги. По свидетельству проф. В.Д. Смирнова в период его приезда в Крым в 1886 г., женский вход находился у углового стыка северной и восточной стен синагоги [22, с. 284]. Он вел на антресоли второго яруса (в данном случае, вероятно, у восточной стены). Освещение интерьера осуществлялось через узкие окна, подобные бойницам. Часть такого окна сохранилась на западной стене нашего объекта, на высоте 3,7 м от уровня пола. Вероятно, каждая из продольных стен содержала по три или даже четыре узких окна, и одно-два располагались в южной стене синагоги, где сохранились элементы алтарной ниши. Фрагменты вымостки каменного пола сохранились у стыка южной и восточной стен, южной и западной стен и на стыке северной и западной стен.

По оси интерьера в центре южной стены сохранились остатки алтарной ниши. В ней, согласно предписаниям *халахи* (еврейскому религиозному закону), должен был находиться *арон а-кодеш*. Ниша расположена на расстоянии 2,35 м от пола (это важный признак, указывающий на синагогальную практику в геометрии этой стены, отличающий *арон ха-кодеш* от мусульманского *михраба*, для которого характерно расположение от уровня пола). В процессе работ обнаружена каменная капитель, сдвинутая уже после разрушения объекта в юго-западный угол молитвенного зала. Капитель выполнена из мягкого известняка и декорирована четырьмя неглубокими вертикальными врезам по углам. По-видимому, потолок синагоги поддерживался аркадой, опиравшейся на колонны – по три(?) в одном ряду. Интерьер делился колоннадой на три нефа. Центральный неф синагоги, несомненно, был ориентирован на алтарную нишу. Размеры алтарной ниши: глубина 0,75 м от лицевой поверхности стены, ширина – 1,7 м, высота от пола – 2,35 м. Ширина выступа кладки обрамления алтарной ниши на уровне пола 5,5 м. Верхний край ниши очерчен по дуге с радиусом ок. 0,75 м. В 1902 г. краевед XIX в. А.И. Маркевич писал: «Кивотная ниша этой синагоги испещрена надписями с именами посетителей, и евреи говорят, что это все имена карасубазарских крымчаков, т.е. евреев, а караимы уверяют, что здесь же было много имен посетителей-караимов, даже Фирковича, но евреи эти надписи уничтожили» [16, с. 46]. Следует отметить, что следы граффити с плохо различимыми надписями сохраняются на обмазке сакральной ниши и поныне.

Можно предположить, что строение перекрывалось двускатной черепичной кровлей. Ближайшей его аналогией является синагога в Каффе / Феодосии. Само здание не сохранилось, но известно по рисунку из альбома де Вильнева, хотя оно относится к более позднему периоду.

Илл. 3. Караимская синагога Каффы (Феодосия). Литография В.О. Руссена.
Из альбома: *E. Villeneuve. Album historique et pittoresque de la Tauride*. Paris,
1851–1853 (любезно предоставлена д-ром Михаилом Кизиловым)

Ill. 3. Caraimes Synagogue of Caffa (Feodosia). Lithograph by V.O. Russen.
From: *E. Villeneuve. Album historique et pittoresque de la Tauride*. Paris, 1851–1853
(courtesy of Dr. Mikhail Kizilov)

В структуре плана солхатской синагоги нет ничего необычного. Зона у главного входа, называемая на иврите *мошав зкеним* (дословно – «сидение старцев», где сидели наиболее уважаемые члены общины), прослеживается на трех участках у северной стены. Галерея второго этажа – *эзрат нашим*, предназначенная для женщин, не сохранилась. Центральная часть синагоги, где располагались рядовые члены общины, прослежена пока только на одном участке в центре помещения. Следы от возвышения – *тейва* (или *бима*), с которого *хаззан* вел богослужение, достоверно не обнаружены. Интерьер молитвенного зала, судя по следам у стыка западной и южной стены, был оштукатурен.

В процессе раскопок в районе алтарной ниши в припольном слое нами найден мраморный остракон с аккуратно вырезанными четырьмя квадратными буквами еврейского алфавита (см. Илл. 4).

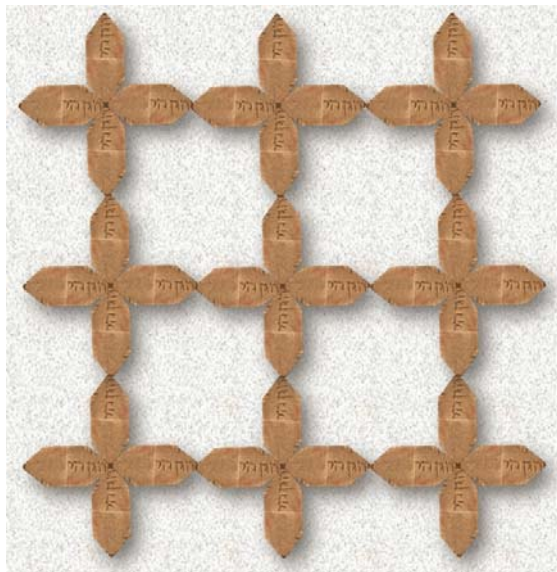
Впервые прочитал эту надпись М.Б. Кизилов. На ней написано слово «*кахал*» (*קהל*) – община. Это пока единственный артефакт подобного рода, извлеченный непосредственно из культурного слоя. Остракон, вероятно, является фрагментом мраморной плитки в форме шестиугольника. Из подобных фигур выкладывалась мозаика, которой, можно полагать, была украшена алтарная ниша.

Идея отождествления остракона с элементами геометрической мозаики подсказана нам проф. Ариэльского университета Давидом Кассуто (Иерусалим). К сожалению, данных для достоверной реконструкции рисунка этой мозаики нет. Не переоценивая значения находки, нельзя все же не отметить (вместе с признаками планиметрии) ее важность для определения памятника, как руины синагоги.

Илл. 4. Остракон и реконструкция
звездчатой формы элемента
декоративной решетки
(Государственный Эрмитаж)

Ill. 4. Ostracon and reconstruction
of the star-shaped element of a decorative
lattice (State Hermitage Museum)

Илл. 5. Надгробие с эпитафией
из Солхата с именем Йосефа
бен Авраама, 1551 г.

Ill. 5. Tombstone with an epitaph
from Solkhat with the name
of Yosef ben Abraham, 1551

Отметим также две случайные находки серебряных прикладных печатей в Солхате, вероятно, XIV–XV вв. Первая из них содержит билингву с надписью на арабском и иврите. Имя владельца печати на иврите пишется как משה [מלכיצ'דק] ב'כ"ר' – *Моше [Моисей] бен [сын] достопочтенного раввина Малкиц[эдека]*. Имя его отца – Малкицедек – сокращено до Малкиц из-за нехватки места на печати. Однако то же имя в арабской версии написано в полной форме ¹¹بن موسى بن ملك صادق (Муса бин Малик Садик).

¹¹ Проф. Бар-Ашер из Иерусалимского университета отметил, что поскольку слово ¹¹בן выглядит на печати, как בר, то ее можно прочесть вместо 'bin', как 'bar' – также как и распространенная аббревиатура на иврите [bar =ben rav] сын рава בר בן רב.

Илл. 6. Серебряная печать на иврите и арабском (Государственный Эрмитаж)
Ill. 6. Silver seal in Hebrew and Arabic (State Hermitage Museum)

В отношении этой печати следует подчеркнуть два важных в историческом плане аспекта. Малкицедек – редкое имя, встречающееся в некоторых восточных и итальянских общинах раввинистов, и оно не характерно для караимов. Если его владельцем был раввинист, то он должен быть датирован концом XIV – началом XV в.: после этого периода большая часть раввинистической общины переселилась в Каффу или Мангуп из-за экономического и политического упадка Солхата. Второй аспект связан с использованием арабского языка на печати: оно может служить свидетельством о том, что некоторые члены солхатских еврейских общин (или одной из них) были вовлечены в систему местного управления, как это практиковалось в других мусульманских и христианских странах, включая Крым.

В 2014 г. в северо-восточном секторе городища Солхата среди подъемного материала найден серебряный перстень-печать с чернью, украшенный розеткой со «звездой Давида» на золоченом поле и зеркальной владельческой надписью. Надпись на иврите вокруг розетки, гласит: «*Моше, с(ы)н п(очтенного) г(осподина) Шаб(тая)*» (чтение М.Б. Кизилова).

Илл. 7. Перстень-печать со «звездой Давида» и с именем Моше бен Шаббтая (Государственный Эрмитаж)
Ill. 7. Ring-seal with the “Star of David” and the name of Moshe ben Shabbtai (State Hermitage Museum)

Некоторые исследователи считают, что в районе Греческой слободки у холма Кемаль Ата, где сегодня не просматриваются следы застроек, находившиеся там в XIX в. руины служили городским объектом, и возможно даже

синагогой. Однако такое отождествление более чем спорно. В этом районе в первую треть XIX в. отмечены находки надгробий с надписями на иврите [46, с. 201–202]. Неясно, однако, в какое время предместье слилось с городом. Руины привлекли внимание А.И. Маркевича (1855–1942), но их никогда не исследовали средствами археологии. Сам холм Кемаль Ата представляет собой насыпь кургана эпохи бронзы с мусульманскими впускными погребениями [15, с. 38–41]. Однако участок с курганом и могильниками вокруг него до последней четверти XIV в. не входили в черту города. У западного подножия Кемаль Ата, как указано выше, А. Фиркович обнаружил пять караимских надгробий с эпитафиями на иврите. Раввинистические захоронения были, вероятно, расположены отдельным участком, однако о них нет никаких сведений. Часть караимского могильника, сохранившаяся к екатерининскому времени, отмечена на топографическом плане 1783 г., однако, на этой карте нет здания еще одной синагоги. Дата здания (IX в.), предлагаемая И.В. Тункиной не имеет под собой доказательной базы [24, с. 237]. К сожалению, недавно опубликованный доклад Д.А. Прохорова о караимских молельных домах Крыма [19, с. 281–282] не внес ясности ни в атрибуцию данного памятника, ни в определение его даты. Если исходить из предположения Д.А. Прохорова о том, что речь идет о синагоге предместья, относящейся к XIII–XIV вв., то совокупная численность населения иудейской общины в начальный период рождения города оказалась бы неправдоподобно велика. Караимская принадлежность строения тоже требует проверки, основанной на научной аргументации.

Еврейские общины Солхата по рукописным источникам

Поселение караимов и раввинистов в Солхате и Каффе вызывает множество вопросов, на которые сложно найти ответы вследствие скудности документальных свидетельств: когда именно возникли обе общины в этих городах, и какая из них, караимская или раввинистическая, появляется раньше? Прибыли ли караимы и раввинисты из одних и тех же земель? Говорили ли они на одних и тех же языках? Получить частичные ответы на вопросы о происхождении иудейских общин Солхата, об их жизни, культуре и духовных лидерах стало возможным лишь с помощью выявления сохранившихся рукописей на иврите, и их сопоставления с археологическими данными. Речь идет об имеющихся в различных библиотеках и собраниях наиболее ранних еврейских рукописях (XIV–XVI вв.), относящихся, в основном, к Солхату и Каффе. Эти рукописи были привезены караимами и раввинистами в эти города из стран исхода, некоторые были переписаны или проданы уже в Крыму. Данные, позволяющие получить некоторую информацию о персоналиях, их происхождении и статусе в общине, а также сделать выводы относительно круга чтения, образовательных предметов, и связей крымских раввинистов и караимов с другими общинами, с которыми они обменивались знаниями и текстами, мы черпаем также из колофонов, владельческих записей и договоров купли-продажи книг, зафиксированных на страницах рукописей (на полях или на свободных от текста местах). Подчерки этих рукописей (византийский, персидский и др.) также дают нам некоторое представление о странах исхода членов обеих общин.

Большинство этих рукописей хранились в синагоге Каффы, в двух ее *генизах*¹², а также в частных библиотеках членов этой общины, куда многие из них прибыли вместе со своими владельцами из Солхата и из общин вне Крыма. Десятки рукописей из Каффы были проданы в XIX в. путешественникам и исследователям, и попали в библиотеки Европы (Бодлеанская библиотека Оксфордского университета, Национальная библиотека Парижа, университетские библиотеки Лейпцига и Лейдена) и США (Библиотека Еврейской теологической семинарии и Объединенного Еврейского колледжа) и др.

Значительная часть крымских рукописей (часть которых имела отношение к Солхату) была куплена у частных лиц и конфискована из *гениз* Крыма упомянутым А. Фирковичем. Добытые им материалы были проданы Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, где они хранятся и сегодня [32].

Общины Солхата были тесно связаны с их единоверцами в соседней Каффе, поэтому историю одной из них невозможно рассматривать отдельно от другой. Каффа была построена гемузцами в 1275 г., и еврейские общины возникают в ней немногим позже, чем в Солхате. Рабби Давид бен Элиэзер Лехно (ум. в 1735 г.), глава общины раввинистов Карасубазара, пишет во введении к составленному им молитвеннику *Хазания* о начале поселения раввинистов в Крыму:

...наши праотцы прибыли в святую общину Каффы и город Къырым, называемый Солхат, куда пришли они пешком, прямо из Вавилонии и Персии, вследствие гнева притеснителя, готовившего погибель и осуществившего задуманное: был убит вельможа (ха-наси) Давид бен Заккай, глава диаспоры, рукой царя исмаильтян¹³ Аббасидов... [36, с. 148].

Лехно упоминает далее, что синагога в Каффе была построена в 1309 г. [36, 148 – 149; 3, с. 153–156]. Здесь автор указывает на иммиграцию евреев из Персии в Крым, хотя приведенная им история произошла с правнуком указанного вельможи, приблизительно за 200 лет до того, как евреи появились в Каффе и Солхате. Однако можно предположить, что Лехно привел устную традицию, имевшую историческое зерно и соединившуюся позднее с памятью о еврейской иммиграции в Крым из Персии в XIV–XVI вв., а возможно и ранее, из различных регионов Монгольской империи¹⁴.

После османского завоевания Каффы (1475), несмотря на разрушения, уничтожение и переселение части ее жителей в Константинополь, обе еврейские общины в городе сохранились. Однако в первой половине XVI в. в них

¹² *Гениза* – хранилище (чаще всего при синагоге) для вышедших из употребления текстов, написанных на иврите, содержащих имена или эпитеты Бога. Когда *гениза* пополнялась, ее содержимое подвергалось захоронению. Самой знаменитой является Каирская *гениза*, содержимое которой (ок. 400 тыс. документов и литературных источников) охватывает период с кон. IX по кон. XIX в. Крымские *генизы* раввинистов и караимов, также содержали множество наиболее древних еврейских рукописей. О *генизах* каффской и других крымских синагог, см. [32].

¹³ Т.е. мусульман.

¹⁴ Петр Кеппен упоминает устную традицию караимов, услышанную им от них, что их предки переселились в Крым вместе с татарами, бухарцами и черкесами [10, с. 290]. Об истории общины Каффы в ранний период см. также [11, с. 116–117, 177–194].

наблюдается экономический и духовный упадок. В этот период начинается миграция этих общин из Каффы, в результате чего постепенно появляются новые и развиваются ранее возникшие общины Крыма. Самые крупные из них – существовали в Карасубазаре (община раввинистов), в Чуфут-Кале, на Мангупе и в Гёзлеве (Евпатория). Важно подчеркнуть, что многие рукописи из Каффы (часть из которых происходит из Солхата) были перевезены и сохранились в новообразованных общинах.

Самым ранним свидетельством о существовании караимской общины Солхата (после упоминания Аароном бен Йосефом календарного диспута 1278 г.) является договор купли-продажи Пятикнижия¹⁵ (1319 г.), изданный еврейским просветителем и коллекционером рукописей Эфраимом Дейнардом (1846–1930). Текст договора проливает свет на некоторые аспекты жизни общины:

[Вот] свидетельство, подписанное нами, сегодня, в первый день недели, 18-го числа месяца Ияр, 5082 [=1322] года от Сотворения мира, по нашему исчислению, здесь в городе Солхат, в земле Къырым. В этот день Элия бен р. Йосиф продал эту книгу Элии бен р. Калеба за 280 крымских монет [имеющих хождение в] царстве царя Узбека. Он, Элия бен р. Йосеф, получил деньги из рук Элии бен р. Калеба... [и нет сделки] ни возмещения, ни отмены, и ничего другого – и всякий, кто обжалует – да будут его слова недействительны, как черепки глиняной посуды, будь то сын, дочь, брат, сестра или любой близкий или дальний родственник. Все, что мы слышали от обеих сторон, мы записали в качестве доказательства для завтрашнего дня и послезавтра, чтобы засвидетельствовать для протокола, что [это] свидетельство действительно и имеет силу.

[Свидетели сделки:] Р. Йосеф, сын покойного г-на Авраама, Авраам ха-гер [прозелит] Элия бен Хизкия учитель, да почиет на нем Дух Божий [36, с. 129–130].

Следует заметить, что упоминание прозелита вполне соответствует ситуации, сложившейся в период правления хана Узбека (1313–1341), когда ислам только начинал распространяться среди крымского населения¹⁶ и все еще существовали случаи перехода в другие религии.

Имена некоторых свидетелей, подписавшихся под контрактом, мы находим также и в других рукописях. Среди наиболее ранних представителей образованного класса караимской общины Солхата следует упомянуть имя Хизкии (Хизкияху) бен Элии ха-Леви, жившего в XIV в. Он был переписчиком книг в Солхате, а затем перебрался в Каффу. Самые ранние переписанные им в Солхате тексты (1360 г.) – фрагменты из Пятикнижия, а также свиток Торы с колофоном, дают нам некоторую информацию об этом человеке. В этом колофоне Хизкия пишет:

¹⁵ Сама рукопись Пятикнижия была переписана в городе Фидео (возможно, в Сирии) и, вероятно, привезена в Солхат караимскими иммигрантами. На полях рукописи имеется колофон переписчика по имени Йицхак бен Шимон, датирующий завершение переписывания книги 1253 г. Договор также написан на полях Пятикнижия.

¹⁶ Сам хан Узбек принял ислам в 1320/1321 г.

Я, Хизкия ха-Леви, переписчик сын р[абби] Элии сына Хизкии, сына уважаемого р. Элии учителя, сына р. Авраама сына Шмуэля, сына р. Эльазара, переписал эту Торю в городе Солхате, на краю Агармыша, и завершил ее в месяце таммуз 26 числа, 5126 года [1366] от Сотворения [мира]...¹⁷.

Данный колофон является весьма важным свидетельством не только об интеллектуальной жизни караимов Солхата, но и об употреблении тюркских топонимов. Хизкия сообщает нам, что он переписал Торю на краю горного массива Агармыш, примыкающего к Солхату, из чего можно сделать вывод о том, что данный тюркский топоним существовал, по крайней мере, в середине XIV в. и уже тогда этот массив представлял собой вполне обжитый район города. Результаты раскопок, произведенных М. Крамаровским свидетельствуют о существовании на склоне Агармыша в так называемой Георгиевской долине водопровода, ведущего в Солхат. Имеется также свидетельство XVIII в. о некоем монастыре на Агармыше, следов которого обнаружить не удалось. Как указано выше в этом же районе на западном склоне горы был найден вышеуказанный перстень-печать, принадлежавший Моше сыну Малкицедека. Другое упоминание Агармыша в караимских рукописях можно найти в договоре купли-продажи Пятикнижия:

Мы, нижеподписавшиеся, однозначно свидетельствуем, что к нам явился этот человек, по имени Элия, сын покойного Авраама, именуемого [также] Ходжа ибн Ибрагим, в понедельник 21 Швата ... 5136 г. от Сотворения мира [1376]... здесь, в городе Солхате, на склоне горы Агармыш... и передал ее в руки г-на Элии Коена сыну г-на Цадока Козна ... и получил от него 375 крымских монет...¹⁸

Имя продавца свидетельствует о том, что он был выходцем из мусульманской страны, по-видимому, из Персии. В другой рукописи (договор купли-продажи от 1399 г. на сохранившемся фрагменте книги Иеремии)¹⁹ к имени этого человека присоединяется также титул «шах». Там же мы находим имя одного из свидетелей сделки – Сулеймана Парси (персидского), сына Давида Парси.

Еще одно раннее упоминание тюркского топонима – Коксю – мы находим в приписке, являющейся одновременно колофоном и договором купли-продажи, составленной Йехудой сыном Элии из Адрианополя [41, с. 220–221].

Я, писец Йехуда бен Элияху из Адрианополя, блаженной памяти, завершил [переписывание] сего свитка Торы в среду, в месяце Сиван 17, в 5123 [=1363] г. от Сотворения мира, и продал ее Элияху, сыну благородного р. Якова, да будет душа его в Раю, и сестре его Фусире²⁰ за одну серебряную монету ... и они пожертвовали ее

¹⁷ СПб РНБ ЕВР А 6 (Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека).

¹⁸ СПб РНБ ЕВР I А 6, 1г [41; с. 239–241].

¹⁹ Здесь Ибрагим Ходжа продает книги пророков в трех томах, Пятикнижие, а также сочинение по грамматике иврита *Сфат Йетер* еврейского испанского комментатора и философа XII в., Авраама ибн Эзры (Тудела, 1089 – Калаорра, 1164).

²⁰ Имя Фусира имеет греческое происхождение. В рукописях и надгробных надписях на караимских кладбищах Чуфут-Кале и Мангупа встречаются и другие греческие имена, такие как Евфросиния, Хурси (Χρυσειν), Кусдини, Каприсино.

общине Коксю, чтобы она была святой перед Богом Израиля, во искупление душ их и души отца их...²¹

Как следует из текста, Йехуда бен Элия переписал свиток Торы для двух заказчиков – брата и сестры, вероятно, из еврейской общины Коксю, и это единственное упоминание данной общины, о которой у нас нет никаких иных свидетельств. Топоним Коксю мы находим, как минимум, в двух армянских колофонах того же периода, как «новопостроенный город» «в мире гуннов» (Крым), без указания его конкретного местонахождения [21, с. 25]. Вероятно, он располагался у какой-то реки, согласно второй половине этого топонима (*су*). Дополнительную информацию о Коксю сообщает руководитель общины Феодосии, Йешуа бен Давид в своем письме к А. Фирковичу. Он утверждает, что слышал от старейшин феодосийской караимской общины, что Коксю находится в Тамани, или в земле черкесов, а также сообщает некоторые сведения об упомянутом адрианопольском переписчике Йехуде бен Элияху²². Этот же переписчик пишет в колофоне на Пятикнижие, что переписал его в 1390 г., а упомянутый Элия ха-Коеен бен Цадок пожертвовал эту книгу общине от имени своей матери, Малки бат (дочери) Моше «...здесь, в общине Сохата, общине Сынов Писания [караимов]», «чтобы она находилась в большой синагоге»²³. По-видимому, речь идет об упомянутой большой синагоге.

Важно отметить, что пожертвование книг общинам (для использования их в синагогах и учебных заведениях) было распространенной практикой, особенно в мусульманских странах, включая Крым, а также в Византии. Книги посвящались мужчинами и женщинами с целью излечения от болезней, во искупление грехов, как собственных, так и их умерших членов семьи, или в память об этих родственниках. Пожертвования книг служили важным фактором в создании публичных библиотек в синагогах и учебных заведениях²⁴. Этими книгами обычно разрешалось пользоваться членам общин, но их вынос с места хранения был строгойше запрещен²⁵.

²¹ СПб РНБ ЕВР I А 35, 13г. Из рукописи сохранился лишь один лист с этим колофоном. Согласно письму, посланному А. Фирковичу руководителем общины Феодосии, Йешуа бен Давидом, он выкопал его под Каффой, где за несколько лет до этого захоронил старые рукописи из *генизы* караимской синагоги, и они по большей части сгнили. Эта рукопись не была найдена в РНБ, поэтому, в отличие от большинства других, нам не удалось ее исследовать.

²² Относительно данного писца, Йешуа сообщает (основываясь, по-видимому, на колофонах имеющихся в его распоряжении рукописей), что Йехуда скопировал два других свитка Торы – один в 1365 г. для общины Трапезунда, а второй в 1367 г. – для общины Тамани, см.: Йешуа бен Давид. Письмо А. Фирковичу, 1843, ф. 946, оп. 1, по. 674, 13г. В этом же письме он упоминает: «У нас есть [устная] традиция, что на склоне горы Агармыш были синагоги», 12v.

²³ New York – Columbia University X 893 B 4776, 1r.

²⁴ О публичных еврейских библиотеках см. [34, с. 1–4; 33, с. 441–51].

²⁵ Одним из ярких примеров такой библиотеки является большой список книг в реестре (*тинкас*) общины раввинистов Карасубазара «из освященного имущества святой общины Каффы». В нем содержалось предупреждение: «Это книги, пожертвованные синагоге и помещенные в ней и в *бейт мидраше* святой общины Кара Суб. Ни один сын Израиля не может вынести их со двора синагоги, кроме как с разрешения [руководства] общины». См. [31, с. 322–326].

Существуют и другие приписки, связанные с Солхатом, среди них – договоры купли-продажи, составленные на копии книги «*Мидраш ха-Хохма*» (Толкование мудрости). Само сочинение было написано в XIII в. Йехудой бен Шломо ибн Матка из Толедо, и является первой еврейской энциклопедией научного и философского знания²⁶. Ее копия из Солхата была переписана квадратным византийским шрифтом, возможно, в самом Солхате, и содержала несколько приписок. Первая из них является договором о продаже этой книги (1330 г.), написанным на одной из ее страниц, который был заключен между Шуламит дочерью Шемарии и ее невесткой Малкой. Шуламит купила эту книгу у Малки, вдовы некоего Авраама бен Шемарии, которому она принадлежала, и заплатила Шуламит 120 монет (210v). Это была сделка между двумя женщинами: Шуламит купила книгу «*Мидраш ха-Хохма*» для неизвестных нам целей, возможно, чтобы изучить ее самой, что весьма необычно. Хотя место сделки не упоминается, вероятнее всего, она тоже состоялась в Солхате, как указано и в другом, более позднем договоре купли-продажи этой же книги (от 1389 г.). Согласно договору, книга была продана Йешуа сыном Авраама за 55 монет Йосефу сыну Йехуды Кикарино (возможно итальянского происхождения) «в общине Къырыма», т.е. Солхата. В качестве свидетеля сделки подписался вышеуказанный писец Йехуда бен Элиягу из Адрианополя.

От упомянутого Хизкии ха-Леви из Солхата сохранилось не менее шести копий текстов, переписанных им с 1360 по 1376 г. Один из них, скопированный в 1376 г., является сочинением по грамматике иврита Давида Кимхи из Нарбонны (ок. 1160–ок. 1235) под названием «*Книга корней*» (*Сефер ха-Шорашим*)²⁷. Владельческая запись на этой книге с подписями свидетелей была сделана в 1393 г., его сыном Моше бен Хизкией-Леви уже в Каффе, после смерти самого Хизкии (247v).

Хизкия переписал также вышеупомянутую «*Книгу избранного*» караимского автора Аарона бен Йосефа²⁸. Любопытна судьба этой рукописи. На ней можно увидеть договор о ее продаже (129r), из которого следует, что в 1484 г. она была продана в Константинополе неким Исааком Црацуром/Чрачуром одному из крупнейших караимских ученых Калебу Афендополо (ум. 1509). В качестве свидетеля сделки подписался Шабтай бен Мордехай Башгъячи, принадлежавший, по-видимому, к известной династии адрианопольских караимских ученых (Башгъячи). Караимская община, происходившая из Адрианополя, находилась в этот период в Константинополе вследствие указа властей об обязательном переселении (*сюржун*, 1453/5) в разрушенную после османского завоевания (1453) столицу с целью ее восстановления. Неясно, каким образом переписанная Хизкией в Каффе книга попала в Константинополь. Воз-

²⁶ Автор написал эту книгу на арабском в 1247 г., а затем сам перевел ее на иврит. Книга содержит обзор аристотелевской натурфилософии и метафизики и их интерпретацию Ибн Рушдом. Кроме того, книга посвящена эвклидовой геометрии, астрономии, астрологии, алхимии, а также мистическому значению еврейских букв. См. [43, с. 371–389].

²⁷ См. колофон Хизкии с указанием своего имени и даты окончания работы: СПб РНБ ЕВР I 78, 246v.

²⁸ Oxford, Bodleian Library MS Opp. Add. Qu. 46.

можно, караимские переселенцы утеряли часть своих книг в процессе *сюрдюна* и получали книги из других общин, прежде всего – из Каффы²⁹.

Хизкия переписал также сочинение «Полезное учение» (*Леках тов*), комментарий на Пятикнижие и пять свитков, византийского раввиниста, экзегета рабби Тувии бен Элизера из Кастории (род. ок. 1090). Вместе с этим сочинением сохранилась и переписанная Хизкией книга, комментарий на Тору византийского караимского автора Якова бен Реувена (XI–XII вв.) «Книга богатства» (*Сефер ха-ошер*), (3v–308r), с добавлением к этому разъяснений арамейских слов (309r–311r). Этот сборник текстов содержит колофон переписчика, сделанный уже в Каффе, где он указывает свое полное имя³⁰:

Благословен Господь, дающий силу тому, у кого ее нет... Закончил [переписывание текста] Хизкияху бен р. Элия бен р. Хизкия бен р. Элия бен Авраам бен Шмуэль бен р. Эльзар Леву, учитель углубленного понимания; и дописан был мною в первый день недели месяца второго адара 21 числа, год 5128 от Сотворения мира [=1368] и по селевкидской эре Александра 1679³¹ в городе Каффе, что на берегу моря. Да спасет меня Всевышний от зловолния дурных людей, от бедности и от чумы...³²

В РНБ, в Первом собрании А. Фирковича имеются две приписки на полях рукописей, также имеющие отношение к Солхату. Они сделаны на копии Пятикнижия³³ и раскрывают некоторые дополнительные сведения о функционировании учебных заведений караимов в городе. Из первой приписки мы узнаем, что этот кодекс Пятикнижия был пожертвован общине караимов Солхата неким Шефи сыном Авраама для того, чтобы «сироты могли использовать его для учения». Отсутствующую дату в этой приписке можно приблизительно воссоздать по именам свидетелей, фигурирующих в приписках к другим рукописям из Солхата (1337 и 1350 гг.)³⁴. Одним из свидетелей пожертвования этой рукописи был «Авраам ха-Леву законодатель» (*ха-меокек*). Книга, подаренная общине, по-видимому, как это было принято в таких случаях, хранилась в синагоге. Есть также короткое примечание под этой первой припиской, сделанной, вероятно, этим же свидетелем через некоторое время после пожертвования на этом же Пятикнижии: «пожертвовано рабби Авраамом сыном рабби Хизкии в его бейт мидраш, в месяц Таммуз, в 5096 [=1336] г. от Сотворения»³⁵. Эти слова указывают на то, что в Солхате был караимский бейт мидраш (дом учения), выбранный Авраамом бен Хизкией местом для хранения этой книги (куда по-видимому, Пятикнижие было перенесено из синагоги). Слова «в его бейт мидраш», вероятнее всего, означают, что

²⁹ Один из важнейших караимских законоучителей Элияху Башгьячи (ок. 1420–1490) пишет в своей книге «Аддерет Элияху» (Плащ Ильи) о том, что ему не удалось отыскать караимские книги на тему раскола между караимами и раввинистами, и его современник Шабтай Провато также писал, что в этот период караимы испытывали острую нехватку книг [44, с. 298–299].

³⁰ Leiden, Universiteitsbibliotheek, Or. 4769, 165v, 312r–329v.

³¹ Датировка по обеим системам совпадает. См. о системах еврейского летоисчисления [4, с. 217–219; 18, с. 11–19].

³² Leiden, Universiteitsbibliotheek, Or. 4769, 165v, 312f–329v.

³³ СПб РНБ ЕВР I В 5, 124v [41, № 1; 2, с. 238–239].

³⁴ See comment in [41, с. 239].

³⁵ СПб РНБ ЕВР I В 5, там же [41, № 2, с. 239].

Авраам ха-Леви возглавлял это учебное заведение. Что касается личности этого человека, то его имя и дата приписки могут указывать на то, что он являлся дядей нашего писца братом его отца, Элией сыном Хизкии ха-Леви³⁶.

Имя самого Хизкии, а также членов его семьи можно видеть и на некоторых других рукописях в качестве свидетелей сделок купли-продажи книг, как, например имя его отца, Элии бен Хизкии учителя, приведенное в вышеуказанном договоре от 1322 г. В этом же качестве имя его отца можно увидеть и в договоре годом ранее на недатированной книге пророков, также вместе с вышеупомянутым Авраамом-прозелитом³⁷.

Одной из активных фигур духовной жизни Крыма был караимский переписчик Йешуа бен Нахаму Къырыми (Солхатский), живший во второй половине XV – в начале XVI вв., переселившийся, как и Хизкия, из Солхата в Каффу³⁸ и переписавший множество текстов.

Один из сборников рукописей, имеющих отношение к Йешуа бен Нахаму, содержит фрагменты из книг караимских мудрецов Константинополя, Элияху Башгъячи и Калеба Афендополо. Цель их переписывания он изложил в колофоне (1502 г.), полном резкой критики в адрес своих единоверцев в Каффе. Йешуа сообщает, что решил переписать эти тексты, поскольку был озабочен духовным состоянием местной общины³⁹:

И завершил эту книгу, я – Йешуа юный, бедный и презренный, сын рава Нахаму, благословенной памяти, 12 числа месяца таммуза 5662 г. по исчислению от Сотворения мира [=1502], которым мы пользуемся здесь, в городе Каффе, общине караимов. И оставляют, и бросают они [=караимы] нашу совершенную и верную Тору, и занимают их лишь деньги, золото и серебро, и следуют они лишь за своими желаниями – едой да питьем, и потому решил я распространить я Тору среди них [слева вставка его же рукой: и среди всех общин Израиля, и общин Йешуруна...] ⁴⁰. К Тебе поднял я глаза мои, Восседающий на небесах [Пс. 123:1], и сел я переписывать книги...

Возможно, данный текст содержит некоторое преувеличение, свойственное жанру проповедей, к которому он близок по стилю. На основании имеющихся рукописей из Каффы можно сделать вывод, что в этот период уровень религиозной учености все еще был довольно высоким. Тем не менее, у Йешуа, по-видимому, были причины для столь резкой критики. Вероятно, в это время начинается духовный упадок общин, явившийся результатом османского вторжения и повлекший за собой в последующие десятилетия миграцию из Каффы в другие города Крыма.

Другой сборник, имеющий отношение к переписчику Йешуа, содержит не только копии переписанных им книг, но и некоторые его оригинальные

³⁶ Судя по дате, он принадлежал поколению отца Хизкии, Элии бен Хизкии, и был также сыном Хизкии – деда нашего писца (один из сыновей, как правило, получал имя деда).

³⁷ СПб РНБ ЕВР I В 12, 211r, [41, № 1, с. 255–56,].

³⁸ СПб РНБ ЕВР I 635.

³⁹ СПб РНБ ЕВР I 635, 8r.

⁴⁰ По-видимому, переписчик имеет в виду также и раввинистов.

сочинения⁴¹. Одно из них посвящено законам *ихиты*⁴² (ритульного убоя скота) у караимов, другое – библейской хронологии⁴³. В нем автор пытается восстановить промежуток времени между сотворением мира и потопом, исходом из Египта и другими событиями библейской и более поздней еврейской и общей истории. Автор доходит до правления Хасмонеев и периода римского владычества и заканчивает свой краткий исторический обзор упоминанием бегства Мухаммеда из Мекки в Медину. Следует отметить, что написание хроник по истории, как других народов, так и собственной общины, появляется в среде крымского еврейства (прежде всего у караимов) с XVI в., и одним из важнейших факторов возникновения этого жанра являются татарские хроники этого периода в Крымском ханстве⁴⁴. Данный текст Йешуа является наиболее ранней попыткой историописания в Крыму, а также некоторого осмысления исторических процессов.

В этом же собрании имеются копии фрагментов стихов испанских еврейских поэтов и философов, среди них Давид бен Эльзар ибн Пакуда из Сарагосы (первой пол. XII в.) и Шломо бен Йехуда ибн Гвириоль (Малага, ок. 1021/2 – Валенсия (?) 1057/8), а также трактат «Слова логики» (Милот ха-хигайон) р. Моше бен Маймона (Маймонид), (Кордова, 1138 – Тверия, 1204)⁴⁵. Йешуа бен Нахаму переписал также энциклопедическое сочинение византийского караимского автора XII в., Йехуды бен Элии Хадаси, «Гроздь хины» (Эшколь ха-кофер), о чем он упоминает в своей приписке (1504 г.) на копии комментария Авраама ибн Эзры на Пятикнижие – рукописи, переписанной другой рукой, но принадлежавшей Йешуа. Сам же текст «Эшколь ха-кофер» в собрании отсутствует⁴⁶.

Последнее упоминание о Йешуа мы находим уже после его смерти, в другом собрании текстов, содержащем договор о продаже сочинения Маймонида и, по-видимому, других книг, переписанных вместе с ним. Сделка состоялась между караимами в 1548 г. в Чуфут-Кале⁴⁷:

Это – ценная книга, Наставник колеблющихся, нашего учителя, гаона уважаемого рава Моше, сына уважаемого рава Маймона благословенной памяти [... ..] в Святой общине, общине Кыркера [=Чуфут-Кале], да сохранит ее Господь. Мы приоб[рели ее] у Бабы, сына рава Рафаэля, благословенной памяти, сына Йешуа, сына рава Нахаму, благословенной памяти, за сумму, условленную между нами и полученную без какого-либо остатка; и все в силе, и купил ее Моше, сын рава Элии, благословенной памяти... 1548...

⁴¹ СПб ИВ РАН В58. Это собрание текстов было дополнено Моше бен Цадоком, который добавил к нему свои *пюты* (поэмы, чаще всего литургические), см. 79г. Йешуа в своих заметках на полях к текстам, несколько раз обращается к некому Моше, называя его зятем. Тот же Моше становится (вероятно, после смерти Йешуа) и владельцем собрания.

⁴² Там же, л. 32v–35г.

⁴³ Там же, л. 35v–36г.

⁴⁴ О татарской хронографии в Крыму см. [7], о еврейской [31, с. 165–179].

⁴⁵ СПб ИВ РАН В58, 144v–163v. Последний текст был переписан, по-видимому, Моше бен Цадоком.

⁴⁶ СПб РНБ ЕВР I 26. См. колофон, л. 253г. Ибн Эзра, Комментарий на Пятикнижие, там же, 1г–252v.

⁴⁷ СПб РНБ ЕВР I 479, 1v.

По-видимому, книга была продана Бабой, внуком Йешуа, после того как он (или его отец) переехал из Каффы в Чуфут-Кале, перевезя с собой библиотеку, собранную в течение своей жизни Йешуа бен Нахаму. Данное собрание, являющееся частью библиотеки Йешуа⁴⁸, содержит заключительную часть философского сочинения Маймонида, «*Наставник колеблющихся*» и комментарий на него мусульманского философа Аль-Табризи в переводе на иврит, а также словарь некоторых слов из Пятикнижия⁴⁹ Шмуэля ибн Тиббона (Люнель, ок. 1150 – Марсель, ок. 1230)⁵⁰. Сочинения Маймонида были очень популярны в караимской среде вплоть до XIX в. и даже изучались в крымских *батэй-мидраш* (религиозных школах).

Копии этих книг, написанные византийским почерком, были выполнены, как свидетельствует колофон⁵¹, переписчиком по имени Хавив бен Эльяким бен Хавив, в 1331 г. (место не указано). Возможно, Йешуа приобрел их у раввинистов Каффы или Солхата, где он проживал ранее.

Как мы видим из этих, а также многих других рукописей и книг, караимы приобретали, переписывали и изучали раввинистическую литературу практически на любую тему⁵², отдавая предпочтение сочинениям по философии и астрономии.

Интересно отметить также, что почерк Йешуа, как и упомянутого выше Хизкии ха-Леви, относится к византийскому типу. Можно проследить формирование специфического крымского почерка, модифицировавшегося из византийского и характерного, в равной мере для караимов и раввинистов, ко второй половине XVI в.

Наиболее ранним свидетельством о существовании духовной жизни раввинистов в Солхате является оригинальное экзегетическое сочинение «*Сефат эмет*» (Язык истины), написанный в 1358 г. ученым-раввинистом Авраамом Къырыми как комментарий на Пятикнижие⁵³. Из памятной книги (*йизкор*) каффской общины следует, что Авраам Къырыми был известен, как величайший мудрец после Маймонида и Ибн Эзры [35, с. 455–6]. Его зять, рабби Эльяким, был одним из каффских ученых, литургические поэмы которого вошли в молитвенник *Хазания* по каффскому обряду, и даже в караимский молитвенник в Крыму. Судя по предисловию Къырыми к своей книге и вступительному стиху, автор написал ее по просьбе своего ученика-караима Хизкии бен Эльханана, который был, по-видимому, лидером караимской общины Солхата.

Тот факт, что ученый лидер караимской общины был учеником крупнейшего экзегета раввиниста, может косвенно свидетельствовать о расцвете религиозной учености в еврейских общинах Солхата и Каффы того периода. Похожую картину мы наблюдаем в этот период и среди мусульман и христиан этих

⁴⁸ На л. 22г находится акростих, написанный Йешуа бен Нахаму.

⁴⁹ Там же, л. 1v–14г.

⁵⁰ Один из ученых и переводчиков еврейской династии Тиббонидов из Испании и Прованса, переводчик «*Наставника колеблющихся*» и некоторых других сочинений Маймонида с арабского на иврит.

⁵¹ СПб РНБ ЕВР I 479, 1v–14г.

⁵² См. об отношении караимов к раввинистической литературе, напр. [31, с. 100–1, 102–3, 134].

⁵³ Сохранилась лишь копия XVII в. Oxford, Bodleian Library MS Opp. Add. fol. 45, и XVIII в. СПб РНБ ЕВР I 50 и СПб ИВ РАН D 54. Об Аврааме Къырыми см. [28, с. 97–101].

городов. Книга Къырыми «*Сефат Эмет*» выражает рационалистическую тенденцию, весьма характерную для византийской-еврейской учености того периода, делающей акцент на философские и лингвистические комментарии к тексту. Среди источников, используемых автором, мы находим ссылки на сочинения еврейских комментаторов, философов и грамматистов, например философский труд «*Наставник колеблющихся*» и «*Сефер ха-мадда*» (Книга науки) Маймонида, комментарии на Тору Раши (Р. Шломо Йицхаки из Труа, 1040–1105), Шемарии Икрити/Критского (Рим, ок. 1275 – Испания, ок. 1355) и Авраама ибн Эзры, включая философские сочинения последнего, труды грамматиста Йехуды Хайюджа (Фес, 945 – Кордова, ок. 1012), «*Сефер меламед ха-талмидим*» (Книга для учеников по основам науки и философии) рабби Яакова бен Аба Мари Анатолия из Прованса (1194–1256)⁵⁴, «*Книга камней*»⁵⁵, энциклопедия «*Мидраш ха-Хохма*» и др. Вполне возможно, что именно вышеупомянутая копия «*Мидраш ха-Хохма*» ранее принадлежала Аврааму Къырыми или была переписана с его собственной копии его учениками.

Более позднее упоминание о присутствии раввинистов в Солхате появляется в контексте истории рабби Моше бен Яакова ха-Голе – «изгнанника» (1449–1520) из Киева, одного из выдающихся мудрецов и каббалистов своего времени. Р. Моше, автор книг по астрономии, библейской экзегетике и каббале, был взят в плен в 1506 г. татарами, вторгшимися в Литву. Его доставили в Солхат, где (согласно его собственному колофону в его книге «*Оцар Нехмад*» (Доброе сокровище), суперкомментарий на комментарий на Тору Авраама Ибн Эзры), он был выкуплен из плена общими усилиями караимской и раввинистической общин. Исходя из колофона р. Моше о том, что он завершил свой супер-комментарий в Солхате в 1515 г., он прожил в этом городе около десяти лет. Как нам известно, после этого он переселился в Каффу, где стал лидером общины раввинистов, проведя там ряд реформ, направленных на консолидацию общины, состоящую из выходцев различных стран и говорящих на разных языках⁵⁶. Тот факт, что р. Моше жил в Солхате в течение такого длительного срока, может указывать на то, что там все еще существовала община или, по крайней мере, было некоторое присутствие раввинистов.

Сохранились, по крайней мере, два караимских брачных контракта из Солхата, датированных 1610 и 1650 гг., которые в настоящее время хранятся в РНБ. В XVIII в. в Солхате все еще продолжала существовать небольшая караимская община, о чем свидетельствуют, среди прочего, сохранившиеся страницы ее общинной книги (*тинкаса*), начатой в XVII в., написанной на татарском языке, с добавлением слов на иврите. В ней приведены расходы на нужды общины, а также размер пожертвований и выплаченных членами об-

⁵⁴ Автор этого трактата в сер. XIII в. стремился побудить читателей к изучению философии и точных наук.

⁵⁵ Анонимный трактат о минералах, и их магических свойствах, приписываемый Аристотелю.

⁵⁶ Р. Моше объединил различные раввинистические общины в Каффе, создав единый обряд, известный как *Обряд Каффы* (*Махзор минхаг Каффа*), который включал молитвенник на каждый день и на праздники, а также 18 постановлений, касающихся браков, разводов, имущественных вопросов и т. д. [44, с. 700–13; 49, с. 315–353; 37, с. 101–102].

щины налогов⁵⁷. Из двух сохранившихся писем (одно от 1755 г., другое – недатированное письмо того же периода), посланные караимами Чуфут-Кале в общины Каффы и Гёзлеве, мы узнаем, что эти общины пытались поддержать некоего Элию-пашу, планировавшего переселиться из Чуфут-Кале в Солхат для исполнения роли главы этой общины⁵⁸.

В XVIII в., в упомянутой «большой синагоге», Моше бен Йосеф старец, по-видимому, последний караимский ученый Солхата, произнес проповедь на свадьбе своего сына Давида⁵⁹. В дополнение к этому следует упомянуть свидетельство караимского ученого Симхи Ицхака бен Моше Луцкого (1716–1760), перебравшегося из Луцка в Чуфут-Кале, куда он был приглашен в качестве главы местного дома учения. Луцкий приводит краткий отчет о состоянии караимских общин и их институтов в Крыму в его время: около 1775 г. караимское население Крыма насчитывало 500 семей (ок. 2 500 человек). 300 семей жили в Чуфут-Кале, около 105 – в Гёзлеве, около 50 – в Кефе и 40 – на Мангупе. По поводу Солхата он сообщает: [44, р. 1326, doc. 156]⁶⁰

...в городе Солхате, что рядом с общиной Каффы, раньше была большая община и самая большая синагога из всех имеющихся. Сегодня же в ней сидит лишь один хаззан, чтобы сохранить ее, и он молится там вечером и утром. Все синагоги, дома учения и жилье дома наших братьев караимов во всех общинах [Крыма] построены из больших камней.

Это свидетельство, очевидно, завершает историю иудейских общин Солхата-Къырыма.

Заключение

История Солхата не совсем типична для городов, возникших в период Золотой Орды. Город вырос из монгольской почтовой станции (*яма*) на торговом маршруте Шелкового пути из Центральной Азии к северному берегу Черного моря и, проходивший через проливы, к Средиземноморью. Стремительный рост экономики, продолжавшийся около 150 лет, был вызван условиями первой в Евразии глобализации, сопровождавшейся интенсивным развитием культуры, опиравшейся, в значительной степени, на до-солхатские традиции интеллектуальной жизни. Ее основой стало взаимодействие разнообразных этнических и религиозных групп мигрантов, частью которых были евреи-раввинисты и караимы. Сохранившиеся рукописи, в сочетании с другими документальными свидетельствами и, в особенности, с археологическими материалами, позволяют частично воссоздать картину их духовной и общественной жизни, судить об уровне их учености и книжной культуре, социальном статусе и о языках, которые они использовали внутри общины и вне ее, в своем литературном творчестве и в повседневной жизни.

⁵⁷ СПб ИВ РАН С 130.

⁵⁸ СПб РНБ ЕВР I, Док I D 59; D 29.

⁵⁹ Текст этой проповеди философско-этического содержания сохранился в ряде рукописей. См., например, Cincinnati – Hebrew Union College 83.

⁶⁰ Из этого свидетельства мы также узнаем, что в Чуфут-Кале в это время существовали семь *бейт-мидраш*, но три из них не действовали. В каждом из городов – Гёзлеве, Каффе и Мангупе, оставался один *бейт-мидраш*. У Симхи Ицхака Луцкого в Чуфут-Кале в *бейт-мидраше* было более 30 учеников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Работы по исторической географии. М.: Наука, 1964. Т. 3. 707 с.
2. Воротынцев Л. В. «Татарский» торговый путь («Via Tatarica») в системе международной торговли XIII–XV вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 77–89. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.77-89
3. Гольденберг М. К вопросу о датировке раббанитской синагоги в Каффе (Феодосия) // Материалы IX Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М.: Сэфер, 2002, ч. 1. С. 153–156.
4. Гордин А. Эпоха Адамова новолуния в средневековой практике еврейского летоисчисления // Вестник Еврейского университета. 2006. № 11 (29). С. 11–19.
5. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник: Золотая орда и ее наследие. М.: Восточная литература РАН, 2001.
6. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. Москва: Наука, 1985.
7. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература РАН, 2009). 304 с.
8. Зеленева Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования, и этнокультурная характеристика // История и современность. 2011. Вып. 1 (11). С. 113–122.
9. Ильина О.А. Современный этап изучения Золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Середина XX в. – начало XXI в. // Современные проблемы науки и образования. 2013. №4 [электронный ресурс] Режим доступа: <https://s.science-education.ru/pdf/2013/4/216.pdf>
10. Кеппен П.И. Крымский сборник: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. 418 с.
11. Кизилова М.Б. Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. 336 с.
12. Козин С.А. (ред. и пер.) Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Monggol-un niġuġa tobġiyan. М.-Л.: РАН. Т. 1, 1941. 620 с.
13. Крамаровский М.Г. Крым (Солхат): к истории караимско-раббанитской общины в XIII–XIV веках // Труды государственного Эрмитажа Т. LXXX. Белградский сборник. К XXIII Международному конгрессу византистов, Белград. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2016. С. 65–87.
14. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым. К вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Сборник научных трудов. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1989. С. 141–157.
15. Крамаровский М.Г., Хаврин С.В. Новый кеми-обинский комплекс из Восточного Крыма (Крым и Кавказ в эпоху ранней бронзы) // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. К 90-летию со дня рождения. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1998. С. 38–41.
16. Маркевич А.И. О Старо-Крымской синагоге, как предмете спора между евреями и караимами. Протоколы заседания Таврической Ученой Архивной Комиссии: 25 февраля 1902 г. // ЗООИД. 1902. Т. 34. С. 44–47.
17. Почакаев Р.Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // Мамай: Опыт историографической антологии / Под ред. В.В. Трепавлова и И.М. Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 206–239.
18. Почакаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 455 с.

19. Прохоров Д.А. Караимские кенасы Крыма XIII–XVIII века как объекты сакрального зодчества // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное. Симферополь-Керчь, 2022. С. 279–286.
20. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой; примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
21. Саргсян Т.Э. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам: (XIV–XV вв.). Симферополь: Сонат, 2010. 312 с.
22. Смирнов В.Д. Археологическая экспедиция в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отдела Императорского Русского археологического общества, 1887. № 1 (4). С. 273–302.
23. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем // История Казахстана в арабских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.
24. Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 240 с.
25. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. Москва: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.
26. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика, торговля, быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.
27. Хаугала Р. Письмо Ладислава, францисканского кустодия Газарии (Каффа, 10 апреля 1287 года) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 193–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.193-199
28. Цинберг С. Авраам Крымский и Моисей Киевский // Еврейская старина. 1924. № 11. С. 93–109.
29. Aaron ben Joseph, Sefer ha-mivhar [The Choice Book]. Gözleve, 1835. 250 p.
30. Akhiezer G. Hebrew Manuscripts and Scribes in the Crimean Golden Horde (Solkhat) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2019. Vol. 72 (3). P. 333–354.
31. Akhiezer G. Historical Consciousness, Haskalah, and Nationalism among the Karaites of Eastern Europe. Leiden; Boston: Brill, 2018. 369 с.
32. Akhiezer G. Rabbanite Manuscripts in Karaite Hands: Findings from the Crimean Genizot and Libraries // Journal of Jewish Studies. 2019. Vol. 70 (2). P. 332–356.
33. Beit-Aryé M. The Private Nature of the Hebrew Medieval Book Production and Consumption. Ed. by Y. Kaplan and M. Sluhovsky // Libraries and Book Collections. Jerusalem: Shazar. 2006. P. 91–103 (In Hebrew).
34. Ben-Shammai H. 'Al da'at ha-kahal: sifriyot tziburiyot be-kehilot Israel ba-Mizrah bi-yemei ha-beinaim [On Public Opinion: the Public Libraries in the Oriental Jewish Communities in the Middle Ages]. 'Et-Mol, 2014. Vol. 232. P. 1–4 (in Hebrew).
35. Bernstein S. Ha-Mahzor ke-Minhag Kaffa, Toldotav ve-hitpathuto [Prayer book of the Kaffa Rite, its History and Development]. Ed. by S. Bernstein and G.A. Horgin, Sefer Yovel likhvod Shemuel Kalman Mirsky [Jubilee book in honor of S.K. Mirsky]. New York: Vaad ha-Yovel 1958. P. 451–538 (In Hebrew).
36. Deinard E. Massa' Qrim [The Burden of the Crimea]. Warsaw, 1878 (in Hebrew).
37. Finn S.J. Hakhmei Israel be-Krim. [Jewish Sages in the Crimea]. Hakarmel. 1862. Vol. 28. P. 101–102 (in Hebrew).
38. Firkovich A. Avnei Zikkaron [Stones of Remembrance]. Vilna 1872 (in Hebrew).
39. Gil M. The Origins of the Karaites. Ed. by M. Polliack. Karaite Judaism: A Guide to its History and Literary Sources. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 73–118.
40. Golden P. Qıpçaq. Ed. by N. Demir, B. Karakoç, A. Menz. Turkology and Linguistics: Éva Á. Csató Festschrift. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Yayınları, 2014, p. 183–203.

41. Harkavy A., Strack H. *Catalog der Hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek*. Vol. 1–2, SPb., 1875. 338 p.
42. Hayoun M.R. *Moses Maimonides und Muhammad al-Tabrisi*. Trumah, 1995. Vol. 5. P. 201–245.
43. Langermann, Y. Tz. “Some Remarks on Judah ben Solomon ha-Cohen and his Encyclopedia, ‘Midrash ha-Hokhmah’”. Ed. by Steven Harvey. *The Medieval Hebrew Encyclopedias of Science and Philosophy: Proceedings of the Bar-Ilan University Conference*. Ramat-Gan: Bar-Ilan University, 2000. P. 371–389.
44. Mann J. *Texts and Studies in Jewish History and Literature*. Vol. 2. Cincinnati: Jewish publication society of America. 1935. 1600 p.
45. Shapira D. Remarks on Avraham Firkowicz and the Hebrew Mejelis ‘Document.’ *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2006. Vol. 59 (2). P. 131–180.
46. Shapira D., Ezer M. “Solkhat”. Ed. by Shapira D. *The Tombstones of the Cemetery of the Karaite Jews in Çufut-Qaleh (the Crimea): Report of the Ben-Zvi Institute Expedition – A Collection of Studies*. Jerusalem: Ben-Zvi Institute 2008, p. 198–204.
47. Sirat C., de Lange N. (eds.). *Hebrew Manuscripts of the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 217–219.
48. Spuler B. *Die goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223–1502*. Leipzig: O. Harrassowitz 1943. xvi + 556 p.
49. Taube M. *Transmission of Scientific Texts in 15th-century Eastern Knaan*. Aleph. 2010. Vol 10 (2). P. 315–353.

Сведения об авторах: Голда Ахиезер – доктор исторических наук, профессор кафедры еврейской истории, Ариэльский университет (Ариэль, Израиль); ORCID: 0000-0002-9789-1043. E-mail: agolda@ariel.ac.il

Марк Григорьевич Крамаровский – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Востока, хранитель Среднеазиатской коллекции, Государственный Эрмитаж (190000, Дворцовая набережная, 34, Российская Федерация, Санкт-Петербург). E-mail: solkhat@hermitage.ru

*Поступила 09.01.2023 Принята к публикации 28.02.2023
Опубликована 29.03.2023*

REFERENCES

1. Bartold V. *Works on historical geography*. Moscow: Nauka 1964, vol. 3. 707 p. (In Russian)
2. Vorotyntsev L.V. The “Tatar” Trade Route (“Via Tatarica”) in the International Trade System of the 13th–15th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 77–89. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.77-89 (In Russian)
3. Goldenberg M. On the Dating of the Rabbanite Synagogue in Kaffa (Feodosia). *Materials of the IX International Annual Conference on Jewish Studies*. Moscow: Sefer, 2002, pt. 1, pp. 153–156. (In Russian)
4. Gordin A. The era of Adam's new moon in the medieval practice of Jewish chronology. *Bulletin of the Jewish University*. 2006, vol. 11 (29), pp. 11–19. (In Russian)
5. Grigoriev A.P., Frolova O.B. Geographical description of the Golden Horde in the al-Kalkashandi encyclopedia. *Turkological collection: The Golden Horde and its heritage*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2001. (In Russian)

6. Egorov V.L. *Historical geography of the Golden Horde*. Moscow: Nauka, 1985. (In Russian)
7. Zaytsev I.V. *Crimean historiographical tradition of the 15th–19th centuries: ways of development: manuscripts, texts and sources*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2009. 304 p. (In Russian)
8. Zelenev Y. Golden Horde cities of the Volga region: origin, time of existence, and ethnocultural characteristics. *History and modernity*. 2010, vol. 1 (11). pp. 113–122. (In Russian)
9. Il'ina O.A. The modern stage of the study of the Golden Horde cities of the Lower Volga region. The Middle of the 20th – Early 21st Centuries. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2013, vol. 4. Available at: <https://s.science-education.ru/pdf/2013/4/216.pdf> (In Russian)
10. Keppen P.I. *Crimean collection: On the antiquities of the southern coast of Crimea and the Tauride mountains*. St. Petersburg, 1837. 418 p. (In Russian)
11. Kizilov M.B. *Crimean Judea. Essays on the history of the Jews, Khazars, Karaites and Krymchaks in Crimea from ancient times to the present day*. Simferopol: Dolia, 2011. 336 p.
12. Kozin S.A. (ed. and transl.). *Secret legend. Mongolian chronicle of 1240 called Monggol-un niguča tobčiyān*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences, 1941, vol. 1. 620 p. (In Russian)
13. Kramarovsky M.G. Crimea (Solkhat): on the history of the Karaite-Rabbanite community in the 13th–14th centuries. *Proceedings of the State Hermitage, vol. LXXX. Belgrade collection. To the XXIII International Congress of Byzantines, Belgrade*. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2016, pp. 65–87. (In Russian)
14. Kramarovsky M.G. Solkhat-Crimea. On the issue of the population and topography of the city in the 13th–14th centuries. *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha. Sbornik nauchnykh trudov* [Results of the work of the archaeological expeditions of the State Hermitage]. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 1989, pp. 141–157 (In Russian)
15. Kramarovsky M.G., Khavrin S.V. The New Kemi-Oba Complex from the Eastern Crimea (Crimea and the Caucasus in the Early Bronze Age). *Ermitazhnye chteniya pamyati B.B. Piotrovskogo. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya* [Hermitage Readings in Memory of B.B. Piotrovsky. To the 90th birthday]. St. Petersburg: The State Museum of the Hermitage, 1998. P. 38–41. (In Russian)
16. Markevich A.I. About the Old Crimean synagogue as a subject of dispute between Jews and Karaites. Minutes of the meeting of the Tauride Scientific Archival Commission: February 25, 1902. *ZOOID* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1902, v. 34, pp. 44–47. (In Russian)
17. Pochekaev R.Yu. Mamai chronicle and Mamai historical (an attempt to debunk stereotypes). Trepavlov V.V. and Mirgaleev I.M. (eds.). *Mamai: Opyt istoriograficheskoy antologii* [Mamai: Experience of historiographic anthology] Ed. V.V. Trepavlov and I.M. Mirgaleev. Kazan: Fen Publ., 2010, pp. 206–239. (In Russian)
18. Pochekaev R.Yu. Kings of the Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde. St. Petersburg: Eurasia 2010. 455 p. (In Russian)
19. Prokhorov D.A. Karaim kenases of the Crimea of the 13th–18th centuries as objects of sacral architecture. *Cimmerian Bosphorus and the barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Sacred and material*. Simferopol-Kerch, 2022, pp. 279–286. (In Russian)
20. Rashid a-Din. *Compendium of Chronicles*. Semenov A.A. (ed.) and Khetagurov L.A. (transl. from Persian). Moscow-Leningrad: Academy of Sciences, 1952, vol. 1, book 2. 316 p. (In Russian)
21. Sargsian T. *Code of Armenian memorabilia relating to the Crimea and adjacent regions: (14th–15th centuries)*. Simferopol: Sonat, 2010. 312 p. (In Russian)

22. Smirnov V.D. Archaeological expedition to the Crimea in the summer of 1886. *Notes of the Eastern Department of the Imperial Russian Archaeological Society*. 1887, vol. 1 (4), pp. 273–302. (In Russian)
23. Tizengauzen V.G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Arabic writings collected by V. G. Tizenhausen. *Istoriya History of Kazakhstan in Arabic sources*. Almaty: Dayk-Press, 2005, vol. 1. (In Russian)
24. Tunkina I.V. *Discovery of Feodosia. Pages of the archaeological study of the South-Eastern Crimea and the initial stages of the history of the Feodosia Museum of Antiquities 1771–1871*. Kyiv: Bolero, 2011. 240 p. (In Russian)
25. Fedorov-Davidov G.A. *Golden Horde cities of the Volga region*. Moscow: Moscow State University, 1994. 232 p. (In Russian)
26. Fedorov-Davidov G.A. *Golden Horde cities of the Volga region. Ceramics, trade, life*. Moscow: Moscow State University, 2001. 256 p. (In Russian)
27. Hautala R. Letter of Ladizlaus, the Franciscan Custodian of Gazaria (Caffa, April 10, 1287). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 193–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.193-199 (In Russian)
28. Zinberg S. Abraham of Crimea and Moses of Kiev. *Jewish antiquity*. 1924, vol. 11, pp. 93–109 (In Russian)
29. Aaron ben Joseph. *Sefer ha-mivhar*. Gözleve, 1835. 250 p. (In Hebrew)
30. Akhiezer G. Hebrew Manuscripts and Scribes in the Crimean Golden Horde (Solkhat). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2019, 72 (3), pp. 333–354.
31. Akhiezer G. *Historical Consciousness, Haskalah, and Nationalism among the Karaites of Eastern Europe*. Leiden–Boston: Brill, 2018. 369 p.
32. Akhiezer G. Rabbanite Manuscripts in Karaite Hands: Findings from the Crimean Genizot and Libraries. *Journal of Jewish Studies*. 2019, vol. 70 (2), pp. 332–356.
33. Beit-Aryé M. The Private Nature of the Hebrew Medieval Book Production and Consumption. Ed. by Y. Kaplan, M. Sluhovskiy. *Libraries and Book Collections*. Jerusalem: Shazar, 2006, pp. 91–103. (In Hebrew)
34. Ben-Shammai H. ‘Al da‘at ha-kahal: sifriyot tziburiyot be-kehilot Israel ba-Mizrah bi-yemei ha-beinaim [On Public Opinion: the Public Libraries in the Oriental Jewish Communities in the Middle Ages]. *‘Et-Mol*. 2014, vol. 232, pp. 1–4 (In Hebrew)
35. Bernstein S. Ha-Mahzor ke-Minhag Kaffa, Toldotav ve-hitpathuto [Prayer book of the Kaffa Rite, its History and Development]. Ed. by S.G. Bernstein and G.A. Horgin, *Sefer Yovel likhvod Shemuel Kalman Mirsky* [Jubilee book in honor of S.K. Mirsky]. New York: Vaad ha-Yovel, 1958, pp. 451–538. (In Hebrew)
36. Deinard E. *Massa’ Qrim* [The Burden of the Crimea]. Warsaw, 1878. 232 p. (In Hebrew)
37. Finn, Shemuel J. Ḥakhmei Israel be-Krim. [Jewish Sages in the Crimea]. *Hakarmel*. 1862, vol. 28, pp. 101–102. (In Hebrew)
38. Firkovich A. *Avnei Zikkaron* [Stones of Remembrance]. Vilna, 1872. 256 p. (In Hebrew)
39. Gil, M. The Origins of the Karaites. *Karaite Judaism: A Guide to its History and Literary Sources*. Ed. by M. Polliack. Leiden-Boston: Brill, 2003, pp. 73–118.
40. Golden P. Qıpçaq. Ed. by Nurettin Demir, Birsel Karakoç, Astrid Menz. *Turkology and Linguistics: Éva A. Csató Festschrift*. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Yayınları, 2014, pp. 183–203. (In Turkish)
41. Harkavy A. and Strack H. *Catalog der Hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek*. Vol. 1–2. SPb., 1875. 338 p. (In German)
42. Hayoun M.R. Moses Maimonides und Muhammad al-Tabrisi. *Trumah*, 1995, vol. 5, pp. 201–245. (In Hebrew)
43. Langermann Y.Tz. “Some Remarks on Judah ben Solomon ha-Cohen and his Encyclopedia, ‘Midrash ha-Hokhmah’”. Ed. by S. Harvey. *The Medieval Hebrew Encyclope-*

dias of Science and Philosophy: Proceedings of the Bar-Ilan University Conference. Ramat-Gan: Bar-Ilan University, 2000, pp. 371–389.

44. Mann J. *Texts and Studies in Jewish History and Literature*, vol. 2. Cincinnati: Jewish publication society of America, 1935. 1600 p.

45. Shapira D. Remarks on Avraham Firkowicz and the Hebrew Mejelis 'Document.' *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 2006, vol. 59 (2), pp. 131–180.

46. Shapira D. and Ezer M. Solkhat. Shapira D. (ed.). *The Tombstones of the Cemetery of the Karaite Jews in Çufut-Qaleh (the Crimea): Report of the Ben-Zvi Institute Expedition – A Collection of Studies.* Jerusalem: Ben-Zvi Institute, 2008, pp. 198–204. (In Hebrew)

47. Sirat C. and de Lange N. (eds.). *Hebrew Manuscripts of the Middle Ages.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002, pp. 217–219.

48. Spuler B. *Die goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223–1502.* Leipzig: O. Harrassowitz, 1943. xvi + 556 p. (In German)

49. Taube M. Transmission of Scientific Texts in 15th-century Eastern Knaan. *Aleph.* 2010, vol. 10 (2), pp. 315–353.

About authors: Golda Akhiezer – Ph.D., Professor of the Department of Jewish history, Ariel University (Ariel, Israel); ORCID: 0000-0002-9789-1043. E-mail agolda@ariel.ac.il

Mark G. Kramarovsky – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Oriental Department, Curator of Central Asian Collection, State Hermitage Museum (34, Dvortsovaya embankment, St. Petersburg 190000, Russian Federation). E-mail: solkhat@hermitage.ru

*Received January 9, 2023 Accepted for publication February 28, 2023
Published March 29, 2023*

СВЕДЕНИЯ О КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ В ТРАКТАТЕ АДРИАНА ДЕ ВЕРДИ ДЮ ВЕРНУА

Н.И. Храпунов

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
khrapunovn@mail.ru*

Целью статьи стало изучение сведений о Крымском ханстве в малоизвестном источнике – сочинении французского «кабинетного» автора Адриана-Мари-Франсуа де Верди дю Вернуа, собравшего и обобщившего различные материалы по истории региона.

Материалом исследования были посвященные Крыму отрывки из трактата «Очерки географии, политики и истории владений императора турок в Европе», опубликованного дважды, в 1784 и 1785 гг. В отечественной историографии данный текст прежде не изучался.

В результате исследования раскрыты подробности творческой биографии де Верди дю Вернуа, свидетельствующие о разнообразии его научных интересов. Установлено, что в работе над анализируемым трактатом француз использовал широкий набор источников – сочинения французских дипломатов и писателей, энциклопедические труды «кабинетных» авторов, карты Северного Причерноморья и государственные документы. Выявлен информационный потенциал французского трактата, рассказывающего о географическом положении и об истории Крымского ханства, его взаимоотношениях с османским султаном и об обстоятельствах, при которых Крым попал под турецкий протекторат, этнической структуре государства, подчиненных хану городских центрах, а также о тех городах, которые принадлежали правителю Турции, об интересах России в Причерноморье и о ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Показано место анализируемой книги среди представлений западных интеллектуалов о Крыме, выявлены ошибочные и стереотипные представления.

Ключевые слова: А. де Верди дю Вернуа, Крым, Крымское ханство, крымские татары, историческая имагология, Российская империя, Османская империя

Для цитирования: Храпунов Н.И. Сведения о Крымском ханстве в трактате Адриана де Верди дю Вернуа // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 109–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.109-122 EDN: JCUQNK

Финансирование: Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119. Я признателен В.Н. Чхаидзе (Москва) за ценную консультацию во время работы над текстом.

© Храпунов Н.И., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**THE ACCOUNT OF THE CRIMEAN KHANATE
IN A TREATISE BY ADRIAN DE VERDY DU VERNONIS**

N.I. Khrapunov

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation
khrapunovn@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* The aim of this article is to explore a lesser-known source that provides information about the Crimean Khanate – a treatise called “Essays on the Geography, Politics, and History of the Turkish Empire in Europe,” written by the French “armchair” scholar Adrian-Marie-François de Verdy du Vernois, who collected and summarized various materials on the history of the region in his work.

Research materials: The article is based on an extract dedicated to the Crimea from the aforementioned treatise, which was published twice, in 1784 and 1785. This text has not yet been studied in Russian historiography.

Results and novelty of the research: The study sheds light on the biography of de Verdy du Vernois, demonstrating the diversity of his scholarly interests. It is shown that during his work on the analyzed treatise, the Frenchman used a wide variety of sources, including books written by French diplomats and writers, encyclopedic works of “armchair” researchers, maps of the Northern Black Sea region, and state documents. The article reveals the information potential of the French treatise, which describes the geographical location and history of the Crimean Khanate, its relations with the Ottoman Sultan and the circumstances under which the Crimea accepted the Turkish protectorate, the ethnic structure of the state, the urban centres subordinated to the khan, the cities under Turkish power, the Russian interests in the Black Sea Area, and the Russo-Ottoman war of 1768–1774. Additionally, the article shows the place of the analyzed book among contemporary Western intellectuals' perceptions of the Crimea and reveals erroneous and stereotypical views.

Keywords: A. de Verdy du Vernois, Crimea, Crimean Khanate, Crimean Tatars, historical imagery, Russian Empire, Ottoman Empire

For citation: Khrapunov N.I. The Account of the Crimean Khanate in a Treatise by Adrian de Verdy du Vernois. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 109–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.109-122 (In Russian)

Financial Support: The article was prepared as part of a project supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Megagrant No. 075-15-2022-1119. I am grateful to Viktor N. Chkhaidze (Moscow) for valuable advice while working on the text.

Введение

В 1784 г. в швейцарском Нёвшателе вышла книга на французском языке под названием «Очерки географии, политики и истории владений императора турок в Европе» [28]. Её автор скрыл своё имя за инициалами, но французские библиографы установили, что им был Адриан-Мари-Франсуа де Верди дю Вернуа (1738–1814). Через год появилось второе издание, почти идентичное первому и даже сохранившее нумерацию страниц. Правда, теперь на титульном листе был указан другой издатель, находившийся в Лондоне и Париже [29]. Здесь же появился подзаголовок: «В качестве продолжения “Мемуаров” барона де Тотта». Имелись в виду записки дипломата и авантюриста Франсуа де Тотта (1733–1793), который несколько лет провел в Турции, а в

1767–1769 гг. был французским консулом в Крымском ханстве. Его воспоминания, впервые опубликованные в 1784 г. [39] и впоследствии не раз переиздававшиеся, произвели сенсацию и завоевали огромную популярность – среди их читателей были, например, Екатерина II [24, р. 156] и Наполеон Бонапарт [40, р. 241–248]. Очевидно, издатель трактата де Верди дю Вернуа хотел привлечь к нему внимание, используя имя де Тотта. Среди прочего, автор изложил краткие, но достаточно информативные сведения о Крыме и его жителях на финальном этапе существования ханства. Однако в историографии данный источник практически не используется. Материалы де Верди дю Вернуа важны не только для изучения истории Крымского ханства, но и для понимания того, как люди Запада, и прежде всего французы, воспринимали Крым и, следовательно, чем могла руководствоваться политическая элита европейских держав в процессе принятия внешнеполитических решений. Цель настоящей статьи заключается во введении в научный оборот соответствующих материалов и их первичном анализе.

Шевалье де Верди дю Вернуа и его трактат

Об авторе трактата известно немного. Выходец из Франции, он в 1780 г. перебрался в Пруссию, где пользовался покровительством представителей правящей династии и вскоре стал членом Королевской академии наук. Де Верди дю Вернуа опубликовал несколько книг на разные темы, в том числе посвященные военной истории [32], истории конных игр [44], медицинскому значению бань [26] и генеалогии европейских королевских домов [38; 31]. Некоторые из них изданы анонимно. В других, как и в случае с анализируемым трактатом, имя автора скрывают инициалы. Как видно, это был человек самых разнообразных интересов. Его внуком был Юлиус Верди де Вернуа (1832–1810), прусский генерал, военный министр, преподаватель военной академии и автор многочисленных сочинений о военном деле [2, с. 317–318].

Появление анализируемой книги вовсе не удивительно, как и интерес соотечественников автора к Высокой Порте. Начиная с XVI в. Франция рассматривала государство Османов как своего потенциального союзника, поскольку у них был общий враг – державы Габсбургов. Следствием этого стали интенсивные дипломатические контакты, проходившие не только в Константинополе, но и в Бахчисарае, где французские консулы обосновались с начала XVIII в. [20, с. 406–408]. Де Верди дю Вернуа, насколько позволяют судить источники, никогда не был в Крыму. Анализируемый трактат можно отнести к группе сочинений «кабинетных» авторов эпохи Просвещения, в которых собраны разнообразные сведения о Крымском ханстве. Среди последних выделяются труды Иоганна Хюбнера (Гюбнера) [33, S. 337–341], Жозефа Дегиня [25, р. 390–417], Иоганна-Эриха Тунманна [45; ср.: 16] и Йохана-Георга Крюница [36, S. 409–487]. По-видимому, де Верди дю Вернуа использовал если не все, то большую часть этих сочинений, а также читал упомянутый выше трактат де Тотта и труды еще одного французского консула в Крыму – Шарля де Пейссоннея [42, р. 81–107; 43; ср.: 12]. Судя по тексту, в его распоряжении были какие-то европейские карты Причерноморья. Очевидно, он использовал и другие источники, но весь набор определить достаточно сложно.

Трактат де Верди дю Вернуа об Османской империи состоит из трех частей. В первой описывается география турецкого государства, во второй –

военное дело османов, а в третьей – перипетии русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Сведения о Крымском ханстве собраны, главным образом, в специальном разделе III.I первой части книги [28, р. 4–17]. Этот раздел в значительной мере написан по материалам Хюбнера: несмотря на то, что те излагали сведения полувекковой давности, французскому ученому они казались актуальными. Возможно дело в предубеждении: представителям европейского Запада Восток (Азия) казался местом неподвижным и неизменным во времени [13, с. 322].

Крымское ханство французский ученый назвал «Малой Татарией» (*Petite-Tartarie*), протянувшейся от Дуная на западе до Дона на востоке и от Крыма на юге до границ Молдавии, Польши и России. Эту страну он противопоставил «Великой Татарии» (*Grande-Tartarie*) [28, р. 4], которая, по представлениям той эпохи, занимала большую (северную и центральную) часть Азии [18, с. 144–145]. Малую Татарию французский автор разделил на два субрегиона. В северном жили кочевники-ногаи, разделенные на орды, состоявшие из племен, во главе которых стояли мурзы. Границы этой территории определил Белградский договор, завершивший русско-османскую войну 1735–1739 гг. «Согласно этому договору, она простирается от устья Борисфена, или Днепра до устья Дона, или Танаиса, вдоль границ Украины на севере и Черного моря на юге» [28, р. 5, 9]. Южный субрегион включал непосредственно Крымский полуостров, население которого вело оседлый образ жизни [28, р. 5].

Согласно традиции, возникшей на Западе еще во время монгольских завоеваний XIII в., название страны и народа писалось с лишней буквой «р» (*Tartarie, Tartares*), чтобы подчеркнуть их «связь с преисподней», Тартаром древнегреческих мифов. Фобия оказалась долгоживущей – жертвой ее стали даже многие философы Просвещения. В результате, эта воображаемая Татария в сознании Запада стала своего «миром наизнанку», полной противоположностью «европейской цивилизации» [18, с. 144–146; 21, с. 822–823]. Лишь немногие современники француза понимали ошибочность этой интерпретации названий, – среди них, например, британский купец и авантюрист Уильям Итон, несколько раз бывавший в Крыму в последние годы существования ханства [19, с. 570]. Титул правителя Крыма де Верди дю Вернуа воспроизвел как «кан» (*kan*) – это также достаточно типично для его соотечественников. Например, в знаменитой «Энциклопедии» этот титул передан как *kam* [27, р. 470]. Язвительный Итон по этому поводу заметил, что «французы, которые не отличают звук *m* от *n*, если за ним не следует гласная, обычно пишут его как *kam* или *хам...*» [19, с. 582].

По словам де Верди дю Вернуа, земли Малой Татарии, за редким исключением, бесплодны, а воздух там холодный и нездоровый. Тем не менее, эта страна перенаселена, «поскольку изнеженность и роскошь еще не истощили ее жителей» [28, р. 8; ср.: 33, S. 338]. Здесь очевидно влияние Монтескье, считавшего, что развитие народов зависит от природных условий и противопоставлявшего трудолюбивый север изнеженному югу. Кроме того, французский философ считал, что для Азии вообще характерно отсутствие умеренного климата, в результате чего «сильные» жители Великой Татарии успешно покоряют «слабых» жителей теплого юга [10, с. 235–237, 295–296].

Де Верди дю Вернуа считал татар потомками скифов [28, р. 8]. Этот вывод типичен для эпохи Просвещения; точно также думал, например, Вольтер [4,

с. 48; 18, с. 151–153]. Впрочем, он мог назвать «скифами» и русских, имея в виду придуманную для них «роль» варваров, желавших приобщиться к европейской цивилизации [11, с. 119–120]. Подобным рассуждениям авторов XVIII в. свойственны два характерных мотива. Во-первых, в их трудах зачастую сложно отделить метафору (скифскость = варварство = неевропейскость) от «научных» идей. Во-вторых, современных представлений об этнических процессах и языковых классификаций еще не существовало, а потому предполагалось, что древние народы продолжают жить в тех же местах, где их поместили античные и средневековые авторы. Нужно было просто подобрать соответствия древним среди современных этносов – по созвучию названия, совпадению ареала, воображаемому сходству культуры и пр. [5, с. 422–428; 14, с. 124–144].

По мнению французского писателя, холодный климат закалил характер татар в прямом и переносном смысле. Детей купали в холодной воде сразу после рождения – но такие испытания делали их стойкими: «Ни один народ не переносит усталость так, как татары». Даже жестокие зимние морозы не мешали им вплавь преодолевать реки, притом, что одежду, оружие и снаряжение перевозили на примитивных плотах. Татарская пища была скудна – деликатесом считалась конина, пареная под седлом. «Много молочных продуктов и немного овощей, немного гречневой или просяной муки – вот их самая обычная еда». При этом татары, которых писатель назвал людьми «нецивилизованными», отличались слепым следованием предрассудкам и крайне жестоким отношением ко всему, что казалось им немусульманским [28, р. 8–9]. Описание татар вообще и крымских татар в частности как архетипичных варваров, новых скифов и «угрозы цивилизации» было типичным для западной традиции [21, с. 822–825].

В книге имеется краткий экскурс в историю Крымского ханства. По словам автора, в конце XII в. татары «перешли Танаис и Волгу, заняли берега Черного моря, захватили Херсонес», то есть Крымский полуостров [28, р. 5]. До XVI в. они сохраняли независимость, которую утратили в результате гражданской войны между ханом Махмет-Кираем (*Machmet-Kiray*) и его братьями. Эту ситуацию использовал османский султан Амурат (*Amurath*) III, сделавший ставку на некоего Оссана (*Ossan*). Последний при поддержке османов победил и убил Махмета и двух его сыновей, после чего, выполняя договор с Амуратом, «он признал себя его вассалом. Татары, до тех пор независимые, признали султана своим повелителем» [28, р. 6–7]. Хотя имена участников драмы переданы не вполне корректно, что довольно характерно для европейских писателей той эпохи, их можно установить с высокой степенью достоверности. Амурат – это султан Мурад III, Махмет-Кирай – Мухаммед-Гирай II, Оссан – Ислям-Гирай II. В описанной французом истории угадывается рассказ о противоборстве братьев, закончившейся гибелью первого и воцарением второго в 1584 г., в котором искажены некоторые детали [15, с. 327–330]. В реальности, как хорошо известно, османский протекторат над Крымом был установлен на век раньше, по итогам похода турок на Крым в 1475 г. [15, с. 223; 8, с. 162].

Де Верди дю Вернуа назвал крымского хана «вассалом Порты». Он сообщил, что «турецкий император» мог менять хана по собственной прихоти при том условии, что преемник будет избран из дома Гераев. Далее он уточнил, что эта семья унаследует «Турецкую империю в том случае, если пресеется род Османов» [28, р. 5]. Впоследствии он еще раз вспомнил о том, что

есть «древняя традиция, гарантирующая хану наследование османского трона, если род султанов придет к концу» [28, р. 15]. Эта мысль была очень популярной в Крыму и возникла, по-видимому, в среде местных жителей. Во всяком случае, ее неоднократно повторяли путешественники даже много лет спустя после падения ханства [6, с. 297; 46, р. 849; 19, с. 572; 22, с. 418; 30, р. 297; 17, с. 386]. В реальности, однако, это поверье не имело под собой оснований [12, с. 12; 15, с. 237–238].

Французский «кабинетный» писатель уделил немалое место городам и крепостям Малой Татарии. Этот раздел в значительной степени основан на сочинении Хюбнера, точнее, на его позднем и изрядно переработанном издании, вышедшем через много лет после смерти автора [34, S. 373]. Итак, в тех местах, где жили ногайцы, то есть к северу от Крыма, городов и крепостей было немного. Все они «принадлежат туркам, которые держат там гарнизоны или склады для торговли» [28, р. 9]. К их числу относился Кинбурн (*Kimbourn*) в устье Днепра. А вот сведения о других центрах не вполне точны. Так, среди них фигурирует Черная долина (*Tzornaja-Dolina*), расположенная «на берегу Черного моря, недалеко от реки Каланчак», которая, будучи местом не слишком значительным, стала известной «благодаря битве между русскими и татарами, которая произошла там в 1736 г.» [28, р. 9–10]. Ясно, что писатель не разобрался в топографии, ведь Черная долина – это не крепость, а урочище, близ которого стояло войско крымского хана и где произошли первые столкновения с российской армией Буркхарда-Кристофа фон Миниха при начале похода на Крым 1736 г. [7, с. 59–60]. Об этом событии писал в мемуарах адъютант Миниха Кристоф-Герман фон Манштейн [37, р. 170–173]. Оттуда, вероятно, эти сведения и попали в книгу Хюбнера, а затем – в трактат французского ученого.

Еще одна османская крепость в ногайских степях, по мнению француза, называлась Павлов, Павловский (форт? редут?) или Паульсбург (*Pawlow, Pawlowki, Paulsbourg*). Ее местоположение он определил как «на реке Миус, в шести льё от одноименного города, принадлежащего русским» [28, р. 10; ср.: 34, S. 373]. Льё – старинная французская мера длины: сухопутное льё равнялось 4444 м., морское – 5556 м. Российский шанец Павловский (Павловская крепость) был построен в начале XVIII в. вблизи Таганрога, в верховьях Миусского лимана – ныне это территории хутора Гаевка Ростовской области России [1]. Но вот османских крепостей в тех краях не было. Создается впечатление, что де Верди дю Вернуа видел какую-то карту, но не разобрался в том, где проходит граница между державами. Другой крепостью, принадлежность которой перепутана в его труде, оказался Азов (*Asoph, Asoff*), «или Адзак (*Adsack*) на языке этой страны». Француз не понял, что Азов отошел России, а потому привел его в списке османских городов. Он сообщил, что по Белградскому мирному договору 1739 г., завершившему русско-турецкую войну, Азов стал границей между Крымским ханством («Татарией») и Россией, причем крепостные сооружения нужно было разрушить [28, р. 10].

Отдельно в трактате описаны города и крепости в Крыму, которые также делились на ханские и османские. В отличие от ногайских земель, на полуострове было «великое множество городов, местечек и селений; но тем не менее, главные центры не принадлежат правителю страны: большая их часть находится под властью Великого сеньора», то есть османского султана [28,

р. 10–11]. В описания обеих групп автор характерным образом внес не только крымские, но и те пункты, что находятся за пределами полуострова. Этот фрагмент основан на позднем издании трактата Хюбнера, где информации больше, чем в раннем [34, S. 370–372; ср.: 33, S. 340–341], причем к нему добавлены некоторые новые данные, взятые из иных источников. Среди тех центров, что принадлежат хану, француз назвал Старый Крым (*Crim, Cremes*, «или *Benderkremenda* на языке этой страны») – некогда очень большой город, ныне утративший всякое значение; Ор или Перекоп (*Or, Prékop, Pérekop*), центр линии обороны на одноименном перешейке – во время войны 1735–1739 гг. русские трижды занимали его, разрушив и сам город, и окружающие укрепления; Геническ (*Genitzi*) – «укрепление, которое сами русские соорудили берегу Черного моря, когда они вошли в Крым в 1736 г.»; Бахчисарай (*Backaseray, Backsiseray, Baciesaray*) – ханскую резиденцию, «которую русские разрушили в 1736 г. Они также сожгли великолепный дворец этого князя, построенный в китайском стиле»; Акмечеть (*Achmetzet, Achmetschet*), или Султан-Сарай (*Sultan-Saray*) – место жительства калги-султана и главных мурз; Мангуп (*Mackupa*), «где кан хранит свои сокровища во время войны»; Кёзлев (*Kosloff*) – «богатый торговый порт, окруженный весьма мощной стеной, фланкированной башнями, перед которой проходит широкий и глубокий ров, вырубленный в скале»; Карасубазар (*Karasbasar*) – «большой город, который до 1737 г. вел обширную торговлю» силами греков, евреев и армян, однако русские учинили разгром, от которого он так и не оправился; Керчь (*Kertz, Kersch*) – порт на Черном море, обнесенный стеной высотой в 22 фута, причем гавань защищает семибашенная цитадель: «Его местоположение настолько выгодно, что всякий, желающий сделаться хозяином торговли на Черном море, должен сначала овладеть этим портом» [28, р. 11–12].

По словам де Верди дю Вернуа, среди тех городов, которыми «в Крыму» (то есть на окраинах Крымского ханства) владел османский султан, были: Балаклава (*Baluclawa, Balacklava*) или Ямболь (*Jambol*), портовый город, «защищенный мощным замком. Это место, где обычно строят корабли для Великого сеньора» (османского султана); Ени-Кале (*Genicala, Ygnicale*) – «укрепление, построенное турками на морском берегу»; Каффа (*Caffa*), которую раньше называли Феодосия (*Théodosie*) – ее порт «один из лучших и безопаснейших на этих берегах», а сам город окружают волы с укреплениями и отличными бастионами, где расставлены многочисленные пушки [28, р. 12–13; 34, S. 372–373]. Из сопоставления текста с другими источниками ясно, что здесь использованы как материалы Хюбнера, так и Тунманна [ср.: 45, S. 1914–1915, 1917–1918; 16, с. 40–41]. Интересно, что Керченский пролив француз, вслед за Хюбнером, назвал «одноименным городом», то есть Кафским проливом – хотя на самом деле город находится примерно в 85 км по прямой к западу [ср.: 34, S. 373]. Но так как в XIV–XVIII вв. Каффа была крупнейшим торговым центром в Причерноморье, ее название было перенесено на Керченский пролив на европейских картах [9, с. 26]. Отсюда этот топоним попал в сочинения «кабинетных» авторов, например, Вольтера [4, с. 98]. Последний пункт в указанном списке требует пояснений. Здесь де Верди дю Вернуа, вновь используя данные Хюбнера, отметил крепости Ладда (*Ladda*) и Тамань (*Taman*), «расположенные на острове Тамань (*Tammerow*), возле пролива, который соединяется с Черным морем и называется Кафин-

ский проход или устье Св. Иоанна. Этот пролив – тот самый, который древние называли Киммерийским Боспором» [28, р. 13; 34, S. 373]. Именно у Хюбнера взято необычное название Таманского полуострова («Таммеров»), разительно отличающееся от одноименной крепости. Полуостров Тамань зачастую называли островом, вероятно, воспринимая устья реки Кубань как проливы, отделяющие его от материка. Если название османской крепости Тамань источники передали точно, то Ладда – это, очевидно, Адда (Адахун) в северной части современного Таманского полуострова [3, с. 46–48; 23, с. 24–26].

Последняя часть анализируемого раздела в книге де Верди дю Вернуа излагает соображения о том, что в интересах России было бы «овладеть Татарией или добиться ее независимости от Порты». При этом в примечании оговаривается, что эта часть написана несколько лет назад, то есть до событий 1783 г., которые побудили «редакторов» добавить последний абзац. По мнению автора, Петр I рассчитывал сделать Россию важным центром международной торговли. Этому препятствовало географическое положение его державы, отделенной от стран Востока пустынями Великой Татарии, тогда как Крымское ханство не давало возможности использовать Черное море для коммуникации со средиземноморскими портами. «Поэтому необходимо было либо отделить татар от союза с турками, либо завоевать их. <...> [М]ожно полагать, что, если бы смерть не забрала Петра Великого из России слишком рано, он бы предпринял это завоевание». Неудачный Прутский поход Петра I автор рассматривает как этап этого *grand projet*. Наследники первого русского императора не смогли реализовать его планы, поскольку были лишены дарований, необходимых для настоящих правителей. В последнем абзаце говорится, что «блистательная» Екатерина II стала продолжателем дел Петра I, сначала в результате войны с Турцией добившись независимости «Татарии» от Высокой Порты, а затем и «добившись от нынешнего хана полного отказа от суверенитета Крыма в обмен на пенсион, который ему будет выплачивать Россия» [28, р. 14–17].

Создается впечатление, что эти рассуждения навеяны сочинением Вольтера «История Российской империи при Петре Великом» (1759). Французский философ, рисуя образ Петра I как идеального монарха эпохи Просвещения, утверждал, что его герой стремился к завоеваниям в Северном Причерноморье для того, чтобы «возобновить» международную торговлю, некогда процветавшую в этих краях во времена древних греков. Этим и объяснялись Азовские походы царя как первый этап для реализации задуманного. «Намерение состояло в том, чтобы выгнать навсегда татар и турок из Крыма, после чего восстановить обильную торговлю, которую бы можно удобно и свободно отправлять с Персией через Грузию» [4, с. 98–99]. Вольтер, возможно, опирался на размышления французского писателя и историка, члена Российской академии наук Жана Руссе де Мисси (1686–1762). В биографии Петра I, опубликованной им под «русским» псевдонимом, Руссе де Мисси писал, что царь собирался «учредить большую торговлю», для чего ему требовался порт. К тому же воинственные татары были постоянной угрозой его владениям. В итоге Петр I принял решение завоевать крепость и порт Азов, который «был необходим царю как для того, чтобы держать малых (т.е. крымских. – Н.Х.) татар в узде, так и для торговли, которую Его Вел[ичество] пожелал учредить, и для связи между Доном и Волгой» [41, р. 119–124]. Вне зависи-

мости от того, насколько точно Руссе де Мисси и Вольтер воспроизвели логику и мотивацию российского монарха, нужно отметить, что планы по присоединению Крыма к России довольно широко обсуждались на Западе в XVII–XVIII вв., причем делали это самые люди, представлявшие разные государства и руководствовавшиеся очень разными соображениями [35].

В третьей – и самой пространной – части трактата де Верди дю Вернуа описываются события русско-турецкой войны 1768–1774 гг. [28, р. 151–315]. Это текст весьма осведомленного автора, имевшего доступ к разного рода документам. «Крымских» сюжетов здесь не так много – например, рассказывается о действиях ханского войска в молдавской компании 1769 г. [28, р. 177–181] или о вторжении русской армии на Крымский полуостров в 1771 г. [28, р. 252–261]. Завершается сочинение французским переводом манифеста Екатерины II о присоединении Крыма к России [28, р. 311–315].

Выводы

Исходя из изложенного выше, следует заключить, что де Верди дю Вернуа удалось создать последовательный и связный, пусть и несколько поверхностный образ Крымского ханства. Будучи «кабинетным» автором, он опирался не на собственные наблюдения, а на сочинения других, в том числе де Тотта и Хюбнера, Вольтера и Тунманна, имел доступ к картам Северного Причерноморья и документам, связанные с войной 1768–1774 гг. и присоединением Крыма к России. Тем не менее, некоторые приведенные французским ученым сведения не вполне точны – к таковым относится, например, представление о крымских Гириях как гипотетических наследниках османского трона. В европейской традиции было глубоко укоренено транслируемое автором анализируемого трактата представление о татарах как архетипичных варварах-кочевниках, представлявших экзистенциальную угрозу для Запада. Вполне в духе эпохи и рассуждения о возможных мотивах российской военной политики в Северном Причерноморье. Два издания этой книги показывают, что она пользовалась определенной популярностью и потому могла оказать влияния на суждения и действия читателей, а также на историографическую традицию. Именно поэтому проанализированный источник интересен как характерный индикатор тех представлений о Крыме, которые существовали в Западной и Центральной Европе во второй половине XVIII в. Это продукт вполне оригинального анализа, который произвел франко-прусский интеллектуал эпохи Просвещения, использовавший достижения подходы к источникам, свойственные его эпохе. Как представляется, труд де Верди дю Вернуа может иметь особую ценность для имагологических исследований, изучающих образы, представления и стереотипы, которые культура Запада вырабатывала в отношении Северного Причерноморья и его жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аваков П.А. Троицкая линия на Миусском полуострове (1702–1711 гг.) // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2. Архангельск: Новодвинка, 2016. С. 239–250.
2. Военная энциклопедия [Т. 5]. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. 320 с.
3. Волков И.В. Таманские острова в «Книге путешествия» Эвлии Челеби // Древности Кубани. 1999. Вып. 15. С. 40–61.

4. Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого / пер. с фр. СПб.: Ленинград, 2012. 352 с.
5. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И.И. Федюкина. М.: НЛО, 2003. 560 с.
6. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. [Часть 5] СПб.: Императорская академия наук, 1790. С. 265–303.
7. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. Сборник документов / сост. П.А. Аваков. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. 484 с.
8. Зайцев И.В. Османский протекторат над Крымом // История крымских татар. Т. III. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 162–167.
9. Колли Л. Из средневековой географии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1910. № 44. С. 24–29.
10. Монтескье Ш.Л. О духе законов / пер. с фр. А.В. Матешука. М.: Мысль, 1999. 674 с.
11. Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинова, И.А. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
12. Пейссонель Ш. де. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Лотошниковой. Днепрпетровск: Герда, 2009. 80 с.
13. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. М.: Русский Мирь, 2006. 638 с.
14. Слэскин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 120–154.
15. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1. М.: Рубежи XXI, 2005. 540 с.
16. Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство / пер. с нем. Н.Л. Эрнста, С.Л. Белявской. Симферополь: Государственное издательство Крым. АССР, 1936. 109 с.
17. Храпунов Н.И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. Вып. XIX. С. 379–426.
18. Храпунов Н.И. Центральная Азия в воображении Запада в XVIII в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М.: ОнтоПринт, 2020. С. 143–163.
19. Храпунов Н.И. Уильям Итон и его описание Крыма накануне присоединения к России // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 560–588.
20. Храпунов Н.И. Дипломатические отношения Крыма с Францией, Пруссией, Швецией в XVIII в. // История крымских татар. Т. III. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 403–408.
21. Храпунов Н.И. Представления о Крымском ханстве в Западной и Центральной Европе в середине XV – третьей четверти XVIII вв. // История крымских татар. Т. III. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 822–828.
22. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Вып. XX. С. 395–430.
23. Шаповалов С.Н. Турецкие крепости на территории Кубани в XV–XVII вв. // Общество: философия, история, культура. 2013. № 3. С. 23–27.
24. Aragon [A.] d'. Un paladin au XVIIIe siècle. Le prince Charles de Nassau-Siegen d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1893. 396 p.

25. Deguignes [J.]. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux, & c. T. 3. Paris: Chez Desaint & Saillant, 1757. 542 p.
26. Description des bains de Geismar, en Hesse. À Berlin: [sans éd.], 1787. 115 p.
27. Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / éd. D. Diderot, J. d'Alembert. T. 4. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751]. 1098 p.
28. Essais de géographie, de politique et d'histoire, sur les possessions de l'Empereur des Turcs en Europe. Neuchâtel: De l'Imprimerie de la Société Typographique, 1784. 319 p.
29. Essais de géographie, de politique et d'histoire, sur les possessions de l'Empereur des Turcs en Europe. Londres; Paris: Chez Poinçot, Libraire, 1785. 319 p.
30. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia, Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus. London: James Nisbet, 1836. 538 p.
31. Histoire généalogique et chronologique de la sérénissime maison de Hesse-Hombourg, pour servir de suite à l'histoire de Hesse par M. Mallet, composée d'après les titres et manuscrits des archives de cette maison. Berlin: De l'Imprimerie de P. Bourdeaux, 1791. 307 p.
32. Hommage à la vertu guerrière, ou Éloges de quelques-uns des plus célèbres officiers françois qui ont vécu et qui sont morts sous le règne de Louis XV. Hombourg-ez Monts: Henri Pierre Wolff, Imprimeur, 1779. 204 p.
33. Hübner J. Vollständige Geographie. T. 2: Dänemarck, Norwegen, Schweden, Preußen, Polen, Rußland, Ungarn, Türckey, Asia, Africa, America, und von den unbekanntten Ländern. Hamburg: bei König und Richter, 1730. 797 S.
34. Hübner J. Vollständige Geographie. T. 2: Dänemarck, Norwegen, Schweden, Preußen, Polen, Rußland, Ungarn, Türckey, Asia, Africa, America, und von den unbekanntten Ländern. [N. p.]: Giebente und verbesserte Auflage 1763. 826 s.
35. Khrapunov N.I. The Crimea Question in "Western" Projects, Political Treatises, and Correspondence from the Mid-sixteenth Century to 1783 // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 4. С. 857–877. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.857-877
36. Krünitz J.G. Oeconomische Encyclopädie, oder allgemeines System der Staats-Stadt- Haus- u. Landwirthschaft, in alphabetischer Ordnung. T. 53. Berlin: Joachim Pauli, 1791. 842 S.
37. Manstein [Ch.H.] de. Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie. T. 1. Lyon: Chez Jean-Marie Bruyset, Impr. Libraire, 1772. 366 p.
38. Manuel chronologique et généalogique des dynasties souveraines de l'Europe. Ouvrage élémentaire pour servir à l'étude et à la rédaction de l'histoire moderne. Berlin: De l'Imprimerie des Frères Wegenter, 1797. 390 p.
39. Mémoires du Baron de Tott, sur les Turcs et les tartares. T. 1–2 (Pt. 1–4). Amsterdam: [sans éd.], 1785. 273 + 264 p.
40. Napoléon. Manuscrits inédits, 1786–1791 / publ. par Fr. Masson, G. Biagi. Paris: Société d'editions littéraires et artistiques, 1907. 580 p.
41. Nestesuranoi I. Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la Patrie & c. & c. & c. T. 2. La Haye: Chez R.S. Alberts; Amsterdam: Chez Her. Uytwerf, 1725. 608 p.
42. Peyssonnel [Ch.] de. Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxin. Paris: Chez N.M. Tilliard, Libraire, 1765. 364 p.
43. Peyssonnel [Ch.] de. Traité sur le commerce de la Mer Noire. T. 1–2. Paris: Chez Couchet, Libraire, 1787. 340 + 377 p.
44. Recherches sur les carrousels anciens et modernes. Suivies d'un Projet de Jeux équestres à l'imitation des tournoys de l'ancienne Chevalerie. Dans lequel, on démontre l'utilité que la Noblesse retirerait du rétablissement de ces jeux, autrefois l'école de l'adresse & de la valeur. – [Cassel], 1784. 155 p.

45. Thunmann [J.E.]. *Der Krimische Staat // Neue Erdbeschreibung*. 7. Aus. Th. 1. Bd. 2. Hamburg: Carl Ernst Bohn, 1777. S. 1881–1974.

46. [Tooke W. Original Correspondence from Russia] // *The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle*. 1786. Vol. 56. No. 2. P. 547–552, 643–648, 846–851.

Сведения об авторе: Никита Игоревич Храпунов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории «Византийский Крым» Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (295007, пр. Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6141-9487, ResearcherID: Q-8101-2017. Email: khrapunovn@mail.ru

Поступила 26.12.2022 Принята к публикации 20.02.2023
Опубликована 29.03.2023

REFERENCES

1. Avakov P.A. The Troitskaia Line in the Miusskii Peninsula, 1702–1711. *New materials on the history of fortification*, vol. 2. Arkhangelsk: Novodvinka, 2016, pp. 239–250. (In Russian)

2. *A military encyclopedia*, vol. 5. St. Petersburg: I.D. Sytin, 1911. 320 p. (In Russian)

3. Volkov I.V. The Taman Islands in the *Book of Travels* by Evliya Celebi. *Antiquities of Kuban*, vol. 15. 1999, pp. 40–61. (In Russian)

4. Voltaire. *A History of the Russian Empire under Peter the Great*. St Petersburg: Leningrad, 2012. 352 p. (In Russian)

5. Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The map of civilization in the mind of the Enlightenment*. Moscow: NLO, 2003. 560 p. (In Russian)

6. An extract concerning the Crimean Peninsula from Vazilii Zuev's travelogue. *A collection of works taken from the monthly registers from various years*, vol. 5. St. Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk, 1790, pp. 265–303. (In Russian)

7. *Journals of the Crimean campaigns of the Russian army, 1735–1738: collected documents*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. 484 p. (In Russian)

8. Zaytsev I.V. The Ottoman protectorate on the Crimea. *A history of the Crimean Tatars*, vol. 3. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021, pp. 162–167. (In Russian)

9. Kolli L. From mediaeval geography. *Proceedings of the Taurida Scholarly Archival Commission*, vol. 44. 1910, pp. 24–29. (In Russian)

10. Montesquieu Ch.L. *The spirit of laws*. Moscow: Mysl', 1999. 674 p. (In Russian)

11. Neumann I.B. *Uses of the Other: The East in European identity formation*. Moscow: New Publisher, 2004., 2004. 336 s. (In Russian)

12. Peyssonnel Ch. de. *A memoir of the Minor Tataria*. Dnepropetrovsk: Gerda, 2009. 80 p. (In Russian)

13. Said E. *Orientalism: Western concepts of the East*. Moscow: Russkiy Mir, 2006. 638 p. (In Russian)

14. Slezkin Iu. Naturalists and nations: 18th-century Russian scientists and the question of ethnic diversity. *The Russian Empire in foreign scholarship: the works of recent years*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005, pp. 120–154. (In Russian)

15. Smirnov V.D. *The Crimean Khanate under the patronage of the Ottoman Porte*, vol. 1. Moscow: Rubezhi XXI, 2005. 540 p. (In Russian)

16. Thunmann [J.E.]. *The Crimean khanate*. Simferopol: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Krym. ASSR, 1936. 109 p. (In Russian)

17. Khrapunov N.I. James Webster and his companions' travel to the Crimea, 1827. *Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria*, vol. 19. 2014, pp. 379–426. (In Russian)

18. Khrapunov N.I. Central Asia as imagined by the West in the 18th century. *Central Asia at the crossing of European and Asiatic political interests, 18th–19th centuries*. Moscow: OntoPrint, 2020, pp. 143–163. (In Russian)

19. Khrapunov N.I. William Eton and his account of Crimea on the eve of its unification with Russia. *Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria*, vol. 25. 2020, pp. 560–588. (In Russian)

20. Khrapunov N.I. Crimea's diplomatic relations with France, Prussia, and Sweden in the 18th century. *A history of the Crimean Tatars*, vol. 3. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021, pp. 403–408. (In Russian)

21. Khrapunov N.I. The notions on the Crimean Khanate in Western and Central Europe from the mid-15th to the 3rd quarter of the 18th century. *A history of the Crimean Tatars*, vol. 3. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021, pp. 822–828. (In Russian)

22. Khrapunov N.I., and Gin'kut N.V. The Crimea in 1784 as evidenced by the French traveller Baron de Baert. *Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria*, vol. 20. 2015. pp. 395–430. (In Russian)

23. Shapovalov S.N. Turkish forts in the Kuban area in the 15th–17th centuries. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], vol. 3. 2013, pp. 23–27. (In Russian)

24. Aragon [A.] d'. *Un paladin au XVIIIe siècle. Le prince Charles de Nassau-Siegen d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789*. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1893. 396 p. (In French)

25. Deguignes [J.]. *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux, & c.*, T. 3. Paris: Chez Desaint & Saillant, 1757. 542 p. (In French)

26. Description des bains de Geismar, en Hesse. À Berlin: [sans éd.], 1787. 115 p. (In German)

27. Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, T. 4. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751]. 1098 p. (In French)

28. Essais de géographie, de politique et d'histoire, sur les possessions de l'Empereur des Turcs en Europe. Neuchâtel: De l'Imprimerie de la Société Typographique, 1784. 319 p. (In French)

29. Essais de géographie, de politique et d'histoire, sur les possessions de l'Empereur des Turcs en Europe. Londres; Paris: Chez Poinçot, Libraire, 1785. 319 p. (In French)

30. Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia, Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus*. London: James Nisbet, 1836. 538 p.

31. Histoire généalogique et chronologique de la sérénissime maison de Hesse-Hombourg, pour servir de suite à l'histoire de Hesse par M. Mallet, composée d'après les titres et manuscrits des archives de cette maison. Berlin: De l'Imprimerie de P. Bourdeaux, 1791. 307 p. (In French)

32. Hommage à la vertu guerrière, ou Éloges de quelques-uns des plus célèbres officiers français qui ont vécu et qui sont morts sous le règne de Louis XV. Hombourg-ez Monts: Henri Pierre Wolff, Imprimeur, 1779. 204 p. (In French)

33. Hübner J. *Vollständige Geographie, T. 2: Dänemarck, Norwegen, Schweden, Preußen, Polen, Rußland, Ungarn, Türckey, Asia, Africa, America, und von den unbekanntten Ländern*. Hamburg: bei König und Richter, 1730. 797 s. (In German)

34. Hübner J. *Vollständige Geographie, T. 2: Dänemarck, Norwegen, Schweden, Preußen, Polen, Rußland, Ungarn, Türckey, Asia, Africa, America, und von den unbekanntten Ländern*. [N. p.]: Giebente und verbesserte Auflage 1763. 826 s. (In German)

35. Khrapunov N.I. The Crimea Question in “Western” Projects, Political Treatises, and Correspondence from the mid-sixteenth century to 1783. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 4, pp. 857–877. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.857-877

36. Krünitz J.G. *Oeconomische Encyclopädie, oder allgemeines System der Staats-Stadt- Haus- u. Landwirthschaft, in alphabetischer Ordnung*, T. 53. Berlin: Joachim Pauli, 1791. 842 p. (In German)

37. Manstein [Ch.H.] de. *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie*, T. 1. Lyon: Chez Jean-Marie Bruyset, Impr. Libraire, 1772. 366 p. (In French)

38. Manuel chronologique et généalogique des dynasties souveraines de l’Europe. Ouvrage élémentaire pour servir à l’étude et à la rédaction de l’histoire moderne. Berlin: De l’Imprimerie des Frères Wegenter, 1797. 390 p. (In French)

39. Mémoires du Baron de Tott, sur les Turcs et les tartares, T. 1–2 (Pt. 1–4). Amsterdam: [sans éd.], 1785. 273 + 264 p. (In French)

40. Napoléon. *Manuscrits inédits, 1786–1791*. Paris: Société d’editions littéraires et artistiques, 1907. 580 p. (In French)

41. Nestesuranoi I. *Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la Patrie & c. & c. & c.*, T. 2. La Haye: Chez R.S. Alberts; Amsterdam: Chez Her. Uytwerf, 1725. 608 p. (In French)

42. Peyssonnel [Ch.] de. *Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxin*. Paris: Chez N.M. Tilliard, Libraire, 1765. 364 p. (In French)

43. Peyssonnel [Ch.] de. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*, T. 1–2. Paris: Chez Couchet, Libraire, 1787. 340 + 377 p. (In French)

44. Recherches sur les carrousels anciens et modernes. Suivies d’un Projet de Jeux équestres à l’imitation des tournoys de l’ancienne Chevalerie. Dans lequel, on démontre l’utilité que la Noblesse retirerait du rétablissement de ces jeux, autrefois l’école de l’adresse & de la valeur. [Cassel], 1784. 155 p. (In French)

45. Thunmann [J. E.]. *Der Krimische Staat. Neue Erdbeschreibung*, 7. Aus., Th. 1, Bd. 2. Hamburg: Carl Ernst Bohn, 1777, S. 1881–1974. (In German)

46. [Tooke W. Original Correspondence from Russia]. *The Gentleman’s Magazine: and Historical Chronicle*, vol. 56, no. 2. 1786, pp. 547–552, 643–648, 846–851.

About the author: Nikita I. Khrapunov – Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Laboratory “Byzantine Crimea” at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6141-9487, ResearcherID: Q-8101-2017. E-mail: khrapunovn@mail.ru

*Received December 26, 2022 Accepted for publication February 20, 2023
Published March 29, 2023*

**ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ КРЫМСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО
ФОЛЬКЛОРА: СБОРНИК КРЫМСКО-ТАТАРСКИХ ПЕСЕН
Н. БОРОВКО И М. КРАСЕВА**

А.Е. Лобков

*Севастопольский государственный университет
Севастополь, Российская Федерация
aelobkov@sevsu.ru*

Цель исследования: охарактеризовать деятельность Н.Н. Боровко-Лангле как собирательницы и исполнительницы народных песен крымских татар и ввести в научный обиход сборник крымских татарских песен и танцев, подготовленный ею в сотрудничестве с композитором М.И. Красевым.

Материал исследования: сборник Н. Боровко и М. Красева «Крымские татарские песни», изданный в Стокгольме в 1925 г. Дополнительным материалом послужили малоизвестные отечественные и иностранные журнальные статьи. В качестве сравнительного материала были привлечены публикации крымских песенных фольклорных текстов 20–30-х гг. XX века.

Результаты и научная новизна: рассмотрен ряд малоизвестных и труднодоступных материалов, раскрывающих вклад Н.Н. Боровко-Лангле в историю крымской фольклористики 20-х гг. XX века. Концертная деятельность Н.Н. Боровко-Лангле носила культурно-просветительский характер и стала фактом знакомства шведских зрителей со своеобразием крымско-татарских народных песен и танцев. В фонде Российского национального музея музыки выявлен сборник «Крымские татарские песни», содержащий шесть крымско-татарских песен с переводом на русский, шведский и немецкий языки, а также нотную запись двух танцевальных песен. Он может служить ценным подспорьем для дальнейшего сравнительного изучения вариантов крымских песен. Затронуты некоторые аспекты сотрудничества Н.Н. Боровко-Лангле с М.И. Красевым и описан круг музыкальных публикаций композитора, связанных с крымской тематикой.

Ключевые слова: Н.Н. Боровко-Лангле, М.И. Красев, А.К. Кончевский, музыкальный фольклор, песни крымских татар, Крым, Швеция

Для цитирования: Лобков А.Е. Эпизод из истории крымского музыкального фольклора: сборник крымско-татарских песен Н. Боровко и М. Красева // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 123–142. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.123-142 EDN: KLAOSV

© Лобков А.Е., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**AN EPISODE FROM THE HISTORY OF CRIMEAN MUSICAL
FOLKLORE: A COLLECTION OF CRIMEAN TATAR SONGS
BY N. BOROVKO AND M. KRASEV**

A.E. Lobkov

*Sevastopol State University
Sevastopol, Russian Federation
aelobkov@sevsu.ru*

Abstract: *Research objectives:* To outline the activities of Nina Borovko-Langlet as a collector and performer of folk songs of the Crimean Tatars and to introduce into scientific use a collection of Crimean Tatar songs and dances, prepared by her in collaboration with the composer M.I. Krasev.

Research materials: The collection of Nina Borovko and Mikhail Krasev “Crimean Tatar Songs,” published in Stockholm in 1925, and little-known Russian and foreign journal articles served as additional material. As comparative material, the publications of Crimean folklore texts of the 1920s and 1930s were used.

Results and novelty of the research: For many decades, the name of Nina Borovko-Langlet was forgotten in the history of Russian musical folklore. The materials presented in the article highlight the role of N. N. Borovko-Langlet in Crimean folklore studies of the 1920s and 1930s. She contributed largely to the popularization of Crimean Tatar music, and her concerts introduced Swedish audiences to the originality of Crimean Tatar folk songs and dances. The article reveals the existence of the collection “Crimean Tatar Songs,” containing six Crimean Tatar songs with translations into Russian, Swedish, and German, as well as a musical notation of two dance songs. It can serve as a valuable source for further comparative study of variants of Crimean songs. The paper also touches on some aspects of N.N. Borovko-Langlet’s collaboration with M.I. Krasev and describes the range of musical publications of the Soviet composer related to the Crimean theme.

Keywords: Nina Borovko-Langlet, Mikhail Krasev, Arkady Konchevski, musical folklore, Crimean Tatar songs, Crimea, Sweden

For citation: Lobkov A.E. An Episode from the History of Crimean Musical Folklore: a Collection of Crimean Tatar Songs by N. Borovko and M. Krasev. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 123–142. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.123-142 (In Russian)

Введение

Включение Крыма в середине XIII века в состав Золотой Орды положило начало тюркизации полуострова. За время более чем трехвекового существования Крымского ханства, считавшего себя главным наследником Золотой Орды, придворная культура и искусство достигают высокого расцвета. Об этом свидетельствует развитая жанровая система письменной литературы (испытывшая, конечно, сильное влияние османской культурной традиции). С вхождением Крыма в 1783 году в состав Российской империи культура придворной литературы пресеклась, чего нельзя сказать об устной поэтической традиции, продолжавшей бытовать в среде крымских татар вплоть до 20–30-х гг. XX века. Именно в эти годы осуществлялась целенаправленная письменная фиксация крымского фольклора, широко представленного героическим эпосом («Эдиге», «Чора-батыр»), песнями, сказками, легендами, загадками, пословицами и поговорками. К сожалению, фольклорные материалы,

собранные в довоенные годы, в подавляющем большинстве были утрачены, а многие материалы продолжают оставаться достоянием архивов и все еще ждут ввода в научный оборот.

История собирательства крымского фольклора в первой половине XX века полна белых пятен. Его сбором занимались как профессиональные фольклористы, так и этнографы-любители. Ценность собранного ими материала различна, но всех их без исключения объединяла любовь к народному творчеству многочисленных народов Крыма, в котором скрестились разные традиции и влияния. При этом наибольшее внимание ученые уделяли изучению языка, этнографии и истории коренного татарского населения. Обособленное положение татар в Крыму и их неоднородность, конечно, во многом определили своеобразие народной культуры; вместе с тем они являются частью большого татарского этноса. Поэтому изучение устно-поэтического творчества в комплексе с музыкальным и танцевальным искусством крымских татар дает ключ к раскрытию разных сторон истории и особенностей материальной и духовной культуры татарского народа.

Одним из забытых имен крымской фольклористики является имя Нины Николаевны Боровко-Лангле (Nina Borovko-Langlet; 25 августа 1896, Санкт-Петербург – 3 сентября 1988, Стокгольм). Конечно, специалисты по истории Крыма знают о существовании «сборника татарских песен», изданных Н.Н. Боровко в Стокгольме в 1925 г. и, как правило, даже ссылаются на него в своих работах. Только глядя на эти ссылки, почему-то думается, что вряд ли кто-либо из них держал этот сборник в руках (о чем свидетельствует и незнание выходных данных и точного названия книги – «Крымские татарские песни»), да и вклад Н.Н. Боровко в крымскую фольклористику еще не был никем обозначен и оценен.

При этом нельзя сказать, что о Н.Н. Боровко-Лангле совсем уж ничего не известно. Она памятна своей ролью в деле спасения евреев в оккупированной гитлеровскими войсками Венгрии. Вместе со своим мужем – Вальдемаром Лангле (Valdemar Langlet, 1872–1960), преподавателем шведского языка и литературы в Будапештском университете, а с 1944 г. руководителем шведского Красного креста, они спасли множество жизней, выдавая преследуемым евреям шведские документы [4]. Об этом Нина Николаевна рассказала в своей книге «Хаос в Будапеште» с подзаголовком: «история о том, как швед Вальдемар Лангле спас десятки тысяч людей от нацистов в Венгрии» [31]. В знак благодарности в 1965 г. Яд Вашем присвоил супругам Лангле, рисковавшим своей жизнью ради спасения евреев во время Холокоста, звание Праведника народов мира и увековечил их имена на Горе Памяти в Иерусалиме [37].

Результаты исследования

Нина Николаевна родилась в семье Николая Африкановича Боровко (1863–1913) и Антонины Юстиновны Чайковской (1872–1948), стоявших у истоков русского эсперантизма. Общее увлечение «международным языком общения» сблизило супругов с молодым шведским эсперантистом Вальдемаром Лангле, неоднократно приезжавшим в России. О своих впечатлениях от первой поездки он рассказал в книге «Верхом по России», вышедшей в Стокгольме в 1898 г. [32]. России он посвятил и ряд других своих статей и книг, в частности, он издал хронику революционного движения в России [33]. Зна-

комство Лангле с супругами Боровко со временем превратилось в тесную дружбу и позже сыграло судьбоносную роль в жизни Нины Николаевны.

Жизнь семьи Боровко представляла типичный образец жизни разночинной интеллигенции того времени, зарабатывавшей хлеб собственным трудом. Чтение запрещенной литературы поставило крест на военной карьере Н.А. Боровко, попытки достичь материального достатка в гражданской жизни в Одессе и Санкт-Петербурге также были не слишком успешными. В 1902 г. семья переехала в Ялту, где Н.А. Боровко устроился на работу в Городскую общественную библиотеку им. В.А. Жуковского. Однако в 1906 г. он был выслан из Ялты за политическую неблагонадежность. Многодетная семья вынуждена была переехать в Симферополь, где Н.А. Боровко с трудом устроился в городскую библиотеку и стал активным членом Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы [5; 34; 35].

После смерти отца в 1913 г. Нину Николаевну, на собранные друзьями семьи деньги, отправили на учебу в Елизаветинский институт благородных девиц в Москву. Серьезное воспаление легких заставило ее вернуться в 1917 г. в Ялту. В 1917–1918 гг. Нина жила в Алушке. Здесь она работала и восстанавливалась после тяжелой болезни. В конце 1918 г. она поступила на учебу в Харьковскую консерваторию, где проучилась один или два года. Затем она снова вернулась в Крым, подрабатывала музыкальными выступлениями. В 1921 г., спасаясь от страшного голода, Нина приехала в Москву и поступила в Институт ритмического воспитания. В 1922 г. к ней переехала и мать (а позже и другие родственники). В 1923 г. в Москве их разыскал старый знакомый Вальдемар Лангле. Чтобы получить для Нины разрешение на поездку на год для продолжения музыкальных занятий в Стокгольме, он формально ее удочеряет. Осенью 1923 г. она уехала в Швецию, как потом оказалась, навсегда. А 10 марта 1925 г. Нина и Вальдемар поженились.

С детских лет Нина Боровко слышала крымские легенды и сказки, которые ей рассказывала мать, происходившая по бабушкиной линии из рода балаклавских греков. Были ей знакомы и песни южнобережных татар. Кроме того мать Нины Боровко была музыкально одаренной, играла на фортепьяно, организовывала домашние концерты и сыграла, по воспоминаниям дочери, решающую роль в ее увлечении музыкой.

Впервые имя Н.Н. Боровко в связи с крымским фольклором встретилось нам среди информантов известного этнографа-любителя Аркадия Карловича Кончевского (1883–1969) [12]. В подготовленных им сборниках «Песни Крыма» (1924) и «Песни Востока» (1925) трижды упоминается имя Боровко: «Ой обана, обана» («Не выдавай дочь за чабана...») от Боровко и Бекира Абдушева, «Аглактан» («От рыданий глаза полны слез...») от Боровко (Ялта) и «Гидене бак гидене» («Много встречал красавиц на свете...») от Боровко (Ялта) [15; 16].

В другой раз оно промелькнуло в библиографическом списке книг по Крыму за 1925–1926 гг., опубликованных в девятом томе трудов Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы: «Боровко Н. Сборник татарских песен. Стокгольм, 1925» [1, с. 134] и в «Библиографии по крымоведению» В.В. Симоновского: «Сборник татарских песен. Собраны Ниной Боровко. Гармонизация М. Красева. Стокгольм, 1925» [21, с. 532].

Третий раз имя Боровко было упомянуто в статье Сергея Алексеевича Бугославского (1888–1945), посвященной музыке в быту народов СССР. В разделе о музыке крымских татар он приводит имеющуюся по данному вопросу литературу, в том числе информирует, что «Музсектором Гиза напечатаны два выпуска «Песен крымских татар» в записи и обработке М. Красева (М., 1926) и небольшой сборник записей Н. Боровко в обработках того же Красева (напечатан в Стокгольме)» [3, с. 153].

О работе Михаила Ивановича Красева (1897–1954) по гармонизации крымско-татарских песен, собранных алушкинским школьным учителем Кязимом Усеиновичем Усеиновым (1886–1938) и литературно обработанных поэтом Тихоном Чурилиным (1885–1946), хотя и известно, но сама связь Красева с Крымом, в котором он находился в годы Гражданской войны, и его вклад в изучение и популяризацию крымского музыкального фольклора практически не изучены [17; 18]. Также практически ничего не известно о сотрудничестве композитора с Ниной Боровко. Известно только, что музыкальную обработку песенного материала М. Красев сделал до отъезда Н. Боровко в Швецию.

О том, что сборник Н. Боровко был известен широким кругам музыкальной общественности, свидетельствует следующий отрывок из статьи П.С. Когана об искусстве народов СССР: «“Открытие” *песен крымских татар* (сборники Кончевского, Красева, Боровко) – настоящий курьез. Ведь, кто только не бывал на крымских курортах, а песен татар не знали, не слушали. Ныне же они стали боевыми номерами эстрады» [7, с. 104].

Любопытство и желание разобраться в запутанной истории с Н. Боровко стали причиной наших долгих и увлекательных поисков сведений о таинственной собирательнице крымского фольклора. Их результатом стала находка двух журнальных заметок и самого сборника крымских татарских песен.

Первый документ – это письмо Н. Боровко-Лангле из Стокгольма, опубликованное под заголовком «Песни крымских татар – в Швеции» во втором номере журнала «Музыка и революция» за 1926 г. Оно свидетельствует о публикации сборника и о концертных выступлениях Н. Боровко в Швеции с исполнением песен крымских татар, получивших теплый прием публики и прессы. Приведем текст письма полностью.

«В 1923 г. я привезла в Швецию, собранные и записанные мною (в Крыму) и гармонизованные Михаилом Красевым татарские песни.

Несколько месяцев ушло на переводы песен на немецкий и шведский языки и на печатанье их. Обложку к ним рисовал молодой художник Hans Langlet; он сделал ее в персидском стиле. Текст на обложке написал турецкий *chargé d'affaires* Мукбим-Бей.

Первый раз пела я свои татарские песни в немецком посольстве. Публика удивительно тепло принимала их. Рецензия в газете, вернее отчет вечера, так как это был частный концерт, была очень хорошая и вызвала интерес. На другой же день газета “*Idun*” просила меня дать интервью и мою фотографию в татарском костюме.

Кроме посольства я пела их в Стокгольме 5, 6 раз в различных концертах. Всюду песни слушались с большим интересом. Особенно в клубе Публицистов, где Свен Гедин читал доклад об Азии, а я пела татарские песни. Некоторые из песен пела я по-немецки и по-шведски, остальные на татарском языке.

В октябре 1924 г. я совершила концертную поездку по Швеции, с этими песнями. Пела их в: Borås, Örebro, Fjugesta, Göteborg, Garleg, Smedjebacken, Avesta-“Kloster” и т.д.

Критика как столичная, так и провинциальная очень тепло приняла их. “Эти песни – драгоценность, которую должен иметь всякий любящий или интересующийся музыкой”, пишет одна из газет (“Östergötlands Dagblad”). Подобного характера рецензии появились и в финляндских газетах; напр., “Åbo Underrättelser” пишет: “Эти народные песни – прекрасный образец оригинальной народной музыки (в смысле мелодии и ритма). В этих песнях лежит экзотичная захватывающая красота”.

Нина Боровко-Лангле. Стокгольм 26/XII 25 г.» [2, с. 49].

Концерт в стокгольмском Клубе публицистов (Publicistklubben), упоминаемый в письме, состоялся 22 марта 1924 г. Знаменитый исследователь Центральной Азии Свен Гедин (Sven Hedin, 1865–1952), находившийся в 1923 г. с лекциями в Америке, свой обратный путь на родину совершил через Японию, Китай, Монголию и СССР. Вернувшись домой, он рассказал о своих впечатлениях от поездки на выступлении в Клубе публицистов, а также в книге «От Пекина до Москвы» («Från Peking till Moskva», Стокгольм, 1924 г.).

Свидетельством концертной поездки Нины Боровко по городам Швеции является афиша с указанием мест и дат выступлений, а также фотографией певицы в татарском платье (илл. 1). Из афиши следует, что 3 октября концерт Н. Боровко состоялся в Оребро, 4 октября в Фьугесте, 7 октября в Буресе, 10 октября в Гётеборге [5].

Илл. 1

Илл. 2

Упомянутое в письме интервью для шведского журнала «Идун» указало место поиска следующего документа. В 1924 г. в апрельском номере журнала была опубликована статья «Любовь к русской музыке» и фотография Н. Боровко в праздничном татарском одеянии. К сожалению, качество сохранившегося фото позволяет создать лишь общее впечатление от внешнего вида исполнительницы крымских татарских песен (илл. 2). Приводим журнальную статью в переводе со шведского языка:

«Приемная дочь писателя и редактора Вальдемара Лангле, фрёкен Нина Боровко, русская по рождению, провела свое детство в Крыму, где она близко соприкоснулась с татарской музыкой, а впоследствии собрала и записала ряд оригинальных и увлекательных песен и танцев.

Татары прибыли в Крым только около 700 лет назад и со временем составили основную часть смешанного населения полуострова. Одновременно с ними значительный и важный вклад в формировании населения сыграли и итальянские колонисты, преимущественно купцы из Генуэзской республики, прибывшие в Крым и выстроившие для себя крепости, о былом величии которых еще и сегодня свидетельствуют длинные стены и мощные башни.

Встреча восточной культуры с итальянской должна была оставить свой след и в духовной жизни, и, конечно, не в последнюю очередь в области музыки. Это, с одной стороны, и, конечно, не в последнюю очередь в области музыки. Это, с одной стороны, и, конечно, не в последнюю очередь в области музыки. Это, с одной стороны, и, конечно, не в последнюю очередь в области музыки. Это, с одной стороны, и, конечно, не в последнюю очередь в области музыки.

Фрёкен Боровко, заметив, какую важную роль играет песня в повседневной жизни татар, и пройдя обучение в консерватории в Харькове, решила взяться за запись их песен и танцев. И хотя сами народные исполнители не знают нотной грамоты, мелодии сохраняются в своем первоначальном, зачастую очень древнем виде: с этой целью обычно организуются своеобразные соревнования мастеров, на которых старики, знающие, как правильно должна звучать мелодия, судят выступления молодых и решают, кто поет не только лучше, но и более правильно в соответствии с традицией.

Записанные песни и танцы были гармонизированы молодым русским композитором Михаилом Красевым, учеником знаменитого Гречанинова. Предполагается, что они будут изданы в сопровождении русского, немецкого и, конечно, татарского текстов. На немецкий и шведский языки их переводит редактор Вальдемар Лангле. Мы приводим одну из песен с татарским названием “Yskydara gider iken” (“По дороге в Ускюдар”), что по-шведски означает: “I Skutari” (“В Скутари”).

Идя по дороге в Скутари, я нашла красивый платок,
Кто может объяснить его любовь ко мне, ко мне и никому другому.
Он принадлежит мне, а я – ему, и пусть другие не вмешиваются.
Идя по дороге в Скутари в другой раз,
Я наполнила платок сахаром и принесла его моему милому.
Он принадлежит мне, а я – ему, и пусть другие не вмешиваются.
Теперь в Скутари мне больше нечего искать,
Ведь мой возлюбленный богат и у него красивое кольцо.
Он принадлежит мне, а я – ему, и пусть другие не вмешиваются.

Недавно фрёкен Боровко исполнила несколько своих песен на званом вечере в доме немецкого посла Надольного под фортепианный аккомпанемент Марты аф Клинтберг, который дополняла скрипка в исполнении концертмейстера Стокгольмского концертного общества господина Баркеля, под бурные аплодисменты слушателей. Не исключено, что в ближайшее время она выступит с концертами на публике» [30, с. 327].

В письме и в журнальной статье в качестве места первого концерта Нины Боровко в Швеции называется резиденция немецкого посла Рудольфа Надольного (Rudolf Nadolny, 1873–1953), работавшего в Стокгольме с 1920 по 1924 гг. Р. Надольный, начинавший свою дипломатическую деятельность в России, в начале 1924 г. был назначен послом в Турцию (1924–1933 гг.). Очевидно, концерт русской певицы, исполнившей крымские татарские песни, мог быть тематически связан с новым назначением Р. Надольного.

Музыкальное сопровождение крымских песен и танцев обеспечили пианистка Марта аф Клинтберг (Märta av Klintberg, 1880–1940) и скрипач Чарльз Баркел (Charles Barkel, 1896–1973), игравшие видную роль в музыкальной культуре Швеции того времени.

Перевод песни «По дороге в Скутари» на шведский язык, очевидно, выполнил В. Лангле. Эта песня широко известна своим любовным сюжетом. Она есть среди турецких песен, записанных Б.В. Миллером в Сочи летом 1901 г. у странствующего армянского певца из Стамбула. Ученый отмечает, что «писарская» песня пользуется большой популярностью и «распространена, по-видимому, по всему побережью Черного моря; по крайней мере мне приходилось ее слышать и в Крыму и на Кавказе, а кроме того, даже на берегах Каспия среди азербайджанского населения; разумеется, и в Константинополе она – из чрезвычайно распространенных» [13, с. 115].

Связь между вариантами песен в записях Боровко и Миллер очевидна. Приведем для сравнения текст песни в буквальном русском переводе Миллера:

Идя в Скутари, я нашла платок,
Платок я наполнила сахаром,
Ища своего милого, я его нашла у себя
на груди.
Писарь принадлежит мне, а я – писарю,
Чего же вмешиваются посторонние?
Как хорошо идет к моему писарю
Алмазное кольцо!
Писарь принадлежит мне, а я – писарю,
Чего же вмешиваются посторонние?

Писарь в лавке портного кроит пальто,
В руке он держит закуску и пьет ракию,
Ах, что только не происходит в сердце
писаря!
Писарь принадлежит мне, а я – писарю,
Чего же вмешиваются посторонние?
Когда я шла в Скутари, пошел дождь,
Писарь проснулся, глаза у него томные,
У писаря сюртук длинный, а воротник
соболый.
Писарь принадлежит мне, а я – писарю,
Чего же вмешиваются посторонние?

[13, с. 142–143]

И, наконец, сам сборник «Крымские татарские песни». Его удалось обнаружить в фонде Ф.Ф. Эккерта в Российском национальном музее музыки¹. Появление книги в фонде Эккерта объясняет дарственная надпись на обложке: «Глубокоуважаемому Фердинанду Фердинандовичу Эккерту на память от автора» с подписью – М. Красев и датой – 11 декабря 1926, Москва.

¹ РНММ. Ф. 92. №275.

Красочную обложку к книге выполнил Ганс Лангле (Hans Langlet), родственник Вольдемара Лангле, позднее более известный как журналист и переводчик. Вероятно, что на ней в стилизованном под восточную девушку изображена сама Нина Боровко, так как изображенные художником платье и головной убор очень походят на одяние Нины на сохранившихся фотографиях (илл. 3).

Илл. 3

Надписи на обложке на османском языке красивой персидской вязью выполнил Лаик Мукбил-бей (Laik Mukbil Bey), в 1923–1926 гг. временный поверенный в делах Турции в Швеции, очевидно, присутствовавший на концерте Нины Боровко в доме немецкого посла.

Верхняя строка гласит – «Хвала Аллаху, сотворившему Крым и вдохновившему крымские песни», строка справа – «На ноты для фортепиано переложил Михаил Красев», строка слева – «Эти татарские песни собраны и записаны Ниной Боровко», нижняя строка – «Издательство братьев Лагерстрём. Стокгольм, 1925». Под миниатюрой указано имя художника – «Ганс Лангле».

Сборник включает в себя шесть песен, записанных Н. Боровко на крымско-татарском языке – «Агламактан», «Гиденэ, бак гиденэ», «Дертли кавал», «Татар барма», «Обана» и «Айда ийлда бир Байрам» и переведенных на русский (Н. Боровко), а также шведский и немецкий (В. Лангле) языки. Также сборник включает нотную запись двух танцевальных песен – «Хайтарма» и «Чобан». Все песни гармонизированы М.И. Красевым.

Популяризация песен крымских татар была бы немыслима без их переводов, дававшим слушателю некое представление о содержании песни. Как можно видеть, в сборнике Боровко имеются переводы на русский, шведский

и немецкий языки. Но перевод народных песен нередко сопряжен с утратой заданного размера и ритмики, искажением смысла и разрушением характерной образности, депозитизацией. Размышляя над проблемой переводимости, А.А. Потебня в статье «Язык и народность» (1895) приводит анекдот, заимствованный им у В.И. Даля и изображающий «невозможность высказать на одном языке то, что высказывается на другом»: «заезжий грек сидел у моря, что-то напевал про себя, и потом слезно заплакал. Случившийся при этом русский попросил перевести песню. Грек перевел: «Сидела птица, не знаю, как ее звать по-русски, сидела она на горе, долго сидела, махнула крылом, полетела далеко, далеко, через лес, далеко полетела». И все тут. По-русски не выходит ничего, а по-гречески очень жалко!» [20, с. 264].

Этот анекдот стал классикой в учении о переводе и всегда рассказывается в связи с проблемой непереводаемости. Он, как нельзя лучше, относится и к русским переводам песен татар Крыма, которые правильнее было бы назвать не переводом, а, скорее, передачей содержания.

Кратко рассмотрим некоторые особенности приведенных в сборнике Н.Н. Боровко крымских татарских песен. Первая песня – «Агламактан» («Плачу») тематически относится к традиционным песням о несчастной любви.

Aglamaktan gözümdü dolu jaschile,
Netschare kaderde warimisch ajrylmak.
Netschare kaderde warimisch ajrylmak.
Müschkül imisch öpüp sewip ajrylmak,
Netschare kaderde warimisch ajrylmak.

Глаза мои переполнены слезами.
Что же делать, знать судьба расстаться с любимым.
Что же делать, знать судьба расстаться с любимым.
Как тяжела горькая разлука с милым моим...
Что же делать, знать судьба расстаться с любимым [11, с. 2].

Эта песня, записанная А.К. Кончевским в Ялте со слов Н. Боровко, вошла в сборник «Песни Востока» (1925). Приведем этот вариант записи.

Агламактан гөзлер долду яшиле,	При рыданиях слезы из глаз катятся.
Не чаре, кадер де вар	Что же делать, друг мой милый, нам судьба
Имиш айрылмак... ах	расстаться, ах.
Не чаре, кадер де вар	Что же делать, друг мой милый, нам судьба
Имиш айрылмак... ах	расстаться.

Вариант

От рыданий глаза полны слез.
Что же делать? Судьба нам расстаться.
Что же делать? Судьба нам расстаться [16, с. 8–9].

Вторая песня в сборнике – «Гиденэ бак, гиденэ» («Любуясь походкой») относится к песням о неразделенной любви.

Gidene bak, gidene, aman, aman, boju benzer fidane.
Tschok aradym bulamadym adjanym senin gibi bir tane, aman, aman.
Tschok aradym bulamadym adjanym senin gibi bir tane.

Gidene bak, gidene, aman, aman gül sarylmysch dikene.
Mewlam saburlar wersin adjanym, gizli sewda tschkene.

Вот, смотри, он там пройдет, мой любимый... Как он строен, как он хорош.
Долго я искала, не нашла нигде, кто бы был так горд, как он, любимый мой.
Долго я искала, не нашла нигде, кто бы был так горд, как он, как он.

Вот, смотри, он там пройдет, мой любимый... На земле нет роз без шипов.
Много дай, о бог, терпенья тому, кто хранит любовь от всех в душе своей.
Много дай, о бог, терпенья тому, кто хранит любовь в тиши [11, с. 3].

В записи А. Кончевского со слов Н. Боровко эта песня вошла в сборник «Песни Востока» (1925). Приведем этот вариант записи.

Гидене бак, гидене, аман, аман, Бою бензер фидане; Чох арардым буламадым, Сенин гиби дане, аман, аман.	Много я встречал красавиц на свете, Превзошла ты всех красот, Стан твой словно тополь стройный Приди ко мне скорей, ах, ах.

Вариант

Смотрю на проходящих:
Стройная фигура:
Много искал таких, как ты,
Но не мог найти [16, с. 12].

Следующая песня в сборнике Н.Н. Боровко – «Дертли кавал» («Печальная свирель») тематически относится к сиротским песням.

Dertli kawal gönliim gibi inledur Jüre gimin adji synu unuttur. Janyk sesin le jarama megem ol Inle kawal dertlerimi sen sustur.	Грустная свирель, стеной, как сердце мое. Не видать мне больше братьев, ни отца. Где ты, где, аул родной, где мой очаг? Где мой дом? Ах! Горько плачь, стеной, свирель!

Hani benim jikam dygyn dereler. Hani benim tyрман dygyn tepeler. Baschka elde unutulmaz jaralar Inle kawal dertlerimi sen sustur.	Где те ручейки, в которых плавал я? Где те горы, по которым я бродил? Нет, в краю чужом далеком, раны не залечить. Где мой дом? Горько плачь, стеной, свирель... [11, с. 4].

Записанная со слов К. Усеинова песня «Дертли хавал» («Рыдай, свирель») из четырех строф с подзаголовком «детская сиротская» вошла в сборник «Песни крымских татар: бытовые» (1926), обработанных М. Красевым [18, с. 6–7]. Первые две строфы совпадают с вариантом Боровко. Известно, что Красев собирал песни в Крыму летом 1925 г. [23, с. 47], причем впоследствии многие из них были записаны в Алушке, где школьным учителем работал К. Усеинов. В 1917–1918 гг. Н. Боровко жила в Алушке. Интересно было бы в дальнейшем прояснить, кто был инициатором сбора М. Красевым песенного фольклора и какие отношения связывали Усеинова, Боровко и Красева.

В широко известном сборнике крымско-татарских песен Я. Шерфединова 1978 г. также приводится текст песни «Дертли къавал», состоящий из четырех куплетов (записанных от Г. Шерфединова в 1918 г.) [27, с. 212–213].

Четвертая песня в сборнике Н.Н. Боровко называется «Татар барма» («Я – татарин»). Она может быть отнесена к патриотическим песням. Близких вариантов песни обнаружить пока не удалось.

Tatar barma dep kam saraj mana ben barmad! Adyn sanyn ber tanygan djasch tatarman!	Я – татарин! Самого себя спросил, есть ли? Не забыл я своих предков, я – татарин.
Sojun sopun begen, megen sojuzylarga; Gurda uschman kerek mejsiz dep ajtarman.	Кто не любит своих близких – скажу тому я: «Ты изменник, уходи от нас, ты, скорее».
Tatar kajda dep sorarman mezarymdan; Anlaj massam jahschi djawan ardjularman.	Я – татарин! Вы теперь ответьте мне – кто вы! Промолчите – горько тогда буду плакать я [11, с. 5].

Пятая песня в сборнике Н.Н. Боровко называется «Обана» («Песня пастуха»). Она относится к песням о несчастливой любви.

Oj, Obana, Obana, da werme da kysyn tschobana!
A lyr da gider jabana, da at jedyr tyr kojuna.

Tschyktym awa baschima da, kojunda geldi korschima,
Ben kojunu gürgen son aklymda geldi baschima.

Ой, Обана, ты забыл, как дочка меньшая красива.
Не давай ее в степь чобану, он заставит ее есть конину.

Когда пришел я к себе в горы, понял тогда, как люблю я.
Воздух прекрасен, плывут облака, и месяц сияет [11, с. 5–6].

Песня со слов Н.Н. Боровко была также записана А.К. Кончевским и вошла в его сборник «Песни Крыма» (1924). Приведем для сравнения этот вариант.

Ой обана, обана, давэрме кызыны чобана. Аларда гидер ябана, да ат эдиртыр коюна.	Не выдавай дочь за чабана: в горы ее унесет он. В горы жену унесет, чтобы заставить стадо пасти на лужайках.

Вариант

Чиктым оба башина, Да коюнда гельди каршима, Бен коюну гергенде, Аклымда гельди башима.	Не выдавай дочь за чабана – унесет на Яйлу и Заставит барашков кормить кониной.
Чельди чобан долашир Да хоюна ойнаса яреашир.	Вышел на место наблюдения над барашками, Пошли на встречу. Опомнился, когда увидел, И обрадовался.

В степи чабан суетится, оттого и
Танец пастушеский ему удастся [15, с. 39].

Песня «Обана» в нотной записи без текста (с указанием от И. Кадырева, дер. Отузы) входит в сборник Я. Шерфединова 1931 г. [26, с. 36] со следующим комментарием: «Пастушеская песня, в идилических выражениях рисующая любовь молодого пастуха» [26, с. 93]. В его же сборнике 1978 г. приводится полный текст песни, записанной от А. Ибадуллаева в 1922 г. [27, с. 219].

Песня была широко распространена в Крыму. Она звучит в романе Дженгиза Дагджи «Они тоже были людьми» («Onlar da İnsandı», 1958):

Obana balam, obana
Verme kızını çobana.
Kızını versen çobana,
Sokar başını tobana.

Karabaş kuzum tuz ister,
Çoban ağam kız ister.
Karabaş kuzuya tuz yoktur,
Çoban ağama kız yoktur [29, с. 19].

К слову *Obana* в романе дается следующее пояснение – *başçoban*, т.е. старший чабан. Однако в крымских текстах 20–30-х гг. старшего чабана именуют *одоман*.

Расширенный вариант песни содержится в публикации крымско-татарских песен Ольги Ивановны Шацкой (Иванова-Шацкая, 1897–1973). Он записан в 1925 г. со слов Юсуфа Велиджанова из села Туак (ныне – Рыбачье):

obana balam obana
verme hiziñi çobana
ağır gider yabana
.....

harabaş hoyun tuz ister
çoban ağam hüz ister
harabaş hoyga tuz-da yoğ
çoban ağama hüz-da yoğ.

çoban penir yedirir
vay vay anam dedirir
penirsu yu tatlı-dır
.....

çoban çölde mağ bağar
çalmağinen ot yağar
koyde-ki salağiler
saçağlardan hüz bağar.

çihüm ğaylaw başına
hoyum geldi harşıma
men hoyumu goren soñ
ağlım geldi başıma.

çoban çölün çiçegi
sohta koyün kopeci
hüz verseñ-da çobana ver
çoban çölün çiçegi.

ğaylaw başı fırtına
oynasañ-a hart ana
oynasañ-da yaraşır
çölde çoban mağruşır.

tüş harabaş түş serke
boynuzun hırıajah
şorbajiler olejek
mağari-da bize hağajah [28, с. 358–360].

В примечании к слову *obana* О.И. Шацкая пишет: «Рефрен. Используемая в устной речи форма обращения к собеседнику» [28, с. 358]. Думается, объяснение О.И. Шацкой слова *obana* как рефрена более правдоподобно, чем трактовка его как имени собственного у Боровко или как старшего чабана в примечании в книге Д. Дагджи. У Кончевского и Шерфединова *обана* скорее также трактуется как форма обращения к собеседнику.

Шестая песня в сборнике – «Айда ийлда бир Байрам» («Только раз в году Байрам»). Она относится к календарным песням и связана с праздником окончания поста (ураза-байрам) или праздником жертвоприношения (курбан-байрам). Оба праздника находятся в тесной связи и нередко воспринимались как один праздник, состоящий из двух частей.

Ajda jilda bir bajram ewiny achla tshippeim,
Ahyltschigym sen aldym djojma sachla tshippeim
Ojnaik, gulajik burada sefa sureik, sureik.

Ajagynda baschmaki, tschilterli, tschorap tshippeim,
Akyaltschigyn sen aldyn pamukka arab tshippeim,
Tshippeim, tshippeim gel gösünden öppeim.

Будем пить, гулять, плясать! Только один в году Байрам!
Птичка моя, бери, что хочешь, все тебе я подарю.
Танцевать и гулять только с тобой желаю я.

Ножки в красных башмачках и узорчатых чулках,
Как хороша ты, как прекрасна! Ты меня свела с ума.
Подойди поскорей, дай мне тебя поцеловать! [11, с. 6].

В широко известном сборнике крымских татарских песен Асана Рефатова 1932 г. приводится вариант песни на крымско-татарском языке из двух строф под названием «Сірріјім», причем первые куплеты песни в обоих сборниках совпадают [36, с. 40]. Вариант песни «Чиппийим» из трех куплетов (записанный от С. Шемшединовой в 1932 г.) представлен и в сборнике Я. Шерфединова 1978 г. [27, с. 178–179]. Менее известен вариант песни «Чиппийим», записанный в 1936 г. фольклорной бригадой Алушкинского дворца-музея и сохранившийся только на русском языке. Приведем его:

Раз в году наступает байрам,
Побели же свой дом, Чиппийим,
Отняла ты рассудок мой –
Не теряй же его, Чиппийим!
Ах, ах, Чиппийим, подожди ж, –
Поцелую тебя в глаза!
Чиппийим спускается в сад,
Роз нарвать и наполнить богча.
Поспевает айва – райский плод,
Но прекрасней айвы – Чиппийим.

Ах, ах, Чиппийим, подожди ж, –
Поцелую тебя в глаза!
Феску крепче надвинь, Чиппийим,
Не упала б на землю она.
Не сменяю тебя ни на что,
Золотая моя, Чиппийим!
Ах, ах, Чиппийим, подожди ж, –
Поцелую тебя в глаза [25, с. 3].

К русскому переводу есть примечание, что Чиппийим – имя девушки, что объясняет заглавное написание слова. Я. Шерфединов поясняет, что слово «чиппийим» буквально означает «цыпленочек» и оно используется в данном случае как ласковое обращение к любимой. Н. Боровко использует русский эквивалент – «птичка моя».

Завершают сборник Н.Н. Боровко-Лангле ноты двух танцевальных мелодий – «Хайтарма» (илл. 4) и «Чобан». Без преувеличения можно сказать, что это были излюбленные народные танцы татар Крыма. В 20–30-х гг. XX в. они, как правило, обязательно включались в программы различных офици-

альных мероприятий, став своего рода визитной карточкой Крыма. Оба танца получили широкое отражение как в музыке, о чем свидетельствуют их обработки в творчестве многих композиторов, так и в живописи и литературе.

Danser – Tänze
1. „Hajtarma”

PIANO.

Allegro.

p *mf* *cresc.*

Илл. 4

Сотрудничество Нины Боровко с Михаилом Красевым продолжалось и в дальнейшем. В 1929 г. в Москве вышел сборник из трех шуточных народных песен (шведской, норвежской и финской) в переводе Н. Боровко-Лангле, стихотворном переложении Владимира Гарлицкого и музыкальной обработке М. Красева [22].

После сборника 1925 г. и двух сборников 1926 г. больших изданий крымских песен у М.И. Красева не выходило. Возможно, это объясняется успехом сборников, подготовленных А.К. Кончевским, а также нарастающей «конкуренцией» со стороны молодых татарских композиторов Крыма (А. Рефатов, Я. Шерфединов). М.И. Красев участвовал в подготовке лишь нескольких небольших нотных изданий, тематически связанных с Крымом [24; 9; 19; 8; 10; 6]. Следует, однако, признать, что занятия композитором крымским музыкальным фольклором остаются недостаточно изученной темой, требующей дальнейшего исследования. Так, музыкальный критик А.А. Острецов, в 1929 г. отмечая мастерство М.И. Красева в пользовании народным мелосом, замечает: «Неслучайно, что опера Красева “Бахчисарайский фонтан” своим любовным и живым применением крымского фольклора приведшая в восторг крымское население, вызвала замечание одного известного композитора, нашедшего в ней “слишком много Востока: для европейского уха чересчур”» [14, с. 579–580]. О какой опере Красева идет речь – неизвестно.

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что собирательская и концертная деятельность Нины Боровко в начале 1920-х гг., связанная с музыкальным фольклором Крыма, требует дальнейшего изучения. Имеющиеся в нашем

распоряжении источники не дают возможности очертить круг знакомств Нины Боровко в татарской среде и проследить влияния, сказавшиеся на ее увлечении крымскими татарскими песнями и танцами. Концертная деятельность Нины Боровко в Швеции, в ходе которой она знакомила зрителей со своеобразием крымской народной песни и культурными обычаями, также может послужить предметом для отдельного исследования. Совсем мало известно о знакомстве Нины Боровко с композитором Михаилом Красевым, сотрудничество с которым привело к появлению сборника «Крымские татарские песни». Представленные в сборнике песни могут быть использованы при сравнительном анализе различных крымских вариантов одних и тех же песен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиография «Taurica» // Записки Крымского Общества Естествоиспытателей и Любителей Природы / Под ред. проф. Е.В. Вульфа. Симферополь, 1926. Т. IX. С. 131–134.
2. Боровко-Лангле Н. Песни крымских татар в Швеции // Музыка и революция. 1926. № 2. С. 49.
3. Бугославский С. Музыка в современном быту народов СССР // Искусство народов СССР. Сборник статей и материалов. М.-Л.: ГИЗ, 1930. С. 121–158.
4. Вестман Б.-М. Нина Ланглет – праведница народов мира // Алеф. Тель-Авив. 6 ноября 1989. № 300. С. 19.
5. Зайдман Е.С. Как я стал эсперанто-историком, или «Великолепная пятёрка» (И. Островский, Н. Боровко и А. Чайковская, В. и Н. Лангле) // Verda lampo – Зелёная лампа: odesa esperanta rondeto por amika konversacio. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://verdalampo.info/personoj/favoro.html> (дата обращения: 1.05.2022)
6. Зеркало: игровая крымско-татарская песня / Текст Т. Сикорской, обраб. М. Красева // Песни для детей: сборник песен для начальной школы (по программам Наркомпроса РСФСР). М.: Музгиз, 1937. С. 11.
7. Коган П.С. Искусство народов СССР // Советское искусство. 1927. № 5. С. 99–107.
8. К новой жизни: «Солнце встало над землей...». Крымско-татарская песня / Текст С. Болотина; запись и муз. обраб. М. Красева. М.: Огиз, Госмузиздат, 1931. 3 с.
9. Красев М. Старинные танцы Крыма: для фортепьяно в 4 руки. М.: Гос. изд-во. Муз. сектор, 1927. 11 с.
10. Красев М. У моря: мелодии Крыма / 1-й сборник детских пьесок для ф-п. в 2 руки. М.: Огиз, Музгиз, 1935. 7 с.
11. Крымские татарские песни / Записаны Н. Боровко; гармониз. М. Красевым; пер. на швед. и нем. В. Ланглэ; обл. Г. Ланглэ. Stockholm: Bröderna Lagerströms Notstickeri & Lit. Anst., 1925. 8 с.
12. Лобков А.Е. А.К. Кончевский и В.В. Пасхалов: из истории изучения музыкального фольклора Крыма // Традиционная культура. 2021. Т. 21. № 3. С. 161–173. DOI: 10.26158/tk.2021.22.3.013.
13. Миллер Б.В. Турецкие народные песни: Музыка, тексты и перевод // Этнографическое обозрение. 1903. № 3. С. 113–155.
14. Острецов А. Творческие пути советского музыкального искусства // Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. М.: Изд-во Ком. акад., 1929. С. 569–597.
15. Песни Крыма / Собраны и записаны певцом-этнографом А.К. Кончевским; гармониз. М.А Ставицким и В.В. Пасхаловым; общ. ред. В.В Пасхалова; вступит. ст. А.В. Луначарского. М.: Музсектор Госиздата, 1924. 49 с.

16. Песни Востока / Собраны и записаны в Крыму певцом этнографом А.К. Кончевским; гармониз. М.А. Ставицким и В.В. Пасхаловым; общ. ред. В.В. Пасхалова. М.: Музсектор Госиздата, 1925. 41 с.
17. Песни крымских татар. Ч. 1. Революционные и общественно-бытовые: Для голоса с фортепьяно / Сообщены Казимом Усеиновым; записаны и муз. обраб. Михаилом Красевым; литературно обраб. Тихоном Чурилиным и Михаилом Красевым; обл. Брониславы Корвин-Каменской. М.: Гос. изд-во. Муз. сектор, 1926. 39 с.
18. Песни крымских татар. Ч. 2. Бытовые: Для голоса с фортепьяно / Сообщены Казимом Усеиновым; записаны и муз. обраб. Михаилом Красевым; литературно обраб. Тихоном Чурилиным и Михаилом Красевым; обл. Брониславы Корвин-Каменской. М.: Гос. изд-во. Муз. сектор, 1926. 23 с.
19. Песни крымских татар: Джаньк: (1856 г.) / Перелож. Вл. Крюкова; обраб. М. Красева. М.: Гос. изд-во. Муз. сектор, 1930. 3 с.
20. Потебня А.А. Язык и народность // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 253–285.
21. Симоновский В.В. Библиография по крымоведению // Весь Крым: 1920–1925. Юбилейный сборник. Симферополь: Изд. Крымца, 1926. С. 517–534.
22. Три шуточные народные песни: 1. Шведская – Фал-лера-ле-ра; 2. Норвежская – Пер-музыкант; 3. Финская – Песенка о ней: (для голоса с фортепиано) / Пер. Н. Боровко-Ланг[л]е; стихотв. перелож. Вл. Гарлицкого; муз. обраб. М. Красева. М.: МОНО Музторг, 1929. 7 с.
23. Хроника // Музыка и революция. 1926. №1. С. 46–48.
24. Чалашим: «Моя родина у быстрого ручья...». Любимая песня крымских цыган / Сообщила Фатма Ибрагимова; пер. и обраб. М. Красева. М.: Музторг МОНО, 1926. 4 с.
25. Чиппийим / Записано К.У. Усеиновым со слов Эдибе Усеиновой (дер. Дереккой); перевод с татарского языка С.Х. Баранова // Всесоюзная здравница. 12 августа 1936. №7(413). С. 3.
26. Шерфединов Я. Песни и танцы крымских татар. М.: Госмузиздат; Симферополь: Крымгосиздат, 1931. 95 с.
27. Шерфединов Я. Звучит кайтарма: Татарские народные песни и инструментальные наигрыши: на крым.-тат. и рус. языках / муз. ред. и посл. Л.Н. Лебединского. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1978. 232 с.
28. Chansons tatars de Crimée, recueillies et traduites par O. Chatskaya, avec introduction N.K. Dmitriev // Journal Asiatique recueil de mémoires et de notices relatifs aux études orientales publié la Société Asiatique. Paris, 1926. Vol. 208. № 2. P. 341–369.
29. Dağcı C. Onlar da İnsandı. İstanbul: Varlık Yayınları, 1974. 476 s.
30. Kärleken i ryska musiken // Idun. 6 April 1924. № 14. S. 327.
31. Langlet N. Kaos i Budapest: berättelsen om hur svensken Valdemar Langlet räddade tiotusentals människor undan nazisterna i Ungern. Vällingby: Harrier, 1982. 198 s.
32. Langlet V. Till häst genom Ryssland / Med illustrationer af A. Langlet. Stockholm: Fr. Skoglund's Förlag, 1898. 421 s.
33. Langlet V. Revolutionsrörelsen i Ryssland. En illustrerad tidskrönika / Med illustrationer af A. Langlet. Stockholm: Chelius, 1905. 591 s.
34. Nina rakontas pri sia patro. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipernity.com/blog/62038/974330> (дата обращения: 1.05.2022).
35. Nina rakontas pri sia patrino. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipernity.com/blog/62038/974458> (дата обращения: 1.05.2022).
36. Refat A. Qьгьm tatar jьrlarь. Симферополь: Qьгьm devlet neqrijatь, 1932. 52, 98 s.
37. Yad Vashem, the World Holocaust Remembrance Center. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://righteous.yadvashem.org/?searchType=righteous_only&language=en&itemId=4035627&ind=NaN (дата обращения: 1.05.2022).

Сведения об авторе: Александр Евгеньевич Лобков – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (299053, ул. Университетская, 33, Севастополь, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6547-0391, ResearcherID: GMX-1139-2022. E-mail: aelobkov@sevsu.ru

Поступила 24.11.2022 Принята к публикации 22.02.2023

Опубликована 29.03.2023

REFERENCES

1. Bibliography “Taurica”. *Zapiski Krymskogo Obshchestva Estestvoispytateley i Lyubiteley Prirody*. Simferopol, 1926, vol. IX, pp. 131–134. (In Russian)
2. Borovko-Langle N. Songs of the Crimean Tatars in Sweden. *Muzyka i revolyutsiya*. 1926, no. 2, p. 49. (In Russian)
3. Bugoslavskiy S. Music in the contemporary life of the peoples of the USSR. *Iskusstvo narodov SSSR. Sbornik statey i materialov*. Moscow-Leningrad: GIZ Publ., 1930, pp. 121–158. (In Russian)
4. Vestman B.-M. Nina Langlet – the righteous woman of the peoples of the world. *Alef*. Tel'-Aviv, Nov. 6, 1989, no. 300, pp. 19. (In Russian)
5. Zaydman E.S. How I became an esperanto historian, or the “Magnificent Five” (I. Ostrovsky, N. Borovko and A. Chaykovskaya, V. and N. Langlet). *Verda lampo – Zelenaya lampo: odesa esperanta rondeto por amika konversacio*. Available at: <https://verdalampe.info/personoj/favoro.html> (accessed: 1.5.2022). (In Russian)
6. Mirror: Crimean Tatar playing song (text T. Sikorskaya, music M. Krasev). *Pesni dlya detey: Sbornik pesen dlya nachal'noy shkoly (po programmam Narkomprosa RSFSR)*. Moscow: Muzgiz, 1937, p. 11. (In Russian)
7. Kogan P.S. The art of the peoples of the USSR. *Sovetskoe iskusstvo*. 1927, no. 5, pp. 99–107. (In Russian)
8. To a new life: “The sun has risen over the Earth...”, the Crimean Tatar song (text S. Bolotina, music M. Krasev). Moscow-Ogiz: Gosmuzizdat, 1931, 3 p. (In Russian)
9. Krasev M. *Old dances of the Crimea*. Moscow: Gos. izd-vo. Muz. sektor, 1927, 11 p. (In Russian)
10. Krasev M. *By the sea: tunes of the Crimea*. Moscow-Ogiz: Muzgiz, 1935, 7 p. (In Russian)
11. Crimean Tatar songs / Collected by N. Borovko; harmonized by M. Krasev; translated into Swedish and German by W. Langlet, cover by H. Langlet. Stockholm, Bröderna Lagerströms Notstickeri & Lit. Anst., 1925, 8 p. (In Russian, Swedish and German)
12. Lobkov A.E. A.K. Konchevsky and V.V. Paskhalov: From the History of the Study of Crimean Musical Folklore. *Traditsionnaya kul'tura*. 2021, vol. 21, no. 3, pp. 161–173. DOI: 10.26158/tk.2021.22.3.013. (In Russian)
13. Miller B.V. Turkish folk songs: music, texts, and translation. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1903, no. 3, p. 113–155. (In Russian)
14. Ostretsov A. Creative ways of Soviet musical art. *Ezhegodnik literatury i iskusstva na 1929 god*. Moscow: Kommunisticheskaya akademiya, 1929, pp. 569–597. (In Russian)
15. The songs of the Crimea / Collected and recorded by the singer and ethnographer A.K. Konchevsky; harmonized by M.A. Stavitsky and V.V. Paskhalov; ed. by V. Paskhalov; introductory article by A.V. Lunacharsky. Moscow: Muzsektor Gosizdata, 1924, 49 p. (In Russian and Crimean Tatar)

16. The songs of the East / Collected and recorded in the Crimea by the ethnographer A.K. Konchevsky; harmonized by M.A. Stavitsky and V.V. Paskhalov; ed. by V.V. Paskhalov. Moscow: Muzsektor Gosizdata, 1925, 41 p. (In Russian and Crimean Tatar)

17. The songs of the Crimean Tatars. Part 1. Revolutionary and Social-Life Songs: for voice and piano / from Kazim Useinov; collected and musically arranged by Mikhail Krasev; literary arranged by Tikhon Churilin and Mikhail Krasev; cover by Bronislava Korvin-Kamenskaya. Moscow: Gos. izd-vo. Muz. sektor, 1926. 39 p. (In Russian and Crimean Tatar)

18. The songs of the Crimean Tatars. Part 2. Everyday life songs: For voice and piano / from Kazim Useinov; collected and musically arranged by Mikhail Krasev; literary arranged by Tikhon Churilin and Mikhail Krasev; cover by Bronislava Korvin-Kamenskaya. Moscow: Gos. izd-vo. Muz. sektor, 1926, 23 p. (In Russian and Crimean Tatar)

19. The songs of the Crimean Tatars: Dzhanyk: (1856) / Text by V. Kryukova; musically arranged by M. Krasev. Moscow, Gos. izd-vo. Muz. sektor, 1930, 3 p. (In Russian)

20. Potebnya A.A. Language and nationality. In: Potebnya A.A. Estetika i poetika. Moscow: Iskusstvo, 1976, pp. 253–285. (In Russian)

21. Simonovskiy V.V. Bibliography of Crimean studies. *Ves' Krym: 1920–1925. Yubileyny sbornik*. Simferopol', Izd. Krymstika, 1926, pp. 517–534. (In Russian)

22. Three humorous folk songs: 1. Swedish – Fal-la-la-ra; 2. Norwegian – Per-musician; 3. Finnish – Song about her: (for voice with piano) / translated by N. Borovko-Lang[le]; literary translation by V. Garlitsky, musically arranged by M. Krasev. Moscow: MONO Muztorg, 1929, 7 p. (In Russian)

23. Chronicle. *Muzyka i revolyutsiya*. 1926, no1, pp. 46–48. (In Russian)

24. Chalashim: “My Motherland by the fast creek...”. The favourite song of the Crimean Roma / from Fatma Ibragimova; translated and musically arranged by M. Krasev. Moscow: Muztorg MONO, 1926, 4 p. (In Russian)

25. Chippiyim / recorded by K.U. Useinov from Edibe Useinova (village Derekoy); translated from the Tatar by S.Kh. Baranov. *Vsesoyuznaya zdravnitza*. Aug 12, 1936, no. 7(413), p. 3. (In Russian)

26. Sherfedinov Ya. *Songs and dances of the Crimean Tatars*. Moscow, Gosmuzizdat; Simferopol: Krymgosizdat, 1931, 95 p. (In Russian and Crimean Tatar)

27. Sherfedinov Ya. *The Kaitarma sounds: Tatar folksongs and instrumental hymns: in Crimean-Tatar and Russian* / ed. by L.N. Lebedinsky. Tashkent, Izd-vo literatury i iskusstva im. G. Gulyama, 1978, 232 p. (In Russian and Crimean Tatar)

28. Chansons tatars de Crimée, recueillies et traduites par O. Chatskaya, avec introduction N.K. Dmitriev. *Journal Asiatique recueil de mémoires et de notices relatifs aux études orientales publié la Société Asiatique*. Paris, 1926, vol. 208, no. 2, pp. 341–369. (In French and Crimean Tatar)

29. Dağcı C. *Onlar da İnsandı*. İstanbul, Varlık Yayınları, 1974, 476 p.

30. Kärleken i ryska musiken. *Idun*. April 6, 1924, no. 14, p. 327. (In Swedish)

31. Langlet N. *Kaos i Budapest: berättelsen om hur svensken Valdemar Langlet räddade tiotusentals människor undan nazisterna i Ungern*. Vällingby, Harrier, 1982, 198 p. (In Swedish)

32. Langlet V. *Till häst genom Ryssland* / Med illustrationer af A. Langlet. Stockholm, Fr. Skoglunds Förlag, 1898, 421 p. (In Swedish)

33. Langlet V. *Revolutionsrörelsen i Ryssland. En illustrerad tidskrönika* / Med illustrationer af A. Langlet. Stockholm, Chelius, 1905, 591 p. (In Swedish)

34. Nina rakontas pri sia patro. Available at: <http://www.ipernity.com/blog/62038/974330> (accessed: 1.5.2022). (In Esperanto)

35. Nina rakontas pri sia patrino. Available at: <http://www.ipernity.com/blog/62038/974458> (accessed: 1.5.2022). (In Esperanto)

36. Refat A. *Qьгьм tatar jьrlarь*. Simferopol', Qьгьм devlet neşriyatъ, 1932, 52+98 p. (In Crimean Tatar)

37. Yad Vashem, the World Holocaust Remembrance Center. Available at: https://righteous.yadvashem.org/?searchType=righteous_only&language=en&itemId=4035627&ind=NaN (accessed: 1.5.2022).

About the author: Aleksandr E. Lobkov – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation at the Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (33, Universitetskaya Str., Sevastopol 299053, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6547-0391, ResearcherID: GMX-1139-2022. E-mail: aelobkov@sevsu.ru

*Received November 24, 2022 Accepted for publication February 22, 2023
Published March 29, 2023*

ПРАВЛЕНИЕ ШИБАНИДОВ В САМАРКАНДЕ: ЛЕГИТИМАЦИЯ, КУЛЬТУРА И МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ЗОДЧЕСТВО (1512–1578)

Азим Маликов

*Университет Палацкого в Оломоуце
Оломоуц, Чешская Республика
azimmal2018@gmail.com*

Цель: проанализировать культуру и монументальное зодчество в Самарканде в эпоху правления Шибанидов и выявить истоки культурных традиций в архитектурном строительстве в Самарканде в XVI веке.

Материалы исследования: использованы сочинения среднеазиатских, персидских, тюркских авторов XVI–XVIII в.: Зайн ад-Дина Васифи, Абдаллаха Насраллахи, Мирза Мухаммад Хайдара, Хафиз Таныша Бухари, Нисари, Ракими, архивные материалы Л.Маньковской, М.Массона из Центрального Государственного архива Республики Узбекистан. Также подробно анализируются публикации российских, советских, пост-советских и зарубежных специалистов по истории и культуры Шибанидов – В.Бартольда, А.Семенова, Г.Пугаченковой, Е.Давидович, Б.Ахмедова, Р.Макчесни, М.Саиджанова, Т.Султанова, Д.ДиУиса, Ф.Шварца, Е.Смагулова, Б.Бабаджанова, А.Муминова, К.Катгаева, Б.Норика и др.

Результаты и научная новизна: Шибаниды Кучкунджи-хан, Суюнчходжа-хан и их потомки сочетали в своей генеалогии как золотоордынские джучидские, так и тимуридские корни и использовали этот факт в своей легитимации. Политическая система государства, выражающаяся в существовании сильных уделов, из которых выделялся Самарканд, оказала влияние на формирование локальной культурной идентичности. Эти особенности нашли отражение в монументальном зодчестве в Самарканде, в которой произошел синтез культурных традиций присырдарьинских районов Улуса Джучи и Хорезма и тимуридского наследия Мавераннахра.

В Самарканде в XVI веке сформировались три разных по архитектуре и географическому расположению мемориальных места, где были похоронены представители династии Шибанидов. Каждое из них отражало различные идеологические линии, которых придерживались те или иные представители Шибанидов. По мнению автора, в Самарканде Шибаниды-Кучкунджида построили медресе, продолжавшее определенные тимуридские традиции, но вместе с тем сочетавшее определенные элементы архитектуры Золотой Орды. Сооружение медресе Абу Саид-хана в историческом центре Самарканда вблизи медресе Мирзо Улугбека имело символическое значение. Поддержка использования тюркского языка в Мавераннахре первыми Шибанидами была обусловлена как тимуридскими традициями, так и золотоордынским наследием, в котором значительное место занимал тюркский литературный язык.

Ключевые слова: Золотая Орда, Шибаниды, медресе, мавзолей, Центральная Азия, Самарканд, легитимация

© Маликов А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Маликов А. Правление Шибанидов в Самарканде: легитимация, культура и монументальное зодчество (1512–1578) // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 143–166. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.143-166 EDN: MJQEND

Финансирование: Исследование по теме статьи было осуществлено благодаря гранту European Regional Development Fund – Project “Sinophone Borderlands: Interaction at the Edges” CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791”.

THE SHIBANID RULE IN SAMARKAND: LEGITIMATION, CULTURE AND MONUMENTAL ARCHITECTURE (1512–1578)

Azim Malikov

*Palacky University Olomouc
Olomouc, Czech Republic
azimmel2018@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* The objective of this research is to analyze the culture and monumental architecture of Samarkand during the reign of the Shibanids, and to identify the origins of cultural traditions in architectural construction in Samarkand between 1512–1578.

Research materials: The study mainly uses historical works by Central Asian, Persian, and Turkic authors from the sixteenth to eighteenth centuries, such as Khwandamir, Zayn ad-din Vasifi, Abdallah Nasrallahi, Mirza Muhammad Haydar, Nisari, Hafiz Tanysh Bukhari, Raqimi, as well as archive materials of L. Mankovskaya and M. Masson from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. Additionally, publications of Russian, Soviet, and post-Soviet specialists on the history of Central Asia, including V. Bartold, A. Semenov, R. Mukminova, B. Akhmedov, R. McChesney, T. Sultanov, K. Baypakov, E. Smagulov, D. DeWeese, F. Schwartz, A. Muminov, K. Kattaev, B. Babajanov, V. Norik, etc. are also analyzed in detail.

Results and novelty of the research: The Shibanids Kuchkunji Khan, Suyunchkhoja Khan, and their descendants combined Jochid and Timurid roots in their genealogy and used this to legitimize their rule. The political system of the state, characterized by strong regionalism in which Samarkand stood out, influenced the formation of local cultural identity, which was reflected in the monumental architecture in Samarkand. This architecture shows a synthesis of cultural traditions from the Syr Darya regions of Ulus Jochi and Khorezm and the Timurid heritage of Maverannahr. During the 16th century in Samarkand, three memorial places with different architectural styles and geographical locations were built, where representatives of the Shibanid dynasty were buried. Each of them reflected different ideological lines, followed by certain representatives of the Shibanids. According to the author, the Shibanids-Kuchkunjids built a madrasah in Samarkand that continued certain Timurid traditions, while simultaneously incorporating elements of Golden Horde architecture. The construction of the madrasah of Abu Said Khan in the historical centre of Samarkand, near the madrasah of Mirzo Ulugbek, had symbolic meaning. The first Shibanids supported the use of the Turkic language in Maverannahr due to both Timurid traditions and the Golden Horde heritage, in which the Turkic literary language occupied a significant place.

Keywords: Golden Horde, Shibanids, Central Asia, madrasa, mausoleum, Samarkand, legitimation

For citation: Malikov A. The Shibaniid rule in Samarkand: Legitimation, Culture and Monumental Architecture (1512–1578). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 143–166. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.143-166 (In Russian)

Financial Support: Research on the topic of the article was carried out thanks to the European Regional Development Fund – Project “Sinophone Borderlands: Interaction at the Edges” CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791”.

При изучении архитектуры средневековых столиц немаловажно принимать во внимание сложные вопросы идеологии, легитимации политических элит и традиций населения. Как полагает Сабтельни, среди мотивов архитектурного патронажа можно выделить политическую легитимацию [70, р. 494–495]. Исторические памятники расширяют наши знания об истории государств, а также способствуют пониманию аспектов культурной истории, которые раньше в значительной степени игнорировались. Кюгельген для Бухарского ханства выделяет категорию легитимации посредством сохранения норм, которая осуществлялась через сохранение чингизидского военного порядка, борьбу с неверными, связь с общепризнанным суфийским шейхом, строительство общественно-культурных зданий [22, с. 55–56].

Один из крупных средневековых культурных центров Среднего Востока – Самарканд традиционно почитался как священный исламский город, город святых [23]. Историки XVI века называли город «доруссалтана Самарканд», т.е. средоточие власти [10, с. 219; 27, с. 14]. В XVI веке Самарканд переживал новый этап своего развития. Эта эпоха считается одним из малоизученных периодов истории Самарканда, который входил в состав государства, возглавляемого династией Шибанидов (Абулхайридов)¹. Те или иные аспекты истории благоустройства Самарканда в эпоху Шибанидов нашли отражение в сочинениях Мирза Мухаммад Хайдара, Зайн ад-Дина Васифи, Абдаллаха Насраллахи, Хафиза Таныш Бухари и др.

Сочинение историка Мирза Мухаммад Хайдара (1500–1551) «Тарих-и Рашиди» содержит ряд ценных сведений об эпохе первых Шибанидов [47].

«Удивительные события» – мемуары писателя XVI века Зайн ад-Дин Махмуда Васифи, являются источником для изучения культурной жизни Мавераннахра и Самарканда. Сведения Васифи ценны тем, что он был близок ко двору тимуридских и шибанидских правителей.

Шибанидский историк Абдаллах б. Мухаммад б. Али Насраллахи в 1525 году написал на тюркском языке «Зубдат ал-асар» («Суть летописей»), которая включает в себя общую историю от сотворения мира до 1525 года. Сочинение написано для сына Суюнчходжа-хана – шибанидского правителя Таш-

¹ Существуют разночтения авторов по вопросу о наименовании правящей династии: «Шибаниды» или «Шейбаниды». Большинство современных исследователей используют термин Шибаниды [45]. Потомки Шейбани-хана практически не правили в Мавераннахре, а правители как верховные, так и удельные были представлены потомками других сыновей Абу-л-хайр-хана (1429-1468). Поэтому исследователи используют названия Шибаниды для потомков Шибана, сына Джучи, или Абулхайриды для потомков Шибанида Абу-л-хайр-хана (ум. в 1469 году) [45, с. 141]. Также применяется термин Абулхайриды / Шибаниды [65, р. 277]. Для шибанидских правителей Самаркандского удела исследователи также используют термин Кучкунджи [65, р. 288].

кента. Сочинение мало использовалось исследователями за исключением публикаций Ф. Шварца, Р. Селы и др. [60; 68].

В сочинении «Мусаххир ал-билад» Мухаммадйара ибн Араб катагана помещены сведения о Кучкунджи-хане и его потомках, правивших в Самарканде. Ценные сведения о состоянии науки и литературы содержатся в тазкире – литературных антологиях [20]. Такими антологиями, имеющими ценность для изучения истории Самарканда, являются «Музакир ал-ахбаб» Хасана Нисари [27] и др.

Первые публикации по культуре Самарканда в эпоху Шибанидов появились после вхождения Самарканда в состав Российской империи [11; 6 и др.].

С 1920-х годов начинается новый этап изучения Шибанидов. В. Вяткин, М.Е. Массон, М. Саиджанов, И. Сухарев вели архелогическое изучение Самарканда и его памятников. М. Саиджанов изучил шибанидский памятник Чильдухтарон и вкратце описал его руины [37]. Письменные источники анализировались П. Ивановым [18].

Со второй половины 1950-х годов начинается следующий этап изучения государств и культуры Шибанидов. Разные аспекты истории шибанидского Самарканда были предметом исследования Р.Г. Мукминовой, М.Е. Массона, Е. Давидович. Источники шибанидской эпохи были предметом исследования А. Семенова, Б. Ахмедова, Р. Мукминовой, Р. Джалиловой, Д. Салахетдиновой и др. М.Е. Массон занимался изучением исторической топографии Самарканда в эпоху средневековья, но, к сожалению, его материалы, касающиеся Самарканда в эпоху Шибанидов, остались неопубликованными. Фундаментальные работы Г. Пугаченковой, Л. Ремпеля, анализирующие развитие архитектуры города, позволяют проследить происходившие изменения, но в их публикациях они показаны в отрыве от религиозного фактора и политической платформы правителей. Интересные неопубликованные сведения о памятниках Самарканда содержатся в личном фонде искусствоведа Л. Маньковской в Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан. В 1990-х годах ценный вклад в изучение мемориальной культуры первых Шибанидов в Самарканде внесли специалисты по эпиграфике Б.Бабаджанов и А.Муминов [8].

Историческая топография Самарканда XVI века и роль Шибанидов в благоустройстве города до сих пор не была предметом отдельного исследования. В предыдущих исследованиях архитектурные сооружения Шибанидов рассматривались в контексте истории архитектуры и в отрыве от религиозной политики и идеологии Шейбани-хана и его отношения к тимуридскому наследию.

Направления в изучении проблем истории правления Шибанидов в Мавераннахре отличаются друг от друга тем, как исследователи концептуализировали культуру Шибанидов. Можно выделить следующие подходы:

Первый был заложен в трудах В.Бартольда (1869–1930), который отмечал позитивные аспекты культурной истории Мавераннахра при правлении Шибанидов [6, с.269]. Исследователи подчеркивали, что культурный уровень отдельных представителей Шибанидов «вряд ли уступал уровню образованности тимуридской элиты» [3, с. 368]. А.Шиммель отмечала, что Шейбани-хан любил поэзию, миниатюрное искусство и музыку [67, р. 156]. При правлении Шибанидов имело место продолжение тимуридских традиций в архитектуре, но с инновациями [52, р. 199]. После установления власти Шибанидов в Мавераннахре наука, искусство и литература продолжали разви-

ваться, особенно при Абдулла-хане II [12, с. 304]. Культурный уровень Шибанидов в целом был высоким, так, например, наряду с литературой они поощряли, развитие зодчества [22, с. 67]. Подробный анализ участия Шибанидов в литературной жизни Мавераннахра приведен в публикациях В. Норика [28; 29; 30]. Заслуживает внимания обширная программа переводов с персидского, спонсируемая Шейбани-ханом и его последователями [41, с.56; 56, р. 135]. Однако при анализе культурной политики Шибанидов роль золотоордынских традиций оставалась вне поля зрения исследователей [41; 56; 67]. Высокий культурный уровень Шейбани-хана и Шибанидов был признан в трудах узбекистанских исследовательниц Р. Мукминовой [26], Г. Агзамовой [2, с. 34], а также российского историка Т. Султанова [45]. По мнению Е. Давидович, культура XVI в. достигла довольно высокого уровня, развивалась историческая наука, однако из естественных наук определенное развитие получила только медицина и фармакология [14].

Согласно второму подходу, культура Шибанидов представляла собой синтез оседлой и кочевой культур [58, р. 146]. П. Иванов отмечал, что Шибанидская элита всячески стремилась продолжать и развивать тимуридские культурные традиции [18, с. 79]. Высоко оценивая культуру Золотой Орды [18, с. 44–45], он, однако, не рассматривал Шибанидов Мавераннахра как продолжателей золотоордынской культуры. Наследие Тимуридов имело значение для Абулхайридов-Шибанидов, которые стремились сочетать чингизидские традиции удельной системы с тимуридскими особенностями культурного покровительства [45; 66, р. 204]. По мнению Сабтедьни, источники наглядно демонстрируют интерес Шибанидов к наследию Тимуридов [71]. Отдельные аспекты истории Самарканда в эпоху Шибанидов анализировались в публикациях К. Каттаева [21].

Третий подход заключался во влиянии негативных подходов в оценке культурного наследия Золотой Орды, в частности, культуры среднеазиатских Шибанидов. Отдельные историки достаточно однобоко характеризуют эпоху Шибанидов. Н. Веселовский относил Шибанидов к кочевникам и негативно трактовал их воздействие на оседлое население [11, с. 290]. По мнению Х.Ш. Камолова, «вторжение варварских орд кочевников и установление их власти в Мавераннахре, привели к полному разорению Мавераннахра, остановив в то же время развитие науки и культуры» [19, с. 51], а «Самарканд – потерял свой прежний облик и перестал быть политическим и культурным центром Мавераннахра» [19, с. 43].

Различные аспекты культуры шибанидского Самарканда были освещены в трудах Л. Маньковской, Г. Пугаченковой, Л. Ремпеля. В искусствоведческих исследованиях Г. Пугаченковой, Л. Ремпеля [33] архитектура Самарканда анализировалась в отрыве от религиозного и политического факторов. В двухтомной истории Самарканда приводятся сведения о Шибанидах, но их строительная деятельность рассматривается как часть истории Шибанидов Бухарского ханства без учета особенностей легитимации и удельной системы [1, с. 295–296].

Анализ вариаций легитимации власти в Бухарском ханстве, включая Шейбани-хана, приведен в монографии Кюгельген [22], который помогает понять особенности идеологии Шибанидов в Мавераннахре. Этому вопросу касались также Т. Султанов [45], ДеВиз, Ф.Шварц, Р.Макчесни, Е.Давидович

и др. Эти исследования важны для понимания политической системы и её возможное влияние на патронаж и культуру Самарканда.

За последнее время достигнут значительный прогресс в исследовании богатого культурного наследия Золотой Орды, постордынских государств [17; 25]. Результаты этих исследований важны для понимания культурного уровня представителей чингизидской элиты Золотой Орды.

Историческая топография Самарканда XVI века и роль Шибанидов в благоустройстве города в контексте их политики и легитимации до сих пор не была предметом отдельного исследования. В данном исследовании в отличие от предыдущих уделено внимание роли легитимации власти Шибанидов в формировании новых комплексов городской архитектуры в столичном Самарканде и поддержке развития тюркской литературы.

Для изучения истории Самарканда эпохи Шибанидов необходимы междисциплинарные исследования, в которых важное значение имеют археологические исследования в сочетании с источниковедческими и эпиграфическими исследованиями. В предыдущих исследованиях преобладали подходы исторические и искусствоведческие. В данном исследовании через привлечение материалов по легитимации Кучкунджидов, наследия Тимуридов и культуры Улуса Джучи был расширен подход в изучении градостроительства Самарканда.

Я не буду анализировать общегосударственный масштаб легитимации Кучкунджидов, так как это тема отдельного исследования. Моя задача заключается в том, чтобы показать как вопросы легитимации Кучкунджидов решались в Самарканде и их культурной политике. В предыдущих исследованиях архитектурные сооружения Шибанидов рассматривались как часть истории архитектуры и в отрыве от религиозной политики и идеологии царствующих монархов и его отношения к тимуридскому наследию. Я уделил внимание золотоордынскому компоненту в культуре Шибанидов.

Пути легитимации Кучкунджидов и приход к власти

А. Хазанов выделяет ряд концепций и институтов, характерных для кочевников. К их числу относятся представления о харизме и праве на правление, данном избранному роду, особая титулатура и символизм и др. [47, с. 469]. Культурный уровень кочевников разных эпох и государств имел отличия, что зависело от ряда причин. С одной стороны немаловажное значение имело их внутреннее развитие, а с другой степень и глубина взаимодействия с оседлым населением.

Потомок Джучи-хана Абулхайр-хан (1429–1468), основал государство в Восточном Дашт-и Кипчаке. Несомненно, что он был носителем культурных традиций Золотой Орды. С другой стороны, шибанидские и тимуридские историки отмечают, что Абулхайр-хан помог прийти к власти в Мавераннахре тимуриду Абу Саиду (1451–1469) и женился на Рабии Султан бегим (умерла в 1485 году в г. Туркестане), дочери Улугбека (1394–1449) [60]. В свою очередь, одна из его дочерей была выдана замуж за Абу Саидом, что позволило установить родственные связи с династией Тимуридов [41, с. 51]. Основателем государства Шибанидов в Мавераннахре стал внук Абулхайр-

хана Мухаммад Шейбани-хан (1451–1510), которому удалось захватить тимуридские владения.

По мнению Е. Давидович, политическую историю Средней Азии XVI в. можно разделить на три этапа. Первый этап (до 40-х годов XVI в.) характеризуется относительным спокойствием внутри государства, хотя крупные удельные владетели были самостоятельны, внешние признаки единства государства соблюдались. Второй этап (до начала 80-х годов XVI в.), характеризуется смутами и признания *хакана* (главы династии) многократно нарушались. Третий этап начинается с 1583 года, когда Абдаллах-хан, объединив страну «формально провозгласил себя хаканом государства» [14, с. 123–124].

По мнению М. Салахетдиновой, султаны из династии Шибанидов при предоставлении верховной власти должны были соблюдать принцип старшинства в роде. Этот принцип дважды нарушался самаркандскими султанами и знатью вскоре после смерти Шейбани-хана, правда, при чрезвычайных обстоятельствах. В 1512–13 г. при избрании Кучкунджи-хана верховным правителем, как самого старшего в роде, установили еще звание «каалга», что значит «преемник». Каалгой тогда же был назначен Суйунчходжа-хан, младший брат Кучкунджи-хана [38, с. 143]. Абулхайриды вновь ввели удельную систему территориального управления и институт курултая. Каждый член чингизидского клана был правителем в своем уделе [65, р. 280]. Ф. Шварц на основе ряда источников и малопривлеченного ранее «Зубдат ат-таварих» показал сложность политической ситуации и взаимоотношений между Шибанидами в борьбе за власть в Мавераннахре [68, р.73]. Й. Хайдорн считал, что нередко одну и ту же общественную систему могли считать легитимной на основании разных мотивов и причин [22, с. 56].

При Шейбани-хане отношение к Тимуру было неоднозначным. В «Таварихи гузида нусрат-наме» отмечается, что предки Тимура состояли на службе у Чагагай-хана, но не были знатными [45, с. 48]. После трагической смерти Шейбани-хана в 1510 году, у него оставался наследник Мухаммад Темур султан, умерший в 1514 году [45, с. 142]. После изгнания Бабур, Самарканд вновь перешел в руки Шибанидов. После гибели Шейбани-хана ханом был избран его дядя Суюнчходжа-хан (1452–1524).

Коронация Суюнчходжа-хана проходила в Самарканде в соборной мечети Амира Тимура, известной позже под названием Ханым или Биби-ханым [7, с. 128]. Как отмечает Насруллахи, после обряда восхождения на престол Суюнчходжа-хан переселился в Ак-сарай. По мнению Шварца, под Ак-сараем имелся ввиду тимуровский дворец Кук сарай, который находился в цитадели Тимура в Самарканде [68, р. 69]. Я полагаю, что, возможно, дворец с таким названием существовал в Самарканде, так как двоюродный брат тимурита Захир ад-Дин Бабур Мирзо Мухаммад Хайдар упоминает в Самарканде следующие дворцы: «Кук-сарай», «Аксарай», «Баг-и дилкушай» и «Баг-и булди» [48, с. 536–537]. По описанию М. Массона в цитадели (калаи арк или шахри дарун – внутренний город) Самарканда находились административные учреждения, дворец, мечети, хаузы (бассейны). Кроме этого Самарканда включал в себя внешний город (*шахри бирун*) и пригород (*мауза*) [48, л. 38]².

² Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, ф.2773, личный фонд М.Е.Массона, оп.3, д.22, л.38.

Весной 1512 года ханом был избран брат Суюнчходжа-хана Кучкунджи-хан (1512–1530) [10, с. 86]. Выборы Кучкунджи-хана исходили из принципа старшинства в Шибанидском роде. Впоследствии, с согласия Шибанидских султанов, ханская власть предоставлялась роду Кучкунджи-хана: его сыновьям по старшинству и лишь после них последовательно сыновьям тех султанов, которым было присвоено звание каалги [38, с. 145]. Кучкунджи-хан выпускал монеты с пятью титулами, один из которых был представлен: «Султан величайший, хакан Абу-л-Мансур Кучкунчи бахадур-хан» [13, с. 33]. Чеканка Кучкунджи демонстрирует гораздо большее разнообразие как по дизайну, так и по легенде, чем чеканка Шейбани-хана. Титулы имама и халифа исключены из легенд, в то время как титулы султан *ал-азим* и *хакан* и (оба ранее использовались Тимуридами) занимают их место [61, р. 274]. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. На надгробии Кучкунджи-хана была помещена надпись, в которой нашла отражение более широкая идея власти монарха, так, в ней утверждалось, что Абулмансур Кучкунджи-хан «государь тюрков, арабов и персов» [8, с. 151–152]. В данном случае интересно использование термина тюрк как обобщающего названия для определенной части населения Центральной Азии.

В 1512 году в государстве Шибанидов Мавераннахре ханский титул носили одновременно четыре султана: Суйунчходжа, Кучкунджи (Кучум), Мухаммад-Тимур и Убайдулла. Но старшим ханом являлся Кучкунджи-хан [45, с. 142]. При преемниках Шейбани-хана государство было разделено в основном на пять уделов: провинции 1) Ташкент и Ферганская долина; 2) Самарканд; 3) Бухара и 4) Кармина (Мийанкал), а после 1526 г. 5) Балх. [22, с. 66]. Примерно два года Кучкунджи и его семья делили удел с сыном Шейбани-хана Мухаммад Темуром, но он был убит в 1514 году, и не осталось ни одного подходящего претендента. С тех пор Самарканд стал исключительно уделом Кучкунджидов и оставался им до 1578 года [65, р. 293].

При правлении Кучкунджи-хана столицей государства Шибанидов оставался Самарканд. Официальным правителем государства считался самый старший по возрасту из шибанидов Кучкунджи-хан, который, избрав своей резиденцией Самарканд, сохранил за ним столичный статус. МакЧесни приводит следующую хронологию правления Кучкунджидов: Кучкунджи-хан (1512–30), Абу Саид-хан ибн Кучкунджи-хан (1530–33), затем правление племянника Шейбани-хана Убайдуллы-хана (1533–40), Абдаллах ибн Кучкунджи (1540), Абдалатиф-хан (1540–52) [64, р. 429]. Если следовать дате на надгробной надписи, Кучкунджи-хан умер в феврале 1531 г. [8, с. 153], и дела ханства перешли к его сыну Абу Саиду (1531–1533). Как и его отец, он правил в Самарканде, а Убайдулла-султан, сын младшего брата Шейбани-хана Махмуд-султана, управлял Бухарой и возглавлял армию [45, с.142]. Существовали автономные административные единицы (уделы), которые составляли ханство Абул-Хайридов с 1512 по 1582 год. В 1533–1540 годах Туркестаном управлял сын Кучкунджи-хана Абдаллах бахадур хан, а в 1540 году он был верховным правителем Шибанидов [8, с. 156].

Когда принцип старшинства переместил ханство к Убайдулле (1533–40), столицей стала Бухара. В 1540 г., опять же благодаря старшинству, столица вернулась в Самарканд, где она оставались до 1552 г. [65, р. 285]. В 1540–1552 гг. Самаркандом правил сын Кучкунджи-хана Абд ал-Латиф-хан [8,

с. 157]. В 1552 году Абд ал-Латиф-хан умер, управление Самаркандом перешло к Саид-султану ибн Абу Саид-хану. В 1553–1556 годах Самарканд находился в руках шибанида Навруз Ахмад-хана [10, с. 20–21], который был почитателем суфийских шейхов из рода Ходжа Ахрара. Затем на самаркандский престол взошел Султан Саид султан (умер в 1572/1573 гг) [20, с. 239; 8, с.162]. Пришедший после него к власти его брат Джаванмард-султан был пленён Абдаллахом II (1583–1598) в 1578 году и позже казнён. Он также был похоронен в усыпальнице Кучкунджидов [8, с. 162].

Во второй половине XVI века Абдаллах-хану II удалось консолидировать силы по централизации государства и он усиленно боролся с другими султанами за овладение мелкими и крупными уделами. Самыми сильными и активными его противниками были владельцы Самарканда и Ташкента. В 1578 году был покорен Самарканд [14, с. 122–124]. Объединение разных уделов в одно государство Абдаллах-ханом II, усиление связей с кочевым населением Дашт-и Кипчака привело к становлению новой идеологии, связанной с воображаемым единством 92 племён [62].

Тимуридские традиции в культуре Самарканда в эпоху Кучкунджи-хана и его потомков

Ф. Шварц подчеркивает, что в борьбе за престол между Шибанидами владение столицей Самарканд имело центральное значение и таким образом проявлялось стремление следовать тимуридским традициям. Как отмечает Уэлсфорд, Кучкунджиды, правившие Самаркандом, имели определенные основания считать себя наследниками тимуридского прошлого [46, с.25]. Видимо, поэтому наряду с узбекскими султанами к управлению была привлечена и самаркандская знать. Символическое значение имел выбор соборной мечети Тимура как места для церемониальных действий [68, р. 70]. Очевидно, что место ритуала было выбрано не случайно, так как это была одна из крупнейших соборных мечетей Центральной Азии и напротив нее находились медресе и мавзолей чингизидки, потомка Чагатай-хана, старшей жены Тимура (1336–1405) Сарай Мульк-ханым [63]. Самарканд был резиденцией клана Кучкунджидов, отдельные представители которых были связаны с шейхами Кубрави, такими как шейх Хусайн Хорезми (1465–1551) в Самарканде [69].

После 1525 года происходил процесс интенсивной миграции значительного числа ремесленников разных специальностей из Хорасана и Герата в Бухару, Самарканд, Ташкент и другие города Мавераннахра [3, с. 369], что обогатило традиции зодчества в Самарканде. Шибаниды стремились подражать культурным достижениям Тимуридов в своих собственных дворах, в то же время использовали тимуридских мастеров для узаконивания своего политического господства над Трансоксианой [70]. Шибаниды настолько точно отражали вкусы и деятельность Тимуридов Герата, что историк Мухаммад Хайдар писал в своей книге «Тарих-и Рашиди», что узбекский двор в Бухаре напомнил ему времена Султана Хусайна [48; 71].

В Самарканде было много исламских святынь: мавзолей Рухабанд, Нуррадин Басира, мемориальный комплекс Шахи Зинда. Видимо, к началу XVI века в Самарканде сложилось как минимум четыре значительных мемориально-культурных центра: один – Мазари Шах на месте погребения двоюрод-

ного брата пророка Мухаммада Кусам ибн Аббаса. Вторым центром было кладбище Чакардиза, где традиционно хоронили известных исламских теологов [23]. Третьим был комплекс Гур-и мир, где были похоронены Тимур и Тимуриды. Четвертым святилищем считался мазар суфийского лидера ордена Накшбандия Ходжа Ахрара (1404–1489) [39]. В эпоху Шибанидов число значимых святых мест в Самарканде выросло, что засвидетельствовано турецким адмиралом Сиди Али Рейсом (1498–1563), который рассказывал о своем паломничестве к святым местам Самарканда: к могиле пророка Даниила, к месту Хизра (Ильяса), могилам следующих шейхов и ученых: автора «Хидаи» Бурхан ад-дина Маргинани, Абу Мансура Мотуриды, комплекс Шах-и Зинда, Ходжа Абди-бируна, Ходжа Абди-даруна, Чупан-ату и Кази заде Руми и др. [72, р. 69–72]. В источниках сохранилось мало данных о благоустройстве Шибанидами традиционных святых мест Самарканда.

Как отмечает А. Семенов, интеллектуалы и духовенство Мавераннахра «не видели никакой разницы» между тимуридами и сменившими их Шибанидами [41, с. 59]. В эпоху Шибанидов наблюдается активность шейхов орденов Накшбандия, Йассавия и Кубравия в Мавераннахре. Последователь ордена Кубрави шейх Хусайн Хорезми (1465–1551) заслужил уважение Кучкунджи-хана. Эпизоды его биографии свидетельствуют о глубоком влиянии, которое он оказал на потомков этого правителя в Самарканде, особенно на Абу-Саида и его сына Султана Саида. Он также имел влияние на Пулад Султана, внука Шейбани-хана. Могущественный Убайдулла-хан (ум. 1539) тоже почитал шейха Хусайна Хорезми [54, р. 73]. Известным теологом и представителем Накшбандия конца XV – первой половины XVI века был Махдуми Аъзам или Сайид Джалал ад-Дин Касани (1462–1542), написавший три десятка трактатов. Махдуми Аъзама одинаково почитали шибанид Убайдулла-хан и тимурид Бабур [21, с.103–104]. Махдуми Аъзам даже написал комментарии к рубаям Убайдуллы-хана, которые назывались «Рисолаи шархи рубоёт» или «Шархи рубоёти Убайдий» [58, р. 147; 21, с. 124–125]. По указу шибанида Абдулатиф-хана от 30 декабря 1543 года потомку Ходжа Ахрара Мухаммаду Яхъе были пожалованы ранее отнятые у него Шейбани-ханом земли, сады и другая недвижимость [40, с. 311]. Кучкунджид Абу Саид-хан (1530–1533) почитал суфийского шейха тариката Йассавия школы джахрия Худайдода Вали (1461–1532), предки которого были родом из Хорезма [21, с. 220–221]. Отдельные аспекты влияния суфийского учения и суфийских лидеров на вопросы культурной политики Шибанидов Самарканда уже освещались исследователями [21; 54; 68; 69] и эта тема требует дальнейшего отдельного специального исследования.

По мнению историков искусства, в целом архитектурные традиции, заложенные при Тимуридах, были продолжены при Шибанидах, но также использовались смелые своды и купольные системы [52, р. 199]. Активную строительную деятельность Кучкунджи-хана в Самарканде отмечает гератский историк Васифи, который сообщает, что «в дни своего правления, почитание ученых и просвещенных людей считал он (Кучкунджи-хан – А.М.) своей первой обязанностью. В его царствование были возобновлены, восстановлены и украшены все медресе, ханака, обители, мечети и богоугодные учреждения, обветшавшие в прошлые времена. В медресе и ханака убиенного султана Улугбека Гурагана... было назначено 10 мударрисов, одним из кото-

рых был мавлана Амир-Калан...» [9, с. 102–107]. Почитание предков по линии Тимуридов заметно и в антропонимах Кучкунджидов, которые называли своих детей по имени Тимуридов: Шахрух, Мухаммад Джуки, Рабия Султан ханым и др. [8, с.150–163].

Кучкунджи-хан уделил внимание и медресе Шейбани-хана. В медресе Мухаммада Шейбани, «построенной у самаркандского чорсука... было назначено четыре мударриса, в их числе мавлана Ходжаги, которого считают потомком мавлана Хафи» [9, с. 102–107; 5, с. 166].

В начале XVI века начинается приток в Среднюю Азию представителей науки, культуры и искусства, бежавших из Герата. В состав этих караванов входили видные богословы, поэты, музыканты, певцы, декламаторы, были среди них и мастера художественной рукописи – каллиграфы, позолотчики, миниатюристы [33, с. 345]. Производство роскошных книг было важной особенностью Тимуридов в Средней Азии, и эта традиция продолжалась и при Шибанидах [52, р. 207]. В Бухаре были переписаны или украшены миниатюрами такие произведения как: «Тухфат ал-Ахрар», «Бахаристан», «Юсуф и Зулейха» Джами, «Гулистан» и «Бустан» Саади, в Самарканде – «Музакир ал-ахбаб» Нисари 1572–1573 г. [3, с. 372–376]. Следует отметить, что в государстве Чагатаидов, Золотой Орде и державе Тимура были популярны стихи из поэмы «Гулистан» персидского поэта Саади [52, р. 55], а в Золотой Орде эта поэма была переведена на тюркский язык. Тимурид Захир ад-дин Мухаммад Бабур (1483–1530) в 1519 году отправил в Самарканд внуку Шейбанихана Пулат султану диван своих стихов [67, р. 158], что говорит об установлении культурных связей между Шибанидами и Бабуром. Возможно, что немалую роль в этом сыграли связи суфийских наставников, которые способствовали улучшению взаимоотношений между правителями разных стран и членами их семей.

Покровительство развитию тюркского языка и литературы

Тюркский язык имел высокий статус в Золотой Орде в XIV–XV вв. [31]. Возможно, что шейхи ордена Йассави сыграли определенную роль в использовании тюркского языка в поэзии. Традиции тюркской литературы Золотой Орды нашли свое продолжение в Мавераннахре, где получила развитие литература на чагатайском языке. П. Иванов писал, что «золотоордынская художественная литература оказала воздействие на зарождение среднеазиатской тюркской литературы», что также повлияло на становление творчества Навои [18, с. 45]. Это утверждение подтверждается тем, что в государстве Тимуридов были распространены и составлялись списки тюркоязычной литературы из Золотой Орды, как например, «Мухаббат-наме» Хорезми [49, с. 13]. Хорезм сыграл определенную роль в ретрансляции золотоордынских культурных традиций в оазисы Мавераннахра.

Определенный интерес к исламской культуре и тюркской литературе проявляли чингизиды. Источники сообщают об устроенных шибанидом Абухайр-ханом в Ургенче собраниях ученых-богословов, шейхов и поэтов [4, с. 50]. По его заказу последователь тариката Кубравии Камал ад-Дин Хусайн Хорезми написал суфийское сочинение на тюркском языке «Кашф ал-худо» [55, р. 93–94].

По мнению ДеВиза, Шейбани-хан и его последователи в различных удельных центрах Мавераннахра поддерживали переводы сочинений на тюркский язык. В эту эпоху на тюркском языке была составлена большая универсальная история, известная как «Зубдат аль-Асар», однако были и сочинения на персидском языке, как например, «Тарих-и Абуль-Хайр-хани» [56, р. 135]. ДеВиз считает, что покровительство тюркскому языку можно понимать как подготовку пути к новой литературной и исторической традиции, которая, однако, осталась нереализованной [56, р. 135]. Программа переводов и покровительство тюркской литературе, которая, по-видимому, достигла своего пика в 1520-х годах, подошла к концу ко второй половине XVI века. Значительная часть исторической и агиографической литературы при правлении шибанида Абдуллы-хана ибн Искандере (ум. 1598) была на персидском языке [56, р. 135]. Выявление разных факторов, повлиявших на эти изменения требует отдельного исследования.

Экманн утверждал, что тюркский тафсир Корана был создан в эпоху Шибанидов в первой половине XVI века [57, s. 53]. Шибанид Убайдулла-хан, племянник Шейбани-хана, хотел показать свое преимущество перед Тимуридами знанием арабского языка и его использованием в литературе [58, р. 147]. Он писал стихи на тюркском, персидском и арабском языках, составил на тюрки тафсир «Кашшаф-и фазайл» («Толкователь мудрости»), а также «Куллийат-и Убайди» [45, с. 143]. Стихи писал внук Кучкунджи-хана Абдаль-султан (убит в 1578/79 году) [30, с. 59–60]. Внук Кучкунджи-хана, сын Абу Саид-хана Саид-хан, управлявший Самаркандом до 1572 года, писал стихи под тахаллусом Кухкан, также он был сведущим в музыке [30, с. 291, 295].

Творчество тюркского поэта Алишера Навои (1441–1501) привлекло внимание завоевателя Мавераннахра Мухаммад Шейбани-хана (1451–1510), который упоминал Навои в своих стихах [24, с. 398]. Традиция почитания творчества А.Навои была продолжена последующими Шибанидами-Абулхайридами. По приказу сына Абдалазиз-хана шибанида Абулфатха Йар-Мухаммад-хана была осуществлена большая работа по переписке рукописей всех поэм Навои [3, с. 374]. Навои был особенно популярен в Герате, а затем и в государстве Шибанидов. Целый ряд списков его произведений был изготовлен в Бухаре, в том числе и для представителей династии Шибанидов [35, с. 290]. Один из них был составлен около 1520 года в Самарканде [33, с. 348].

Шибанидский поэт Ходжа Баха ад-Дин Хасан или Нисари (1516–1596) стремился продолжить литературную традицию Навои, и причем интерес к творчеству Навои охватывал более широкую географическую территорию, включая Османскую империю [28, с. 189].

Как подчеркивают исследователи, покровительство Шибанидами тюркскому языку проявилось в переводе священного Корана на тюркский язык при правлении Кучкунджи-хана. А. Инан считал, что перевод был осуществлен кем-то, кто придерживался богатого тюркского литературного языка [73, р. 177]. Суфийский шейх тариката Йассавия Худайдод (по одной версии его настоящее имя было Худойберды – А.М.) Вали, имевший много мюридов, писал стихи на чагатайском тюркском языке [21, с. 224–225].

По инициативе Кучкунджихана в Самарканде на среднеазиатский тюркский (чагатайский) язык были переведены «Зафарнамэ» Шараф ад-Дина Али Йазди, «Тарихи Газани» Рашид ад-Дина и др. [44, с. 23]. Переводчиком был

Мухаммед Али б. Дервиш Али-йи Бухари. До нас дошел список переписчика Мухаммед Али б. Маулана Яр-и Али, переписавший рукопись в Самарканде в марте-апреле 1526 г. [44, с. 24]. Также был составлен труд об истории Абулхайр-хана Мас'удом б. Осман-и Кухистани, посвященный шибаниду Абдуллатиф-хану (1540–1551) [44, с. 64].

В 1540–1551 гг. Самаркандом правил сын Кучкунджи-хана Абдуллатиф-хан. Он покровительствовал поэтам и ученым. Сам Абдулатиф-хан писал стихи под литературным псевдонимом Хуш [29, с. 233]. Во времена его правления в официальной документации использовался не только персидский, но и тюркский чагатайский язык [50, с. 325]. Следует подчеркнуть, что в своих мемориальных эпиграфических памятниках Шибаниды следовали тимуридским традициям и использовали арабский и персидские языки.

На мой взгляд, широкая поддержка использования тюркского языка в Мавераннахре первыми Шибанидами была обусловлена не только определенными тимуридскими традициями [68, р. 70]. (А. Навои), но и золотоордынским наследием, в котором значительное место занимал тюркский литературный язык.

Медресе Абу Саид-хана

Данные письменных источников свидетельствуют, что медресе были довольно многочисленны в Золотой Орде. Тем не менее археологически они почти не выявлены. Единственное здание, которое однозначно может быть атрибутировано как медресе, находится в Солхате в Крыму [17, с. 130]. Традиция медресе с включением гурханы (сводчатая усыпальница – А.М.) существовала в Золотой Орде. Например, это медресе Узбека в Солхате, одно из помещений которого во второй половине XIV века было перестроено в мавзолее со склепом [16, с. 51–53]. Монументальные здания медресе, возводившиеся по распоряжению отдельных правителей в Сауране и других городах в низовьях Сыр-Дарьи, являются показателем высокого культурного уровня Золотой Орды [18, с. 45]. Определенное сходство постройки Сарая можно наблюдать со зданием медресе, исследованным на городище Сауран в Казахстане, недалеко от г. Туркестана. Само городище возникает в золотоордынское время, в XIV в., но здание медресе было возведено во второй половине XV в., возможно, начале XVI в. Медресе Саурана представляло собой прямоугольную в плане двухайванную постройку дворового плана [16, с. 57].

В Золотой Орде существовала своя мемориальная архитектура. Традиция строительства надземных купольных мавзолеев Чингизидами иллюстрируется памятниками XIV века в государстве Ильханидов, а также можно упомянуть гробницу правителя Чагатаидов Буян Кули-хана (ум. 1358) в окрестностях Бухары [53, р. 320]. Типичным тимуридским мавзолеем XV в. в присырдарьинских территориях является мавзолей Рабии Султан-бегим в г. Туркестане.

Строительство медресе в Сауране велось по распоряжению Убайдуллы-хана, и было окончено в 1515 г. Медресе представляло собой прямоугольное в плане здание симметричной дворовой композиции [42, с. 110]. Одна из хужр сауранского медресе или ханаки служила гурханой [43, с. 606].

Какой традиции следовали Кучкунджида при возведении мемориальных построек и медресе? На наш взгляд, для прояснения этой проблемы требуются специальные исследования.

При строительстве новых архитектурных комплексов важным фактором выступает выбор места их строительства. Кроме этого вызывает интерес роль личности правителя, идеологии эпохи в осуществлении строительства здания [59, р. 53]. По мнению исследователей, в эпоху Шибанидов в Мавераннахре возрастает роль духовенства в различных сферах общественной жизни и происходит какой-то идеологический сдвиг, что, в частности, проявилось в том, что в области монументальной архитектуры резко уменьшается строительство мавзолеев. Большая часть погребений ханов и крупных шейхов осуществлялись при медресе или при ханаке [33, с. 330].

Гробница первых Шибанидов в Самарканде имела форму прямоугольной призмы, напоминающей суфу (ее называли также дахмой). В вакфном документе использовались два термина: *суфа олия* и *макбара* [26, с. 110]. Самое позднее надгробие в дахме Шейбани-хана датируется 1586 годом [8, с. 128–149], что говорит о том, что у Шибанидов Самарканда с 20-х годов XVI века сложилось два разных мемориальных комплекса: дахма Шейбани-хана (захоронения до 1586 г.) и гробница Кучкунджидов (захоронения до 1632 г.) на площади Регистан. В середине XVI века в Самарканде начал формироваться третий мемориальный центр Шибанидов на кладбище Ходжа Ахрара [8].

Основным центром Самарканда была площадь Регистан, где находились медресе Мирзо Улугбека, его ханака, караван-сарай, соборная мечеть крупного сановника Алике Кукельташа, мечеть Мукатта (мечеть Умара) или Голубая мечеть [7, с. 128]. Шесть главных улиц, следующих от ворот и сходящихся в центре у Регистана, определяли радиальный характер планировки Самарканда [33, с. 256]. Огромная соборная мечеть Тимура считалась главной в Самарканде. В городе функционировали ряд различных медресе: Мухаммад Султана, Мирзо Улугбека, Сарай Малик ханым и др.

По приказу Кучкунджи-хана в 1529/30 г. на площади Регистан в соборной мечети Алика Кукельташа был поставлен новый минбар, выточенный из цельной мраморной плиты [36, с. 83]. В ходе реставрации медресе Улугбека была обнаружена расколотая на две части мраморная плита с четким каллиграфическим текстом на арабском языке в стиле насталик. Из эпиграфической надписи следует, что обнаруженная мраморная плита была установлена в мечети, построенной по велению Кучкунджи-хана к северу от площади Регистан [51, с. 41].

При Кучкунджидах появилась несколько иная традиция, выражающаяся в погребениях внутри медресе. Так, Кучкунджи-хан и несколько его сыновей и внуков были погребены в медресе Абусаид-хана в Самарканде, Абдалазиз-хан I – при ханаке Бахауддина в Бухаре и т. д. Однако в других уделах Шибанидов, расположенных вдали от ортодоксальной Бухары, наблюдались продолжения тимуридских традиций возведения мавзолеев [33, с. 331].

В 1530–1533 годах по приказу Абу Саида сына Кучкунджи-хана к югу от медресе Мирзо Улугбека был построен мавзолей в составе медресе, который известен под несколькими названиями: мавзолей Чильдухтарон, усыпальница Кучкунджи-хана или усыпальница Абу Саид-хана [37, с. 92]. Здесь были погребены Кучкунджи-хан и его потомки. В усыпальнице были зафиксирова-

ны более 40 надгробных камней. На северной стороне был высокий портал, четыре входа. В 1533 году был сооружен бассейн [37, с. 93]. В отличие от семейного мавзолея Тимуридов – Гур-и Мир, где были похоронены два «святых лица» из рода пророка Мухаммада, в мавзолее Абу Саид-хана были похоронены только члены шибанидской семьи.

Усыпальница Абу Саид-хана находилась к западу от мечети мечети Алике Кукельташа к югу от площади Регистан³. Она находилась к северу от мечети Умара [38, с. 168]. Внутри мавзолей был украшен голубыми изразцами в широкой мозаичной раме с растительным орнаментом. Стены были украшены многотонной росписью. Последние остатки изразцов были перенесены в Самаркандский музей в 1925 г. [15, с. 186]. Усыпальница Кучкунджидов свидетельствует, что интерьер усыпальницы здесь следовал той же композиции, что и позднетимуридские мавзолеи Самарканда. Однако в комплексе медресе была лишь усыпальница – гурхана, встроенная в один из углов медресе, но не самостоятельное погребальное сооружение [33, с. 330].

По мнению М. Саиджанова, позже с северной стороны усыпальницы было пристроено медресе. Главный фасад медресе был направлен к южной стене медресе Мирзо Улугбека. Усыпальница похожа на тимуридский Ак-сарай. Купол был покрыт голубой глазурью [37, с. 94]. Полагают, что медресе включало купольный зал усыпальницы [1, с. 296]. Л. Маньковская уточняет, что наверху мавзолей был увенчан рубчатый куполом, покрытым голубыми кирпичами. Название усыпальницы звучало как «Кук-Гумбаз» (голубой купол – А.М.). При украшении здания использовалась наборная мозаика и позолота. Напротив медресе был прорыт хауз⁴. Сохранилось фото руин гурханы в фотоальбоме Г. Панкратьева, изданном в конце XIX века [32, с. 51]. К 1925 году мавзолей лежал в руинах. В 1935 году в связи с реконструкцией сквера на площади Регистан было произведено археологическое вскрытие под руководством М. Саиджанова. В 1937 году еще сохранялись пять арок.⁵ Позже, к сожалению, они были разрушены.

Изучено 30 надгробий из Чильдухтарона, на которых сохранились имена Шибанидов: Шахрух султан сын Абу Саид султана (1522 г.), Мухаммад Джукки султан сын Абу Саид султана (1522 г.), Бади ал-Джамал Ханиш дочери Абу Саид Султана (1512 г.), Салиха султан ханиш дочь Кучкунджи-хана (1522 г.), Шахим бик Азиз бегим дочь амира Мухаммада (1533 г.) и другие [8]. Бахадур-султан сын султана Саид-хана погиб в 1569 году и тоже был похоронен в медресе Абу Саид-хана [30, с. 154]. Самое позднее надгробие датируется 1632 годом [8, с. 150–163]. Надгробие строителя медресе Абу Саид-хана (умер в 1533 г.) хранится ныне в Самаркандском краеведческом музее [1, с. 296]. Отдельный кусок от надгробия хранится в собрании Лувра в Париже. Возможно, один из мастеров был из Герата, где в эпоху Тимуридов были известны такие высокохудожественные надгробия [1, с. 296].

³ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, ф.Р-2810, личный фонд Л.Ю.Маньковской, оп.2, д.149, л.1.

⁴ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, ф.Р-2810, оп.2, д.166, л.1–4.

⁵ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, ф.Р-2810, оп.2, д.166, л.1, 3–4, 6, 7, 8.

Интересно, что медресе шибанида Барак-хана, построенное позже в Ташкенте, также называлось «Кук-Гумбаз» и первоначально состояло из самостоятельных зданий мавзолеев, которые потом были трансформированы в сложный комплекс медресе [34, с. 68].

Таким образом, в Самарканде в эпоху Шибанидов сформировались три разных мемориальных комплекса. Самый ранний представлял собой дахму или суфу Шейбани-хана при дворе медресе Шейбани-хана и его невестки Мехр-султан ханым. Второй комплекс Чильдухтарон или медресе Абу Саид-хана с включением усыпальницы находил определенные аналогии в определенных золотоордынских традициях. Третий, самый поздний комплекс Навруз Ахмад-хана находился близ мазара суфийского лидера Накшбандия Ходжи Убайдуллы Ахрара и представлял собой дахму.

Заключение

В борьбе за престол между Шибанидами владение столицей тимуридского государства Самаркандом имело центральное значение. Особенности политической системы государства Шибанидов, проявлявшейся в существовании крупных уделов с влиятельными владельцами, оказало влияние на развитие местной культурной идентичности. Одним из таких уделов был Самарканд. Особый символизм город приобрел с приходом к власти Кучкунджидов, потомков тимурида Мирзо Улугбека со стороны его дочери. Поэтому Кучкунджи-хан уделял особое внимание благоустройству зданий на площади Регистан в Самарканде, особенно медресе Мирзо Улугбека, что отличалось от политики Шейбани-хана, направленной на строительство новых зданий в Самарканде. С другой стороны, Кучкунджи-хан уделял внимание учебному процессу в медресе Шейбани-хана. Представители Шибанидов были последователями трех суфийских тарикатов: Йассавия, Кубравия и Накшбандия. Самарканд был резиденцией клана Кучкунджидов, отдельные представители которых были связаны с шейхами Кубрави.

Не исключено, что при строительстве медресе в Самарканде Кучкунджиды следовали золотоордынским традициям, когда к нему была пристроена гурхана, украшенная в стиле поздне-тимуридского мавзолея Ак-сарая. Не случайно мавзолей и медресе были возведены поблизости от медресе Мирзо Улугбека на площади Регистан. Мавзолей Кучкунджидов архитектурно отличался от дахмы Шейбани-хана. В нем хоронили только представителей рода Кучкунджи-хана. Могила шибанида Навруз Ахмад-хана находилась близ мазара духовного наставника суфийского ордена Накшбандия Ходжи Ахрара. Таким образом при шибанидах сформировались три разных мемориальных места в Самарканде, что видимо, обусловлено разными идеологическими платформами шибанидских правителей, которые требуют специального изучения.

Самаркандские Шибаниды продолжили политику Шейбани-хана по покровительству тюркскому языку и литературе, которая, возможно, явилась продолжением золотоордынских традиций при определенном влиянии тимуридского наследия. При этом они проявляли интерес как к чингизидскому наследию, так и истории Тимуридов, нашедших отражение в исторической литературе. Некоторые шибанидские поэты продолжали литературные традиции, заложенные тюркским тимуридским поэтом Алишером Навои.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов М.М., Пугаченкова Г.А. Наука, культура, искусство, архитектура // История Самарканда. Т. 1. Т.: Фан, 1969. С. 287–302.
2. Агзамова Г.А. Некоторые вопросы культурно-духовной жизни городов Среднеазиатских ханств // Культура кочевников Центральной Азии. Материалы международной конференции. Самарканд, 2008. С. 34–40.
3. Акимушкин О.Ф. Библиотека Шибанидов в Бухаре XVI в. // Средневековый Иран. Культура, история, филология. СПб.: Наука, 2004. С. 368–382.
4. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 180 с.
5. Ахмедов, Б.А. История Балха: (XVI – первая половина XVIII в.). Ташкент: Изд-во «Фан», 1982. 296 с.
6. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. 1024 с.
7. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964. 661 с.
8. Бобожонов Б., Муминов А., Пауль Ю. Шайбонийлар кабртошларидаги битиклар. Висбаден, 1997. 191 с.
9. Болдырев А.Н. Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Душанбе: Адиб, 1989. 464 с.
10. Бухари Хафиз-и Таныш. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. Пер. с персидского, введ., примеч. и указ. М. Салахетдиновой. М., 1983. 299 с.
11. Веселовский Н. Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани // Труды VIII археологического съезда в Москве, 1890, Т. III. М., 1897. С. 290–297.
12. Воронина В.Л. Архитектура Средней Азии XVI–XVII вв. // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 8. М.: издательство литературы по строительству, 1969. С. 304–330.
13. Давидович Е.А. Надписи на среднеазиатских серебряных монетах XVI в. // Эпиграфика Востока. Вып. VII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 30–40.
14. Давидович Е.А. Глава 6 «Средняя Азия при Шейбанидах. XVI в.» // История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени XVI–XVIII вв. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 120–131.
15. Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.: Всесоюзная академия архитектуры, 1939. 228 с.
16. Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. 253 с.
17. Зиливинская Э.Д. Архитектура благочестия в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. М.: издательский дом Марджани, 2013. С. 95–134.
18. Иванов П. Очерки по истории Средней Азии. (XVI – середина XIX в.). М., 1958. 247 с.
19. Камолов Х.Ш. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Среднюю Азию (XVI в.). Автореферат докторской диссертации. Душанбе, 2007. 52 с.
20. Катаган Мухаммадёр ибн Араб. Мусаххир ал-билод (мамлакатларнинг эгалланиши). Форс тилидан таржима, изоҳлар ва курсаткичлар муаллифлари: И.Бек-жонов, Д.Сангинова. Масъул муҳаррир: Ш.Воҳидов. Тошкент: Янги аср авлоди, 2009. 430 с.
21. Каттаев К. Тасаввуф алломалари. Тошкент: Фафур Ғулом номидаги нашриёт-матбаа ижодий уйи, 2017. 320 б.
22. Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 516 с.
23. Маликов А.М. История Самарканда (с древних времен до середины XIV века). Т. 1. Ташкент: Paradigma, 2017. 336 с.

24. Маликов А.М., Торланбаева К.У. Некоторые особенности культурной идентичности Шейбани-хана и монументальное строительство в Самарканде в начале XVI века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 391–413. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413
25. Миргалеев И.М. Сколько лет золотоордынской цивилизации? // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. №1. 2014. С. 118–121.
26. Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в: по материалам Вақф-Наме. Т.: Фан, 1966. 355 с.
27. Нисорий Хасанходжа. Музакири ахбоб (Дустлар ёдномаси). Тазкира. Перевод на узб. язык И. Бекджанова. Тошкент, 1993. 344 с.
28. Норик Б.В. Жизнь и творчество среднеазиатских историков литературы XVI–XVII вв. Хасана Нисари и Мутриби Самарканди // Письменные памятники Востока. №1(2), 2005. С. 183–216.
29. Норик Б.В. Роль шибанидских правителей в литературной жизни Мавераннахра XVI в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 226–267.
30. Норик Б.В. Биобиблиографический словарь среднеазиатской поэзии (XVI – первая треть XVII в.). М.: ИД Марджани, 2011. 976 с.
31. Нуриева Ф.Ш. Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. Казань, 2004. 40 с.
32. Панкратьев Г.Л. Альбом исторических памятников г. Самарканда. 1890. 54 с.
33. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.: Искусство, 1965. 688 с.
34. Ратия Ш., Воронин Л. Мавзолей Барак-хан // «Архитектура СССР», 1936. № 11. С. 67–73.
35. Ришар Франсис. Иллюстрированные рукописи Мавераннахра в собраниях Франции. Культурное наследие Узбекистана. Т. 29. Toshkent: «Silk Road Media», «East Star Media», 2020. 424 с.
36. Рокимий Шарафуддин. Тарихи Томм. Форсийдан узбек тилига таржима ва изохлар муаллифлари: Хайдарбек Бобобеков ва Наим Норкулов. Тошкент, «Маънавият», 1998. 156 с.
37. Саиджанов М. Обследование усыпальницы Чильдухтарон в Самарканде // Социалистическая наука. 1936. №3–5. С. 92–94.
38. Салахетдинова М.А. Престолонаследие у Шейбанидов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Доклады и сообщения. Ч. I. М.: Наука, 1987. С. 142–145.
39. «Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда Абу Тахир ходжи. Перевод В.Л.Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. 1898. Вып. VI. Самарканд, 1899. С. 154–259.
40. Самаркандские документы XV–XVI вв. Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О.Д.Чехович. М., 1974. 631 с.
41. Семенов А.А. Культурный уровень первых Шейбанидов // Советское востоковедение. 1956. № 3. С. 51–59.
42. Смагулов Е.А. Застройка Центральной площади города Сауран XIV–XVI вв. // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С. 93–119.
43. Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Медресе, дворец, кархана, ханака? – Архитектурные загадки Саурана // Восхождение к вершинам археологии: сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы, 2014. С. 578–613.
44. Собрание восточных рукописей АН УзССР. Т. 1. Ташкент, 1952. 440 с.

45. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.
46. Уэлсфорд Т. «Шахри-и санг-и сабз»: Тимуридское наследие в Самарканде в XVI–XVII вв. // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. Вып. 9. 2009. С. 23–32.
47. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
48. Хайдар Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди. Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Т., 1996. 656 с.
49. Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. М.: Изд. восточной лит-ры, 1961. 223 с.
50. Чехович О.Д. Из источников по истории Самарканда XV века // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965. С. 300–361.
51. Шедевры архитектурной эпиграфики Узбекистана. Тошкент: O'zbekiston, 2011. 564 с.
52. Blair, Sheila S., and Jonathan M. Bloom. The art and architecture of Islam 1250–1800. Yale University Press, 1995. 368 p.
53. Blair, Sheila. Muslim-style Mausolea across Mongol Eurasia: Religious Syncretism, Architectural Mobility and Cultural Transformation // Journal of the Economic and Social History of the Orient 62, no. 2–3. 2019, pp. 318–355.
54. DeWeese, Devin. The Eclipse of the Kubravīyah in Central Asia in: Iranian Studies, Vol. 21, No. 1/2, Soviet and North American Studies on Central Asia. 1988, pp. 45–83.
55. DeWeese, Devin. Bābā Kamāl Jandī and the Kubravī Tradition among the Turks of Central Asia // Der Islam 71.1. 1994, pp. 58–94.
56. DeWeese, Devin. “Persian and Turkic from Kazan to Tobolsk: Literary Frontiers in Muslim Inner Asia”, in Green, Nile (ed.), The Persianate World: The Frontiers of a Eurasian Lingua Franca. Berkeley: California University Press, 2019, pp. 131–55.
57. Eckmann, János. Doğu Türkçesinde bir Kur'an çevirisi (Rylands nüshası). Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten 15. 1967, pp. 51–69.
58. Erkinov, Aftandil. The Poetry of the Nomads and the Shaybani Rulers in the Process of Transition to a Settled Society.” In Central Asia on Display: Proceedings of the VIIth Conference of the European Society for Central Asian Studies, vol. 1, LIT Verlag Münster, 2004.
59. Golombek, L., Wilber, D. The Timurid Architecture of Iran and Turan. Vol 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1988. 848 p.
60. Levi, Scott Cameron, and Ron Sela, eds. Islamic Central Asia: an anthology of historical sources. Indiana University Press, 2010. 318 p.
61. Lowick, N.M. Shaybānid silver coins. The Numismatic Chronicle no 6. 1966, pp. 251–330.
62. Malikov A. “92 Uzbek Tribes” in Official Discourses and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 515–532. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.515-532
63. Malikov, A. The cultural traditions of urban planning in Samarkand during the epoch of Timur In: Cultures in contact. Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission. Edited by Christoph Baumer, Mirko Novák and Susanne Rutishauser. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2022, pp. 407–420.
64. McChesney, R.D. “Shibanids” in Encyclopedia of Islam, vol. 9, Leiden, 1997, pp. 428–431.
65. McChesney, Robert D. “The Chinggisid restoration in Central Asia: 1500–1785. In: The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age. Edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, and Peter B. Golden. Cambridge University press, 2009, pp. 277–302.
66. Melville, Charles (2021). Akbar's History of the Timurids, Iran, 2021, 59:2, 203–224, DOI: 10.1080/05786967.2021.1911735

67. Schimmel, Annemarie. Some Notes on the Cultural Activity of the First Uzbek Rulers // *Journal of the Pakistan Historical Society* 8, no. 3 (1960): 149–166.

68. Schwarz, Florian. “Unser Weg schließt tausend Wege ein”: Derwische und Gesellschaft im islamischen Mittelasien im 16. Jahrhundert. (*Islamkundliche Untersuchungen*, 226). Berlin, Klaus Schwarz, 2000, 270 p.

69. Schwarz, Florian. “An Endowment Deed of 1547 (953 h.) for a Kubravi khanaqah in Samarkand.” *Die Grenzen Der Welt. Arabica et Iranica ad honorem Heinz Gaube* 189. Wiesbaden: Reichert, 2008, pp.189–209.

70. Subtelny, Maria Eva. Socioeconomic Bases of Cultural Patronage under the Later Timurids in *International Journal of Middle East Studies* 20, no. 4. 1988, pp. 479–505.

71. Subtelny, Maria Eva. The Timurid Legacy: A Reaffirmation and a Reassessment, *Cahiers d’Asie centrale* [Online], 3/4 | 1997, connection on 14 November, 2019. Available at: <http://journals.openedition.org/asiacentrale/462> (accessed 28.02.2023).

72. The travels and adventures of the Turkish admiral Sidi Ali Reis in India, Afghanistan, Central Asia and Persia during the years 1553–1556. Translated from Turkish, with notes by A.Vambery. London, 1899. 123 p.

73. Zülfikar, Hamza. Çağatayca bir Kuran tefsiri. *Türkoloji Dergisi* 6, no. 1. 1974, pp.153–195.

Сведения об авторе: Азим Маннонович Маликов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Азиатских исследований, Университет Палацкого в Оломоуце (77900, ул. Свободы, 26, Оломоуц, Чешская Республика); ORCID: 0000-0002-0173-2014. E-mail: azimamal2018@gmail.com

Поступила 13.01.2023 Принята к публикации 02.03.2023
Опубликована 29.03.2023

REFERENCES

1. Abramov M.M., Pugachenkova G.A. Science, culture, art, architecture. *History of Samarkand*. Vol. 1. Tashkent: Fan Publ, 1969, pp. 287–302. (In Russian)
2. Agzamova G.A. Some questions about the cultural and spiritual life of the cities of the Central Asian khanates. *Culture of the nomads of Central Asia. Materials of the international conference*. Samarkand, 2008, pp. 34–40. (In Russian)
3. Akimushkin O.F. Library of the Shibanids in Bukhara, 16th century. *Medieval Iran. Culture, history, philology*. St. Petersburg: Nauka, 2004, pp. 368–382. (In Russian)
4. Akhmedov B.A. *State of nomadic Uzbeks*. Moscow: Nauka, 1965. 180 p. (In Russian)
5. Akhmedov B.A. *History of Balkh: (16th – the first half of 18th century)*. Tashkent: Fan, 1982. 296 p.
6. Bartol'd V.V. *Works*. Vol. 2, part 1. Moscow: Nauka, 1963. 1024 p. (In Russian)
7. Bartol'd V.V. *Works*. Vol. 2, part 2. Moscow: Nauka., 1964. 661 p. (In Russian)
8. Bobojonov B., Muminov A., Paul Y. Inscriptions on the gravestones of the Sheibanids. Wiesbaden, 1997. 191 p. (in Russian, Uzbek and German)
9. Boldyrev A.N. *Zainaddin Vasifi. Tajik writer of the 16th century (Experience of creative biography)*. Dushanbe: Adib, 1989. 464 p. (In Russian)
10. Bukhari Hafiz-i Tanysh. *Sharaf namayi shakhi. Book of Shah's Glory*. Part 1. Translation from Persian, introduction, notes and pointers by M. Salakhedinova. Moscow, 1983. 299 p. (In Russian)

11. Veselovskiy N. Details of the death of the Uzbek Khan Mohammed Sheibani. Proceedings of the VIII Archaeological Congress in Moscow. 1890, vol. III. Moscow, 1897, pp. 290–297. (In Russian)
12. Voronina V.L. *Architecture of Central Asia XVI–XVII centuries. General history of architecture in 12 volumes.* Vol. 8. Moscow: izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, 1969, pp. 304–330. (In Russian)
13. Davidovich Ye.A. Inscriptions on Central Asian silver coins of the 16th century. *Epigraphy of the East.* Issue VII. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1953, pp. 30–40 (In Russian)
14. Davidovich Ye.A. Chapter 6 “Central Asia under the Sheibanids. XVI century”. *History of the East. East at the turn of the Middle Ages and modern times of the XVI–XVIII centuries.* Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2002, pp. 120–131
15. Denike B.P. *Architectural ornament of Central Asia.* Moscow: Vsesoyuznaya akademiya arkhitektury, 1939. 228 p.
16. Zilivinskaya E.D. *Essays on the cult and civil architecture of the Golden Horde.* Astrakhan: Astrakhanskiy gosudarstvennyy universitet, Izdatel'skiy dom «Astrakhanskiy universitet», 2011. 253 p. (In Russian)
17. Zilivinskaya E.D. The architecture of piety in the Golden Horde (according to written sources and archaeological data). *From Onon to the Thames. Chingisids and their western neighbours.* Moscow, 2013, pp. 95–134. (In Russian)
18. Ivanov P. *Essays on the history of Central Asia (16th–mid-19th centuries).* Moscow, 1958. 247 p. (In Russian)
19. Kamolov Kh.Sh. *The history of the invasion of the nomadic tribes of the Dasht-i Kipchak into Central Asia (XVI century).* Abstract of doctoral dissertation. Dushanbe, 2007. 52 p. (In Russian)
20. Katagan Mukhhammadyar ibn Arab. *Musakhkhir al-bilod. Conquest of countries.* Translation from Persian, introduction, notes and pointers by I.Bekzhonov, D.Sanginova. edited by S.Vokhidov. Tshkent: Yangi asr avlodi, 2009. 430 p. (In Uzbek)
21. Kattaev K. *Scholars of Sufism.* Tashkent: G'afur G'ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2017. 320 p. (In Uzbek)
22. von Kügelgen A. *The legitimization of the Central Asian dynasty of the Manghyts in the works of their historians (eighteenth–nineteenth centuries).* Almaty: Dayk-press Publ., 2004. 516 p. (In Russian)
23. Malikov A.M. *History of Samarkand (from ancient times until the middle of the 14th century).* Vol. 1. Tashkent: Paradigma, 2017. 336 p. (In Russian)
24. Malikov A.M., Torlanbayeva K.U. Some features of the Cultural Identity of Shaybani Khan and the Monumental Construction in Samarkand at the Beginning of the Sixteenth Century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review.* 2022, vol. 10, no. 2, pp. 391–413. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413 (In Russian)
25. Mirgaleyev I.M. How old is the Golden Horde civilization? *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts.* Vol. 1, 2014, pp. 118–121 (In Russian)
26. Mukminova R.G. *On the history of agrarian relations in Uzbekistan in the 16th century: based on the materials of “Vakf-Name.* Tashkent: Fan, 1966. 355 p. (In Russian)
27. Nisoriy Khasankhodzha. The memory of friends. Transl. to Uzbek by I.Bekjonov. Toshkent, 1993. 344 p. (In Uzbek)
28. Norik B.V. *Life and work of Central Asian literary historians of the 16th–17th centuries Hasan Nisari and Mutribi Samarkandi. Written monuments of the East.* Vol. 1, 2005, pp. 183–216. (In Russian)
29. Norik B.V. The role of Shibanid rulers in the literary life of Maverannahr in the 16th century. *Rakhmat-name: Sat. articles for the 70th anniversary of R.R. Rakhimov.* St. Petersburg: MAE RAN, 2008, pp. 226–267. (In Russian)
30. Norik B.V. *Biobibliographic dictionary of Central Asian poetry (16th – first third of the 17th century).* Moscow: ID Mardzhani, 2011. 976 p. (In Russian)

31. Nuriyeva F.Sh. Formation and functioning of the Turkic-Tatar literary language of the Golden Horde period. Abstract of doctoral dissertation. Kazan, 2004. 40 p. (In Russian)
32. Pankrat'yev G.L. *Album of historical monuments of Samarkand*. 1890. 54 p. (In Russian)
33. Pugachenkova G.A., Rempel' L.I. Art history of Uzbekistan from ancient times to the middle of the nineteenth century. Moscow: Iskusstvo, 1965. 688 p. (In Russian)
34. Ratiya SH., Voronin L. *Barak-khan mausoleum. Architecture of the USSR*. 1936. Vol. 11, pp. 67–73. (In Russian)
35. Rishar Fransis. *Illustrated manuscripts of Maverannahr in the collections of France*. Toshkent: «Silk Road Media», «East Star Media», 2020. 424 p. (In Russian and English)
36. Rokimiy Sharafuddin. *History of Tomm*. Translation from Persian, introduction, notes by Kh.Bobobekov, N.Norqulov. Toshkent: Ma"naviyat, 1998. 156 p. (In Uzbek)
37. Saidzhanov M. Examination of the tomb of Childukhtaron in Samarkand. *Socialist Science*. Vol. 3–5, 1936, pp. 92–94. (In Russian)
38. Salakhedinova M.A. The Sheibanids' succession to the throne. Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East. *XXI Annual Scientific Session of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Reports and message*. Part 1. Moscow: Nauka, 1987, pp. 142–145. (In Russian)
39. "Samaria", description of antiquities and Muslim shrines of Samarkand Abu Tahir khodja. Translation by V.L. Vyatkin. Reference book of the Samarkand region. 1898. Iss. VI. Samarkand, 1899, pp. 154–259.
40. Samarkand documents of the XV–XVI centuries. Facsimile, critical text, translation, introduction, notes and indexes by O.D. Chekhovich. Moscow, 1974. 631 p.
41. Semenov A.A. The cultural level of the first Sheibanids. *Soviet Oriental Studies*, 1956, vol. 3, pp. 51–59. (In Russian)
42. Smagulov Ye.A. Development of the Central Square of the city of Sauran XIV–XVI centuries. *The Volga River Region Archaeology*, vol. 2 (16). 2016, pp. 93–119 (In Russian)
43. Smagulov Ye.A., Yerzhigitova A.A. Madrasah, palace, karkhana, khanaka? – Architectural mysteries of Sauran. *Climbing to the heights of archeology: collection of materials of the international scientific conference "Ancient and medieval states on the territory of Kazakhstan", dedicated to the 90th anniversary of the birth of K.A. Akisheva*. Almaty, 2014, pp. 578–613. (In Russian)
44. Collection of oriental manuscripts of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR. Vol. 1. Tashkent, 1952. 440 p. (In Russian)
45. Sultanov T.I. *Chingis Khan and the Chingisids. Fate and power*. Moscow: ACT, 2006. 445 p (In Russian)
46. Uelsford T. "Shahri-i Sang-i Sabz": Timurid Heritage in Samarkand in the 16th–17th Centuries. *Bulletin of the International Institute of Central Asian Studies*. Iss. 9, 2009, pp. 23–32. (In Russian)
47. Khazanov A.M. *Nomads and the outside world*. 3rd edition. Almaty: Dayk-Press, 2002. 604 p. (In Russian)
48. Khaydar Mirza Mukhammad. *History of Rashid*. Translation from Persian, introduction, notes and pointers by A.Urunbayev, R.P. Dzhililova, L.M.Yepifanova. Tashkent, 1996. 656 p. (In Russian)
49. Khorezmi. *Mukhabbat-name*. Transcription, translation, notes and pointers by E.Nadzhip. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1961. 275 p. (In Russian)
50. Chekhovich O.D. From sources on the history of Samarkand of the 15th century. *From the history of the Ulugbek era*. Tashkent, 1965, pp. 300–361. (In Russian)
51. Masterpieces of architectural epigraphy of Uzbekistan. Toshkent: O'zbekiston, 2011. 564 p. (In Russian)

52. Blair, Sheila S., and Jonathan M. Bloom. *The art and architecture of Islam 1250–1800*. Yale University Press, 1995. 368 p.
53. Blair, Sheila. Muslim-style Mausolea across Mongol Eurasia: Religious Syncretism, Architectural Mobility and Cultural Transformation. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 62, no. 2–3 (2019), pp. 318–355.
54. DeWeese, Devin. The Eclipse of the Kubravīyah in Central Asia in: *Iranian Studies*, Vol. 21, no. 1/2, Soviet and North American Studies on Central Asia. 1988, pp. 45–83.
55. DeWeese, Devin. Bābā Kamāl Jandī and the Kubravī Tradition among the Turks of Central Asia. *Der Islam* 71.1. 1994, pp. 58–94.
56. DeWeese, Devin. “Persian and Turkic from Kazan to Tobolsk: Literary Frontiers in Muslim Inner Asia”, in Green, Nile (ed.). *The Persianate World: The Frontiers of a Eurasian Lingua Franca*. Berkeley: California University Press, 2019, pp. 131–55.
57. Eckmann, János. Doğu Türkçesinde bir Kur’an çevirisi (Rylands nüshası). *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten* 15. 1967, pp. 51–69. (In Turkish)
58. Erkinov, Aftandil. The Poetry of the Nomads and the Shaybani Rulers in the Process of Transition to a Settled Society. In *Central Asia on Display: Proceedings of the VIIIth Conference of the European Society for Central Asian Studies*, vol. 1, p. 145. LIT Verlag Münster, 2004, pp. 145–150.
59. Golombek, L., Wilber, D. *The Timurid Architecture of Iran and Turan*. Vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1988. 848 p.
60. Levi, Scott Cameron, and Ron Sela, eds. *Islamic Central Asia: an anthology of historical sources*. Indiana University Press, 2010. 318 p.
61. Lowick, N.M. Shaybānid silver coins. *The Numismatic Chronicle* no 6. (1966), pp. 251–330.
62. Malikov A. “92 Uzbek Tribes” in Official Discourses and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 515–532. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.515-532.
63. Malikov A. The cultural traditions of urban planning in Samarkand during the epoch of Timur In: *Cultures in contact. Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission*. Edited by Christoph Baumer, Mirko Novák and Susanne Rutishauser. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 2022, p. 407–420.
64. McChesney, R.D. Shibanids. *Encyclopedia of Islam*, vol. 9, Leiden, 1997, pp. 428–431.
65. McChesney, Robert D. The Chinggisid restoration in Central Asia: 1500–1785. *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*. Edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, and Peter B. Golden. Cambridge University Press, 2009, pp. 277–302.
66. Melville, Charles. Akbar’s History of the Timurids. *Iran*, 2021, 59:2. pp. 203–224, DOI: 10.1080/05786967.2021.1911735
67. Schimmel, Annemarie. Some Notes on the Cultural Activity of the First Uzbek Rulers. *Journal of the Pakistan Historical Society* 8, no. 3 (1960): 149–166.
68. Schwarz, Florian. “Unser Weg schließt tausend Wege ein”: *Derwische und Gesellschaft im islamischen Mittelasien im 16. Jahrhundert*. (Islamkundliche Untersuchungen, 226). Berlin, Klaus Schwarz, 2000. 270 p. (In German)
69. Schwarz, Florian. An Endowment Deed of 1547 (953 h.) for a Kubravi khanaqah in Samarkand. *Die Grenzen Der Welt. Arabica et Iranica ad honorem Heinz Gaube* 189. 2008, pp.189–210.
70. Subtelny, Maria Eva. Socioeconomic Bases of Cultural Patronage under the Later Timurids. In *International Journal of Middle East Studies* 20, no. 4, 1988, pp. 479–505.
71. Subtelny, Maria Eva. The Timurid Legacy: A Reaffirmation and a Reassessment, *Cahiers d’Asie centrale* [Online], 3/4 | 1997, connection on 14 November, 2019. Available at: <http://journals.openedition.org/asiacentrale/462>

72. The travels and adventures of the Turkish admiral Sidi Ali Reis in India, Afghanistan, Central Asia and Persia during the years 1553–1556. Translated from Turkish, with notes by A. Vambery. London, 1899.

73. Zülfikar, Hamza. “Çağatayca bir Kuran tefsiri.” *Türkoloji Dergisi* 6, no. 1. 1974, pp.153–195. (In Turkish)

About the author: Azim Malikov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Asian Studies, Faculty of Arts, Palacky University Olomouc (26, Svoboda Str., Olomouc 77900, Czech Republic); ORCID: 0000-0002-0173-2014. E-mail: azimmal2018@gmail.com

*Received January 13, 2023 Accepted for publication March 2, 2023
Published March 29, 2023*

ЭВОЛЮЦИЯ ДИСКУРСОВ О ПОКОРЕНИИ СИБИРИ В ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

С.А. Чернышов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Российская Федерация
1502911@mail.ru*

Цель исследования: систематизация и факторный анализ эволюционирующих представлений о покорении Сибири в локальной исторической памяти Пермского региона с конца XVI в. по настоящее время.

Материалы исследования: архивные материалы, материалы личного происхождения пермских краеведов, журналистов, историков, педагогов, интеллигенции, фольклорные материалы, материалы СМИ разных эпох, краеведческие работы и локальные учебные пособия Пермского региона.

Научная новизна: на основе впервые вводимых в научный оборот краеведческих и личных материалов анализируется традиционно воспринимаемая в исторической науке как незначительная проблематика локальной исторической памяти о присоединении Сибири. Региональное измерение «коллективной памяти» о «Сибирском взятии» является нетрадиционным для сибириеведения и может быть по аналогии выполнено в других значимых для этого процесса регионах.

Результаты исследования: несмотря на то, что Пермский регион является «плацдармом» для покорения Сибири и символической границей «Русского мира» и «Зауралья», гипотеза о системообразующем значении мифа о «Сибирском взятии» для конструирования локальной идентичности не нашла своего подтверждения. В локальной исторической памяти Пермского региона о присоединении Сибири можно выделить несколько взаимозависимых дискурсов. Первый – героизация Ермака, которая вначале претерпевает влияние реакции на борьбу правительства с «казачьей вольницей», но к началу XX в. наделяет атамана чертами локального народного героя, а сам его поход – всеобщим делом местных жителей. Второй – дискурс о роли Строгановых, развернутый в 1830-е годы Ф.А. Волеговым, переживший советскую идеологизацию («Строгановы против народа»), испытавший незначительный всплеск в 1990-е годы, но в целом так и не являющийся доминирующим. Отдельным дискурсом следует считать репрезентацию покорения Сибири в работах местной интеллигенции, которые, с одной стороны, начиная с конца XIX в. отмечают незначительное внимание Москвы к роли Пермского региона в покорении Сибири (что можно считать типичным колониальным дискурсом), однако и они сами не рассматривают «Сибирское взятие» как сколько-либо значимый фактор региональной истории. В целом в дискурсах локальной исторической памяти Пермского региона о покорении Сибири фокус внимания смещен от событий к конкретным героям, а ретроспективная интерпретация их подвигов имеет скорее «народный», нежели государственный характер.

© Чернышов С.А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Ермак, Строгановы, присоединение Сибири, Пермский край, краеведение, локальная историческая память

Для цитирования: Чернышов С.А. Эволюция дискурсов о покорении Сибири в локальной исторической памяти // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 167–180. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.167-180 EDN: NRQKDK

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002\19.

EVOLUTION OF DISCOURSES ON THE CONQUEST OF SIBERIA IN LOCAL HISTORICAL MEMORY

S.A. Chernyshov

*National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation
1502911@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* Systematization and factor analysis of evolving ideas about the conquest of Siberia in the local historical memory of the Perm region from the end of the 16th century to the present.

Research materials: The research draws upon archival materials, materials from local historians, journalists, historians, teachers, and intellectuals, folklore materials, media materials from different eras, local history works, and local teaching aids from the Perm region.

Novelty of the research: Based on the introduction of previously unpublished local history and personal materials, the study examines local historical memory about the annexation of Siberia, which has been perceived as an insignificant topic in historical science. The regional dimension of the “collective memory” of the “Conquest of Siberia” explored in this research can be applied to other regions significant for this process.

Results of the research: Although the Perm region served as a “springboard” for the conquest of Siberia and is a symbolic border between the “Russian World” and the “Trans-Urals,” the research does not confirm the hypothesis about the system-forming significance of the myth of the “Siberian capture” for the construction of local identity. The study identifies several interdependent discourses in the local historical memory of the Perm region regarding the annexation of Siberia. The first discourse is the glorification of Yermak, initially influenced by the government's struggle with the “Cossack freemen,” but by the beginning of the 20th century, Yermak was endowed with the features of a local folk hero, and his campaign was a common cause of local residents. The second discourse is the role of the Stroganovs, which was developed in the 1830s by F.A. Volegov, survived the Soviet ideologization, and experienced a slight surge in the 1990s, but is not dominant overall. The third discourse emerged in the late 19th century and is a representation of the conquest of Siberia in the works of the local intelligentsia. They note Moscow's insignificant attention to the role of the Perm region in the conquest of Siberia, which can be considered a typical colonial discourse, but they themselves do not regard the “Siberian conquest” as a significant factor in regional history. In general, the discourses of the local historical memory of the Perm region about the conquest of Siberia shift the focus of attention from events to specific heroes, and the retrospective interpretation of their exploits is more of a “folk” rather than a statist character.

Keywords: Ermak, Stroganovs, annexation of Siberia, Perm region, local history, local historical memory

For citation: Chernyshov S.A. Evolution of Discourses on the Conquest of Siberia in Local Historical Memory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 167–180. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.167-180 (In Russian)

Financial Support: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 19-39-60002\19.

Введение

Локальная историческая память как форма осмысления и реконструирования прошлого традиционно считается малозначимым материалом в противовес академической исторической науке, а интерес к ней связывается с кризисом историзма и доминированием постмодернистских тенденций в исторической науке [25, с. 13]. Филологи, фольклористы, культурологи, занимающиеся анализом народных преданий, воспринимают их, как правило, как лубочные тексты, имеющие мало отношения к комплексному восприятию исторической действительности. Вместе с тем, архетипичные исторические метафоры, мифологемы как специфический способ организации мировосприятия, эволюция устойчивых интерпретационных практик на протяжении столетий – все это имеет значение не только как самостоятельный объект исследования, но и как контекстуальная рамка репрезентации прошлого в контексте настоящего.

Присоединение Сибири к Русскому государству, начавшееся в конце XVI в., само по себе является малоизученной темой со значительными источниковыми пробелами. На этом фоне локальная историческая память о присоединении Сибири имеет значительное пространство для интерпретаций полупоэтических героев и событий, что обуславливает особый исследовательский интерес к ее изучению.

Целью настоящей работы является систематизация и факторный анализ эволюционирующих представлений о покорении Сибири в локальной исторической памяти Пермского региона с конца XVI в. по настоящее время. Эта территория выбрана в качестве локальной рамки исследования как исторический «плацдарм» для покорения Сибири, будучи местом расположения вотчин Строгановых, из которых начался поход Ермака, а также символической границей между «Россией» и «Сибирью». Начиная исследование обозначенной проблематики, мы полагали, что эти два фактора должны стать основой для многоаспектных дискурсов о присоединении Сибири в локальной исторической памяти.

Методологической базой исследования являются несколько концептуальных оснований. Мы рассматриваем исторический факт как неразрывную связь события и коммуникативного акта по поводу случившегося, что находится в русле модели коммуникаций Ю.М. Лотмана. В этом смысле, реально протекающий процесс неизбежно, в любом формате коммуникаций (будь то академические или краеведческие интерпретации) неизбежно заменяется его моделью, «ретроспективной трансформацией» [17, с. 32]. Одно из свойств такой трансформации – линейная интерпретация разрозненных фактов, которые в результате ретроспективного осмысления становятся стройной и логически выверенной картиной произошедшего. Историческую память мы

понимаем, таким образом, как один из возможных способов конструирования (репрезентации) людьми своего прошлого. При этом, в отличие от автора термина Мориса Хальбвакса, локальная историческая память рассматривается нами в более современных интерпретациях: как явление не психологическое, но социальное.

В основе материала для интерпретации исторической памяти лежит некоторый набор исторических случайностей, которые имеют теоретически неограниченное количество вариантов реконструкции мифа. При этом понятия «миф», «идеологема» и иные аналогичные мы вслед за А. Ассман, К. Маннгеймом и другими авторами рассматриваем как синонимичные по отношению к «локальной памяти» и «коллективной памяти». В условиях необходимости интерпретации набора исторических случайностей неизбежно возникает проблема субъектности и характеристик интерпретатора. Как и любой другой акт коммуникации, историческая память не может быть объективна: «она видит события единственно в перспективе собственных интересов; она не терпит многозначности, редуцируя события до мифологических архетипов» [1, с. 38]. Каждое новое поколение при этом, с одной стороны, формулирует собственную позицию, с другой стороны – является преемником по отношению к устойчивым парадигмальным установкам прошлого.

Учитывая временные рамки исследования (конец XVI в. – настоящее время), мы, хотя и декларируем возможность анализа коммуникативных практик разных эпох на одинаковых методологических основаниях, не можем игнорировать технологические особенности практик памяти: от дописанных (локальных, этнических), до смешанных (балансирующих между устной и письменной) к современным формам технологической интерпретации прошлого [15, с. 82]. Таким образом, для целей настоящего исследования мы выделяем несколько свойств локальной исторической памяти: она рассматривается нами как социальная конструкция, она функциональна и имеет субъектные характеристики и цель, она находится в процессе постоянной трансформации и эволюционирования даже в отношении реконструкции конкретных событий и исторических персонажей.

Источниковой базой исследования выступают документы государственного и церковного происхождения, материалы личного происхождения местных краеведов, журналистов, историков, педагогов, интеллигенции, фольклорные материалы, материалы СМИ разных эпох, краеведческие работы и локальные учебные пособия Пермского региона.

*Возникновение дискурсов о присоединении Сибири
в локальной исторической памяти Пермского региона*

Первый известный нам опыт системного осмысления и интерпретирующих коммуникативных практик о присоединении Сибири связан, прежде всего, не с локальной исторической памятью отдельных территориальных сообществ, а с усилиями официальной власти и иных центральных институтов. Например, к таковым практикам можно отнести деятельность первого сибирского архиепископа Киприана, который явно был заинтересован в создании локального церковного мифа вокруг Ермака и его дружины. Так, уже в 1636 году общегосударственное прославление казаков утверждается царем

Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом, и в том же году составляется Есиповская летопись, где казаки, в том числе, прославляются за подвиг приведения «бессурманской» Сибири к христианству. Казаки в повести – «избранники Бога, исполнители его воли, верные слуги царя» [23, с. 50]. Схожую с этой интерпретацию похода Ермака дает и Строгановская летопись, выполненная в пермских вотчинах Строгановых, – отличительной особенностью этой группы текстов «Сибирских летописей» является некоторая фокусировка на роли Строгановых в «Сибирском взятии».

Ко второй половине XVIII в. дискуссии о Ермаке и покорении Сибири уже ведутся в стенах Академии наук (так, известна дискуссия июня 1748 года о характере присоединения Сибири [5, с. 44]), в 1788 году выходит первое полноценное сочинение о Ермаке, а за весь XIX век в столицах выходит более 300 книг и статей о Ермаке и характере «Сибирского взятия» [14, с. 6]. Эти работы в целом повторяют государственно-церковные интерпретации присоединения Сибири и изображают Ермака и его дружину как православное войско, выполняющее волю московского правительства. Примечательно, что в этот же период в архивах Чердыни, Соликамска, Кунгура, даже Перми и Екатеринбурга исследователи насчитывают всего не более десятка тематических записей о походе Ермака и присоединении Сибири [3, с. 171]. Таким образом, необходимо зафиксировать, что вплоть до второй половины XIX в. дискурс о «Сибирском взятии» не является сколько-нибудь значимым для локальной исторической памяти Пермского региона.

О том, каким образом в интерпретационных практиках локальной памяти первых столетий после похода Ермака фиксируются эпизоды присоединения Сибири, мы можем судить только по опосредованным данным, искаженным к тому же более поздними толкованиями. Так, самые ранние народные предания, зафиксированные фольклористами, относятся еще к концу XVI в. [8, с. 14] – в них поход Ермака интерпретируется как поиск «земли обетованной», «казачьей вольницы» и в целом – борьба за «счастье народное». Однако, по мнению Т.И. Тумилевич, дошедшие до нас мотивы этих преданий испытали существенное влияние известных контекстуальных событий следующих двух столетий: Булавинское и Разинское восстание, передача Донской области из ведения Посольского приказа к военному ведомству, введение Донской области в общую систему имперского правления, и так далее вплоть до указа 1802 года о 30-летней казачьей службе и окончательного превращения донского казачества в военное сословие [27, с. 5]. Факторный анализ генезиса отдельных мотивов локальной исторической памяти не входит в круг задач настоящего исследования, однако отметим, что на этом фоне Ермак с дружиной и их поход в Сибирь естественно видится как едва ли не единственный пример «золотого века», безоговорочной и триумфальной победы над могучим врагом. То есть, дискурс «поход Ермака как воплощение «золотого века» казачества» нельзя в полной мере воспринимать как интерпретационные практики о присоединении Сибири. Скорее на материалах «Сибирского взятия» народное мифотворчество интерпретирует совсем другие, не относящиеся к Сибири проблемы.

Вместе с тем, нельзя однозначно утверждать, что отсутствие зафиксированных свидетельств осмысления присоединения Сибири в локальной исторической памяти в рассматриваемый период означает отсутствие интереса к этим событиям как такового. В пользу этого тезиса говорит, в частности,

локальная топонимика: уже в начале XVII в. на Урале отмечают наличие десятков и сотен скал, камней и пещер, названных в честь Ермака или связанных с ним иным образом. В дальнейшем к этой «топонимической сакрализации» примешиваются и религиозные мотивы: по народным сказаниям, Ермаку достаточно было нарисовать на скале крест или сделать крест из дерева, помолиться – и свершится «божья кара» [29, с. 186]. Локальный интерес к походу Ермака в такого рода свидетельствах зафиксировать можно, а вот интерпретировать его, и тем более выделить в нем отдельные дискурсы – гораздо сложнее.

Если же говорить о достоверно зафиксированных свидетельствах первых локальных интерпретаций присоединения Сибири (исключая ограниченные по своей аудитории и опубликованные для широкой публики Г.И. Спасским только в 1820-е годы «Сибирские летописи» и отдельные церковные тексты), то таковые следует отнести к концу XVIII – первой половине XIX в. Уже в конце XVIII в. в локальных текстах упоминается о том, что Строгановы подавали «плохой пример», «правдами и кривдами расширяя свои огромные владения»¹. В другой рукописи Строгановы рассматриваются как дельцы, предприниматели, «вольные граждане», которые «правили в своих имениях во принципам вольного Новгорода»².

Первая попытка даже не систематизации, а сбора первичных сведений о локальных дискурсах по поводу «Сибирского взятия» в Пермском регионе принадлежит управляющему пермскими имениями Строгановых Ф.А. Волегову. Его деятельность на этом поприще, по существу, решает две задачи: с одной стороны, он пытается разыскать местные архивные материалы о походе Ермака и связанных с этим событиями, с другой стороны, он выступает как публицист и апологет «строгановской» версии покорения Сибири. В деле поиска сведений в локальных архивах больших успехов Волегов не добивается: в 1830-е годы он отправляет десятки запросов в уральские города и заводы о Строгановых и Ермаке, и ему традиционно отвечают, что никаких сведений об этом нет³.

Как публицист и идеолог «строгановской» версии покорения Сибири, пожалуй, Волегов более успешен. Так, в своей рукописи «Исторические записки (сведения) о Строгановых» 1827 года, Волегов настаивает, что Строгановы были готовы самостоятельно защищать Пермские земли от сибирских набегов, при этом они максимально соблюдали субординацию, прося у царя «ни войска, ни оружия, ни денег; требовали единственно жалованной грамоты на землю»⁴. В 1855 году он критикует книгу Небольсина «Покорение Сибири», сетуя, что «Г. Небольсин желал изгнать имя Строгановых из истории покорения Сибири, хотел представить дело в новом виде»⁵. К Волегову обращаются столичные публицисты с просьбами о консультациях – так, в его архивах осталось письмо князя Василия Голицына, который просит дать статскому советнику Павлу Петровичу Ильину информацию для готовящегося исторического романа «Ермак»⁶.

¹ ГАПК. Ф. р973. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

² ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1136.

³ ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Л. 16.

⁴ ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

⁵ ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

⁶ ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

*Эволюция дискурсов локальной исторической памяти
о присоединении Сибири в XX в.*

Вплоть до начала XX в. мы можем отследить только эпизодические проявления локального осмысления похода Ермака и присоединения Сибири – несмотря на то, что Пермский регион тесно связан с этими событиями. В рассматриваемый период следует зафиксировать отсутствие локальных документов, иных зафиксированных коммуникативных практик (за исключением специфических топонимических данных), и в целом – отсутствие интереса к полноценному народному мифотворчеству по этому поводу. Поход Ермака и покорение Сибири в этот период в локальной памяти точно фиксируются, но практически никак не осмысляются как самостоятельное законченное деяние (исключение – осмысление в русле государственно-церковной парадигмы и идеи «казачьей вольницы»).

Качественно иной период наступает в конце XIX – начале XX вв. Во-первых, ренессанс переживает образ Ермака, который становится безусловным народным героем. П.И. Небольсин, ехавший из Петербурга в Барнаул в середине XIX в. отмечает, что «в Тобольской и Пермской губернии нет зажиточного дома, в котором бы не висело Ермакова портрета, или на холсте, или на дереве, а большею частию на железе, на подносах» [26, с. 188]. Фактически, все осмысление покорения Сибири в локальной исторической памяти сводится к Ермаку и его походу [19]. Образ Ермака окончательно становится легендарным. Вот что писала Капитолина Михайловна Керкина 1896 года рождения: «о Ермаке я знаю только то, что бабушка рассказывала: по Чусовой плыли лодки, а в них сидели в красных рубахах гребцы...» [20, с. 36]. Ермак становится героем свадебных песен [30, с. 189]. Он подлинно былинный богатырь, совершающий десятки и сотни удивительных поступков в самых разных локациях – конечно, большинство из них полупоэтические. Василий Иванович Немирович-Данченко, побывавший на Урале в 1875 году, писал: «Расспросишь и окажется, что легендарный герой наш должен был жить по крайней мере триста лет» [6, с. 118].

Во-вторых, идея похода в Сибирь как общеказачьей акции переосмысливается и становится достоянием, совместной акцией локального сообщества. Ермак – свой, местный житель, которому помогают жители пермских деревень, таким образом покорение Сибири мыслится уже не как масштабная акция общенационального масштаба, а как локальное, народное событие. Об этом, в частности, говорится в сказе «Ермаковы лебеди» уральского писателя П.П. Бажова: «Так, говоришь, из Донских казаков Ермак был? Приплыл в наши края и сразу в сибирскую сторону дорогу нашёл? Куда никто из наших не бывал, туда он со своим войском по рекам доплыл? Ловко бы так-то!» [10, с. 87]. А основатель Краснослудской начальной школы П.Ф. Башкирцев рассказывает легенду о нападении на чувовские селения сибирских татар, в ответ на которое Ермак и собирает свою дружину, в том числе, из «местных мужиков» [7, с. 108]. Старожил В. Некрасов сообщал, что «помнит он, как хранили в семье Охранную Грамоту Строгановых на имя предка их Вяткина за то, что в поход Ермака обувал он дружинников перед дальней дорогой» – было сшито 100 пар обуви, и когда дружина проплывала в Сибирь мимо их дома, на прощание они «палили из пушки» [9, с. 23].

Наконец, свой собственный дискурс формирует и местная интеллигенция, и ее идеи существенно отличаются от традиционных (хотя и существенно переосмысленных) народных мифологем. Ключевой посыл местных журналистов, педагогов, общественных и политических деятелей – это восстановление исторической справедливости и локальная сатисфакция. Вот характерный текст И.Я. Кривошекова, изданный в Перми в 1917 году: «Царскими наградами за покорение Сибири были отмечены сами победители и содействовавшие им материально солепромышленники Строгановы, но и Пермь Великая и ни вообще жители Прикамья не только не получили за содействие и участие в покорении Сибири царского спасибо, но и поныне историками не признается, что Россия обязана им расширением своих пределов за Каменным поясом (ныне Уралом)»⁷. Важно, что у местных историков этого периода совершенно отсутствует идея преемственности «золотому веку», отчетливо выраженному в народной памяти. Так, пермский краевед, составитель «Пермской летописи» В.Н. Шишонко не только не возводит городскую историю ко временам Ермака и Строгановым, но и в своих письмах, выписках и других рабочих бумагах не упоминает ни одну из тем, связанную с покорением Сибири⁸ – этот исторический эпизод, по всей видимости, его совершенно не интересовал.

Советский период немного добавил к развитию локальных дискурсов о покорении Сибири. В эти десятилетия можно говорить лишь об очередном проецировании актуальной повестки настоящего на события прошлого. Если во второй половине XVII в. поражение народных восстаний привело к переложению на покорение Сибири образов «казахьей вольницы», то в XX в. господствующее идеологизированное представление об историческом процессе сделало из Ермака борца против капиталистов и бояр. А Строгановы, естественно, оказались вообще не у дел. Больше того, им в очередной раз пеняли на умаление государственных интересов в угоду частным интересам: «вместо того, чтобы отразить нападение [в 1581 году сибирских татар], Строгановы направили имевшуюся в их распоряжении казачью дружину атамана Ермака Тимофеевича для грабежа Сибирского ханства, оставшегося без воинства»⁹ (характерный текст местного краеведа Е.Н. Шумилова).

Локальная историческая память в советский период фиксирует, по существу, только две мифологемы по поводу покорения Сибири. Первая: «Ермак против царизма и капиталистов за простой народ». Вот характерная запись воспоминаний жителя деревни Мартьяново С.Д. Турланова, сделанная в 1959 году: «Ермак против помещиков, капиталистов, богачей был. Он был завоеватель Сибири. Жил в камню. Он от царизму скрылся. А потом царю угодил. Ермак был человек, полководец. Командиром был крестьян» [4, с. 117].

И вторая, лубочная, существующая в разных вариациях, в основном сказочно-былинного характера. Покорение Сибири здесь – далекое полуполюгендарное событие, малоизвестное и несущественное для современности. Вот два совершенно разных текста. Первый – воспоминания жителя деревни Пермьяково И.Г. Пермьякова (записаны в 1959 году): «сам Ермак-то был русский человек был, и дружина у него русская, а в дружине всего 12 человек. Зато все богатыри, только котомка у каждого четыре пуда тянула, да посчи-

⁷ ГАПК. Ф. р973. Оп. 1. Д. 43. Л. 34.

⁸ ГАПК. Ф. 321. Оп. 1. Д. 195.

⁹ ГАПК. Ф. р-1751. Оп. 1. Д. 257. Л. 28.

тай кольчуга, шлем» [4, с. 119]. Второй – стихотворение пермского поэта – шестидесятника В. Радкевича «Я – с Урала»: «Была Москва щедра и широка / При мне с какой-то непонятной лаской / Одни припоминали Ермака, / Другие – корпус танковый уральский» [24, с. 7]. Представляется, что эти тексты передают схожий смысл: покорение Сибири не является актуальной темой для осмысления и относится к былинному локальному прошлому.

*Современные локальные дискурсы о покорении Сибири
(конец XX – начало XXI в.)*

Современный период воскрешает в общественном дискурсе практически все мифологемы прошлых столетий о покорении Сибири – религиозную, народную, противостоящую государству, а также формулирует совершенно новые паттерны, явно перекликающиеся с актуальной повесткой дня конца XX – начала XXI вв.

Примечательно, что локальное академическое сообщество фактически все также не рассматривает присоединение Сибири в контексте преемственности местной исторической ретроспективы. Этот эпизод не является для местных авторов ни «мифом основания», ни основой для конструирования локальной идентичности – словом, поход Ермака, как и в начале XX в., для местной интеллигенции является второстепенным историческим эпизодом. Так, в книге «Пермистика» – одном из первых трудов, претендующих на комплексное академическое осмысление локальной исторической ретроспективы (по аналогии с «Москвоведением» и иными аналогичными подходами), Пермь представлена преемницей чуди и финно-угорских народов, про покорение Сибири не упомянуто вовсе, про Строгановых говорится лишь вскользь [2]. В учебнике для вузов «История Урала», изданном в Пермском университете в 2007 году, формулируется в целом классическая версия о ролях Строгановых и Ермака в присоединении Сибири, причем история самих промышленников описана в параграфе «Строгановы на Урале», а присоединение Сибири рассматривается в параграфе «Продолжение колонизационных процессов в XVI в.», наряду с присоединением Казани и Башкирии [11]. То есть, для локального академического знания покорение Сибири не входит в круг существенных исследовательских проблем.

Напротив, в локальной исторической памяти происходит возврат к прошлому интерпретационному опыту: Ермак, Строгановы, покорение Сибири в целом в осмыслении местных краеведов, учителей, поэтов и писателей как бы снова проходит все прошлые этапы – от религиозно-мистического дискурса к безусловной народной любви. Появляются новые псевдорелигиозные локации, посвященные Ермаку и его дружине – например, музей Ермака в окрестностях города Чусовой, где покорение Сибири воспроизведено в иконописной манере [21, с. 259]. Возрождаются или появляются новые ритуалы: 1 сентября в Верхне-Чусовских городках начинают отмечать «день проводов в Сибирь дружины Ермака». В 1998 году там была открыта очередная памятная плита, на которой написано «Отсюда православная Россия шагнула сквозь Уральские хребты», а мэр города на открытии плиты пообещал воздвигнуть здесь «огромный групповой монумент Ермаку Тимофеевичу, Максиму Строгановы и Спиридону Сорокину, с которым ушли из Городков 154 земляка» [9, с. 21].

С начала 1990-х годов возрождается интерес к исторической роли Строгановых в локальной героической жизни. В 1992 году в Пермской художественной галерее открылась конференция, посвященная 500-летию деятельности Строгановых на Урале. Как пишет местный краевед Т.Г. Эйриян, «долгая завеса приоткрылась, был поднят для широкого обсуждения огромный пласт жизни» [31, с. 105]. Пермские краеведы еще в начале 2000-х годов предлагали даже ввести в школах специальный курс «Торгово-промышленный дом Строгановых в истории России» [18, с. 28]. А в локальных методических материалах для учителей истории предлагалось использовать на уроках задания вроде такого: «Что было бы, если бы Иван Грозный в 1558 году отказал Строгановым в просьбе о пожаловании прикамских земель?» [12, с. 168]. Типичным для локального осмысления покорения Сибири начала XXI в. представляется следующий текст: «покорение Сибири Ермаком (на это они [Строгановы] получили благословение самого царя Ивана Грозного) – историческая веха огромного значения. Это событие можно сравнить по значимости лишь со свержением татаро-монгольского ига и реформами Петра Великого» [32, с. 89].

Ермак в конце XX века – снова «наш земляк» [20, с. 159], который «оказался дальновиднее и мудрее самого царя Ивана Грозного, думы боярской, самого правительства московского» [16, с. 27]. В очередной раз в народных мифологемах возрождается образ «вольницы», противостояния с государством и поиска «народной свободы». Вот пример характерного «народного» стихотворения местного автора А. Пинаева конца 1990-х: «Казачи конец добыли / Ермаком ведомы были / Собрались в большую рать, / Волю ездили искать. / За горами на востоке / Хан Кучум засел жестокий, / Шли Кучума победить, / Чтоб Ивана укрепить» [22, с. 50].

В начале XXI в. появляются и другие сюжеты, не просматривающиеся явно в предыдущие периоды. У части авторов религиозные и народнические мифологемы вырождаются в акценты, характерные для русского национализма конца XX в.: «главный итог похода Ермака – его пример помогает распрямиться русским, которых в последние годы слишком часто принуждали извиниться» [28, с. 20]. Наконец, расплывчатый героизированный образ Ермака оказывается удивительно подходящим для интерпретации в контексте образов «лихих 90-х». Вот характерная цитата из пермской деловой газеты «Компаньон» начала 2000-х: «Ермак – бандитский пахан (...) Не исключено, что он до сих пор склоняется по Уралу и Сибири, меняя фамилии, присасываясь к рентабельным предприятиям и время от времени погибая от пуль киллеров. Приглядитесь к своим партнерам по бизнесу, не таится ли в их глазах усталость бесконечного существования вне жизни и смерти?» [13, с. 12].

Заключение

В настоящем исследовании мы ставили цель структурировать основные дискурсы о присоединении Сибири в локальной исторической памяти Пермского региона. Сформулированная в начале исследования гипотеза о том, что для Пермского региона как «плацдарма» для покорения Сибири тематика похода Ермака и «Сибирского взятия» в целом должна являться если не доминантой, то одним из оснований для конструирования локальной идентичности, не подтвердилась. На основе анализа архивных и краеведческих материалов, материалов личного происхождения можно выделить несколько дис-

курсов о присоединении Сибири. Доминирующий – это героизация Ермака. Начавшаяся практически сразу после похода, она испытала на себе влияние реакции на борьбу правительства с «казачьей вольницей», к началу XX в. наделила Ермака чертами локального народного героя, а сам его поход – всеобщим делом местных жителей. В советский период присоединение Сибири осмыслялось либо в идеологическом ключе (Ермак – борец против угнетателей «простого народа»), либо как малозначительный полуполюгендарный факт локальной истории.

Отдельной сюжетной линией в локальных дискурсах является интерпретация роли Строгановых. Несмотря на то, что Пермский регион – вотчина Строгановых, откуда и начался поход Ермака, этой фамилии уделяется предельно незначительное внимание как в XIX веке, так и в нынешний период – после незначительно всплеска интереса в 1990-е годы.

Наконец, собственные дискурсы – у локальной интеллигенции. Начиная со второй половины XIX в. представители местного академического сообщества, журналисты, общественно-политические деятели отмечают незначительное внимание Москвы к роли Пермского региона в покорении Сибири (что можно считать типичным колониальным дискурсом), однако и они сами не интерпретируют покорение Сибири в качестве «мифа основания» или иных практик, конструирующих локальную идентичность. Фактор Сибири не является для пермского академического сообщества сколько-либо значимым – и в этом их позиция сходится с «народными» дискурсами, где фокус внимания смещен от событий к конкретным героям, а ретроспективная интерпретация их подвигов имеет скорее былинный, «богатырский», «народный», нежели государственнический характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
2. Баньковский Л.В. Пермистика. Пермь: [Б. и.], 1991. 109 с.
3. Блажес В.В. Уральские предания о Ермаке // Вопросы теории и истории литературы. Ученые записки. Сборник 107. Нижний Тагил: [Б. и.], 1966. С. 171–188.
4. Блажес В.В. Фольклор Урала. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2002. 186 с.
5. Введенский А.А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киевского государственного университета. 1949. №2. С. 5–44.
6. Власова Е.Г. Ермак как произведение уральского ландшафта (на материале сылвенского сюжета уральской мифологии о Ермаке) // География и туризм. 2018. №1. С. 113–117.
7. Вылежнев Ю.Г. По следам Ермака // Календарь-справочник Пермской области. Пермь: [Б. и.], 1963. С. 107–110.
8. Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. 152 с.
9. Дубинкина Н.И. Ермак в памяти народной // Материалы краеведческих Коноваловских чтений. Вып. 4. Березники, 2001. С. 21–26.
10. Ермаковы лебеди (из уральских сказов известного русского писателя П.П. Бажова) // Быль Чусовских Городков: краеведческий сборник. Пермь: Изд-во «Пушка», 2012. С. 87–108.

11. История Урала до конца XIX века: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. 153 с.
12. Калинина И.А. История рода Строгановых в курсе преподавания исторического краеведения в школе // Вопросы истории и культуры Пермского прикамья: «Строгановские чтения». Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники, 2004. С. 167–172.
13. Копейщиков П. Неустанный караул // Компаньон. 2001. №3. С. 12.
14. Кузнецов Е.В. Библиография Ермака. Тобольск: [Б. и.], 1891. 33 с.
15. Ле Гофф Ж. История и память. М.: РОССПЭН, 2013. 303 с.
16. Легендарный Ермак Тимофеевич. Краеведческое пособие. Кунгурский район: МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека Кунгурского муниципального района», 2016. 28 с.
17. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис, 1992. 272 с.
18. Мосунова Т.Г., Полозкова Ю.А. «Строгановы в судьбе России» как вариант элективного курса в историческом цикле школ и вузов // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники, 1995. С. 27–28.
19. Никулина Н.В. Ермак: история имени (самостоятельный поиск краеведа) // Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 3. Пермь, 2001. С. 159–163.
20. Никулина Н.В. Память о Ермаке // Быль Чусовских городков: краевед. сб. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 35–41.
21. Пермь и Пермский край: альбом-путеводитель. Пермь: Продюсерский центр «Траектория», 2012. 322 с.
22. Пинаев А.Н. Старый посад. Пермь: [Б. и.], 2002. 84 с.
23. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 36, ч. 1. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 381 с.
24. Радкевич В.И. Уральская лирика. Пермь: Кн. изд-во, 1968. 167 с.
25. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. Тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с. С. 11–26.
26. Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 296–317.
27. Тумилевич Т.И. Донские исторические предания о Ермаке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону: [Б. и.], 1980. 26 с.
28. Тупицын С. Ермак – легенда и реальность // Мы – земляки. 2009. № 3. С. 20–23.
29. Тъжнов И. Обзор иностранных известий о Сибири второй половины XVI века. – Сибирский сборник. Спб.: [Б. и.], 1887. 208 с.
30. Шишонко В.Н. Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Пермь: Типография губернской земской управы, 1882. 331 с.
31. Эйриян Т.Г. В поисках Строгановых // Строгановское историческое собрание. Материалы конференции «Историко-экономические аспекты развития горнозаводских вотчин Урала (XVII – начало XX вв.)». Пермь-Павловский: [Б. и.], 2012. С. 105–113.
32. Эйриян Т.Г. Строгановы и Прикамье (Заметки краеведа) // Строгановское историческое собрание. Материалы конференции историков и краеведов Пермского края (16 июня 2006 года). Пермь: Прикамский социальный институт, 2006. С. 88–95.

Сведения об авторе: Сергей Андреевич Чернышов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет (634050, проспект Ленина, 36, корпус 1, Томск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3885-7125, ResearcherID: AGY-2676-2022. E-mail: 1502911@mail.ru

Поступила 16.01.2023 Принята к публикации 02.03.2023
Опубликована 29.03.2023

REFERENCES

1. Assman A. *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. Moscow: NLO, 2014. 328 p. (In Russian)
2. Ban'kovskiy L.V. *Permistics*. Perm: [B. i.], 1991. 109 p. (In Russian)
3. Blazhes V.V. Ural legends about Yermak. *Questions of theory and history of literature. Scientific notes*. Collection 107. Nizhniy Tagil: [B. i.], 1966, pp. 171–188. (In Russian)
4. Blazhes V.V. *Folklore of the Urals*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002. 186 p. (In Russian)
5. Vvedenskiy A.A. Stroganovs, Ermak and the conquest of Siberia. *Historical collection of the Kiev State University*. 1949, no. 2, pp. 5–44. (In Russian)
6. Vlasova Ye.G. Yermak as a product of the Ural landscape (on the material of the Sylven plot of the Ural mythology about Yermak). *Geography and tourism*. 2018, no. 1, pp. 113–117. (In Russian)
7. Vylezhnev YU.G. In the footsteps of Yermak. *Calendar-reference book of the Perm region*. Perm, 1963, pp. 107–110. (In Russian)
8. Dergacheva-Skop Ye.I. *From the history of literature of the Urals and Siberia of the 17th century*. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izdatel'stvo, 1965. 152 p. (In Russian)
9. Dubinkina N.I. Ermak in the memory of the people. *Materials of local history Konovalov readings*. Iss. 4. Berezniki, 2001, pp. 21–26. (In Russian)
10. Ermakov's swans (from the Ural tales of the famous Russian writer P.P. Bazhov). *Byl Chusovsky Gorodkov: a collection of local lore*. Perm: Pushka Publishing House, 2012, pp. 87–108. (In Russian)
11. History of the Urals until the end of the 19th century: textbook. Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 2007. 153 p. (In Russian)
12. Kalinina I.A. The history of the Stroganov family in the course of teaching historical local history at school. *Questions of history and culture of the Perm Kama region: "Stroganov Readings"*. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Berezniki, 2004, pp. 167–172. (In Russian)
13. Kopeyshchikov P. The tireless guard. *Companion*. 2001, no. 3, p. 12. (In Russian)
14. Kuznetsov Ye.V. *Bibliography of Yermak*. Tobol'sk: [B. i.], 1891. 33 p. (In Russian)
15. Le Goff ZH. *History and memory*. Moscow: ROSSPEN, 2013. 303 p. (In Russian)
16. Legendary Ermak Timofeevich. Local history allowance. Kungurskiy rayon: MBUK «Mezhposelencheskaya tsentral'naya biblioteka Kungurskogo munitsipal'nogo rayona», 2016. 28 p. (In Russian)
17. Lotman YU.M. Culture and Explosion. Moscow: Gnosis, 1992. 272 p. (In Russian)
18. Mosunova T.G., Polozkova YU.A. "Stroganovs in the fate of Russia" as a variant of the elective course in the historical cycle of schools and universities. *History and culture of the provincial cities of the Perm Kama region*. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Berezniki, 1995, pp. 27–28. (In Russian)

19. Nikulina N.V. Yermak: the history of the name (independent search for a local historian). *Pages of the past: selected materials of local history Smyshlyaevsky readings in Perm*. Iss. 3. Perm, 2001, pp. 159–163. (In Russian)
20. Nikulina N.V. Memory of Yermak. *True story of Chusovoy towns: local historian*. Sat. Yekaterinburg: Publishing House Ural. un-ta, 2000, pp. 35–41. (In Russian)
21. Perm and Perm region: album guide. Perm': Prodyusserskiy tsentr «Trayektoriya», 2012. 322 p. (In Russian)
22. Pinayev A.N. *Old settlement*. Perm': [B. i.], 2002. 84 p. (In Russian)
23. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. Vol. 36, part 1. *Siberian Chronicles*. Group of the Esipov Chronicle. Moscow: Nauka, 1987. 381 p. (In Russian)
24. Radkevich V.I. *Ural lyrics*. Perm': Knizhnoe izdatel'stvo, 1968. 167 p. (In Russian)
25. Safronova YU.A. Memory studies: evolution, problems and institutional development. *Methodological issues of studying the politics of memory*: Sat. scientific Tr. Ed. by Miller A.I., Efremenko D.V. Moscow-Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018, pp. 11–26. (In Russian)
26. Soboleva L.S. “The Sovereign Ataman” Yermak Timofeevich: Vectors of Idealization. *Ancient Russian Spiritual Heritage in Siberia: Scientific Study of the Monuments of Traditional Russian Books in the East of Russia*. Novosibirsk: Publishing House of SO RAN, 2005, pp. 296–317. (In Russian)
27. Tumilevich T.I. *Don historical legends about Yermak*. Abstract of Doctoral dissertation. Rostov-na-Donu: [B. i.], 1980. 26 p. (In Russian)
28. Tupitsyn S. Ermak – legend and reality. *We are countrymen*. 2009, no. 3, pp. 20–23. (In Russian)
29. Tyzhnov I. *Review of foreign news about Siberia in the second half of the 16th century*. – *Siberian collection*. Saint Petersburg: [B. i.], 1887. 208 p. (In Russian)
30. Shishonko V.N. Fragments from the folk art of the Perm province. Perm: Tipografiya gubernskoy zemskoy upravly, 1882. 331 p. (In Russian)
31. Eyriyan T.G. In Search of the Stroganovs. *Stroganov Historical Collection*. Materials of the conference “Historical and economic aspects of the development of the mining estates of the Urals (17th – early 20th centuries)”. Perm'-Pavlovsky: [B. i.], 2012, pp. 105–113 (In Russian)
32. Eyriyan T.G. The Stroganovs and the Kama region (Notes of a local historian). *Stroganov Historical Collection*. Materials of the conference of historians and local historians of the Perm region (June 16, 2006). Perm: Kama Social Institute, 2006, pp. 88–95. (In Russian)

About the author: Sergey A. Chernyshov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Laboratory of Social Anthropological Research, National Research Tomsk State University (36, building 1, Lenin ave., Tomsk 634050, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3885-7125, ResearcherID: AGY-2676-2022. E-mail: 1502911@mail.ru

*Received January 16, 2023 Accepted for publication March 2, 2023
Published March 29, 2023*

ВКЛАД НАКИ ИСАНБЕТА В ИЗУЧЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ***М.М. Хабутдинова***

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
mileuscha@mail.ru*

Цель исследования: систематизировать сведения о вкладе татарского ученого-энциклопедиста Наки Исанбета (1899–1992) в изучение истории и культуры Золотой Орды и популяризацию знаний о ней в среде татар.

Материалы и методы исследования: материалом для изучения послужили фольклорные материалы, научные труды и литературные произведения Наки Исанбета. Мы использовали возможности культурно-исторического, семиотико-культурологического, сравнительно-сопоставительного и др. методов исследования, выбор которых определен характером анализируемого текста.

Новизна исследования состоит в комплексном изучении вклада Наки Исанбета в изучение Золотой Орды и популяризацию сведений об этом государстве в среде татар.

Результаты исследования: в работе доказано, что ученый-энциклопедист начал серьезно разрабатывать тему Золотой Орды в конце 1920-х гг. На основе анализа архивных материалов реконструирована хроника работы Наки Исанбета над созданием сводных текстов дастанов «Идукай и Мурадым» и «Идегей». Выявлена научная ценность вводных научных статей к этим текстологическим трудам и комментариев ученого-энциклопедиста. Систематизированы сведения по истории создания Н. Исанбетом трагедии «Идегей» и истории ее бытования на татарской сцене. Определен вклад фольклориста в изучение творчества чичянов Золотой Орды и популяризацию сведений об их деятельности в комедии «Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» («Рыжий насмешник и его черноволосая красавица»). Выявлена доля народных пословиц, загадок, фразеологизмов в фольклорных сборниках Н. Исанбета, нацеленных на популяризацию сведений о Золотой Орде в широкой читательской среде.

Ключевые слова: татарская литература, Наки Исанбет, Золотая Орда, татарский фольклор, татарская драматургия, сводный текст татарского народного дастана «Идегей»

Для цитирования: Хабутдинова М.М. Вклад Наки Исанбета в изучение Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 181–201. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201 EDN: NZKGGK

Благодарность: Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

© Хабутдинова М.М., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

CONTRIBUTION OF NAKI ISANBET TO THE STUDY OF THE GOLDEN HORDE

M.M. Khabutdinova

*Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
mileuscha@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* To systematize information about the contribution of the Tatar scholar and encyclopedist Naki Isanbet (1899–1992) to the study of the history and culture of the Golden Horde and the popularization of this knowledge among the Tatars..

Research materials: Folklore materials, scientific works, and literary works of Naki Isanbet served as the basis of the study. Cultural-historical, semiotic-culturological, comparative, and other research methods, chosen based on the nature of the analyzed text, were used.

Novelty of the research: a comprehensive analysis of Naki Isanbet's contribution to the study of the Golden Horde and the popularization of this information among the Tatars.

Results of the research: The work proves that this scholar and encyclopedist began to seriously develop the theme of the Golden Horde in the late 1920s. Based on the analysis of archival materials, the chronicle of the work of Naki Isanbet on the creation of consolidated texts of the dastans “Idukai and Muradym” and “Idegey” is reconstructed. The scientific value of introductory scientific articles to these textual works and his comments is revealed. Information on the history of the creation of the tragedy “Idegey” by N. Isanbet and the history of its existence on the Tatar stage is systematized. The contribution of the folklorist to the study of the work of the Chichyans of the Golden Horde and the popularization of information about their activities in the comedy “Cirān çičān belān Qaraçāç sılı” (“Red-haired mocker and his black-haired beauty”) is determined. The proportion of folk proverbs, riddles, phraseological units in the folklore collections of N. Isanbet aimed at popularizing information about the Golden Horde among a wide readership has been revealed.

Keywords: Tatar literature, Naki Isanbet, Golden Horde, Tatar folklore, Tatar dramaturgy, summary text of the Tatar folk dastan “Idegey”

For citation: Khabutdinova M.M. The Contribution of Naki Isanbet to the Study of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 181–201. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201 (In Russian)

Acknowledgements: The work was carried out as part of the implementation of the Strategic Academic Leadership Program of the Kazan (Volga Region) Federal University.

Введение

В автобиографической повести «Бэби чак» татарский ученый-энциклопедист Наки Исанбет признается, что историей татар он начал интересоваться с юности, еще в период обучения в медресе «Хасания» (Уфа), где изучал тюркскую историю по учебнику Хасана-Гата Габяши [27, с. 71]. Источники, хранящиеся в личном архиве татарского ученого, свидетельствуют о том, что вопросами истории Золотой Орды он начал заниматься профессионально в 1920–1930 гг., в годы сотрудничества с Академцентром Башнаркомпроса. В 1930–1940 гг. советская историческая наука обогатилась рядом исторических трудов, посвященных Золотой Орде и вызвавших резонанс в обществе: «Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм»

Б.Я. Владимирцова (1934) [4], «Золотая Орда: Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII – XIV вв.» Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского (1937) [5], «Монголы и Русь (история татарской политики на Руси)» А.Н. Насонова (1940) [26]. В архиве Н. Исанбета мы обнаружили конспекты этих книг. Нас заинтересовали комментарии татарского ученого-энциклопедиста, свидетельствующие о его вдумчивом прочтении этих трудов. Так, читая монографию Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского, ученый, перефразировав авторов, с горечью пишет: «Безгә: ягъни Болгар, Кыпчакларга һәм Казанга карата Россия үзе дә Европа буларак, гел генә рәхмәт укымаучы булган кебек, шул дәрәжәдә ук надан да булды». – «В отношении нас: то есть Булгар, Кыпчаков и Казани – Россия сама, как в ее отношении в свое время Европа, была столь же невежественна, сколь и неблагодарна» (*подстр. пер. здесь и далее наш – М.Х.*). Прочитав предисловие книги Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского, Н. Исанбет замечает: «Татарлар рус шәһәрләрен, чиркәү монастырьларын яндырып юк итеп бетермәгәннәр. Безгә һәм үзләренә багланышлы эсәрләре, язмалары исән калган. Безнең дә Россиядәге бер рус каласы Касыймда жирләшкән бер сателлит Ханкормәндә татар язмалары исән калган. Әмма Болгар, Казан, Сарай шәһәрләрен нигезендә яндырып, таш өстендә дә калдырмыйча, кешеләрен һәм эсәрләрен барын да үтереп, кырып бетергәннән соң, анда архитектура, язма китаплар гына түгел, ташка язылган сүзләр дә калдырылмый ваттырылган»¹ – «Татары не жгли русские города до тла, не уничтожали до основания русские церкви, монастыри. Вот почему сохранились произведения, источники той поры, в которых говорится о них и о нас. У сателлита России, в Ханкермане, в русском городе Касимове, сохранились и наши источники. А вот в Булгаре, Казани, Сарае, разрушенных огнем войны до основания, не оставляя камня на камне, вместе с населением были уничтожены литературные произведения, не сохранились ни архитектурные памятники, ни письменные источники, исчезли даже письмена, начертанные на камне» (*подстр. пер.*). Н. Исанбет с удовлетворением замечает, что Хорезм, Золотая Орда, Булгар являются очагами единой тюркской культуры².

Н. Исанбет принимал активное участие в обсуждении учебников по татарской истории и литературе. Его научная позиция оставалась неизменной и после принятия ряда постановлений на высоком уровне: Постановление ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»; Постановление Татарского обкома КПСС «Об учебнике татарской литературы для 8 класса средней школы» (от 2 сентября 1948 г.), «Об ошибках в учебнике литературы для 8 класса татарских средних школ» (от 18 января 1952 г.). Ученый всегда резко выступал против партийных установок формирования татарской идентичности, за что его не раз награждали клеймом националиста и панисламиста. Против Н. Исанбета организовывалась травля. Ученый-просветитель отстаивал концепцию о самобытном развитии национальной истории и культуры: «Минемчә, безнең Болгар, Сарай заманнарынан, Казан ханлыгы һәм аннан соң да XIX гасыр урталарынача дәвам

¹ Исәнбәт Н., Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский «Алтын Урда» китабының конспекты // Личный архив Наки Исанбета. Рукопись. С. 1, 6.

² Исәнбәт Н., Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский «Алтын Урда» китабының конспекты // Личный архив Наки Исанбета. Рукопись. С. 14.

иткән әдәбиятыбызның рус һәм европа әдәбиятына бер нинди дә диярлек катнашы юк, булмады, берсе икенчесен тудырмады, телләре чыгышлары һәм юллар ук башка булган кебек, тарихлары да мөстәкыйль булды. Бу аермалары бүгенге тәэсир һәм йогынтылар белән һәм догмалар белән буташтырырга кирәкми һәм ярамый. Идел буе Болгар-Сарайда һәм Казанда Х гасырларда ук үз жирле тамга хәрәф язмасы булып, зур әдәбият булуы, аның Шәрәк Ренессансы һәм әдәбияты белән мөнәсәбәттә туган булуы, шул ук вакытта бишенче гасырлардан калма ук төрки-хун-төрки теле белән багланышта жирле болгар, казан төркесе булып үскән булуы бәхәссез, шәһәрлек!»³. – «Я считаю, что наша литература со времен Булгара, Золотой Орды, Казанского ханства и вплоть до середины XIX в. развивалась поступательно вперед самобытно, не испытывая на себя никакого влияния русской и европейской литератур, естественно, никто не повлиял на рождение другого и пути их развития были отличны друг от друга, их история была столь же независимой, как и их языки. Сегодня нельзя вносить путаницу в трактовку этих различий, взяв на вооружение теорию взаимовлияний и другие догмы. Вне сомнения, что в городах Булгар, Золотой Орды и в Казани, начиная с X в., имелась своя самобытная художественная литература на основе оригинальной письменности, развивавшаяся под влиянием идей Восточного Ренессанса и литературы этого периода, язык волжских болгар, казанских татар сформировался на основе языка древних тюрков орхоно-хунского периода (V век)» (*подстр. пер.*). Наки Исанбет на протяжении всей своей жизни вел решительную борьбу с фальсификаторами истории татарской культуры.

Обсуждение

Наки Исанбет и башкирский эпос «Идукай и Мурадым»

В 1928 г. Н. Исанбет стал членом Башкирской комплексной экспедиции АН СССР. Среди личных документов мы обнаружили Удостоверение №225, действительное на период с 16 июля по 1 сентября 1928 г. [27]. Фольклорист работал в составе фольклорно-лингвистического подотряда под руководством известного тюрколога Н.К. Дмитриева на территории Тамьян-Катайского, Аргаяшского и Месягутовского кантонов. Свою научную работу ученый вел в тесном сотрудничестве с видным педагогом и лингвистом З.Ш. Шакировым, с которым он сблизился еще в годы учебы в медресе «Мухаммадия» (Казань) [27, с. 107–108].

Во время экспедиции Н. Исанбет записал три варианта башкирского эпоса «Идукай и Мурадым» («Идүкәй менән Морадым») [2, с. 135]. Информанты – Салим хальфа, проживающий д. Кусимово (Күсем авылы) Тамьян-Катайского кантона (Абзелиловский р-н), Бикбулатов из деревни Туркменево Зилаировского района. Третий вариант был записан в д. Нугаево (Нугай авылы – Яикбаево, Баймакский район), возможно, из уст Гали Магадиева (имя в рукописи зачеркнуто). Татарский ученый-фольклорист собранный материал классифицировал как легенды. В своих комментариях Наки Исанбет указывает, что проделал сравнительную работу с вариантами, записанными его коллегами Сагитом Мирасовым (информант – Кадиргул карт из деревни Гадильша) и Даутом Юлтыевым (информант – Батырхан карт из Туксурана). В

³ Исәнбәт Н. Фикерләр // Личный архив Наки Исанбета. Рукопись. Без даты. 3 с.

результате ученый-текстолог пришел к выводу, что варианты коллег мало чем отличаются друг от друга: «Алар минем кулымдагы вариантларга каршылык итмиләр, киресенчә, бик аз үзгәрешләр белән бер бөтендәш өлешләре булуын күрсәтәләр»⁴. – «Они не противоречат вариантам, которые оказались в моих руках, наоборот, указывают на наличие неизменного костяка, отличаются друг от друга лишь незначительными деталями» (*подстр. пер.*). Фольклорист сдал рукопись с текстом эпоса и вступительной научной статьей на арабской графике в Академцентр [27, с. 443]. В личном архиве ученого сохранились рукописи этой работы.

Текстологические комментарии ученого свидетельствуют о том, что Н. Исанбет уже в конце 1920-х гг. стремился расширить представление своих читателей о Золотой Орде. Так, в одной из ссылок фольклорист констатирует, что в башкирской версии все батыры из окружения Токтамыша, кроме Янбая, представлены как башкиры. Н. Исанбет утверждает, что в бытующих в среде башкир легендах Муйтен би (Мөйтән би) – это би, сосланный Чингиз-ханом на башкирские земли, основавший родовой союз из 12 родов. Н. Исанбет отмечает, что следы этих легенд можно обнаружить в башкирской топонимике – названиях кантонов БАССР⁵. Фольклорист в одном из комментариев дает сведения о родословной Идукая, идущей от Баба Тукласа. Формируя представление о дочери Токтамыш-хана, ученый пересказывает крымскую легенду «Хәникә кыз». В ней ханская дочь фигурирует под именем *Әнкәҗән*. В легенде рассказывается о трагической истории любви предводителя войска Саляхетдина к ханской дочери. Попутно Н. Исанбет подробно разбирает топонимические легенды Крыма, связанные с эпохой Золотой Орды. Ученый знакомит читателей с кругом книг, в которых нашел преломление сюжета о несчастной любви Нәнкәҗән и Саляхетдина: легенды и рассказы, опубликованные Гусманом Нури Акчокраклы, поэма Г. Шарафи «Нәнкәҗән» (Аң, 1917, №1), пьеса «Нәнкәҗән». На основе анализа старинной эпитафии ученый приходит к выводу, что материал легенды вступает в противоречие с историческими фактами. Н. Исанбет указывает, что имя Ханিকে встречается в труде Х. Атласи «Себер тарихь», а также в башкирском источнике «Кырык егет»⁶. Текстологические комментарии Н. Исанбета к рукописи «Идукай менән Морадым» красноречиво свидетельствуют о том, что ученый рассматривал башкирские варианты эпоса, привлекая широкий круг источников по Золотой Орде.

В 1930 г. Н. Исанбет на основе записанных вариантов подготовил сводный текст с научными ссылками. Его машинопись на латинице хранится в УФИЦ РАН⁷. В личном архиве Н. Исанбета нам удалось пока обнаружить лишь фрагменты этой рукописи. Во вступительном слове ученый сообщает, что материалом для его научного труда послужили не только записанные им в экспедиции варианты, но и отрывки из вариантов, записанных С. Мира-

⁴ Исәнбәт Н. Идүкәй менән Морадым. Текст. 36 б. Фәнни мәкалә «Идүкәй менән Морадым күсереге турысында». 24 б. // НА УНЦ РАН: Ф.3, Оп.12. Д. 232.

⁵ Исәнбәт Н. Идүкәй менән Морадым. Текст. 36 б. Фәнни мәкалә «Идүкәй менән Морадым күсереге турысында». 24 б. // УФИЦ РАН: Ф.3, Оп.12. Д. 232. С. 44–46.

⁶ Исәнбәт Н. Идүкәй менән Морадым. Текст. 36 б. Фәнни мәкалә «Идүкәй менән Морадым күсереге турысында». 24 б. // УФИЦ РАН: Ф.3, Оп.12. Д. 232. С. 53–55 б.

⁷ Idukj hэм Moradyum / Nägi Isänbät varinty. Текст. 42 b. Keres syze. 34 b. // УФИЦ РАН: Ф.3, Оп.12, Д.223; Ф.3, Оп.12, Д.225; Ф.3, Оп.12, Д.231.

совым, Даутом Юлтыевым а также пословицы тюркских народов⁸. В одном из примечаний Н. Исанбет выражает благодарность коллегам за предоставленную ему возможность поработать с этими источниками⁹. Заслуживает внимание комментарий ученого о происхождении выражения «Төкләс йорто»: «Хәзерге Өфө таузары һәм Дим буйзарында Нугай хандарынан Төкләс һәм уның балалары йәшәгән. Бында «баба Төкләс йорто» тип аталыуы шунан була кәрәк». – «На территории современной Уфы и окрестностях реки Дема из ногайских ханов жил с детьми хан Туклес. Видимо, отсюда и пошло выражение юрт Баба Туклеса» (*подстр. пер.*)¹⁰.

В сентябре 1929 г. в работе комплексной научной экспедиции наступает переломный момент. Государство стало «избавляться» от «старых специалистов». В 1929–1930 гг. «чистка» вылилась в громкие аресты по «Академическому делу». В 1929 г. было арестовано руководство, а затем рядовые сотрудники АН СССР. 12 января 1930 г. в газете «Красная Башкирия» была опубликована статья И. Шныра, анонсирующая репрессии в адрес членов Башкирской комплексной экспедиции. Автор статьи – секретарь Уфимского горрайкома ВЛКСМ, зав. орготделом Башкирского обкома ВЛКСМ, Белорецкого канткома ВКП(б) [40]. И.И. Шныра в своей публикации выразил озабоченность по поводу социального состава общества по изучению Башкирии: служащих – 56, крестьян – 75, рабочих – 4, с высшим образованием – 61, членов ВКП(б) – 34. Автор статьи был обеспокоен тем, что к Обществу примкнули антисоветские элементы в лице бывших членов валидовского правительства – 4, султангалиевцев – 3, бывшего муфтия, сына ишана, сына муфтия, бывшего члена Государственной Думы и прочие. Секретарь горрайкома призвал выметать таких людей «железной метлой», а также предупредил о грядущей «чистке» со стороны компетентных органов. Прогноз автора статьи сбился – под арест попало 1500 человек [1].

Отец Н. Исанбета был мюридом шейха Зайнуллы Расули (Троицк). Получив иджазу, Сиразетдин мулла предпочел жить за счет мелкой торговли и хлебопашества, отказавшись от ишанства [27, с. 61–62]. 30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В результате Сиразетдин мулла был раскулачен и вместе с супругой Таиба абыстай выслан в Черемхово (Иркутская обл.), где вскоре скончался. От Н. Исанбета потребовали публично отречься от отца. Ученый предпочел ограничить контакты со своими родственниками, но отречься от них не стал. Н. Исанбету пришлось отбиваться от доносов, нацеленных на разоблачение муллы из д. Малояз и его родственников. Кроме того, разгорелся скандал вокруг его пьесы «Портфель», параллельно стал набирать силу конфликт с Г. Ибрагимовым. По иронии судьбы от ареста в рамках «Академического дела» ученого спас отъезд из Уфы в Казань в декабре 1929 г. и арест по делу «Джидегян» (7.02. 1931 – 15.04. 1931).

⁸ Idukj h̄m Moradym / Nəgi Isənbət варианты. Текст. 42 б. Keres syze. 34 б. // УФИЦ РАН. Ф. 3, Оп. 12, Д. 223. 33–34 б.

⁹ Idukj h̄m Moradym / Nəgi Isənbət варианты. Текст. 42 б. Keres syze. 34 б. // УФИЦ РАН. Ф. 3, Оп. 12, Д. 223. 40 б.

¹⁰ Idukj h̄m Moradym / Nəgi Isənbət варианты. Текст. 42 б. Keres syze. 34 б. // УФИЦ РАН. Ф. 3, Оп. 12, Д. 223.

Н. Исанбет сдал рукопись сводного текста «Идукэй менэн Морадым» («Идукай и Мурадым») в Научное общество в начале 1930 г.. Судя по пометке секретаря Даута Юлтыева на титульном листе рукописи, научный труд Н. Исанбета прошел обсуждение на заседании секции языка и литературы 17 января 1930 г. По итогам заседания книгу было рекомендовано издать в Башкирском книжном издательстве, согласно Научного плана. Научный труд Н. Исанбета был передан главному редактору Г.К. Давлетшину. На протяжении десятилетия с этой рукописью работали деятели различных уровней. Так, судя по пометке зав. отдела печати Башкирского обкома ВЛКСМ Г. Амантаева от 29.12.1934, тов. Амиров к 5 января 1935 г. должен был написать вступительное слово к книге. На полях рукописи имеются пометки и замечания А. Тагирова, Г. Амантая и др.¹¹

Наряду со сводным текстом «Идукай менэн Морадым» Н. Исанбет передал в Башкирское книжное издательство рукопись своей книги «Башкорт халык әдәбияты теориясе һәм хрестоматиясе» («Теория башкирского фольклора и хрестоматия»). Однако в связи с делом «Джидегян» и репрессиями в адрес членов Башкирской комплексной экспедиции все издательские договора с Н. Исанбетом были аннулированы. Супруга писателя была вынуждена передать в собственность БАШГИЗа пианино, чтобы компенсировать предоплату гонорара, выплаченного ученому накануне его отъезда в Казань [27, с. 415]. Постановлением коллегии Башнаркомпроса во исполнение распоряжений областного комитета ВКП(б) в январе 1932 г. общество по изучению Башкирии было упразднено¹².

Сводный текст Н. Исанбета пролежал без движения в издательстве 10 лет. Ученый систематически поднимал вопрос о судьбе своего научного труда. Так, в личном архиве ученого сохранилось его «Открытое письмо» в адрес Союза писателей БАССР, где он протестует против игнорирования своего вклада в изучение творчества чичяна Фарраха Давлетшина (*Сукур Фаррах*) и интересуется судьбой своего сводного текста и научной статьи¹³. Сводный текст «Idukəj həm Moradum» увидел свет лишь в апреле 1940 г. [43]. Текст сводного текста перевел на татарский язык переводчик Максуд Сюндюкле. Машинопись на латинице объемом в 32 с. хранится в УФИЦ РАН¹⁴.

Параллельно Н. Исанбет занимался продвижением своей текстологической работы в центральные издательства. Так, в архиве писателя мы обнаружили почтовую карточку, присланную из Москвы Ахмедом Ерикеевым от 27 апреля 1933 г., где говорится, что народный эпос включен в план «Academia» – книжного издательства, выпускавшего серии «Сокровища мировой литературы», «Памятники литературного, общественного, художественного быта и искусства» [27, с. 652–653]. Поэт-переводчик был земляком Н. Исанбета, уроженцем деревни Улькунды Златоустовского уезда

¹¹ Исәнбәт Н. Идукэй менэн Морадым. Текст. 36 б. Фәни мәкалә «Идукэй менэн Морадым күсереге турысында». 24 б. // НА УНЦ РАН: Ф.3, Оп.12. Д. 232.

¹² НА РБ. Ф.798. Оп. 1. Д. 2604. Л. 30.

¹³ Н. Исәнбәтнең Башкорт Яучылар Союзына язган Ачык хаты // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Кульязма. Латин хәрефендә. 4 б.

¹⁴ Idukəj həm Moradum / Nägi Isənbət варианты. Текст. 42 б. Kereş syz. 34 б. // УФИЦ РАН. Ф. 3, Оп. 12, Д. 232.

Уфимской губернии (ныне Дуванский район Башкортостана). Сводный текст был переведен на русский язык А. Ерикеем, А. Минихом, но не увидел свет.

Наки Исанбет – составитель сводного текста татарского народного дастана «Идегей».

С 1936 г. в Москве стали проводиться Декады национального искусства. В связи с этим в СССР стал расти интерес к эпическому наследию народов. В Союзе писателей СССР были сформированы специальные комиссии по подготовке юбилейных мероприятий в честь народных эпосов. Так, в 1937 г. весь Советский Союз отмечал 750-летие поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», а в 1939 г. – 1000-летие средневекового армянского эпоса «Давид Сасунский». Соответствующая комиссия была сформирована и по подготовке сводного текста дастана «Идегей». В Казани при Наркомпросе была создана правительственная комиссия по проведению 500-летия эпоса «Идеге». Председателем комиссии был назначен нарком У.Т. Контюков, секретарем – Я. Агишев, а членами стали С. Баттал, Н. Исанбет, Ш. Маннур. С весны 1940 года вопросы, связанные с эпосом, стало курировать Управление по делам искусства, а затем – комиссия по подготовке Декады татарского искусства в Москве, которая по решению ЦК ВКП (б) и СНК СССР должна была проводиться в конце 1941 г.

С. Баттал в своем письме к Н. Исанбету, отправленном из Москвы 7 мая 1940 г., сообщает о результатах первого заседания комиссии при Союзе писателей СССР по «Идеге» в Москве. Поэт-представитель ТАССР познакомил присутствующих с вариантом эпоса, записанном в Сибири от информанта Ситдыйк бабая. В 1919 г. с ним встречался фольклорист Н. Хакимов, а в 1924 г. – Х. Рахматуллин. В работе комиссии принимали участие также представители Башкирии (историк А. Усманов), Каракалпакии и Казахстана. На заседании было принято решение – начать в регионах текстологическую работу по созданию сводного текста. В письме С. Баттал с удовлетворением пишет о том, что татарский вариант выгодно отличается от вариантов других народов, у которых эпос сохранился только в виде легенд и сказок. В связи с этим автор письма просит Н. Исанбета, систематизировав все имеющиеся варианты, оттолкнувшись от варианта Ситдыйка бабая, создать в оптимальные сроки сводную версию татарского дастана. С. Баттал рекомендует ученому, не теряя времени, выехать в Сибирь для сбора дополнительных материалов¹⁵.

Отлученный в годы репрессий от литературы писатель в этот период был вынужден искать работу в Заказанье, сконцентрировавшись на педагогической и научной деятельности. В 1938–1939 гг. Н. Исанбет заведовал педагогическим кабинетом в Атне. Обходя подведомственные школы, ученый встречался с населением, чтобы пополнить свою коллекцию фольклорных и этнографических материалов, что вызывало неудовольствие и опасения у местной администрации. Руководство деревень всячески препятствовало деятельности фольклориста [27, с. 471–476]. Помятуя об этом, перед поездкой в Сибирь Н. Исанбет озаботился оформлением удостоверения корреспондента по собиранию народного творчества. Документ был оформлен 3 мая 1940

¹⁵ С. Батталның Н. Исәнбәткә язган хаты // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. 07.05.1940. Латин хәрәфендә. 2 б.

года от имени Татарского научно-исследовательского института языка и литературы¹⁶. По возвращению фольклорист предпринял попытку сдать собранные материалы в институт, однако их не приняли, так как Н. Исанбет не был сотрудником этого научного учреждения.

В БАССР велась активная работа по составлению сводного текста «Идүкэй менән Морадым». М. Бурангулов, Р. Нигмати, Б. Бикбай трудились над решением этой текстологической задачи под руководством историка А. Усманова. Они завершили свою работу к октябрю 1940 г. Башкирские фольклористы признают, что Н. Исанбет оказался «порасторопнее» своих коллег и успел издать два сводных текста [18, с. 9]. Сводный текст дастана «Идегей» был опубликован в журнале «Совет әдәбияты» в №11–12 за 1940 год (№11 подписан к печати 8 января 1941 г.) [15]. Ф. Урманчеев в своей монографии, посвященной дастану «Идегей», отмечает, что С. Баттал высоко оценил как опубликованный Н. Исанбетом сводный вариант дастана, так и его вводную теоретическую статью. Однако Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории в своем официальном отзыве раскритиковал материалы текстолога за то, что «они не принадлежат народному варианту» [36, с. 9].

Н. Исанбет в научной статье «500 лет татарского народному дастану «Идегей»» указывает на то, что ему известно 34 тюркских варианта этого эпоса: татарских – 17, башкирских – 3, казахских – 2, ногайский – 1, каракалпакский – 1, узбекский – 1, ойратский – 1, туркменский – 1. Текстолог счел нужным заметить, что вариантов, бытующих в среде народа, намного больше. На основе сравнительно-сопоставительного анализа различных вариантов (содержание, структура, стиль) Н. Исанбет приходит к выводу о том, что все варианты есть вариации одного дастана, бытовавшего среди народов Золотой Орды 500 лет. Ученый знакомит читателей с принципами своей текстологической работы при составлении сводного текста, а также перечисляет 17 источников, послуживших его основой. Фольклорист знакомит читателей с историей происхождения этого эпоса, а также дает краткую характеристику всем имеющимся в его распоряжении татарским вариантам дастана. Н. Исанбет систематизировал в своей статье исторические сведения о Золотой Орде. Ученый дал краткие сведения об экономике, социальном устройстве этого государства. Н. Исанбет кратко охарактеризовал семантический потенциал ключевых этнонимов, топонимов. В статье содержатся краткие сведения об эпохе правления хана Токтамышша и «восстании Идегея». Сводный текст был снабжен обширными научными комментариями, позволяющими читателям сформировать представление не только о семантическом потенциале неизвестных слов и выражений, но и о круге источников, проливающих свет на происхождение ключевых персонажей, ключевые события сюжетных линий эпоса [15; 27, с. 489–561].

Хронику работы Н. Исанбета над сводным текстом «Идегей» позволяют отследить газетные публикации 1940-х гг. Бросается в глаза, что, чем ближе Декада, тем шире становится круг лиц, претендующих на вклад в создание сводного текста дастана «Идегей», а после принятия знаменитого Постанов-

¹⁶ Удостоверение Татарского научно-исследовательского института языка и литературы от 3 мая 1940 года // Личный архив Н. Исанбета.

ления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. составитель Н. Исанбет вновь остается в гордом одиночестве (см. подр. [7; 10; 13; 28; 34]).

Вслед за Н. Исанбетом в Сибирь была снаряжена экспедиция Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, однако собранных его участниками материалов оказалось недостаточно для создания самостоятельных публикаций. По возвращению они подали жалобу в Татарский обком ВКП (б), обвинив в своих неудачах на ниве поисковой работы Н. Исанбета. Из рукописных материалов, имеющих в Фондах института, был опубликован лишь вариант старика Гафура (1915) [8]. В связи с этим Н. Исанбета вызвали в Обком партии, чтобы поручить ему подготовку нового варианта сводного текста с включением материалов, хранящихся в фондах института. Руководство республики было заинтересовано, чтобы книжный вариант сводного текста увидел свет под грифом научного института. Когда Н. Исанбет отказался взяться за эту работу, обком воспользовался «методом кнута и пряника». Писателю пообещали, что на грядущей декаде он не будет обделен: в Москве будут показаны спектакли по его пьесам «Хужа Насретдин» и «Идегей». Столкнувшись с сопротивлением Н. Исанбета, руководство обкома стало шантажировать ученого незакрытым делом «Джидегян». Мало кому известно, что во время ареста по этому громкому делу, семья Н. Исанбета оказалась в бедственном положении, без средств к существованию. Семья потеряла новорожденного сына Узбека. Дело «Джидегян» было закрыто только в период «оттепели». Под давлением сложившихся обстоятельств ученый вынужден был приступить к подготовке второй редакции сводного текста. Дочь писателя – музыковед Юлдуз Исанбет в своих выступлениях на судебных заседаниях о нарушении авторских прав Н.Исанбета в 1990-х гг. приводит перечень источников из фондов института, которые использовал в своей работе ученый-текстолог в 1941 г.: три записи Х. Рахматуллина (1915–1924), вариант Х. Канзуфарова – работника районной газеты из Башкирии, переданный в институт в 1940 году, список Хангильдина, «Из тетради Максудовой» и три записи Х. Ярми из сибирской экспедиции 1940 года. [27, с. 693–710].

Очевидно, что Н. Исанбету не удалось уложиться в утвержденные руководством республики сроки, так как параллельно шла работа над доработкой трагедии «Идегей». В личном архиве писателя сохранилась служебная записка Председателя правительственной комиссии по «Идеге» У.Т. Контюкова от 10 апреля 1941 г, в которой сообщается, что Н. Исанбет не выполнил в срок поручение, данное ему на заседании от 9.01.1941: представить сводный текст к 9.02.1941. В служебной записке утверждается, что Н. Исанбету была предоставлена отсрочка до 3.04.1941. Н. Исанбет вновь не уложился в график работы, т.к. до марта 1941 г. плотно работал над доработкой трагедии «Идегей». Завершив работу с театром, ученый представил новый вариант сводного текста для проверки в фольклорный сектор института.

Работа над созданием и редактированием нового варианта сводного текста велась с 06.05.1941 по 14.09.1941. Была сформирована текстологическая комиссия из Н. Исанбета, Х. Ярми и Ш. Маннура. С результатом их работы познакомился секретарь Татарского обкома партии С.А. Мухаметов. 05.09.1941 состоялось обсуждение нового варианта сводного текста на заседании Ученого совета института. Н. Исанбет предложил ввести в состав редколлегии Х. Ярми и Ш. Маннура, т.к. их работа была трудоемкой и потребовала специальных зна-

ний эпоса. Кроме того, по мнению Юлдуз Исанбет, ученый-энциклопедист не хотел нести единоличную ответственность за результат коллективного редактирования своей работы, т.к. был недоволен его результатом. Н. Исанбет отредактировал свои научные комментарии, которые отрецензировал историк Хайри Гимади (Гимадутдинов Хайрутдин Гимадеевич) [27, с. 693–798]. Работа полностью была завершена к 19 сентября. Текст был заново перепечатан¹⁷. На титульном листе этого варианта кем-то зачеркнут машинописный заголовок «Татар халык дастаны. Идегей. Н. Исәнбәт жыйнамаһы» («Татарский народный эпос. Идегей. Собрание Н. Исанбета»). Внизу листа рукой Х. Ярми написано: «Производства бирергә мөмкин. Төзәтүләргә шушы экземпляр буенча ясарга. Редакторлар Х. Ярми. Төзүчесе: Н. Исәнбәт» («Можно сдать в производство. Вносить изменения в этот экземпляр»). Редактор Х. Ярми. Составитель: Н. Исанбет»). Имя редактора Х. Ярми поставлено до имени составителя. Затем другими чернилами неизвестным лицом была приписана фамилия Ш. Маннур. [27, с. 698]. В протоколе заседания Ученого совета института от 5 сентября 1941 года говорится о том, что редакторы Н. Исанбет, Х. Ярми, Ш. Маннур, сократив механически 800 строк, добавили 88 строк и в 132 строки внесли текстовые коррективы. [27, с. 698]. Об этом же пишет и Ф. Урманчеев в своей книге «Народный эпос «Идегей»» [36, с. 9–11]. Очень жаль, что ученый предпочел не знакомить общественность с результатами своей текстологической экспертизы, которая ему была заказана в рамках судебного разбирательства о нарушении авторских прав в 1990 г. Возможно, причина кроется в том, что Н. Исанбет оформил отвод этого эксперта из Елабужского педагогического института, т.к. узнал, что Ф. Урманче получил приглашение устроиться на работу в ИЯЛИ.

Новая редакция сводного текста не была опубликована в 1941 г., т.к. началась Великая Отечественная война. В 1944 г. было принято знаменитое Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. Лед тронулся только весной 1988 г., когда состоялось совещание Республиканского координационного совета по филологическим вопросам при ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова и было принято решение издать сводный текст дастана. Н. Исанбет был против издания варианта сводного текста, искореженного под давлением партийной цензуры. Однако его требование было проигнорировано. В «Казан утлары» был опубликован сокращенный журнальный вариант (в редакции и с комментариями Ф.В. Ахметовой) [17], в Татарском книжной издательстве – книжный вариант эпоса (в редакции и с комментариями И.Н. Надилова) [14]. Н. Исанбет отстаивал свое авторское право на целостность составленного им сводного текста в судебном порядке в Москве [27, с. 691–798]. Дело было передано в Куйбышевский суд, где располагалось региональное отделение ВАПП (см. письмо А.С. Умнова О.В. Морозову [27, с. 676–679]).

Интересно сложилась судьба перевода «Идегея», выполненного С. Липкиным. Поэт завершил работу над переводом в 1942 г. и передал его в ЦК ВКП (б). В 1989 г. переводчик подготовил новую редакцию перевода, за которую в 1992 г. получил Государственную премию РТ им. Г. Тукая. В личном архиве Н. Исанбета сохранилась переписка с переводчиком [27, с. 653] и несколько глав пробного перевода, выполненного в 1941 г.

¹⁷ Центр письменного и музыкального наследия (ЦПМН) ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ. Ф.52, оп.Х., ед. хр. 202а.

На рубеже XX–XXI вв. был защищен целый ряд диссертаций целый ряд диссертаций и написаны научные труды, посвященные изучению «Идегея». Однако исследователи дистанцируются от текстологического изучения вариантов, легших в основу сводного текста татарского народного дастана [3; 6; 23; 24; 35; 37; 38; 41; 25]. Татарское книжное издательство неоднократно издавало «Идегей», нарушая целостность сводного текста, составленного Н. Исанбетом [9; 11; 12, 14, 16], хотя с ученым 27 октября 1941 г. был заключен издательский договор №519¹⁸. Авторские права Н. Исанбета были неукоснительно соблюдены лишь при издании «Идегея» в Турции на турецком языке Международной организацией ТЮРКСОЙ [42].

Литературная и сценическая судьба трагедии Н. Исанбета «Идегей»

Н. Исанбету было поручено к декаде 1941 г. создать трагедию «Идегей». Из Москвы в декабре 1940 г. прибыла комиссия во главе с писателем А. Фадеевым. Рецензентом трагедии выступил Г. Баширов [23, с. 439]. В личном архиве Н. Исанбета хранится стенограмма второго обсуждения трагедии 14 января 1941 г. в Москве¹⁹. В ходе доработки драматург сократил первоначальный объем трагедии на 35 с. В обсуждении принимали участие театроведы В.Ф. Залесский, Б.В. Амперс, П.И. Новицкий, режиссеры Е.Г. Амантов, О.И. Пыжова, К.З. Тумашева, театральные деятели Весенев, Ральф. Поблагодарив автора за создание столь талантливой пьесы, участники обсуждения порекомендовали ему внимательно пересмотреть все сюжетные линии. Предметом особого восхищения у Б.В. Асперса стал образ Субры. В.Ф. Залесский, Б.В. Асперс порекомендовали Н. Исанбету избавить образ Токтамыша от карикатурных черт, найти драматические узлы в линии отца (Идегей) и сына (Нурадын). Между критиками разгорелся спор вокруг образа коварного Джамбая. Критик П.И. Новицкий, разбирая систему персонажей трагедии, указал на то, что они по своему решению тяготеют скорее не к драматическому, а к полюсу оперных персонажей. С этим отчасти согласилась и режиссер О.И. Пыжова: «Если в оперу эпос очень укладывается хорошо и огромный, богатый материал можно спеть, здесь автору надо передумать творчески принципиальные позиции, как эпос укладывается в драматическую вещь». Режиссер порекомендовала Н. Исанбету отсечь все то, что не движет действие вперед, что не захватывает зрителя и слушателя»²⁰. О.И. Пыжова обратила внимание присутствующих на то, что автор написал трагедию на основе национального эпического материала. Режиссер похвалила Н. Исанбета за его стремление сохранить национальное своеобразие образов, однако порекомендовала озаботиться созданием органичной драматической формы. Автор завершил доработку трагедии в марте, а в апреле начались репетиции в театре [30]. Пьеса была подписана в печать 23 августа 1941 года [19].

¹⁸ Издательский договор №519 Татарского Государственного Издательства при СНК Тат. АССР на готовое произведение от 27 октября 1941 г. 1 л. // Личный архив Н. Исанбета.

¹⁹ Стенограмма обсуждения пьесы Н.Исанбета «Идегей» // Личный архив Н. Исанбета. Машинопись. Москва. 14.01.1941. 22 л.

²⁰ Стенограмма обсуждения пьесы Н.Исанбета «Идегей» // Личный архив Н. Исанбета. Машинопись. Москва. 14.01.1941. С. 14–15.

Е.Г. Амантов в своей режиссерской экспликации так определяет основу конфликта в трагедии «Идегей»: «борьба двух классов золотоордынского ханства. Противоборствующие силы – верхушка феодальной знати, отстаивающая изживающий себя государственный строй, старые консервативные устои, и народ, выдвинувший из своей среды героя-вождя, способного объединить силы для освобождения от многовекового рабства. Протест народа против поработителей (внутренних или внешних – все равно) стал лейтмотивом народного эпоса, а личность героя – тем знаменем, которое способно объединить протестующий народ». Постановщик был уверен, что спектакль «должен быть заряжен большим оптимизмом, огромной волей к победе, должен мобилизовать мысль смотрящего»²¹. Очевидно, что в ходе доработки Н. Исанбета вынудили подогнать систему персонажей и сюжетные линии под четко выраженную идеологическую основу.

В краткой докладной записке Управления по делам искусств при СНК ТАССР, адресованной секретарю Татарского обкома ВКП (б) т. Колыбанову, утверждается, что подготовительная работа к декаде к концу июня 1941 г. в основном была завершена. Кроме того, в этом документе содержатся сведения о готовности спектаклей по пьесам Н. Исанбета «Идегей» и «Хужа Насретдин»²². Премьера «Идегея» состоялась 30 октября 1941 г. Как отмечает театровед А. Габяши, «спектакль был наполнен горячими страстями, масштабными батальными сценами, яркими колоритными образами. Нервный, мелочный и порочный Токтамыш противопоставлялся величественному, мужественному, уверенному в себе Идегею, а лживый, корыстный и двуличный мир дворцовых интриг – искренним, неподдельным страданиям простых людей и праведному народному гневу. С большой отдачей и воодушевлением играли в спектакле лучшие татарские актеры: Х. Абжалилов, Г. Болгарская, Н. Арапова, З. Султанов, Н. Гайнуллин, Г. Зиатдинов, Ш. Шамильский, Х. Салимжанов, Ф. Халитов и другие» [33, с. 247]. Искусствовед Р.Р. Султанова оценивает эскизы к спектаклю как «принципиально новаторские в области татарского декорационного искусства». Если в устройстве интерьера у художника П.Т. Сперанского преобладал «укрупненный цветочно-растительный орнамент восточных тканей татарской вышивки, то в костюмах активную роль» играл декор, «основанный на виртуозном варьировании одних и тех же мотивов золотоордынской керамики и зеркал XIII–XIV вв.» [29, с. 206]. В 1941 г. спектакль был показан 6 раз. Спектакль вскоре исчез из афиши, т.к. в годы войны в здании татарского театра разместили эвакуопункт, а сценическая площадка Большого драматического театра была мало приспособлена к масштабным декорациям «Идегея» [33, с. 247].

Тема Золотой Орды в сборниках татарских народных загадок (сост. Н. Исанбет)

Наки Исанбет пользовался любой возможностью для популяризации сведений об истории и культуре Золотой Орды. Его фольклорные сборники получили высокую оценку не только у отечественных, но и у зарубежных ученых (Николай Поппе, Иштван Мандоки (Ласло Мандоки)) [27, с. 5–6]. В

²¹ Режиссерская экспликация Г.Амантова // Архив СТД. Ф.8. П.3.Л.2.

²² ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 547, л. 60.

1941, 1970 гг. фольклорист выпустил сборники татарских народных загадок [30; 32], разработал теорию анализа загадок. В разделе «Древние загадки» мы обнаружили образцы загадок, своими корнями уходящими в эпоху Золотой Орды. Научная статья ученого о загадках свидетельствует о том, что Н. Исанбет интересовался доисламскими верованиями в Золотой Орде, в частности – тюркско-монгольским шаманизмом, а также изучал элементы шаманского культа, сохранившегося в тюркской среде после принятия Ислама [32, 16–22, 71–78 б.]. Фольклорист проделал кропотливую сравнительно-сопоставительную работу бытующих в среде татарского народа загадок с 47 загадками, собранными католическими миссионерами в 1303 г. (Кодекс Куманикус). Н. Исанбет включил в свой сборник загадки, обнаруженные на полях старинных рукописей, в частности «Нәһжел-Фарадис», относящейся к золотоордынскому периоду. Татарский ученый акцентирует внимание на том, что это произведение было написано выходцем из Булгара, жившем в золотоордынском Сарае. Н. Исанбет положительно отзывается о деятельности К. Насыри, Х. Бадыги и др., занимавшихся систематизацией древних загадок тюркского средневековья [32, 74–75 б.].

Так, например, фольклорист считает, что древняя загадка о надвигающейся грозе, бытующая в разных вариантах в среде татар, каракалпаков и ногайцев, родилась на территории Золотой Орды еще в XIII в.. В ней речь идет о 5 сакмарских ожеребившихся кобылах, чьи жеребята разбежались по сторонам:

Вариант загадки эпохи Золотой Орды о грозе	Татарская народная загадка о грозе
Сарайдагы сары айгыр Салаулатып кешнәмеш, Белтирдәге беш күлүк Беши билә кукулламыш. <i>Күлек</i> – йөк хайваны (Примечание Н. Исанбета). <i>Подстр. пер.</i>: домашнее животное. Во дворце семь жеребцов каурой масти, Приветствуют ржанием, В загоне вьючные животные Ожеребивлись все пятеро. <i>Подстр. пер.</i>	Сакмардагы сара айгыр Сагынып торып кешнидер, Билтәрдәге биш биям Бишесе дә колынлы, Колыннары сорала, Ян-ягына тарала, Аны күргән кешенен Зиһеннәре тарала. [32, 472–473 б.]. В Сакмаре жеребцы каурые В тоске оглашают окрестности своим ржанием, В загоне 5 кобыл, Ожеребившиеся по жеребенку, Они разбежались по сторонам, У увидевших эту картину Разум приходит в смятение. <i>Подстр. пер.</i>

Ценными на наш взгляд являются наблюдения Н. Исанбета над ассоциативными трансформациями слова *белтир* на протяжении XIII–XVIII вв. [32, 472–473 б.].

Ученый обращает внимание читателей на то, что загадка о радуге, записанная им в Бигашевской школе Альметьевского района РТ в 1950 г. созвучна загадке, записанной католическими миссионерами.

Вариант загадки эпохи Золотой Орды	Татарская народная загадка
Бити-бити бетедем Биш агачка битедем, Кенә-суы йөгерттем, Күк йебеккә чырмадым. Пишу, пишу свое письмо На пяти дощечках, Разгоняя ртуть, Завернув в голубой шелк небеса. <i>Подстр. пер.</i>	Бөгә-бөгә бөгәгән Бөгә өстендә көтегән, Кенә суы йөгерткән, Күк жеп белән каеган [32, 472–473 б.]. «Бети», «бөтү» сүзләре язма тылсымлы догалык мәгънәсендә хәзер дә бар. (Примечание Н. Исанбета). – Слова «бети», «бөтү» до сих бытуют в нашем языке в молитвенном значении (<i>Подстр. пер.</i>). Пишу, пишу свое письмо По письменам Гоню ртуть вверх, Заворачиваю в голубой шелк небеса. <i>Подстр. пер.</i>

Н. Исанбет считает, что в современном чтении эта древняя загадка на татарском языке должна звучать следующим образом: «Яза-яза яздым, биш агачка яздым, терекөмеш йөгерттем, күк ефәккә чорнадым». – «Мяла-мяла-разминала, протянула по 5 деревьям, пропустила ртуть, небо обернула голубым отрезом шелка» (*подстр. пер.*).

Н. Исанбет в своем сборнике приводит убедительные доказательства родства целого десятка древних татарских загадок с загадками, бытовавшими еще во времена Золотой Орды. Ученый их обнаружил либо в сборниках фольклористов-предшественников (Бадигый Х. Халык әдәбияты, II кисәк, 1912; Иванов М. Татарская хрестоматия, 1838; Салихов М. Мәкальләр һәм табышмаклар, Казан, 1880; Насыри К. «Фәвакиһел жөләсе» (1884)

Татарские Юнки (Пенза, ныне Республика Мордовия), Арсланов Г. «Бик кызык табышмаклар», 1910–1913), либо записал в среде татарского народа (Бавлы, Тетюши, Бигашево, Байряка (Татарстан), Юнә (Пенза)) [32]. Интересен тематический диапазон этих загадок: *природные стихии, земледелие, предметы быта, человек.*

Тема Золотой Орды в сборнике «Татарские народные пословицы» Н. Исанбета

В сборнике «Татарские народные пословицы» Н. Исанбета мы обнаружили целый ряд пословиц, отсылающих нас к ханам Золотой Орды. Так, в одной из них упоминается Мухамед Бердибек-хан (ок. 1310 – 1359), правивший Золотой Ордой в 1357–1359 гг.: «Үгез муены өзелде, Бирдебәк тә киселде» («Оборвалась шея быка, прекратилось на Бирдебеке»). Н. Исанбет рассматривает эту полную народной иронии пословицу как отголосок трагической истории ликвидации ханом Бирдебекем своих родственников, что обер-

нулось уничтожением правящего рода Батуидов [22, с.759]. В двух пословицах встречается имя Чингиз-хана (ок. 1155 или 1162–1227), основателя и Великого хана Монгольской империи (1206–1227). В одной увековечено полученное Чингиз-ханом донесение о гибели старшего сына Джучи хана, облеченное в метафорическую форму. Ученый приводит два варианта бытования этой пословицы в среде татарского народа:

Вариант эпохи Золотой Орды	Татарская народная пословица
Дингез баштан болганды, кем тондырыр, и ханым? Тирэк төптэн егылды, кем торгызыр, и ханым? (В.Бартольд. «Туркестан во время монголов») [21, 328 б.] Море взбаламутилось с истока, кто его успокоит, мой хан? Тополь упал, надломившись у корневища, кто поднимет его, мой хан? (Подстр. пер.)	Дингез баштан болганыр. (К. Насыри) Дингез башыннан болгана. (Исмагил Мусин, Казан) Море взбаламутилось с истока. (К. Насыри) Море взбаламутилось с истока (Исмагил Мусин, Казань). (Подстр. пер.)

В другой пословице увековечен статус правителя Чингиз-хана: «Дәүләте дингез булган, үзе Чыңгыз булган». – «Государство его было морем, а сам он был Чингиз-ханом». (подстр. пер.) [22, 452–453 б.].

Н. Исанбет включил татарскую пословицу о Тамерлане (1370–1405), эмире железом и хромом, своими корнями уходящую в притчу «Падение муравья»: «Аксак кырмысканың агачка менүен күреп, / Аксак Тимер тәхеткә менгән, имеш, ди». – «Говорят, Аксак Тимер решил сесть на престол, т.к. увидел, как хромой муравей поднялся на дерево» (подстр. пер.). В версии Н. Исанбета, не принадлежавший к роду Чингиз-хана Тамерлан принял решение занять ханский престол после длительных наблюдений за хромым муравьем, поднимающимся на дерево [21, 367 б.].

О древности пословицы сибирских татар ученый судит по встречающемуся здесь слову *байса/байза*: «Эт муенына алтын байча такса да, тизэк жиюын куймас» [22, 452–453 б.]. Дело в том, что оно в Золотой Орде использовалось для верительной бирки по наделению особыми полномочиями представителя власти.

В свой сборник Н. Исанбет включает пословицу из татарской летописи XVII в. «Дәфтәре Чыңгызнамә», созданной на основе фольклорных источников Золотой Орды и Казанского ханства: например, «Көчле белән көрәшеп булмас, бикләр белән алышып булмас» – «Не стоит биться с сильными, не стоит сражаться с беками» [22, 758 б.].

Тема Золотой Орды в татарских фразеологизмах, собранных Н. Исанбетом

Интересный материал мы обнаружили и в статье Н. Исанбета, посвященной проблеме историзма татарских фразеологизмов. Ученый приводит 8 фразеологизмов, чье происхождение связано с Золотой Ордой. Так, Н. Исанбет считает, что фразеологизм «Авызын ачса үпкәсе күрәнә» – «Коли откроешь

рот, увидишь легкое» (*подстр. пер.*) родился на основе старинной загадки «дверь – огонь». Оказывается, наблюдая за бликами пламени очага через вход в юрту, монголы разглядели в нем образ розового легкого.

Аналоги татарских фразеологизмов ученый-энциклопедист обнаружил и в сочинениях Рабгузи:

Фразеологизм эпохи Золотой Орды	Татарский фразеологизм
Аз азыклыг, күп азыклыг (XIV йөз башы Рабгузи эсәреннән) Меньше пици, много грехов. <i>Подстр. пер.</i>	Аз азыклы, күп азыклы Аз азыклы, күп азыклы күдәй галиме» («Сөбател-гажизин» китабыннан) Меньше пици, много грехов. Богослов, питающийся скудно, имеющий много грехов. (из книги писателя XIX в. Тазетдина Ялчыгула) <i>Подстр. пер.</i>
Гуж Гонькның угылы ирде, озын буйлыг ирде. Туфан суы енчекендин (тез төбеннән) юкары чыкмады. Тиңизгә ил-кин сукып, нәһәкләрне тотып, афтапка пешереп ейер ирде (XIV йөз башы Рабгузи эсәреннән) Сын обжоры Гуны был ростом высок, вода в половодье была ему по колено, глуша ударами ладоней по водной глади, он ловил рыбу, жарил и складывал горкой. (XIV век, из произведения Рабгузи) <i>Подстр. пер.</i>	

Н. Исанбет считает, что в фразеологизме «Амайдагы-мамайдагы», бытовавшем в Касимове, увековечен знаменитый беклярбек и темник Золотой Орды Мамай.

Ученый обращает внимание на то, что в ряде фразеологизмов сохранились следы нравов-обычаев, царящих в Золотой Орде:

- 1) скрепление соглашений клятвами и тамгами («Ант-шарт итеп»)
- 2) обычая подданного, получая приказ от хана, вставать на колени и класть текст приказа себе на голову, демонстрируя таким образом свою исполнительность («Баш өсте»)
- 3) обычай торговать на сторону рабами («Киткән баш – киткән»; «Кыр галәмәт килү») [20, с. 128–129].

Вклад Н. Исанбета в изучение и пропаганду искусства чичянов Золотой Орды

Н. Исанбета внес солидный вклад в изучение феномена народных исполнителей (чичяны). В научной статье к сводному тексту дастана «Идегей», размышляя над образом Субра-жырау, фольклорист сообщает о том, что имеются старинные источники, где политического лидера монголов Джамуху (1162–1205) называют чичяном. Он прославился тем, что вступил в открытую

ссору с самим Чингиз-ханом, хотя некогда считался его другом-побратимом. Н. Исанбет называет в своем научном труде имя еще одного народного исполнителя-чичяна: в период правления Жанибек-хана (1474–1480) широкую известность получил поэт-импровизатор Джиренче чичян [15, с. 61]. Его образ Н. Исанбет увековечил в своей комедии «Жирэн чичэн белэн Карачэч сылу» («Рыжий насмешник и его черноволосая красавица») [32, 255–260 б.]. (см. подр. об этом в другой нашей работе [39, с. 134–138]).

Выводы

Научное и литературное наследие Наки Исанбета красноречиво свидетельствует о том, что ученый-энциклопедист последовательно занимался разработкой научных проблем, связанных с Золотой Ордой, и популяризировал сведения о ней среди широкого круга читателей. Нарботки ученого в сфере истории, текстологии, языкознания, фольклористики, литературоведения до сих пор не утратили своей актуальности. Мы надеемся, что, работая в личном архиве просветителя, в дальнейшем обнаружим содержащиеся в специальной папке «Литература и культура Золотой Орды» материалы и введем их в научный оборот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алдашова Е.Н. Роль Башкирской комплексной экспедиции АН СССР (1928–1932) в организации первых научно-исследовательских учреждений в Башкирской АССР // Вестник Самарского государственного университета. 2011. №85. С. 92–96. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3638/3540>
2. Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 3. Уфа : Башк. энцикл., 2007. 672 с.
3. Валиуллина Ф.М. Национально-мифологические и религиозные мотивы в дастане «Идегей»: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН Респ. Татарстан. Казань, 2005. 24 с.
4. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. М.: АН СССР, 1934. 244 с.
5. Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л., ОГИЗ. 1937 г. 216 с.
6. Закирова И.Г. Народное творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.09. Казань, 2011. 356 с.
7. Закончен сводный текст эпоса «Идегей» // Красная Татария. 1941. 28 сентября. №229 (7106).
8. Идеге (Итук батыр) // Кызыл Татарстан. 1940. 1 ноябрь.
9. Идегей: Татарский народный эпос. Перевод С. Липкина. Казань: Татар. книж. изд., 1990. 256 с.
10. «Идегей» на русском языке // Красная Татария. 1942. №78. 2 апреля.
11. Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. 270 с.
12. Идегей: Татар. нар. эпос / [Ред.-сост. Г. Гильманов; худож. Р. Шамсутдинов]. Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. 253 с.
13. «Идеге»нең тулы тексты // Кызыл Татарстан. 1941. 4 апрель.
14. Идегэй: татар халык дастаны / кереш сүз язучы И. Надилов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 253 б.
15. Идегэй: татар халык дастаны / Н. Исәнбәт жыйнаması // Совет әдәбияты. 1940. № 11. 39–76 б.; № 12. 34–82 б.

16. Идегэй: Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр.. 2019. 270 б.
17. Идегэй. Татар халык дастаны // Казан утлары. 1989. №1–2.
18. Изеүкәй менән Моразым. Тарихи кобайыр. Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 1994. 352 б.
19. Исәнбәт Н. Идегэй: 5 пәрделек трагедия: («Идегэй» дастаны буенча язылды). Казан: Татгосиздат, 1941. 143 б.
20. Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик әйтемнәрендә тарихлык һәм үткән белән хәзергенең чагылышы // Казан утлары. 1979. № 12. 124–141 б.
21. Исәнбәт Н. Татар халык мөкалльәре [Текст]: Т. 1 / жыючу һәм төзүче Н. Исәнбәт. Казан: Тат. китап. нәшр., 2010. 622 б.
22. Исәнбәт Н. Татар халык мөкалльәре [Текст]: Т. 3 / жыючы һәм төзүче Н. Исәнбәт. Казан: Тат. китап. нәшр., 2010. 799 б.
23. Мухаметзянова Л.Х. Дастан «Идегей: книжная версия татар Поволжья // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 91. № 16 (345). С. 94–98.
24. Мухаметзянова Л.Х. Татарские книжные дастаны: история становления жанра и поэтика: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.02; 10.01.09. Казань, 2015. 377 с.
25. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550
26. Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. 180 с.
27. Нәкый Исәнбәт. Казан: «Жыен» нәшр., 2021. 736 с.
28. Полный текст «Идеге» // Красная Татария. 1941. №87. 13 апреля.
29. Султанова Р. Сценография татарского театра (XX – нач. XXI в.). Казань: «ИД «Казанская недвижимость»», 2019. 592 с.
30. Табышмаклар / жыючысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт. Казан: Татгосиздат, 1941. 196 б.
31. Татар академиясе театрында // Кызыл Татарстан. 1941. 5 апрель.
32. Татар халык табышмаклары. Казан: Татар. кит. нәшр, 1970. 568 б.
33. Татарский театр. В 2 т. Т. 1. Спектакли. Казань: Изд-во «Заман», 2009. 658 с.
34. Татарский эпос «Идеге» // Правда. 1941. 3 октября. №234 (7610).
35. Уразова Н.М. Х. Ярми о влиянии фольклора на формирование татарской литературы : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.02. Тобольск, 2008. 24 с.
36. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: ФЭн, 1999. 200 с.
37. Усманов М. О трагедиях эпоса и трагедиях людских // Идегей: татарский народный эпос. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 247–254.
38. Хайруллина В.И. Народный эпос «Идегей» и его исторические основы: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.09. Казань, 1999. 151 с.
39. Хәбәтдинова М., Хәбибуллин Ф. Нәкый Исәнбәт чичәнлек сәнгате турында // Tatarica. 2021. №17 (2). 119–140 б.
40. Шныра И. «Чудеса» Научного общества. Провалы в Башкирской экспедиции. Об узких местах башкирской культуры и кулачком заговоре // Красная Башкирия. 1930, 12 января. 3–4 с.
41. Ямалтдинов И.И. Татарская фольклористика 20–60-х гг. XX века: собрание, публикация и научное изучение фольклора: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.09]. Казань, 2012. 191 с.
42. Edigeý Идегей / Hazirlayan Rustem Sulti // Türksoy Yayınları. №10. 190 s.
43. Idukaj һәм Moradum // Коммуна. 1940. №7 8 (1477). 28 апреля; № 79 (1478). 29 апреля.

Сведения об авторе: Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет (420056, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8110-4001; ElibraryID 463560; ResearcherID: M-4418-2013; Scopus Author ID: 55929972700. E-mail: mileuscha@mail.ru

Поступила 09.01.2023 Принята к публикации 28.02.2023
Опубликована 29.03.2023

REFERENCES

1. Aldashova E.N. Bashkir Integrated Expedition of the USSR Academy of Sciences (1928–1932) and Its Role in the Establishment of the Initial Bashkir Research Institutes. *Vestnik of Samara State University*. 2011, no. 85, pp. 92–96. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/3638/3540> (In Russian)
2. Bashkir encyclopedia. In 7 volumes. Vol. 3. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya, 2007. 672 p. (In Russian)
3. Valiullina F.M. *National-mythological and religious motifs in the dastan “Idegey”*. Abstract of the dissertation for the Cand. (sci) degree: 10.01.09 / In-t jaz., lit. i iskusstva im. G. Ibragimova AN Resp. Tatarstan. Kazan, 2005. 24 p. (In Russian)
4. Vladimirtsov B.Ja. *The social system of the Mongols: Mongolian nomadic feudalism*. Moscow: Academy of Sciences of USSR, 1934. 244 p. (In Russian)
5. Grekov B., Jakubovskiy A. *The Golden Horde (An Essay of the History of the Ulus Jochi during the Creation and Prosperity in the 13th–14th Centuries)*. Leningrad: OGIZ, 1937. 216 p. (In Russian)
6. Zakirova I.G. *Folk art of the Golden Horde period: mythological and historical foundations*. Doctoral dissertation. Kazan, 2011. 356 p. (In Russian)
7. The summary text of the epic “Idegei” has been completed. *Red Tartary*. 1941. September 28. No. 229 (7106). (In Russian)
8. Idege (Ituk batyr). *Red Tatarstan*. 1940. November 1. (In Russian)
9. *Idegei: Tatar folk epic*. Translated by S. Lipkin. Kazan: Tatar. book publishing house, 1990. 256 p. (In Russian)
10. “Idegey” in Russian. *Red Tartary*. 1942, no. 78. April 2. (In Russian)
11. *Idegei. Tatar folk epic*. Kazan: Tatar. book publishing house, 2019. 270 p. (In Russian)
12. *Idegei: Tatar folk epic* [Ed.-composer G. Gilmanov; artist R. Shamsutdinov]. Kazan: Tatar. book publishing house, 1994. 253 p. (In Russian)
13. Summary text of “Idegey”. *Red Tatarstan*. 1941. April 4. (In Tatar)
14. Idegai: Tatar folk saga / introduction writer I. Nadirov. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1988. 253 p. (In Tatar)
15. Idegai: Tatar folk saga / N. A collection of essays. *Soviet literature*. 1940, no. 11, pp. 39–76; no. 12, pp. 34–82. (In Tatar)
16. Idegai: Tatar folk epic. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2019. 270 p. (In Tatar)
17. Idegai. Tatar folk saga. *Kazan utlary*. 1989, no. 1–2. (In Tatar)
18. İzeykäj menön Moražym. Tarihi kobajyr. A historical monument. Ufa: Bashkortostan “Kitap” publishing house, 1994. 352 p. (In Bashkir)
19. Isanbet N. Idegai: a tragedy in 5 acts (written according to the epic “Idegai”). Kazan: Tatgosizdat, 1941. 143 p. (In Tatar)
20. Isanbet N. The history and reflection of the past and present in the phraseological expressions of the Tatar language. *Kazan utlary*. 1979, no. 12, pp. 124–141. (In Tatar)

21. Isənbət N. *Tatar folk proverbs*: Vol. 1 / жыечу һәм төзыче N. Isənbət. Kazan: Tat. kitap. nəshr., 2010. 622 p. (In Tatar)
22. Isənbət N. *Tatar folk proverbs*: Vol. 3 / жыечу һәм төзыче N. Isənbət. Kazan: Tat. kitap. nəshr., 2010. 799 p. (In Tatar)
23. Mukhametzyanova L.Kh. Dastan “Idegei: book version of the Tatars of the Volga region. *Bulletin of the Chelyabinsk state university. Philology and Art History*. 2014. Iss. 91, no. 16 (345), pp. 94–98. (In Russian)
24. Muhametzyanova L.Kh. *Tatar book dastans: the history of the formation of the genre and poetics*: Doctoral dissertation. Kazan, 2015. 377 p. (In Russian)
25. Mukhametzyanova L.Kh. The Tatar Epic “Edigü”: An Echo through the centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550 (In Russian)
26. Nasonov A.N. *Mongols and Rus (History of Tatar politics in Russia)*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1940. 180 p. (In Russian)
27. Nəkiy Isanbet. Kazan: Dzyen, 2021. 736 p. (In Tatar)
28. Summary text of “Idegey”. *Red Tartary*. 1941, no. 87. April 13. (In Russian)
29. Sultanova R. *Scenography of the Tatar theatre (20th – beginning 21st century)*. Kazan: ID «Kazanskaya nedvizhimost», 2019. 592 p. (In Russian)
30. *Riddles / жыжучысы һәм төзычесе* N. Isənbət. Kazan: Tatgosizdat, 1941. 196 p. (In Tatar)
31. Tatar Academic Theater. *Kyzyl Tatarstan*. 1941. April 5. (In Tatar)
32. *Tatar folk riddles*. Kazan: Tatar. kit. nəshr, 1970. 568 p. (In Tatar)
33. *Tatar Theater*. In 2 vol. Vol. 1. Spektakli. Kazan: Zaman, 2009. 247 p. (In Russian)
34. Tatar Epic «Idegey». *Pravda*. 1941. October 3. No. 234 (7610). (In Russian)
35. Urazova N.M. *Kh. Yarmi on the influence of folklore on the formation of Tatar literature*: abstract of the dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Tobol'sk, 2008. 24 p. (In Russian)
36. Urmanche F. *The folk epic “Idegey”*. Kazan: Fen, 1999. 200 p. (In Russian)
37. Usmanov M. About the tragedies of the epic and human tragedies. *Idegei: the Tatar folk epos*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1990, pp. 247–254. (In Russian)
38. Khayrullina V.I. *The folk epic “Idegey” and its historical foundations*. Cand. (sci) degree dissertation. Kazan, 1999. 151 p. (In Russian)
39. Khabutdinova M., Khabibullin F. Naki Isanbet on Chichan art. *Tatarica*. 2021. No. 17 (2), pp. 119–140. DOI: 10.26907/2311-2042-2021-17-2-119-140 (In Tatar)
40. Shnyra I. “Miracles” of the Scientific Society. Failures in the Bashkir expedition. About the bottlenecks of Bashkir culture and the Kulak conspiracy. *Krasnaya Bashkiria*. 1930. January 12, pp. 3–4. (In Russian)
41. Jamaltdinov I. I. *Tatar folklore studies of the 20s–60s of the 20th century : collection, publication and scientific study of folklore*. Cand. (sci) degree dissertation. Kazan, 2012. 191 p. (In Russian)
42. Edigeý / Hazirlayan Rustem Sulti. *Türksoy Yayınları*. No.10. 190 p. (In Turkish)
43. Idukaj and Moradum. *Kommuna*. 1940, no. 7–8 (1477). April 28; no. 79 (1478). April 29. (In Tatar)

About the author: Mileusha M. Khabutdinova – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Tatar Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (2, Tatarstan Str., Kazan 420056, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8110-4001; ElibraryID: 463560; ResearcherID: M-4418-2013; Scopus Author ID: 55929972700 E-mail: mileuscha@mail.ru

Received January 3, 2023 Accepted for publication February 28, 2023
Published March 29, 2023

**ПУТЬ ДЛИННОЮ В ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ: КАК СОЗДАВАЛАСЬ
ПЕРВАЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ ИЯЛИ
ПО «ИСТОРИИ ТАТАРСКОЙ АССР»**

А.Т. Галимзянова¹, А.Г. Галлямова²

^{1,2} *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Казань, Российская Федерация

¹ *alisabitva@mail.ru*, ² *alfiya1955@gmail.com*

Цель исследования: проанализировать условия, факторы и результаты, а также результатов деятельности татарских гуманитариев в 1930–1950-е гг. В статье рассматриваются актуальные аспекты изучения истории исторической науки в одном из крупных регионов России – Республике Татарстан – в советский период. В ней освещаются процесс огосударствления деятельности историков, драматические коллизии, связанные с подчинением ее официальной марксистско-ленинской концепции периодизации истории человечества.

В связи с начавшимся в 1930-е гг. восстановлением исторической науки создается необходимость расширения сети научно-исследовательских институтов, призванных заниматься изучением истории и культуры края на местах. В ТАССР такая задача была возложена на созданный в 1939 г. Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ), а главным образом, на сформированный в нем в 1941 г. сектор истории.

Материалы исследования: статья выполнена на основании анализа обширного массива неопубликованных источников, который позволил раскрыть роль не только августовского (1944 г.) Постановления ЦК ВКП (б), но и иных директивных указаний и установок, изданных советским правительством на протяжении двух десятилетий (1940–1950-е гг.).

Результаты и научная новизна: в представленной статье подробно описан процесс разработки двухтомной «Истории Татарской АССР», написание которой было поручено сотрудникам Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ). Исследование показало, что содержание книги многократно изменялось и подстраивалось под директивы высших политико-идеологических инстанций, которыми изобилует период позднего сталинизма. Наибольшее влияние на научную деятельность казанских историков оказало августовское (1944 г.) Постановление ЦК ВКП (б), ставшее главным руководством к действию республиканских органов власти, призванных строго отслеживать настроения и действия татарской интеллигенции, внушая ей чувство страха быть обвиненной в националистических пережитках. Череда постановлений Татарского обкома ВКП (б), инспирированные сверху кампании по изобличению политической близорукости татарских историков, заставляли вновь и вновь возвращаться авторов рукописи «Истории Татарской АССР», чтобы переписывать и перерабатывать разделы по истории независимых татарских государств в прошлом, их фольклорно-литературному наследию, джадидизму, и т.п. Потребовалось два десятилетия прежде, чем читатели увидели учебник по истории татарского народа.

© Галимзянова А.Т., Галлямова А.Г., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: советская историческая наука, коммунистическая идеология, Золотая Орда, джадидизм, Татарская АССР, Институт языка, литературы и истории, Казанский Филиал АН СССР

Для цитирования: Галимзянова А.Т., Галлямова А.Г. Путь длиною в два десятилетия: как создавалась первая коллективная монография ИЯЛИ по «Истории Татарской АССР» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 202–219. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.202-219 EDN: TCGTHF

A PATH TWO DECADES LONG: HOW THE FIRST COLLECTIVE MONOGRAPH OF THE INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY ON THE “HISTORY OF THE TATAR ASSR” WAS CREATED

A.T. Galimzyanova ¹, A.G. Gallyamova ²

^{1,2} Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation

¹ alisabitva@mail.ru, ² alfiya1955@gmail.com

Abstract: Research objectives: To contribute to the analysis of the conditions and factors, as well as the results of the activities of Tatar humanitarian specialists in the 1930s–1950s. The article deals with the actual aspects of studying the history of historical science in one of the major regions of Russia – the Republic of Tatarstan – during the Soviet period. It highlights the process of statization of the activities of historians and the dramatic conflicts associated with their subordination to the official Marxist-Leninist concept of periodization of human history.

In connection with the restoration of historical science in the beginning of the 1930s, there arose a need to expand the network of research institutes designed to study the regional history and culture. In the Tatar ASSR, such a task was entrusted to the Institute of Language, Literature, and History (IYALI), established in 1939, and mainly to its history sector formed in 1941.

Research materials: The article is based on the analysis of a vast array of unpublished sources, which made it possible to reveal the role of not only the August (1944) Decree of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union but also other directives and guidelines issued by the Soviet government over two decades (1940–1950s).

Results and novelty of the research: The article describes in detail the process of the development of the two-volume “History of the Tatar ASSR”, whose writing was entrusted to the staff of the Institute of Language, Literature, and History (IYALI). The study showed that the content of the book changed many times and adjusted to the directives of the highest political and ideological authorities, which abounded in the period of late Stalinism. The August (1944) Decree of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union had the greatest influence on the scientific activities of Kazan historians. It became the main guide to the action of the Republic authorities, called upon to strictly monitor the moods and actions of the Tatar intelligentsia and instilling in them a sense of fear of being accused of nationalist survivals. A series of resolutions of the Tatar Regional Committee of the Communist Party, inspired from above by campaigns to expose the political myopia of Tatar historians, forced the authors of the manuscript “History of the Tatar ASSR” to return to the text again and again, to rewrite sections on the history of independent Tatar states in

the past, their folklore and literary heritage, Jadidism, etc. It took two decades before readers saw a textbook on the history of the Tatar people.

Keywords: Soviet historical science, communist ideology, Golden Horde, Jadidism, Tatar ASSR, Institute of Language, Literature and History (IYALI), Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences

For citation: Galimzyanova A.T., Gallyamova A.G. A Path two Decades long: how the First Collective Monograph of the Institute of Language, Literature and History on the “History of the Tatar ASSR” was created. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 202–219. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.202-219 (In Russian)

В российской историографии проблемы истории развития исторической науки вызывают непреходящий интерес. Это и понятно, ведь результаты деятельности ученых-историков могут служить основой для трактовки и обоснования политических решений и актуализации государственной стратегии планирования будущего. В российском масштабе обращают на себя внимание современные работы А.М. Дубровского [8], Е.С. Дущенко [9], М.В. Зеленова [12]. Разные по масштабу охватываемых проблем они освещают процесс огосударствления деятельности историков в советский период, драматические коллизии, связанные с подчинением ее официальной марксистско-ленинской концепции периодизации истории человечества.

В изучении складывания и развития исторической мысли в Татарской АССР можно выделить два этапа: 1) время господства коммунистической идеологии (до 1985 г.) и 2) перестройка и постсоветский период. Историографический анализ трудов по культурной проблематике, куда входит и освещаемая в данной статье тема, представлен в работах Х.Г. Гимади [7], З.И. Гильманова [32], М.К. Мухарямова [31], А.Л. Литвина [30], и др. С утверждением плюрализма в общественно-политической жизни во второй половине 1980-х гг. появилась возможность по-новому осмыслить эволюцию интеллектуальной деятельности национальной интеллигенции. В этот период история исторической науки ТАССР нашла наибольшее отражение в работах И.Р. Тагирова [36], А.Л. Литвина [30], И.Л. Измайлова [13, 14], Д.М. Исхакова [20–23], А.Ш. Кабировой [24], А.Г. Галлямовой [3, 4]. В них достаточно полно раскрыты политические условия написания трудов республиканских историков, их вклад в гуманитаристику Татарстана.

Вместе с тем имеется еще немало оставшихся в тени вопросов развития исторической науки, в частности, не получил достаточного освещения мучительно долгий процесс создания первой коллективной научной монографии по истории Татарской АССР. Предлагаемая читателю статья, основанная на ранее не введенных в научный оборот материалах, в основном документах архива Института языка, литературы и искусства АН РТ, позволяет показать условия идеологической ангажированности деятельности историков, требовавшие от них точное соблюдение официальных предписаний, сдерживающих творческую энергию ученых.

Вопрос о создании фундаментального научного труда по истории татар, комплексно раскрывающего ее, начиная с древнейших времен и заканчивая современностью, был поставлен еще в конце 1930-х гг., но решен он был

только в середине 1950-х. Это было связано с тем, что ученые были поставлены в условия необходимости под страхом репрессий, административных взысканий проверять и перепроверять соблюдение в своих трудах спущенной сверху идеологической рецептуры.

В масштабе страны история, как наука и учебная дисциплина, стали декретироваться с начала 1930-х гг. До 1932 г. предмет «история» в школьных программах вообще отсутствовал, не было учебников и учебных пособий как для средней, так и для высшей школы [9, с. 279]. В рамках так называемой культурной революции, нацеленной на коренной переворот массового сознания, ставилась задача построить историческую науку и историческое образование в систему идеологической машины государства. В 1934 г. было принято решение о восстановлении исторической дисциплины в школах и ВУЗах страны. В это время друг за другом выходят Постановления ЦК ВКП (б), направленные на реализацию этого решения¹ [29]. В ходе выполнения его в Москве был издан целый ряд учебников, анализ которых в исчерпывающей форме осуществлен А.М. Дубровским [8, с. 25–305]. Из него следует, что содержание учебников имело авторские интерпретации тех или иных событий, различалось по акцентам, оценкам описываемых явлений и процессов. Это вызывало настороженность со стороны властных органов, курирующих деятельность ученых историков. Особенно непримиримой была официальная позиция в отношении сохраняющегося влияния на создаваемые труды раскритикованной к тому времени теоретической школы лидера российских историков в 1920-е гг. М.Н. Покровского, который был привержен идеям интернационализма и являлся противником русского шовинизма.

Точка в разногласии принципов толкования прошлого Российского государства была положена в 1938 г. изданием «Краткого курса истории ВКП (б)», в создании которого принимал самое непосредственное и весьма деятельное участие И. В. Сталин. В этой книге непреложной красной линией проходила концепция «Великая страна должна иметь великую историю».

В соответствии с этой установкой должны были создаваться и исторические труды в регионах. Вопрос о написании «Истории Татарской АССР» был поставлен перед образованным в 1939 г. Научно-исследовательским институтом татарского языка и литературы. К этому времени историческая наука в ТАССР представляла собой «зачищенное» поле из-за массовых репрессий, под безжалостный каток которых попал весь цвет исторической науки, вызревший в период относительного идеологического суверенитета 1920-х гг. Образование Татарской АССР, рост национального самосознания, появление учреждений культуры и образования способствовали развитию исторического знания о татарах и Поволжском регионе. В первое десятилетие советской власти национальная историография обогатилась серьезными историческими сочинениями Газиза Губайдуллина, Джамала Валиди, Михаила Худя-

¹ «О постановке преподавания гражданской истории в школах» (5.03.1934), «О постановке в школах преподавания гражданской истории и географии» (20.03.1934), «О составлении учебников по гражданской истории для средней школы» (29.03.1934), «О восстановлении исторических факультетов в составе университетов» (29.03.1934), «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (15 мая 1934 г.), «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР» (9 июня 1934 г.), «Об учебниках по истории» (26 января 1936 г.)

кова, Виктора Смолина, Евгения Чернышева и др. [38]. В рамках складывающейся идеологической парадигмы появились исторические работы Галимджана Ибрагимова, Мингарея Сагидуллина по революционным событиям и первым годам советской власти.

Однако в начале 1930-х гг. политическая атмосфера в стране стремительно менялась в сторону идеологизации общественных наук. В 1931 г. друг за другом вышли постановления ЦК ВКП (б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» и «О работе Коммунистической академии»². Вслед за ними развернулись политические кампании по травле историков, в работах которых выискивались мелкобуржуазные, эсеровские, антибольшевистские воззрения. В 1931 г. в контрреволюционной деятельности обвинили профессоров и преподавателей казанских вузов: С.П. Шестакова, В.И. Анучина, В.Ф. Смолина, Н.Н. Фирсова, Н.Е. Будде, Г.М. Залкинда, Е.И. Чернышева и других [38, с. 148]. В этих условиях созданный в 1932 г. властями республики Татарский научно-исследовательский институт культурного строительства им. Горького (ТНИИКС) с отделениями истории, языка, литературы, искусства не смог развернуть свою деятельность и весной 1933 г. был ликвидирован.

В дальнейшем маховик репрессий раскрутился до масштабов массового террора. В 1937–1938 гг. в сталинских застенках оказались ведущие ученые-гуманитарии республики, внесшие заметный вклад в развитие историографии истории татарского народа: Галимджан Шараф, Газиз Губайдуллин, Михаил Корбут, Джамал Валиди, С.С. Атнагулов, Хади Атласи, Николай Эльвов, Евгения Гинзбург и др.

Видимо, по причине жесточайших потерь в корпорации историков сектор истории был создан в ИЯЛИ только через полтора года после учреждения Института – лишь в феврале 1941 г. Он и должен был стать главным исполнителем поставленной перед Институтом задачи написания академического труда по истории Татарской АССР, первый том которой предполагали завершить к 1 сентября 1942 г.³

С началом Великой Отечественной войны и без того маломощный сектор истории еще более ослабел. Единственный сотрудник, имевший степень кандидата исторических наук А.Н. Григорьев, как и многие другие сотрудники Института, был призван на фронт [26, с. 137]. В этот период из довоенного состава ИЯЛИ, состоявшего из четырех секторов, осталось по одному сотруднику в каждом из них [37, с. 99]. Правда, ситуацию сгладили сотрудники Института истории АН СССР, который был эвакуирован в Казань в июле 1941 г. и разместился в здании ИЯЛИ. Они были привлечены к разработке истории Татарстана. Однако, в самый критический для Советского государства период военного лихолетья и москвичи не могли в полной мере заниматься научными изысканиями. С октября 1941 г. до конца февраля 1942 г. почти все научные сотрудники были мобилизованы на строительство оборонительных рубежей Казанского обвода. Фактически работа в Институте во-

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 811. Л. 21. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://istmat.org/node/51509>; Вестник Коммунистической академии. 1931. № 2–3. Февраль-март. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/59740/vestnik_kommunisticheskoy_akademii_1931_no_2-3.pdf

³ Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова (ЦПМН ИЯЛИ). Ф. 52. Оп. 1. Д. 89. Л. 10.

зобновилась лишь с марта 1942 г., тогда же появилась возможность расширить его штат [37, с. 100].

Летом 1942 г. Институт сумел организовать научную экспедицию в Булгарское городище, во время которой были обнаружены ценные булгаро-татарские эпиграфические памятники, служившие важными источниками по истории татар. В ходе подготовки будущей книги проводилась большая переводческая работа на русский язык трудов К. Насыри, Ш. Марджани и других татарских просветителей [37, с. 101], в которых содержалась ценная фактография по истории татарского этноса. Обогащению источниковой базы будущего исторического труда благоприятствовала и начавшаяся политика валоризации национальных героических образов прошлого. В потоке их мобилизации для поднятия патриотического духа сражавшихся на фронтах татар ученые гуманитарии получили «зеленый свет» пристально всмотреться в образы «собирателей татарских земель», ведущих за собой на борьбу лидеров. ИЯЛИ напрямую от Первого секретаря Татарского обкома ВКП (б) В.Д. Никитина получил задание включить в план научных разработок анализ эпоса «Идегей», несмотря на то что к тому времени он уже освещался в положительно принятой общественностью статье Н. Исанбета «500-летие татарского народного эпоса – дастана «Идегей». Составлением вариантов сборника по нему занялся сам директор Института Х. Ярмухаметов. Во второй половине 1942–1943 гг. историками ИЯЛИ активно разрабатывались темы времен Золотой Орды, Казанского ханства, актуализированные необходимостью воспроизведения исторической памяти о героическом прошлом нации.

Постепенно вырисовывался облик будущей коллективной монографии, над ней трудились два сотрудника сектора истории и четыре привлеченных со стороны на договорных началах. Уже в 1943 г. были выполнены темы по древнему периоду Н.Ф. Калининым, по Волжской Булгарии – Б.Д. Грековым, по периоду монгольских завоеваний – Х. Гимади, по Казанскому ханству – А. Башкировым, по началу XX в. – А.А. Тарасовым [27, с. 56]. В первом томе предполагалось выделить 9 глав: «Древнейшие народы, населявшие территории Татари (первобытно-общинный строй)», «Камско-волжское ханство», «Народы Среднего Поволжья под властью татаро-монгольских ханств XII–XV вв.», «Казанское ханство», «Народы Среднего Поволжья в составе Московского феодального государства – XVIII в.», «Татария – колония дворянской империи (XVIII в.)», «Татария в период разложения крепостного строя», «Татария в период буржуазных реформ 1860-х гг.», «Татария в пореформенный период (1870–1890 гг.)»⁴.

К 1944 г. работа над первым томом подходила к концу⁵. С одобрения секретаря Татарского обкома ВКП (б) В.Д. Никитина было принято решение апробировать собранный и проанализированный материал, предварительно опубликовав «Очерки по истории Татари»⁶.

Но, как уже широко известно из трудов республиканских историков И.Р. Тагирова [36], Б.Ф. Султанбекова [33–35], И.Л. Измайлова [13], Д.М. Исхакова [22], А.Г. Галлямовой [40], А.Ш. Кабировой [25], из коллективной монографии Института истории им. Ш. Марджани «Истории татар» [16, 17],

⁴ ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 89. Л. 10.

⁵ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П-7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

⁶ ГА РТ. Ф. П-7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 29.

9 августа 1944 г. кардинальным образом изменились политико-идеологические условия в социокультурной жизни Татарской АССР вообще и в судьбе татарской исторической науки, в частности. Принятое в этот день постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» в эпицентр официальной критики поставило Институт языка, литературы и истории, ученых которого обвинили в восхвалении феодально-ханского эпоса «Идегей», идеализации Золотой Орды, искаженной интерпретации конца истории Казанского ханства, которое следовало определять не как падение или завоевание Русским государством, а как присоединение к нему.

Руководство Института вынуждено было в духе времени покаяться, признать ошибки и сделать выводы. В этой связи характерны слова заведующего сектором истории Х. Гимади о том, что исследователи «не сумели подчеркнуть агрессивный характер Золотой Орды». Развивая этот постулат, он подчеркнул, что Институт не просто допустил грубейшие ошибки, а даже извратил историю татарского народа, изображая Золотую Орду как высококультурное татарское государство, отождествляя современный татарский народ с тогдашним пониманием названия татар⁷. Еще вчера строящий планы в добродушной беседе, так сказать, беседе с первыми лицами руководства Татарской республики по углублению исследований по героическому прошлому татар, директор ИЯЛИ Х. Ярмухаметов был снят с работы.

В краткие сроки историкам ИЯЛИ предстояло переделать уже практически готовые «Очерки...». Согласно установке Татарского обкома ВКП (б), они должны были быть готовы к концу 1945 г. Но, видимо, работа оглушенных резким поворотом идеологической линии авторов шла очень медленно. В марте 1946 г. за отсутствие результатов в их деятельности Институт получил «нагоняй» от бюро Татарского обкома ВКП (б), принявшего Постановление «О состоянии работы по составлению “Очерков по истории Татарской АССР”»⁸.

Вслед за этим при Институте истории Академии наук СССР была организована Комиссия содействия написанию «Истории Татарии», председателем которой был назначен доктор исторических наук А.П. Кучкин. В работе Комиссии активное участие принимали Е.Н. Кушева, Г.А. Новицкий, Р.М. Раймов, А.В. Митрофанова, Н.В. Устюгов, Ш.И. Типеев, С.В. Бахрушин и др.⁹ В их задачу входило помочь «перестроиться» казанским коллегам, которые тогда работали в едином академическом пространстве, поскольку ИЯЛИ входил в Казанский филиал АН СССР.

Уже через месяц после своего образования Комиссия организовала обсуждение подготовленного сотрудниками сектора истории ИЯЛИ проспекта «Истории Татарии с древнейших времен до наших дней». В данном собрании участие приняли крупнейшие историки страны – академики А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, М.Н. Тихомиров, В.А. Гордлевский, члены-корреспонденты АН СССР С. Богоявленский, С. В. Бахрушин, проф. А.П. Смирнов, А.А. Новосельский и др. В целом проспект получил положительную оценку. Об этом свидетельствует, в частности, суждение А.М. Панкратовой: «В свете

⁷ ГА РТ. Ф. П-7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 80.

⁸ ГА РТ. Ф. П-4557. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 об.

⁹ ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 244. Л. 1 об.

критики буржуазно-националистических и великодержавных концепций по вопросу об этногенезе казанских татар и по другим важнейшим проблемам истории Татарии, авторы проспекта уточняют целый ряд вопросов, раньше не освещавшихся в истории Татарии. Таким образом, проспект «Очерки по истории Татарии» производит благоприятное впечатление и может быть положен в основу работы над книгой по истории Татарии»¹⁰.

Наиболее животрепещущим оставался вопрос о происхождении татар. Поэтому было решено посвятить этому вопросу научную сессию в Отделении истории и философии Академии наук СССР. Данный форум состоялся 25–26 апреля 1946 г. На нем в качестве конвенциональной была утверждена концепция, согласно которой в формировании этноса казанских татар решающую роль сыграли не «монголы-завоеватели», а местные и болгаро-тюркские племена, создавшие задолго до прихода монголов государство камских болгар. Эта позиция была официально закреплена в печатном органе АН СССР – журнале «Советская этнография», где по результатам апрельской сессии были опубликованы две статьи, причём обе – без авторства, что наводит на мысль о том, что не было твердо убежденных сторонников болгаристской теории этногенеза татар Поволжья [1; 10].

Более того, несмотря на «нависшие тучи» над головами историков, они не уничтожили научный дискурс о происхождении татар. Об этом свидетельствует полемика, развернувшаяся в 1951 г. на страницах одного из ведущих советских изданий исторической периодики – «Вопросах истории». Она, кстати, имела прямое отношение к предмету данной статьи. Дело в том, что дискуссия началась со статьи Магомеда Гарифовича Сафаргалиева, в которой он выступил с критикой содержания рукописи будущей коллективной исторической монографии, не соглашаясь с отрицанием роли золотоордынского компонента в формировании татарского этноса. Против статьи Сафаргалиева выступили Николай Иосифович Воробьев, Николай Филиппович Калинин и Хайри Гимади. «Проявление такой дружной одновременной реакции наталкивает на мысль о ее заказном характере и говорит о том, что идеологическая машина в соответствии с рецепцией августовского (1944 г.) Постановления работала» [4, с. 330].

Возвращаясь к 1946 г., необходимо отметить, что в ходе совместного обсуждения московскими и казанскими учеными проекта фундаментального труда по истории татар стало понятно, что имевшемуся авторскому коллективу было не под силу в свете новых политико-идеологических директив быстро создать фундаментальный труд. Он был расширен за счет ученых Москвы, казанских вузов, архивов и музеев. В результате к концу 1946 г. рукопись монографии в объеме 30 печатных листов была готова. Оформленная как «Материалы по истории Татарской АССР», она была направлена для рецензирования в Институт истории АН СССР. К середине 1947 г. оттуда была получена положительная рецензия и рекомендация к печати. После этого ИЯЛИ передал «Материалы...» в Татарское книжное издательство, полагая что они будут опубликованы в следующем 1948 г. В этом же году планировалось издать и первый том «Истории ТАССР», а через год – в 1949 г. –

¹⁰ ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 241. Л. 1 об.

второй том по советской истории, работа по нему в секторе истории тоже шла полным ходом¹¹.

Однако в 1948 г. начались новые кампании, ужесточающие деятельность ученых практически во всех отраслях: биологии, философии, политической экономии и др. По всей стране начались гонения на ученых, усилились репрессии, под каток которых можно было попасть за малейшее неосторожно сказанное слово, за дела давно минувших дней. К примеру, декана историко-филологического факультета Казанского университета сняли с должности только за то, что в 1927 г. он, будучи студентом воздержался от голосования на собрании по вопросу исключения из рядов Коммунистической партии нескольких студентов, подозревавшихся в троцкизме [4, с. 343]. Преподавателя истории КГУ В.Н. Смирнову уволили за то, что она приютила у себя вернувшегося из ссылки своего бывшего научного руководителя С.М. Дубровского, обвиненного в троцкизме [11, с. 32].

С новой силой зазвучали обвинения творческих деятелей, интеллектуалов за низкопоклонство перед западом, за недостаточную приверженность марксизму-ленинизму и нахождению в плену буржуазного объективизма, идеалистических течений. В этом русле в опалу попал коллектив ИЯЛИ. На этот раз в фокусе оказались литературоведы и лингвисты, обвиненные в недостаточной приверженности материалистическо-классовой теории Марра о происхождении языков. На партсобрании ИЯЛИ, посвященном марровскому учению, сотрудников секторов языка и литературы обвинили в некритическом подходе к старой тюркологии, недостаточном разоблачении «теории единого потока» и формализма в литературоведении¹². В результате разработка научной грамматики и диалектологии татарского языка была заторможена и сектору языка не удалось опубликовать ни одного исследования, кроме словарей¹³.

Кроме того, несмотря на, казалось бы, проведенную в 1944–1947 гг. Татарским обкомом ВКП (б) обстоятельную идеологическую проработку, не допускающую никакой политико-идеологической близорукости татарских гуманитариев, на страницах центральной газеты «Культура и жизнь» вновь в фокус критики попал «свежеиспеченный» учебник-хрестоматия по татарской литературе для восьмого класса, выполненный сотрудниками ИЯЛИ. Татарскому обкому ВКП (б) опять пришлось организовать «обличительную» кампанию, в ходе которой, как отмечал Б.Ф. Султанбеков, проанализированные «ошибки», касались больше не литературных, а общеисторических вопросов [35, с. 87]. В 1948 г. вышло Постановление Татарского обкома ВКП (б) «Об ошибках в учебнике литературы для восьмого класса татарских средних школ» [4, с. 331–332], которое привело к отмене публикации подготовленных к печати учебных

¹¹ ГА РТ. Ф. П-4557. Оп. 1. Д. 4. Л. 198.

¹² ГА РТ. Ф. П-4557. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

¹³ В 1948 г. были изданы русско-татарский, диалектологический, орфографический словари татарского языка. В 1950 г. были опубликованы татарско-русский, русско-татарский словари терминов по психологии и педагогике. В министерство просвещения были сданы 4 терминологических словаря (по химии, языкознанию, математике, физике), планировалось завершение словаря по географии.

пособий. Теперь их, наряду с уже изданными трудами института, должны были подвергнуть пересмотру согласно новой идеологической установке и с последующим обсуждением на заседании ученого Совета¹⁴.

В соответствии с новым духом времени был отредактирован I том «Истории Татарской АССР» и в 1949 г. он обсуждался на Ученом Совете Института истории АН СССР. Далее в 1950 г. после рассмотрения «заинтересованными лицами и учреждениями» книга на правах рукописи «для ознакомления научной общественности» была отпечатана¹⁵. После этого ее предполагалось издать массовым тиражом. Но в июне 1950 г. возникло новое идеологическое веяние, которое потребовало вновь пересмотреть некоторые принципиальные формулировки в изложении «Истории татар». Это была статья «Марксизм и вопросы языкознания», автором которого являлся сам «великий корифей науки, друг советских ученых товарищ Сталин». Марризм теперь был заклеен как антинаучное учение.

Новая смена политических декораций повлекла пересмотр подходов к вопросу об этногенезе казанских татар [5; 6]. В результате уже опубликованные сборники «Происхождение казанских татар», «Материалы по истории Татарии» и подготовленная «История Татарской АССР» были подвергнуты публичному осуждению. На партийном собрании ИЯЛИ, ранее критиковавшем сотрудников в том, что они стоят в стороне от наследия академика Марра, теперь, наоборот, было принято решение, осуждающее исследователей за то, что в их трудах под влиянием марризма прослеживались вульгаризация и упрощение марксизма¹⁶.

После учета новых идеологем в начале 1951 г. ИЯЛИ удалось завершить оба тома «Истории Татарской АССР». I том книги (с древнейших времен до Октябрьской революции) был подписан в печать 27 марта 1951 г. и в том же году вышел тиражом в 10 тысяч экземпляров. Второй том, посвященный советскому периоду, был отдан в печать в виде «Материалов по истории Татарии». В предисловии к первому тому большое место заняло разъяснение «исторического значения» Постановления от 9 августа 1944 г., «вскрывшего идеологические ошибки в освещении важнейших вопросов истории татарского народа» [18, с. 11].

Однако мытарства многострадальной монографии на этом не закончились. Новым препятствием на пути к читателю стал Главлит, орган, который на протяжении всего советского периода оставался неизменным стражем незыблемости политических императивов в публичной сфере. В 1952 г., когда политическая атмосфера в стране была еще до предела накалена, работники этого республиканского органа не торопились дать добро на доступ монографии к читателю. Она находилась на контроле у цензора М.В. Каменской, которая сообщила, что прочла книгу, но не дала еще своего разрешения. При этом работа историков находилась в обкоме, который должен был официально начать проверку только после получения докладной цензора¹⁷. Оче-

¹⁴ ГА РТ. Ф. П-4557. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

¹⁵ Там же. Д. 20. Л. 32.

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 42.

¹⁷ ГА РТ. Ф. П-1704. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

видно, контролирующие органы заняли выжидательную позицию, придерживая «Историю татарского народа». В январе 1952 г. Татарский обком ВКП (б), страхуясь от обвинений в недостаточной политической бдительности, в очередной раз очертил пространство деятельности национальной гуманитарной интеллигенции в Постановлении «Об ошибках в учебнике литературы для восьмого класса татарских средних школ». Оно содержало еще более уничижительную, по сравнению с 1948 г., критику языковедов ИЯЛИ за политические ошибки, допущенные в освещении памятников древней татарской литературы. Но на этот раз острие критики больше было направлено на восхваление «буржуазно-националистического движения джадидизма».

При обсуждении данного Постановления на партсобрании ИЯЛИ было отмечено, что подобные недостатки и упущения имеются при рассмотрении вопросов культуры в I томе «Истории Татарской АССР». В частности, было сказано, что в главах, написанных доцентом Е.И. Чернышёвым, некритически использованы материалы сотрудника сектора литературы Б.А. Яфарова¹⁸ о писателях Мавля Колый, Утыз Имяни, Габденнасыр Курсави, проповедавших суфизм и «прочую религиозную мистику». На собрании прозвучало, что их «контрреволюционная идеология» неверно характеризуется в книге, как антифеодалная, антикрепостническая, как предшествующая просветительскому движению среди татар. На этом же собрании было переоценено движение джадидов», было принято решение отказаться от положительной оценки их реформаторской роли в системе школьного образования, поскольку это противоречило официальным установкам. В этой связи было признано ошибочным называть видными просветителями богослова М.Я. Бигиева и историка К. Халиди, а Г.Ю. Кулахметова, наоборот, требовалось характеризовать не как меньшевистского публициста, а как первого пролетарского писателя¹⁹.

Стало ясно, с учетом этих позиций требовалось внести очередные коррективы в «Историю...». Главный редактор издания Х. Гимади, заявляя о необходимости ее переделать, позволил заметить, что обком не оказывал ИЯЛИ должной своевременной помощи²⁰. Под этим, очевидно, имелось в виду отсутствие со стороны официоза четкого разъяснения позиции, которой должны были придерживаться авторы, не вправе сделать от нее малейшего отступления.

Итак, в 1952 г. началась новая серия «работы над ошибками» в I томе «Истории Татарской АССР». На этом этапе роковую роль в судьбе монографии сыграла статья сотрудников партшколы при Татарском обкоме ВКП (б) И. Ионенко и П. Абрамова, опубликованная 18 февраля 1953 г. в газете «Советская Татария». Она носила остро критический и явно заказной характер, поскольку ранее оба автора занимали совсем другую позицию. Книгу [18, с. 6], в обсуждении которой они участвовали и рекомендовали к печати, теперь критиковали в том, что в ней не показано «социально-экономическое содержание прогрессивности присоединения народностей Среднего Поволжья к русскому государству», и неверно трактовано, что «с присоединением

¹⁸ После выхода Постановления Б.А. Яфаров был уволен

¹⁹ ГА РТ. Ф. П-7571. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10.

²⁰ ГА РТ. Ф. П-4547. Оп. 1. Д. 28. Л. 242.

Среднего Поволжья русские оттеснили татарскую народность с лучших земель, берегов Волги и Камы в глубинные районы» [15]. Не обошли Ионенко и Абрамов и золотоордынский фактор, указав, что в «Истории...» не подчеркивается реакционная сущность навязанного золотоордынскими правителями политического строя Казанского ханства, которое рассматривалось в «Истории ТАССР» как прямое продолжение феодального государства болгарской народности. Авторам указывали на необходимость отбросить такие понятия, как «покорение» и «завоевание», когда речь идет о народностях Среднего Поволжья, а писать об «объединении и сближении с великим русским народом, в обстановке нарастающей агрессии со стороны Турции и Крыма», о развитии «экономических, торговых и культурных связей с быстро растущим Русским государством» [15]. При этом важно отметить, что еще недавно в 1949 г. И. Ионенко выступил со страниц республиканской газеты с разгромной критикой в адрес историков ИЯЛИ, которых обвинял в игнорировании ими значения золотоордынского периода в истории казанских татар [2].

После публикации статьи И. Ионенко и П. Абрамова весь тираж I тома «Истории ТАССР» был изъят и уничтожен. Примечательно, что в ответной статье «Шире развернуть критику и борьбу мнений в науке» секретарь парторганизации КФАН Б.М. Юсупов написал: «Институт языка, литературы и истории [...] еще в 1947 г. закончил составление первого тома истории Татарии (досоветский период). Но том до сих пор не вышел в свет. Уже шестой год он проходит стадию проверки и исправления ошибок. В трудах данного института допускается много идеологических ошибок, искажений исторических фактов...» [39].

I том в переработанном виде увидел свет лишь в 1955 г. – период преодоления наиболее одиозных явлений сталинизма. В советской историографии это считалось первым изданием книги, о публикации 1951 г. умалчивалось. В этой связи уместно привести выдержку из историографической статьи главного редактора издания Х. Гимади: «Иногда представленные работы залеживались годами и затем устаревали. Так, например, I том «Истории Татарии», подготовленный к печати в 1951 г. увидел свет только в 1955 г.»²¹. Впервые об изъятии целого тиража книги написал лишь в 1989 г., в период демократизации и гласности, Г.Л. Файзрахманов [37, с. 111].

В начале 1956 г. на правах рукописи был издан макет II тома «Истории Татарской АССР», как материал для обсуждения в количестве 200 экземпляров. Он состоял из 10 глав, в них раскрывалось прошлое Татарии, начиная с февраля 1917 г. и заканчивая серединой 1950-х гг. Авторами II тома являлись Х.Г. Гимади, Х.Х. Хасанов, М.К. Мухарьямов, И.М. Климов, Ш.Ф. Мухамедьяров, А.А. Тарасов, Е.И. Устюжанин, Г.М. Хисамутдинов, Г.А. Плотникова.

В главе восьмой «Татария в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» отдельным параграфом выделен материал об августовском (1944 г.) Постановлении [19, с. 402–403]. Интересно отметить, что, раскрывая содержание Постановления, авторы останавливаются только на критике, дан-

²¹ ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 240. Л. 7.

ной в нем в адрес Татарской партийной организации, не затрагивая идеологических директив в отношении татароведения.

Макет был отправлен в Москву в отдел истории советского общества. Но свои коррективы в работу над книгой внес прошедший в феврале знаменитый XX съезд КПСС, после которого историки остались в некотором замешательстве, не понимая, в каком направлении им работать. Растерянность, состояние когнитивного диссонанса четко прослеживаются в письме Х. Гимади, адресованном в Институт истории АН СССР заведующей сектором Августе Васильевне Митрофановой. «Без обсуждения в Москве, – пишет он, – коренную ломку тома невозможно допустить. Пример все же нам должна показать Москва». Тут же он спрашивает: «Каким путем перестраиваются Институт истории и другие исторические учреждения Москвы»²².

Переделанный II том планировали закончить и вынести на обсуждение к декабрю 1957 г., а в 1958 г. – опубликовать. Но работа затянулась по техническим причинам: в институте долгое время не было машинистки, затем напечатанные экземпляры медленно проходили этап рецензирования. В итоге издание вышло в свет лишь в 1960 г.

Таким образом, с установлением господства коммунистической моноидеологии в 1930-е гг., власти беспепелляционно вмешивались в деятельность институций, работающих в сфере социально-гуманитарных трудов, директируя их концептуальное обрамление. Наиболее пристальное внимание официоза вызывали наработки историков. Об этом напрямую свидетельствует двухтомный труд по истории Татарской АССР, мучительное создание которого осуществлялось на протяжении почти двух десятилетий, начиная с конца 1930-х гг. Свет он смог увидеть только в период относительной демократизации советского строя, так называемую «оттепель».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросы этногенеза // Советская этнография. 1946. № 3. с. 37–92.
2. Галимзянова А.Т. Две позиции в отношении Постановления ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г.: Х. Гимади, И.М. Ионенко // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2021. № 3. С. 72–82.
3. Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797.
4. Галлямова А.Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.). Казань: кн. изд-во, 2015. 455 с.
5. Гимади Х. О некоторых вопросах истории Татари // Вопросы истории. 1951. № 12. С.118–126.
6. Гимади Х. И.В. Сталинның тел гыйлеми турында ойрәтүләре яктылыгында Казан татарларының килеп чыгуы мәсьәләсенә карата // Совет әдәбияты. 1952. № 6. С. 55–67.

²² ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 54. Оп. 2. Д. 141. Л. 4.

7. Гимади Х.Г. Об изучении истории Татарской АССР за 40 лет: Краткий обзор // Известия КФАН: Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: Таткнигоиздат, 1957. С. 28–41.
8. Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск: Изд-во БГУ им. И.Г. Петровского, 2005. 800 с.
9. Дущенко Е.С. К вопросу о советских учебниках по истории: деятельность А.В. Шестакова // Вестник ТГУ. Вып. 6 (86). 2010. С. 279–283.
10. Е.К. Вопросы этногенеза татар Поволжья // Советская этнография. 1946. № 3. С. 149–158.
11. Егоров А.Н. Общественно-политическая ситуация «оттепели» (1953–1964 гг.) в восприятии современников – преподавателей и студентов Казанского государственного университета: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 211 с.
12. Зеленев М.В. Источниковедческие проблемы истории текста Краткого курса истории ВКП (б). [электронный ресурс] Режим доступа: <https://rabkrin.org/zelenov-m-v-istochnikovedcheskie-probl/>, свободный.
13. Измайлов И., Гибадуллина Р. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. Вып. 3–4. С. 96–101.
14. Измайлов И.Л. Оценка болгарского периода в татарской истории: научные концепции и общественное сознание // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 57–75.
15. Ионенко И., Абрамов П. Об историческом значении присоединения Татарии к Русскому государству // Советская Татария. 1953. 18 февраля. С. 3–4.
16. История татар с древнейших времен в 7 томах. Т. VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. / гл. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2013. 1003 с.
17. История татар с древнейших времен в 7 томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 6–8.
18. История Татарской АССР. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / ред. кол. Н.И. Воробьев, М.Х. Гайнуллин, Х.Г. Гимади, И.М. Климов, Е.И. Устюжанин. Казань: Татгосиздат, 1951. 660 с.
19. История Татарской АССР. Т. II. С 1917 года до наших дней // Ред. коллегия: Х.Г. Гимади, Х.Х. Хасанов, М.К. Мухарямов. Казань: Таткнигоиздат, 1956. 500 с.
20. Исаков Д.М. К вопросу о концепции национальной истории татар // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 5–18.
21. Исаков Д.М. Научная интеллигенция и национальное самосознание татар. (1940–1990-е гг.) // Татарский путь: права народа и политкорректность. Казань: Магариф, 2003. С. 129–136.
22. Исаков Д.М. О концептуальных проблемах татарской исторической науки и задачах журнала «Tatarica» // Tatarica. 1997/98. № 1. [электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.tataroved.ru/publication/nprop/11/6/>, свободный.
23. Исаков Д.М., Измайлов И.Л. Урок полуграмотной истории // Татарстан. 1995. № 9–10. С. 102–111.
24. Кабирова А.Ш. Историография советского периода истории Татарстана (1917–1950-е гг.). Казань, 2008. 174 с.
25. Кабирова А.Ш. Татарский национальный фактор как элемент идеологической либерализации в годы Великой Отечественной войны // Tatarica. 2015. № 1 (4). С. 98–109.
26. Крашенинникова Т.П., Синицын О.В. Путь историка (Е.И. Устюжанин) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2013. № 3/4. С. 130–143.

27. Культурное строительство в Татарии (1941–1970). Документы и материалы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. 520 с.
28. Литвин А.Л. Без права на мысль. Историки в эпоху Большого Террора. Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. 194 с.
29. Лукашин А., Сорокин А. Не освещен вовсе аппарат самодержавия // Родина. 1.09.2016. № 9 (916). [электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html>
30. Мухарямов М., Литвин А. Историки Татарии и их труды // Коммунист Татарии. 1967. № 12. С. 78–82.
31. Мухарямов М.К. Основные направления деятельности Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР // Развитие гуманитарных наук в Татарии. Казань, 1977. С. 3–22.
32. Мухарямов М.К., Гильманов З.И. Развитие исторической науки в ИЯЛИ КФАН СССР (1946–1975 гг.) // Татария в прошлом и настоящем. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1975. С. 3–21.
33. Пискарев В., Султанбеков Б., Гибадуллина Р. «Этот учебник не выдерживает большевистской критики» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1–2. С. 81–111.
34. Султанбеков Б.Ф. «Идегей», Сталин и наше время // Страницы секретных архивов. Казань: Тат. кн. изд-во, 1994. С. 203–235.
35. Султанбеков Б.Ф. Учебник запретить и сжечь // История в лицах. Казань, Таткнигодат, 1997. С. 83–98.
36. Тагиров И.Р. История и культура перед судом политики // История и политика: Учебное пособие для студентов специальности «Отечественная история». Казань, 2009. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://сувары.пф/ru/content/istoriya-i-kultura-pered-sudom-politiki>, свободный.
37. Файзрахманов Г.Л. Развитие гуманитарных исследований в сороковые-восьмидесятые годы (к 50-летию Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР) // Великий Октябрь и вопросы формирования татарской социалистической нации / отв. ред. М.К. Мухарямов. Казань, 1989. С. 96–122.
38. Файзрахманов И.З. Евгений Иванович Чернышев: биография и научное наследие (к 125-летию со дня рождения) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. № 9. Т. 2. С. 143–157.
39. Юсупов Б. Шире развернуть критику и борьбу мнений в науке // Советская Татария. 1953. 26 февраля. С. 2.
40. Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I. The Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in August 1944 and the Tatar Intelligentsia. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 185–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199.

Сведения об авторах: Алина Тагировна Галимзянова – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1988-0522. E-mail: alisabitva@mail.ru

Альфия Габдульнуровна Галлямова – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4344-902X. E-mail: alfiya1955@gmail.com

Поступила 10.01.2023 Принята к публикации 02.03.2023
Опубликована 29.03.2023

REFERENCES

1. Issues of ethnogenesis. *Sovetskaya etnografiya*. 1946, no 3, pp. 37–92. (In Russian)
2. Galimzyanova A.T. Two standpoints on the Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks from August 9, 1944: Kh. Gimadi and I. M. Ionenko. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 2021, no. 3, pp. 72–82. (In Russian)
3. Gallyamova A.G. “Reprisal” for the Golden Horde in the mid-twentieth century: the ideological discourse in tatar medieval studies in the light of the Decree of August 1944. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, Vol. 7, no 4, pp. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797. (In Russian)
4. Gallyamova A.G. *Tatar ASSR in the period of post-Stalinism (1945–1985)*. Kazan: knizhnoe izdatel'stvo, 2015. 455 p. (In Russian)
5. Gimadi Kh. On some issues of the history of Tataria. *Voprosy istorii*. 1951, no. 12, pp.118–126 pp. (In Russian)
6. Gimadi Kh. To the question of the origin of the Kazan Tatars in the light of I.V. Stalin's teachings on linguistics. *Sovet adabiyaty*. 1952, no. 6, pp. 55–67. (In Tatar)
7. Gimadi X.G. On the study of the history of the Tatar ASSR for 40 years: A brief overview. *Izvestiya KfAN: Seriya gumanitarnykh nauk*. Kazan: Tatknigoizdat, 1957, issue 2, pp. 28–41. (In Russian)
8. Dubrovskiy A.M. *Historian and government*. Bryansk: Izdatel'stvo BGU im. I.G. Petrovskogo, 2005. 800 p. (In Russian)
9. Dushhenko E.S. To a question of the soviet textbooks on history: A.V. Shestakov's activity. *Vestnik TGU*. Iss. 6 (86). 2010, pp. 279–283. (In Russian)
10. E.K. Issues of the ethnogenesis of the Volga Tatars. *Sovetskaya etnografiya*. 1946, no. 3, pp. 149–158. (In Russian)
11. Egorov A.N. *The Socio-Political Situation of the “Thaw” (1953–1964) in the Perception of Contemporaries – Teachers and Students of Kazan State University*: Cand. (sci) degree dissertation. Kazan, 2010. 211 p. (In Russian)
12. Zelenov M.V. Source study problems in the history of the text of the Short Course in the CPSU (b) History. Available at: <https://rabkrin.org/zelenov-m-v-istochnikovedcheskie-probl/,svobodnyy>. (In Russian)
13. Izmaylov I., Gibadullina R. “There is not a Marxist Assessment of the Golden Horde”. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 1996, no. 3–4, pp. 96–101. (In Russian)
14. Izmaylov I.L. Assessment of the Bulgar Period in Tatar History: Academic Concepts and Public Consciousness. *Nacional'naya istoriya tatar: teoretiko-metodologicheskoe vvedenie*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 57–75. (In Russian)
15. Ionenko I., Abramov P. On the historical significance of the accession of Tataria to the Russian state. *Sovetskaya Tatariya*. 1953, 18 fevralya, pp. 3–4. (In Russian)
16. The History of the Tatars from Ancient Times in 7 vols. Vol. VII: Tatars and Tatarstan in the 20th – early 21st century. Chief Editor R.S. Khakimov. Kazan: Institut istorii im. Sh. Marjani, 2013. 1003 p. (In Russian)
17. The History of the Tatars from Ancient Times in 7 vols. Vol. III: The Ulus of Jochi (Golden Horde). The thirteenth – mid-fifteenth century. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 6–8. (In Russian)

18. History of the Tatar ASSR. Vol. I. From ancient times to the Great October Socialist Revolution (edited by N.I. Vorob'ev, M.X. Gaynullin, Kh.G. Gimadi, I.M. Klimov, E.I. Ustyuzhanin). Kazan: Tatgosizdat, 1951. 660 p. (In Russian)

19. History of the Tatar ASSR. Vol. II. From 1917 to the present day (edited by: Kh.G. Gimadi, X.X. Khasanov, M.K. Mukharyamov). Kazan: Tatknigoizdat, 1956. 500 p. (In Russian)

20. Iskhakov D.M. On the issue of the concept of the Tatars' national history. *Nacional'naya istoriya tatar: teoretiko-metodologicheskoe vvedenie*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 5–18. (In Russian)

21. Iskhakov D.M. The Scientific Intelligentsia and the National Identity of the Tatars (1940–1990s). *Tatarskiy put': prava naroda i politkorrektnost'*. Kazan: Magarif, 2003, pp. 129–136. (In Russian)

22. Iskhakov D.M. On the conceptual problems of Tatar historical science and the tasks of the magazine "Tatarisa". *Tatarica*. 1997/98, no. 1. Available at: <http://www.tataroved.ru/publication/npop/11/6/>, svobodnyy. (In Russian)

23. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. A Lesson in Semiliterate History. *Tatarstan*. 1995, no. 9–10, pp. 102–111. (In Russian)

24. Kabirova A.Sh. *Historiography of the Soviet period in the history of Tatarstan (1917–1950s)*. Kazan, 2008. 174 p. (In Russian)

25. Kabirova A.Sh. The Tatar National Factor as an Element of Ideological Liberalization during the Great Patriotic War. *Tatarica*. 2015, no. 1 (4), pp. 98–109. (In Russian)

26. Krashennnikova T.P., Sinicyan O.V. The historian's path (E.I. Ustyuzhanin). *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 2013, no. 3/4, pp. 130–143. (In Russian)

27. Cultural Construction in Tatarstan (1941–1970): Documents and Materials. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1976. 520 p. (In Russian)

28. Litvin A.L. *Without the right to think. Historians during the Great Terror*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1994. 194 p. (In Russian)

29. Lukashin A., Sorokin A. The apparatus of the autocracy is not illuminated at all. *Rodina*. 1.09.2016, no. 9 (916). Available at: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html>, svobodnyy. (In Russian)

30. Mukharyamov M., Litvin A. Historians of Tataria and their writings. *Kommunist Tatarii*. 1967, no. 12, pp. 78–82. (In Russian)

31. Mukharyamov M.K. The main activities of the Institute of Language, Literature and History. G. Ibragimova KFAN USSR. *Razvitie gumanitarnykh nauk v Tatarii*. Kazan, 1977, pp. 3–22. (In Russian)

32. Mukharyamov M.K., Gil'manov Z.I. The development of historical science in the IYALI KFAN USSR (1946–1975s). *Tatariya v proshlom i nastoyashhem*. Kazan: IYaLI KFAN SSSR, 1975, pp. 3–21. (In Russian)

33. Piskarev V., Sultanbekov B., Gibadullina R. «Etot uchebnik ne vyderzhivaet bol'shevistskoy kritiki». *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 1997, no. 1–2, pp. 81–111. (In Russian)

34. Sultanbekov B.F. "Idegei", Stalin and our time. *Stranitsy sekretnykh arkhivov*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1994, pp. 203–235. (In Russian)

35. Sultanbekov B.F. Prohibit and burn the textbook. *Istoriya v litcakh*. Kazan: Tatknigoidat, 1997, pp. 83–98. (In Russian)

36. Tagirov I.R. History and culture before the court of politics. *Istoriya i politika: Uchebnoe posobie dlya studentov special'nosti «Otechestvennaya istoriya»*. Kazan, 2009. Available at: <https://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/istoriya-i-kultura-pered-sudom-politiki>, svobodnyy. (In Russian)

37. Fayzraxmanov G.L. The development of humanitarian research in the 1940–80s: On the occasion of the 50th anniversary of the G. Ibragimov Institute of Language, Litera-

ture and History. *Velikiy Oktyabr' i voprosy formirovaniya tatarskoy sotcialisticheskoy natsii*. Kazan, 1989, pp. 96–122. (In Russian)

38. Fayzrakhmanov I.Z. Evgeny Ivanovich Chernyshev: biography and scientific heritage (to the 125th anniversary of his birth). *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzhya*. 2019, no. 9, Vol. 2, pp. 143–157. (In Russian)

39. Yusupov B. Expand criticism and struggle of opinions in science more widely. *Sovetskaya Tatarsiya*. 1953. 26 fevralya, p. 2. (In Russian)

40. Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I. The Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in August 1944 and the Tatar Intelligentsia. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 185–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199.

About the authors: Alina T. Galimzyanova – Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1988-0522. E-mail: alisabitva@mail.ru

Alfiya G. Gallyamova – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4344-902X. E-mail: alfiya1955@gmail.com

*Received January 10, 2023 Accepted for publication March 2, 2023
Published March 29, 2023*

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ ИСТОРИИ УЛУСА ДЖУЧИ В «ИСТОРИЯХ КАЗАХСКОЙ ССР» В 1940–1950-Х ГОДАХ

А.С. Шакиева

*Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева
Астана, Казахстан
aisaule_10@mail.ru*

Цель исследования: изучение описания Улуса Джучи с 1943 г. в академическом издании «История Казахской ССР», анализ и сравнение изменений в последующих переизданиях книг.

Материалы исследования: архивные материалы центральных архивов Казахстана, в том числе документы Архива Президента РК, Центрального государственного архива РК, архива Академии Наук Казахской ССР.

Результаты и научная новизна: статья посвящена истории изучения Золотой Орды в Советском Казахстане, разбору политических соображений в историографии, в том числе научного издания «История Казахской ССР» под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой (1943 г.). Основное внимание уделено обсуждению на специальных редакционных совещаниях, организованных при отделе пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана в 1940–1950-х гг. Проанализированы пропагандистские мероприятия со стороны историков, писателей, поэтов и филологов, которые популяризовали положительный образ Золотой Орды и Идегея в своих произведениях. А также изучено Постановление от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Рассмотрены архивные документы, например: протоколы заседания бюро ЦК Компартии Казахстана, стенограммы заседания сектора Истории СССР до XIX в., обсуждения института Истории АН СССР глав «История Казахской ССР».

Ключевые слова: История Казахской ССР, А.М. Панкратова, Золотая Орда, Институт истории Академии наук СССР, академическое издание

Для цитирования: Шакиева А.С. Особенности освещения истории Улуса Джучи в «Историях Казахской ССР» в 1940–1950-х годах // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 220–241. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.220-241 EDN: UFKYJA

© Шакиева А.С., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

FEATURES OF COVERAGE OF THE ULUS JOCHI HISTORY IN THE “HISTORIES OF THE KAZAKH SSR” IN THE 1940s–1950s

A.S. Shakiyeva

*L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan
aisaule_10@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* to study the description of the Ulus of Jochi in the academic publication “History of the Kazakh SSR” since 1943, analyze and compare changes in subsequent reprints of the book.

Research materials: The research is based on archival materials from the central archives of Kazakhstan, including documents from the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, and the archive of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR.

Results and novelty of the research: This article focuses on the history of the study of the Golden Horde in Soviet Kazakhstan and the analysis of political considerations in historiography, particularly in the scientific publication “History of the Kazakh SSR” edited by M. Abdykalykov and A. Pankratova (1943). The main emphasis is on the discussions that took place at special editorial meetings organized by the Propaganda and Agitation Department of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan in the 1940s and 1950s. The propaganda activities of historians, writers, poets, and philologists who popularized the positive image of the Golden Horde and Edige in their works are also analyzed. Additionally, the research examines the August 9, 1944 Decree “On the state and measures to improve mass-political and ideological work in the Tatar party organization.” Archival documents, such as minutes of the meetings of the Bureau of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan, transcripts of the meetings of the sector of the History of the USSR until the 19th century, and discussions in the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR on the chapters “History of the Kazakh SSR” are also considered.

Keywords: History of the Kazakh SSR, A.M. Pankratova, Golden Horde, Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, academic publication

For citation: Shakiyeva A.S. Features of Coverage of the Ulus Jochi History in the “Histories of the Kazakh SSR” in the 1940s–1950s. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 220–241. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.220-241 (In Russian)

Первой крупной работой в годы Великой Отечественной войны, освещающей историю казахского народа, стала «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней» под редакцией академика А.М. Панкратовой совместно с эвакуированными учеными из Москвы, из Академии наук СССР. Среди них были известные ученые, академики, члены-корреспонденты Академии наук А.М. Панкратова, С.В. Бахрушин, доктор исторических наук А.Ф. Миллер, кандидаты исторических наук А.П. Кучкин, Д.А. Баевский, С.Д. Петропавловский, П.К. Алифиренко, Е.И. Веденева. Идея написания книги «История Казахской ССР» была задумана еще в 1942 г. алматинской группой эвакуированных ученых совместно с Казахским филиалом Академии наук Казахской ССР. Основной целью для написания книги руководство Казахской ССР предположило, что труд в условиях Великой Отечественной войны поможет подъему патриотического духа казахского народа в герой-

ских традициях его прошлой борьбы, особенно важного для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Рабочая группа завершила первоначальный вариант книги, и она была опубликована в 1943 г.

Этот труд, написанный известными советскими историками, занимает важное место в изучении истории Казахстана. Составители «Истории Казахской ССР» впервые сделали очень важную попытку систематического освещения истории казахского народа. Научное издание вызвало особый интерес к вопросам дальнейшей разработки истории Советского Казахстана среди ученых, ориентировавших на переоценку малоисследованных проблем.

Академик Н.М. Дружинин в своих воспоминаниях писал: «В октябре 1941 г. большая группа сотрудников института была эвакуирована в Среднюю Азию. Мы встретились с А.М. Панкратовой спустя месяц в столице Казахской ССР Алма-Ате. Город был переполнен эвакуированными, людям не хватало помещения, и нас хотели отправить в Джамбул. А.М. Панкрата и тут проявила инициативу и энергию: она убедила республиканские органы в том, что мы можем быть полезны Казахскому филиалу Академии в создавшихся военных условиях своими знаниями и работой. А.М. Панкрата выдвинула перед руководящими органами Казахстана новое предложение – общими усилиями приезжих и местных историков написать научное пособие по истории Казахской ССР (эта задача уже была намечена в Казахстане, но не могла быть осуществлена за недостатком научных сил). После этого предложение А.М. Панкратовой было принято. Начались заседания авторов, привлеченных из числа молодых казахских историков, приехавших москвичей, эвакуированных работников из Харькова, местных руководителей» [9, с. 23–25].

«История Казахской ССР» стала первой научной работой в Советском Союзе, которая охватывала периоды с древнейших времен до 1943 г.¹ Академическое издание под началом эвакуированных специалистов Института истории АН СССР, находившихся в Алматы, преследовал идеологический диктат. Из воспоминания академика Н.М. Дружинина: «В июне 1943 года «История Казахской ССР» вышла из печати. Это был первый шаг по созданию истории национальной республики. Книга была выдвинута на соискание Государственной премии. По сообщению редактора А.М. Панкратовой, на первом заседании Комитета по премиям «История» получила общее одобрение. Однако на следующем заседании советский ученый сделал заявление, что «комитетом была совершена ошибка, что «История Казахской ССР» должна быть осуждена за свое направление. В конце концов, это мнение получило перевес в комитете» [17, с. 175].

14 марта 1943 г. академик А.М. Панкрата написала письмо секретарям ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцову, Ж. Шаяхметову, Н. Ундасынову. В письме отмечено, что «среди казахских историков имеется тенденция на основании этого процесса политического обособления казахского народа от

¹ В 1941 году была опубликована книга «Очерки по истории Казахской ССР» (с древнейших времен по 1870 г.) [5]. М.П. Вяткин охарактеризовал Золотую Орду как «государство феодального типа. При слабых экономических связях между районами единство отдельных частей поддерживалось отношениями феодальной зависимости» [5, с. 69]. В его работе была предпринята попытка систематизировать письменные источники, основная концепция академика нашла отражение в обобщающем труде «История Казахской ССР».

Золотой Орды рассматривать монголо-татарские государства на территории Казахстана, сложившиеся в результате завоеваний, как собственную историю казахского народа. Они отрицают факт монгольского завоевания и характеристику Маркса о разрушительных действиях монгольского завоевания во всех занятых им странах»².

В письме А.М. Панкратова показала, что книга «История Казахской ССР», при всех ее возможных на данном уровне развития исторической науки недостатках, представляет собой полезное и нужное издание для воспитания казахского народа. А также несмотря на идеологическое давление со стороны руководства Коммунистической партии рабочая группа завершила работу над первым академическим изданием «История Казахской ССР».

Обсуждение отчета академика А.М. Панкратовой о ходе работы над написанием академического издания было заслушано несколько дней, в том числе 29 мая, 1 и 22 июня, 8 июля 1944 г. Как пишет С.Ф. Мажитов: «Это мероприятие затронуло ряд важнейших вопросов, касающихся истории всех национальных республик. Здравомыслящими исследователями была сделана попытка осуществить постепенный отход от трактовки истории завоевания новых народов Российской империей как «наименьшего зла». По сути, это было «покушением» на сталинскую трактовку национального вопроса в СССР» [17, с. 67]. Многие историки того времени, как и Е.Б. Бекмаханов, оказались в плену идеологических установок партии и сталинского режима и не могли выполнять свои истинные функции.

«Истории Казахской ССР» 1943 г. состоит из трех разделов: 1. «Народы Казахстана в период независимости»; 2. «Казахстан – колония»; 3. «Казахстан социалистический». Данное построение являлось результатом специального обсуждения редакционной коллегии по вопросу периодизации книги. Например, «История Казахской ССР» по содержанию охватывал громадный исторический период развития казахского народа: от первых следов человеческой жизни на территории Казахстана до наших дней.

В книге, исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма, показано, что казахская народность, как и всякая другая, сложилась путем консолидации местных племен. В содержании книги впервые показано, что «на территории Казахстана, на основе разложения первобытно-общинного строя, складываются дофеодальные государства, основанные на завоевании. История образования Казахского ханства связана с процессом складывания феодальных отношений на территории Казахстана. В процессе политического распада Золотой Орды в XV веке складывается Казахское ханство. На основании новых материалов показана особая роль в этом процессе Белой Орды»³.

В главе «Казахстан в период монгольского завоевания и Золотой Орды» были рассмотрены следующие вопросы: монгольское завоевание Казахстана, Казахстан в составе Золотой Орды, экономические и социально-политические последствия монгольского завоевания, Белая Орда. Авторами было отмечено несколько положительных моментов монгольского периода, например, как «образование империи Чингиз-хана в общественном строе способствовало развитию феодальных отношений» [13, с. 80]. Но, к сожалению,

² Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 708. Оп.7.1. Д. 249. Л. 1.

³ Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 708. Оп.7.1. Д. 249. Л. 8.

в этой главе материал о Золотой Орде несет обобщающий характер, который не был закреплен средневековыми источниками. В книге было написано, что территориальная целостность Золотой Орды была укреплена в годы правления хана Бату.

В вышедшем в июне 1943 г. первом издании «Истории Казахской ССР» отмечено, что монгольское завоевание, а также период Золотой Орды: «значительно ускорило и усилило упадок городских центров, который в силу внутренних причин ясно обнаружился еще в период господства каракытаев» [13, с. 78]. В академическом издании приводятся различные варианты названия Улуса Джучи, так, например, «это государство получило в восточных источниках название «Синей Орды», а в русских – «Золотой Орды». Оно являлось объединением ряда владений. Области по нижнему течению Сыр-Дарьи и до гор Улу-Тау на севере составили владения брата Бату – Орда-Ичена и назывались Белой Ордой. Столицей Белой Орды стал город Сыгнак» [13, с. 79]. В советской историографии данное название было закреплено, так как «Улус Джучи» не имел официального названия в самых ранних русских летописях. В целом, происхождение этого термина, по мнению ряда историков, было связано с обозначением ханской ставки.

В основной части труда написано: «в меньшей степени от монгольского завоевания пострадали кочевые районы. Кочевники нередко, как это было, например, в Семиречье, даже оказывали поддержку монголам. Многочисленные тюркские племена входили в состав монгольских войск. В свою очередь, монголы не вмешивались в дела таких кочевых племен» [13, с. 79]. Как положительный факт главы следует отметить, что авторы описывали период монгольского завоевания и Золотой Орды как часть истории, давая объективную оценку завоевательным походам. Также было сказано, что «под влиянием монгол в общественный и политический строй кочевого народа были внесены значительные изменения» [13, с. 80]. В целом глава была написана доходчивым, популярным языком, но не хватало научного объяснения историческим событиям, в книге имелись сжатые материалы по образованию монгольского государства, образование Золотой Орды. В академическом издании среди правителей Улуса Джучи были упомянуты Бату хан, Узбек хан. Также важно отметить важный исторический момент, что авторы не написали о серии завоевательных походов Бату хана в Восточную Европу, лишь вкратце рассказали, как «при жизни Бату Золотая орда еще сохраняла политическое единство. После Бату владения, входившие в состав Золотой Орды, стали обособляться и приобрели значительную самостоятельность» [13, с. 79]. Но также непонятны дата и причина распада Золотой Орды, так как попутно авторы написали о следующем средневековом государстве. Следует отметить, авторы акцентировали внимание на экономические и социально-политические последствия монгольского завоевания, собственно Улусу Джучи посвящено лишь несколько предложений.

В этом издании авторы озвучили тезис о том, что Белая Орда – предшественник Казахского ханства: «Среди владений, выделившихся из состава Золотой Орды, наиболее тесно была связана с историей будущего Казахского ханства Белая Орда (Ак Орда). Столицей Белой Орды был город Сыгнак на Сырдарье. Обособление Белой Орды в особое ханство произошло в начале XIV века после смерти хана Токты. Первый хан Белой Орды Сасы-Бука пра-

вил государством еще как вассал ханов Золотой Орды» [13, с. 83]. Стоит отметить, авторами некритически был использован труд Натанзи. В поздние годы этот тезис был надолго закреплён в переизданиях «Истории Казахской ССР» в 1949 году и 1957 годах.

В статье А.М. Панкратовой «Основные вопросы истории Казахской ССР (к выходу в свет книги «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней»)» [21] отмечалось, что в коллективную работу после ряда обсуждений были внесены значительные изменения. В том числе, она была дополнена картами, схемами и иллюстрациями документального и художественного характера. В эти годы особое внимание привлекла статья Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой, А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» [26]. В ней авторы акцентировали, что выпущенные научные издания не соответствовали марксистско-ленинским позициям, делая серьёзные методологические ошибки в освещении истории Казахской ССР, которые привели к извращению исторических фактов, впоследствии пострадала многие книги.

При рассмотрении процесса написания исторической науки Казахстана, следует отметить большую заслугу Санжара Асфендиярова. В 20–30-е годы XX века наблюдался интерес в исследовании истории Казахстана. В 1933 году в журнале «Большевик Казахстана» он пишет: «Мы впервые приступаем к созданию истории казахов» [12, с. 254]. После этого под руководством С. Асфендиярова была написана «История Казахстана (с древнейших времён)». Книга была написана в период социалистического строительства, позже после опубликования вызвала немало разногласий среди советских историков. В его работе впервые поэтапно и проблемно дана обобщающая история народа с древнейших времён до 1917 года. С.Д. Асфендияров выделяет большую роль «кочевых народов», также было упомянуто влияние завоевательных походов монголов: «Движение монголов XIII–XIV веков имело огромное значение в истории Востока. Это движение не было движением диких полупервобытных кочевых орд, как это рисуют европейские и русские буржуазные историки» [4, с. 76]. Книга была запрещена и долгие годы хранилась в спецфонде, поэтому широкому кругу читателей была неизвестна.

В казахстанской историографии по академическому изданию «История Казахской ССР» были написаны статьи и монографии. Среди них следует отметить работы казахстанских историков, например, М.О. Абсеметов [1], К. Еримбетова [11], А.Т. Капаева [16], С.Ф. Мажитова [17]. В их работах проанализированы научная деятельность А.М. Панкратовой, Е.Б. Бекмаханова, в том числе составление академического издания. Монографии написаны в жанре научной биоисториографии. В диссертации Н.К. Дюсеновой [10] изучены судьбы советских исследователей 1940–1950 гг., их научные интересы, которые не совпадали с вышедшими постановлениями ЦК КП (б) Казахстана. Но в этих работах не рассмотрена тема Улуса Джучи, а обобщенно проанализирована деятельность научного коллектива при составлении академической истории Казахской ССР.

Прежде всего необходимо обратиться к вопросу о дальнейшей связи выхода первого академического издания 1943 г. с идеологическими установками на национальную историю. Все эти проблемы, в первую очередь, связаны с Постановлением, когда советская власть после военных поражений

и послаблений в области идеологии. 9 августа 1944 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Как написано в Постановлении, что были выявлены серьезные ошибки в написании истории татарского народа, не соответствующие идеологии политического режима того времени. Особенно это отразилось на дальнейшем исследовании по теме Золотая Орда.

Также большой резонанс вызвало обсуждение «Истории Казахской ССР». В.В. Тихонов писал, что «критика книги началась еще в 1944 г. Теперь была обнародована фактически официальная позиция по этому вопросу» [25, с. 105]. Благодаря подобным обсуждениям были и положительные последствия. В следствие того, что советские историки показали важную роль историографических исследований под контролем Центрального Комитета КП (б), были приняты серьезные шаги по развитию исторической науки Казахстана.

14 августа 1945 г. на заседании Центрального Комитета КП (б) Казахстана было принято решение по устранению серьезных ошибок и недостатков, допущенных в 1-м издании книги и необходимости коренным образом переработать «Историю Казахской ССР». В обсуждении принимали участие члены бюро М. Абдыкалыков, С. Огольцов, Ж. Шаяхметов, М. Шахшин, А. Яковлев и др. Постановление считалось важнейшей идеологической задачей партийной организации Казахстана при создании марксистской истории Казахской ССР⁴.

В сентябре 1945 г. было запланировано рассмотрение ЦК КП(б) Казахстана о втором издании «Истории Казахской ССР». Бюро ЦК КП(б) Казахстана потребовало вложить в основу научной разработки и освещения истории казахского народа указание И. Сталина о том, что «история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей»⁵.

На такие решительные меры руководство ЦК КП(б) Казахстана пошло после выхода ранее вышедшего Постановления. В протоколе обозначено, что «составители «Истории Казахской ССР» дали неправильную оценку татаро-монгольскому завоеванию, не показали глубоко реакционную роль монгольского ига, принесшего огромный вред казахскому народу и задержавшего его историческое развитие на целые столетия. Авторы ошибочно отнесли к периоду независимости казахов время монгольского завоевания Казахстана, неправильно утверждая, что татаро-монгольское завоевание способствовало складыванию и развитию казахской народности. В этом же разделе одного из эмиров Золотой Орды Едиге – душителя и эксплуататора народных масс, авторы прославляют как народного героя и защитника трудящихся»⁶.

Уже в 1945 году в одном из популярных периодических изданий «Большевик Казахстана» вышла статья М. Морозова с рецензией на книгу «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», где автор выразил

⁴ Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 708. Оп.9. Д. 68. Л. 1–2.

⁵ Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 708. Оп.9. Д. 68. Л. 108.

⁶ Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 708. Оп.9. Д. 68. Л. 110.

несогласие с мнением составителей. Автор считал, что «игнорирование общественно-экономических отношений привело составителей к ненаучному объяснению образования казахской народности под влиянием одних только внешних причин – монгольским завоеванием» [18, с. 30]. По мнению М. Морозова: «Коренной порок книги заключается в одностороннем, неправильном подходе к исследованию истории Казахской ССР. Основным требованием исторического материала, как известно, является изложение истории народов с точки зрения развития классов и классовой борьбы. Эту точку зрения составители книги почему-то подменили другой установкой. Они представили историю казахского народа исключительно как процесс формирования боевых традиции борьбы казахов за свою независимость. Все явления и события, которые рассматриваются в книге, оценены с этой односторонней и потому неправильной точки зрения» [18, с. 28]. Критика в сторону составителей «Истории Казахской ССР» объяснялась допущением коренной ошибки в самом подходе к решению стоявшей перед ними задачи. Неправильный подход привел их, как считали некоторые рецензенты, к извращению важнейших аспектов истории казахского народа и к искажению исторических фактов.

М. Морозов приводил несколько фактов, которые противоречили Постановлению от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Например, он считал, что авторами книги «История Казахской ССР» были допущены ошибки в периодизации, потому что в действительности постоянной «независимости казахов» с древнейших времен до 60-х годов XIX века не было: фактически в тот период казахские племена неоднократно подвергались иноземным завоеваниям. Так, в 1218 году они были покорены монголами и находились под монгольским игом до конца XIV века, то есть около 200 лет. Монгольское иго тяжелым бременем легло на покоренные народы, в том числе и на племена Казахстана. Монгольские завоеватели уничтожили многие города, разрушили земледелие и ирригацию Средней Азии, истребляли тысячи людей, жестко эксплуатировали поработанные народы. Монголы считали себя избранной расой, «белой костью». Таким образом, монгольские захватчики нанесли огромный урон Казахстану и затормозили его развитие» [18, с. 30]. Как видно, рецензент задал вопрос к составителям книг «История Казахской ССР»: «Почему завоевание казахских племен монголами и двухсотлетнее монгольское иго не были учтены авторами при выработке периодизации истории казахского народа?». Рецензия М. Морозова стала началом публикации подобных статей в периодической печати СССР и союзных республик. М. Морозов считал, что при написании книги была применена антисоветская методология, которая в односторонней форме подошла к исследованию истории Казахской ССР.

В данном издании также была опубликована статья Б. Степанова «Об идеологических ошибках работников общественных наук Казахстана», которая вызвала ряд возражений относительно трудов Института языка и литературы Казахской ССР. По мнению автора, они трактовали роль Едиге положительно и игнорируют историческую правду. Б. Степанов писал следующее: «из истории хорошо известно, что на самом деле Едиге никогда не был дру-

гом России, а был ее коварным врагом и вероломным провокатором». В его статье есть ссылка на труды Карамзина, в котором приводится совершенно иная трактовка образа Едиге, противоречащая выводам А.Х. Маргулана: «Маргулан превращает врага не только русского, но и казахского народа – в «героя» казахского народа» [24, с. 41]. Конечно, А.Х. Маргулан не имел цели специально популяризовать и превращать Едиге в героя казахского народа.

Безусловно, Постановление 1944 года сыграло важную роль и обозначило рамки изучения истории Казахской ССР. Как известно, опубликованные с 1940-х гг. научные публикации проходили более детальную проверку. Безуспешной была попытка выпуска «Истории Казахской ССР» 1943 года, с решением постановления вновь начались работы по написанию новой академической истории Казахстана. В 1949 году на страницах изданной под редакцией Академии наук Казахской ССР монгольское завоевание охарактеризовали новым термином «иго».

Критика истории Золотой Орды повлияла на исследование личности Идегея. Теперь татарская и казахская интеллигенция стремились сохранить национальную историю, представили героический образ «Едиге» как национального освободителя, отважно сражавшегося с врагами. В советской идеологии данный «национальный герой» оказывал положительное влияние на политику Советского Союза при освещении истории народных республик. Он представлялся борцом против феодализма, поэтому в его честь было написано несколько вариаций эпосов, где он был одним из популярных персонажей.

Положительное отражение роли Идегея в истории Казахстана во многом было выражено в литературных произведениях казахской интеллигенции. После исторического постановления Центрального комитета ВКП(б) «О перестройке литературных организаций» казахская литература вышла на новый путь освещения. Абдильда Тажибаев написал: «Создатели и оформители казахского фольклора («Кобланды батыр», «Эдиге», «Комбар», «Бекет» и другие), разве не безымянные акыны являются предками современных народных акынов?» [22]. Таким образом, автор пытается стремиться к созданию народных произведений, которые будут отвечать строгим требованиям общества.

В книге Джумалиева «Казахская литература» (учебник для 8 класса средней школы), выпущенной КазОГИЗом в 1942 г. и распространенной в школах всей республики, имелось также много «вредных националистических утверждений». Книга начиналась «с восхваления душиителя русского народа Едиге, который якобы возглавил народную борьбу против ханов Золотой Орды. Далее, разбирая «народный эпос», в котором выражается возмущение и ненависть к Ивану Грозному и русскому народу в связи с разгромом татаро-монгольских завоевателей и взятием городов Казани и Астрахани, автор пространно цитировал религиозно-националистические стихи из поэмы «Шора батыр», смысл которых в следующем: Казань – колыбель мусульман занята врагами, русскими. Льются слезы народа. Ты езжай туда, Шора батыр, создай черный день для врага и т.д. То есть в освещении истории Золотой Орды Джумалиев пытается возвести культ личности Едиге. В академической истории «История Казахской ССР», выпущенной в 1943 году Едиге был охарактеризован как талантливый полководец Ногайского ханства. В книге он «один из военачальников Золотой

Орды ... в воспоминаниях народа он герой и заступник народа, всеобщий любимец. Постоянным эпитетом к его имени служит выражение: «ель камын же-ген Едиге», что означает в переводе: «Едиге – заступник народа» [13, с. 89]. Авторы академической истории пытались ярко выразить резкие социальные противоречия между ханской властью и представителем народной массы, видели в Идеее своего спасителя.

В Постановлении о политической и идеологической работе были подвергнуты критике труды историков. В документе указано, что отдельными историками и литераторами были допущены серьезные ошибки националистического характера. Последовало указание ЦК ВКП(б) «обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против иноземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета». Данное указание начало действовать на территории Казахской ССР, оно имело отношение к историкам и литераторам.

Многие представители интеллигенции поменяли свое видение истории Золотой Орды. 7 марта 1947 года на расширенном совещании сектора Института Истории, археологии и этнологии Академии Наук Казахской ССР была обсуждена статья, опубликованная на страницах «Казахстанской правды» под заголовком «Как профессор Маргулан извращает историю», где Алькей Маргулан признал свои ошибки: «Я уже давно сделал соответствующие выводы и в дальнейшем исправлю эти ошибки. Теперь я совершенно критически отнесусь к этим источникам народного эпоса» [22, с. 42]. Вскоре после этого Алькей Маргулан на примере «поэмы об Эдиге» решил, что к этим источникам нужно относиться сугубо критически, и брать самое необходимое с точки зрения марксистско-ленинской методологии. Несмотря на это, он конкретно не выделял героя и антигероя казахского народа, лишь преподносил материал как есть на самом деле для полноты исторической картины. В выводах ученый опирался на собранные материалы, полученные в результате археологических раскопок.

21 января 1947 г. на заседании ЦК КП (б) Казахстана обсудили вопрос «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии Наук Казахской ССР». В протоколе ЦК КП(б) Казахстана отмечалось, что Институт языка и литературы АН КазССР работал неудовлетворительно и не справлялся с поставленными перед ним задачами научной разработки вопросов казахского языка и казахской литературы⁷. В содержании написано, что была «вредная антинаучная концепция», культивировавшая на протяжении ряда последних лет и являющаяся по существу возрождением «тюркофильской» ориентации в вопросах развития современного казахского языка. Данная концепция не смогла достигнуть первоначальной цели в научной работе Академии наук Казахской ССР. Секретарь ЦК КП (б) Казахстана Ж. Шаяхметов считал, что партийная организация Академии наук Казахской ССР запустила идеологическую работу, особенно марксистско-ленинское воспитание научных кадров, и не вела большевистской борьбы, были бездей-

⁷ Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 708. Оп.11. Д. 21. Л. 1.

ными и аполитичными в научной работе. Отмечено, что все это было необходимо для дальнейшей реализации законопроекта Советского Союза по изменению национальной идентичности казахского народа.

Книга «История Казахской ССР» тщательно и всесторонне обсуждалась в течение нескольких лет на специальных редакционных совещаниях, организованных при отделе пропаганды и агитации ЦК КП (б) Казахстана. В 1948 году вышла стенограмма заседания сектора истории СССР до XIX века. В обсуждении принимали участие С.В. Бахрушин, С.В. Юшков, Н.В. Устюгов, В.Ф. Шахматов, Н.Г. Аполлова, тов. Фукс, М.И. Вяткин. Историк С.В. Юшков выделил следующие вопросы: «Процесс образования казахской народности стал усиливаться после того, как казахские племена были завоеваны монголо-татарами, когда тюркские племена вошли в состав объединенной империи Чингисхана, или эти казахские племена находились под властью довольно крупных государственных объединений, возникших после распада Золотой Орды. Достаточно вспомнить, что такими крупными объединениями были Золотая Орда, царство Чагатай и т.д. Н.В. Устюгов не был полностью удовлетворен написанием данной главы». Как видно из материала архивных документов, в обсуждении ученые яростно подвергли критике содержание учебника, отметив, что при всех положительных моментах составители в полной мере не смогли дать марксистского освещения истории казахского народа. 10 апреля 1948 г. было очередное заседание сектора истории института истории Академии Наук СССР, где повторно обсуждали книгу «История Казахской ССР». Председателем был назначен А.П. Кучкин. В обсуждении приняли участие многие специалисты, такие, как С.В. Юшков, А.М. Гуревич, Р.И. Голубева и др. В своих высказываниях они были весьма категоричны, считали, что материал не был доведен до совершенства. Согласно С.В. Юшкову, при повторном редактировании книги «второе издание только в 1946 году поступило в руки А.М. Панкратовой. В течение двух месяцев оно было на рассмотрении, затем только началось редактирование труда. Редактировалась книга с сентября по февраль месяцы»⁸. В результате этого обсуждения в книгу были внесены значительные изменения, исправления и дополнения.

После выхода постановления, с изменением идеологических параметров, деятельность научной элиты в послевоенное время имела совершенно иной исход. С точки зрения исследователя А.Г. Галлямовой: «документ на десятилетия определил установки в области национальной политики для местных властей, перекрыл пути объективного изучения истории татарского народа» [7, с. 275]. Исследователями была разработана версия национальной истории, которая отражала негативный образ Золотой Орды. Это в последствии привело к культурному дисбалансу. В научных изданиях 1940–1960 гг. история Золотой Орды, а именно социально-экономического, военного и культурного наследия имела однозначный характер. Осталась невыясненной историческая закономерность образования казахской народности и государства. А также,

⁸ Ведомственный архив Республики Казахстан (архив Академии Наук Казахской ССР). Ф.11. Оп.1. Д.42. Л. 1–8.

из-за порочности методологической установки, неизученным остался и вопрос о социально-экономических предпосылках образования Золотой Орды.

Перед историками Казахской ССР стояла большая научная задача: «в краткие сроки пересмотреть все замечания и дискуссионные моменты о периоде Золотой Орды и приступить к написанию второго издания. Второе издание академического труда вышло в свет в 1949 г. под общей редакцией И. Омарова и А.М. Панкратовой. Второе издание «Истории Казахской ССР» было осуществлено под непосредственным руководством академика А.М. Панкратовой, которая приложила весь свой научный потенциал, неутомимую энергию в дело освещения истории казахского народа, несмотря на идеологический прессинг со стороны партийного руководства» [1, с. 20]. Академическое издание состояло из 2 томов, первые 5 глав книги посвящены первобытно-общинному строю на территории Казахстана, разложению первобытно-общинного строя к началу сложения феодальных отношений, сложению патриархально-феодальных отношений и первым государственным образованиям Казахстана, культуре Казахстана в IX–XII вв. и Казахстану в период монгольского нашествия. В главе IV, посвященной истории Золотой Орды, были рассмотрены следующие вопросы: монгольское завоевание и его последствия для Казахстана, хозяйство и общественные отношения племен Казахстана во время монгольского ига, политические отношения в Казахстане в период Золотой Орды. Данный труд по своему содержанию отличался от ранее изданной книги 1943 года. В книге были учтены все недостатки, а также история Золотой Орды была дополнена источниками по монгольскому государству. Впервые в труде использовался термин «татаро-монгольское иго» и его сокрушительные результаты задержания культурного, политического и экономического развития русского народа. Например, «монгольское завоевание внесло существенные изменения в политическую жизнь не только тюркских народностей территории современного Казахстана, но и других народов, в том числе и русского народа. Татаро-монгольское иго над русским народом продолжалось свыше 240 лет. Оно разрушило огромные материальные ценности, задержало культурное и политическое развитие русского народа» [20, с. 98]. Но несмотря на это, авторы признали факт того, что монгольское нашествие не смогло уничтожить развитие русской государственности. В содержании имелось раскрытие факта о происхождении монгольского государства. Таким образом, данный факт представлен в труде: «Золотая Орда была прежде страной кыпчак (под кыпчаками Эломари понимает тюркские племена), и когда ими завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными, потом татары смешались и породнились с кыпчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, все они стали точно кыпчаками, как будто они одного с ними рода» [20, с. 99]. Благодаря использованию новых материалов была показана особая роль Белой Орды. В книге отмечалось, что «среди владений, выделившихся из состава Золотой Орды, наиболее тесно была связана с историей будущего Казахского ханства Белая Орда (Ак Орда)» [20, с. 100]. Прежде всего, стоит обратить внимание, что в целом дана общая характеристика Золотой и Белой Орде, как государств, представлявших собой «мало связанные конгломераты племен и на-

родностей», возникшие в результате военных успехов отдельных ханов. В книге Золотую Орду представили как слабое государство, а причины распада остались совершенно неясны.

В издании 1949 г. авторы написали о завоевательных походах на территории Руси, например, «в 1237 и 1238 годах монголы вторглись в пределы русских княжеств. Раздробленные на мелкие, враждующие друг с другом уделы, русские княжества не могли устоять против хорошо организованного монгольского войска. Северо-восточные русские земли были разорены, а население их превращено в данников монгольской знати» [20, с. 99]. Важно отметить, что в первом издании 1943 г. авторы не написали о данном факте. Лишь спустя годы, изучив источники по Золотой Орде, было написано о походах Бату. Второе отличие – упоминание названия «Улус Джучи». Например, на странице 99: «в восточных источниках называется улусом Джучи (Джучи – сын Чингиз-хана, отец Батыя), или Синею Ордой, в русских – Золотой Ордой» [20, с. 99]. В последующие годы в академических изданиях термин «Улус Джучи» не встречается, лишь в самых поздних трудах «Истории Казахской ССР» оба термина используются равноценно. Культ личности И. Сталина и порожденные им догматизм, цитатничество, субъективизм и схематизм в изложении исторических событий, извращение фактов в целях возвеличения, отрицательно сказались на состоянии историографии Казахстана и советской исторической науки в целом. Так, в книге была представлена цитата из речи И. Сталина на X съезде в 1921 г. о кочевых народах, «сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт» [20, с. 97]. В целом, исследование истории Казахстана, казалось бы, открывало широкое поле деятельности для историков. Однако в советской историографии И. Сталин объявлялся непререкаемым авторитетом вплоть до 1953 года. Следующий момент: в этом труде в переизданиях 1949 г. авторы написали о политическом влиянии на распад Золотой Орды, что позже привело логическому завершению. Также, авторы считают, что «Куликовская битва сыграла огромную роль не только в дальнейшей истории русского народа, но и в жизни Золотой Орды» [20, с. 102]. В академическом издании указывались последствия борьбы Тимура и Токтамыша как причины распада Улуса Джучи. Авторы книги «Истории Казахской ССР» смогли отказаться от прежних ошибочных позиций, в тоже время были допущены новые.

Следует отметить, что составители книги использовали иную периодизацию истории Казахстана, которая основывается на марксистско-ленинском учении об общественно-экономических формациях. Однако, внимательно рассмотрев данную проблематику, можно сделать вывод, что составители книги продумали вопрос о периодизации не до конца. Так, не ясно, где и когда кончается один период и начинается следующий. Например: «Отсутствие политического единства тормозило консолидацию племён Казахстана в единую народность. Только на короткое время племена Западного и Центрального Казахстана включились в одно политическое целое, как это, например, было при ханах Бату, Узбеке и Тохтамыше. Такие кратковременные периоды политического единства не могли привести к этнической консолидации племён... Такое объединённое государство возникает в конце XV и начале XVI

веков при хане Касыме. Оно сыграло огромную роль в завершении объединения различных племён в единую казахскую народность» [20, с. 110].

Это издание полностью изменило содержание, используя больше фактов по истории Золотой Орды, дополненные историческими фактами события монгольского периода. Авторы попытались учесть все основные замечания и поэтому в главе «Казахстан в период монгольского завоевания», согласно советской идеологии, монгольское нашествие было оценено как один из самых «разрушительных бедствий» того периода. В целом, книга стала обновленной версией предшествующего издания. Но и оно в отдельных вопросах повторило ошибки прежнего издания. В первую очередь, авторы не смогли полностью показать историю Золотой Орды в соответствии с вышедшим постановлением 1944 г.

Под влиянием постановления историками искусственно приукрашивалась историческое прошлое. В статье Е. Бекмаханова «Исторические корни дружбы казахского и русского народов» было написано «о выходе на историческую арену княжества Руси после разгрома Золотой Орды и ликвидации монгольского ига». Е. Бекмаханов считал, что «освобождение народов Средней Азии от господства монголо-татарских завоевателей открыло путь для самостоятельного исторического развития казахского народа и для развития его государственности» [3, с. 46].

10 апреля 1951 г. вышло постановление ЦК КП(б) Казахстана «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана». В обществе большой резонанс вызвала статья Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой, А. Якунина, опубликованная 26 декабря 1950 года в газете «Правда». Партийное руководство обязало Президиум Академии наук Казахской ССР переработать второе издание «Истории Казахской ССР», устранив грубые политические ошибки, допущенные в первом и во втором изданиях. Акцентировалось внимание на том, что «серьезные ошибки во втором издании первого тома «Истории Казахской ССР» допущены в освещении истории культуры – культуры народной, демократической и культуры феодально-байской. Особенно это относится к освещению казахского эпоса» [26, с. 22]. Все эти обсуждения непосредственно повлияли на дальнейшую судьбу рукописи «Истории Казахской ССР».

В 1952 г. на очередном заседании ученых Москвы, Ленинграда и других городов выступил с отзывом А. Насонов. Ученый заявил: «При Бату образовалось государство, которое в русских летописях называлось Золотой Ордой. Это совсем не точно. Термин «Золотая Орда» появляется в русских летописях не в эпоху ига, а позднее, причем происхождение и содержание не вполне выяснено»⁹. Постепенно исследователи начали реабилитировать средневековую историю. Этому способствовало разоблачение культа личности И. Сталина после XX съезда ЦК КПСС в 1956 г. Данная тема отразилась в написании академической истории Казахской ССР. Интеллигенция вновь подняла вопрос по изучению Золотой Орды и начала выявлять новые подробности.

⁹ Ведомственный архив Республики Казахстан (архив Академии Наук Казахской ССР). Ф.11. Оп.1. Д.97 а. Л. 35–39.

Вновь историками пересматривались источники по средневековой истории, где приводились новые исторические факты о существовании Золотой Орды. Основное содержание в данных произведениях переплетается с различными аспектами: образование монгольской империи, нашествие монголов на Казахстан, реакционный характер монгольского завоевания, борьба русского народа и других народов против монгольского ига и ее значение.

По мнению С. Аманжолова, «необходимо исправить ошибку о татарах. Татары не монголы, а исконно тюркский народ. В истории ходит ошибочное мнение о том, что татары стали тюрками после их вступления в Среднюю Азию и в Дешт-и-Кипчак. При этом многие историки слепо верят арабскому историку Аль-Омари, который думал, что войска монголов состоят исключительно из монголов. На самом деле известно, что значительное количество войск монголов состояло из племен, называвших себя татарами. И эти татары, поскольку их язык был тюркским, сразу могли породниться с местным тюркоязычным населением. Мнение о том, что монголы породнились с кыпчаками, забыли свой язык, – не соответствует действительности» [2]. Советские историки утверждали, что такое толкование противоречит марксизму.

Уже к 1952 году редакционная коллегия предложила ряд замечаний и предложений к рукописи 1-го тома «Истории Казахской ССР». На рукопись первого тома «Истории Казахской ССР» поступило около 43 рецензий, отзывов и замечаний. В том числе от ученых Москвы и Ленинграда – 9, от ученых Казахстана – 32 и от учреждений Казахской ССР – 2.

Большинство рецензентов дали, в целом, положительную оценку рукописи, признав, что она может при некоторой доработке явиться основой для издания «Истории Казахской ССР». Пять рецензентов ограничились практическими замечаниями, направленными на улучшение подготовленного к печати текста. Несколько ученых: профессор Д.Л. Бронер, Агеева уклонились от общей оценки рукописи, Х.Г. Айдарова, В.Ф. Шахматов, Т.Ж. Шоинбаев и С.Е. Толыбеков дали отрицательную оценку рукописи.

Подавляющее большинство рецензентов, давших свои письменные отзывы о рукописи первого тома «Истории Казахской ССР», высказали, в целом, положительное мнение о качестве и научном уровне макета, представляющего собой, как отмечается в ряде рецензий, новый шаг вперед по пути создания обобщающего труда, освещающего историю Казахстана на основе марксистско-ленинской теории.

Известны и другие отзывы на книгу. Например, профессор А.Н. Насонов в пятой главе под названием «Казахстан в период монгольского господства» подчеркнул мысль о том, что «в завоеваниях Чингис-хана и его преемников, организованных монгольской знатью и предпринятых в ее интересах, монгольский народ не был заинтересован»¹⁰. Это мнение приводилось и в «Истории Монгольской Народной Республики», вышедшей в том же году.

¹⁰ Ведомственный архив Республики Казахстан (архив Академии Наук Казахской ССР). Ф.11. Оп.1. Д.44. Л. 1–67.

По мнению Х.Г. Айдаровой, глава написана крайне небрежно, она не раскрывала содержание этого тезиса. Далее она подчеркнула: трудно понять, идет ли речь о содержании главы или о форме изложения материала¹¹.

Третье издание книги было значительно переработано авторским коллективом, и многие главы были написаны новыми авторами. Изменен был также и состав редколлегии. По мнению советских историков, было существенно изменено изложение материала, и собран большой материал по истории культуры казахского народа. 2 июня 1952 г. на заседании редколлегии по обсуждению главы 7 по истории Казахской ССР «Казахстан в эпоху монгольского владычества» присутствовали академики С.Н. Покровский, А.Х. Маргулан, Г.Ф. Дахшлейгер, Х.Г. Айдарова, Т. Шоинбаев¹². На этом заседании Алькей Маргулан дал разъяснения происхождению Белой Орды и Синей Орды. Так, по мнению академика, «Белая Орда – восточная часть Золотой Орды, а Синяя Орда с центром в Хорезме. Это будущий центр Абылхаира»¹³. Авторы предложили изменить название главы с «монгольского владычества» на «монгольское господство». Однако в издании «Истории Казахской ССР» имелись слабые стороны. Прежде всего советские историки отметили, что работа в области источниковедения авторами книги проведена недостаточно.

Как отметил А.Ф. Якунин, в разделах имеются существенные недостатки, мало указывалось на значение законодательных решений. Он отметил, что задача историков состоит в том, чтобы отбросить все эти «расовые националистические выдумки» и научно объяснить причины «отсталости народов Востока», раскрыть специфику хозяйства, социально-экономических отношений у различных народов Востока в разные эпохи. Александр Якунин негативно оценивает нашествие монголо-татар. Мы можем это заметить в следующих отрывках из архивных документов: «Народы в своем развитии делают шаг назад, а не вперед. Так было с народами Китая в Средней Азии после нашествия монголо-татар. До монголо-татарского нашествия у народов Китая, Средней Азии была очень высокая культура, были развиты производительные силы, свойственные уровню развития феодализма. Монголо-татары разрушили эти производительные силы, уничтожили оросительную систему, отбросили народы Востока назад в развитии. Но они не уничтожили феодального способа производства у народов Средней Азии, а приспособили этот способ к тем общественным отношениям, которые существовали у них. Монголы-татары оторвали народы Средней Азии и Китая от мировых торговых связей, обрекли производительные силы и общественные отношения на застой»¹⁴. Таким образом, А. Якунин подверг жестокой критике содержание книги «История Казахской ССР», отмечая несколько отрицательных моментов труда.

¹¹ Ведомственный архив Республики Казахстан (архив Академии Наук Казахской ССР). Ф.11. Оп.1. Д.44. Л. 8.

¹² Ведомственный архив Республики Казахстан (архив Академии Наук Казахской ССР). Ф.11. Оп.2. Д.16. Л. 177.

¹³ Ведомственный архив Республики Казахстан (архив Академии Наук Казахской ССР). Ф.11. Оп.2. Д.16. Л. 191.

¹⁴ Ведомственный архив Республики Казахстан (архив Академии Наук Казахской ССР). Ф.11. Оп.1. Д.105. Л. 10–11.

10 апреля 1953 года состоялось очередное заседание сектора по изучению истории и культуры народов Советского Востока, где присутствующие обменялись мнениями о макете третьего издания «Истории Казахской ССР». В заседании принимали участие член корреспондент АН СССР Е.Э. Бертельс, кандидаты исторических наук Ш.Ф. Мухамедьяров, И.Я. Златкин, кандидат филологических наук И.Я. Султанов. В обсуждении они признали порочность этой книги, где были допущены грубейшие идеологические ошибки. Согласно И.Я. Златкину, «концепция авторов 1-го тома 3-го издания «Истории Казахской ССР» представляется неправильной. Эта концепция противоречит исторической правде, марксистско-ленинской теории, является антинаучной, вредной». И.Я. Златкин отметил: «У авторов имеется ошибка в изложении истории монголов»¹⁵. Рассматривая данные документы, составители книги по существу вновь допустили ошибки в изложении истории Казахской ССР. Авторы не дали надлежащего анализа развитию истории Золотой Орды.

27 августа 1953 года на производственном заседании обсуждали I том «Истории Казахской ССР». На заседании присутствовали И.С. Гороховодский, С.Н. Покровский, Х.Г. Айдарова, А.Н. Нусупбеков, Н.Г. Аполлова, Г.Ф. Дахшлейгер, В.Ф. Шахматов, Е.И. Агеева, М. Турсынова, Т.А. Айтиев. На повестке дня стоял вопрос о ходе работы над главами книги «История Казахской ССР». На очередном совещании авторского коллектива в результате обмена мнений было решено: обсудить и принять окончательное решение о структуре тома. Поручили подготовку предложений С.Н. Покровскому, Х.Г. Айдаровой и Г.Ф. Дахшлейгеру¹⁶. Таким образом, авторы искренне настаивали на патриотической направленности академического издания.

Решение бюро ЦК КП Казахстана от 15 ноября 1954 г. стало причиной тщательного рецензирования этого издания. 16 октября 1955 г. вышло постановление комиссии ЦК КП Казахстана о 1 томе «Истории Казахской ССР». Согласно сведениям архивного документа, «всего было получено 44 рецензии и отзыва, в том числе от ученых Москвы и Ленинграда – 10, от ученых Казахстана – 32 и от учреждений Казахской ССР – 2»¹⁷. В целом, все отзывы были положительными, но было отмечено большое количество критических замечаний, указывающих на недостатки как методологического, так и конкретно-исторического характера, которые требовали доработки в отношении отдельных глав. Уже 11–15 октября 1955 г. на расширенном заседании комиссии ЦК КП Казахстана с участием ученых Института истории и Института востоковедения АН КазССР были обсуждены следующие проблемы: общая периодизация и структура тома, образование казахской народности и т.д.

Таким образом, в конце 1955 г. была установлена советская концепция по изучению Золотой Орды. В 1957 г. вышло новое академическое издание «История Казахской ССР».

¹⁵ Ведомственный архив Республики Казахстан (архив Академии Наук Казахской ССР). Ф.11. Оп.1. Д.109. Л. 16.

¹⁶ Ведомственный архив Республики Казахстан (архив Академии Наук Казахской ССР). Ф.11. Оп.1. Д.108. Л. 1–11.

¹⁷ Ведомственный архив Республики Казахстан (архив Академии Наук Казахской ССР). Ф.11. Оп.2. Д.33. Л. 1.

В главе «Казахстан в период монгольского господства» были освещены следующие вопросы: образование монгольской империи; нашествие монголов на Казахстан и Среднюю Азию; борьба народных республик против завоевателей; реакционный характер монгольского завоевания; образование Золотой Орды; положение племен и народностей Казахстана под властью монголов; борьба русского и других народов против монгольского ига и ее значение. В этом труде «монгольское нашествие» оценивалось, как нанесшее огромный ущерб хозяйству и культуре покоренных народов, в том числе народов, живших на территории Казахстана. Эта концепция отразилась в изучении Золотой Орды. В данной главе авторами было дано определение термину «монгол», что до этого ни в одном из академических изданий не было написано. Так, в книге авторы считают, что «он первоначально относился к одному из племен, а затем стал общим названием народности» [14, с. 112]. В отличие от 2-го академического издания, в этой книге авторы уделили большое внимание политическим, этническим аспектам, в том числе консолидации племен, структуре монгольского общества, административной единице. Еще один отличительный момент – авторы, используя советскую терминологию как «борьба народных масс против завоевателей», дали своеобразное объяснение нашествию монголов на Казахстан. В этой книге кочевые племена назывались «народные массы», которые активно оказывали сопротивление войскам Чингиз-хана. Также в этой главе, как отрицательный факт из истории Золотой Орды, было отмечено, что «монгольское иго не только давило, но и оскорбляло и иссушало народы, ставшие его жертвой». Согласно труду, «угнетенные племена и народности стремились свергнуть ненавистное иго монголов» [14, с. 122]. Авторам и редакторам третьего издания «Истории Казахской ССР» в значительной мере удалось выполнить задачу по усовершенствованию содержания. Однако в книге уделили очень мало внимания самому вопросу образования Золотой Орды, основной акцент был «о самоотверженной борьбе русских» против армии Улуса Джучи. Следует отметить, что в третьем издании более полно по сравнению со вторым освещено нашествие монголов на Русь. Авторы пришли к выводу, что «героическая борьба русского народа ослабила силы монголов и спасла Западную Европу от монгольского нашествия» [14, с. 120]. К тому же авторы вновь начали использовать термин «Золотая Орда». При этом в книге дальше о Золотой Орде пишут следующее: «это государство получило в восточных источниках название Синей Орды, а в русских летописях – Золотой Орды. Первоначально Золотая Орда входила в Монгольскую империю как ее улус, а после 60-х годов XIII века отделилась, став самостоятельным ханством» [14, с. 120].

Примечательно, что в книге «История Казахской ССР» больше внимания уделили борьбе русских и других народов против монгольского ига, нежели истории Золотой Орды. Авторы акцентировали взгляд на освободительную борьбу народов Средней Азии и Казахстана против монгольского гнета. Однако очень мало написано о правителях Золотой Орды, совершенно неясен порядок толкования истории, к тому же, в отличие от второго издания, нет упоминания об Узбек хане.

Но несмотря на отрицательную оценку, имеются положительные моменты. Например, авторы признавали мощь монгольской империи и его завоевательные походы, которые отразились на многих территориях Средней Азии. Название главы этого академического издания было заменено с «монгольского владычества» на «монгольское господство». В главе было уделено внимание взаимоотношениям монголо-татар с Киевской Русью, походы Батые оценивались как «опустошительный набег», после которого было разрушено много городов. Борьба народов с монголо-татарским игом была охарактеризована как «освободительная борьба поработанных народов» Средней Азии и Казахстана. Данный термин встречался часто в советской историографии. Исходя из этих данных, авторы считали, что использование данного понятия способствует укреплению идеологической концепции в Советском Союзе. В целом, книга полностью отличалась от ранее изданных трудов 1943 г. и 1949 г.

Выводы

Изучение архивных документов об обсуждении периода Золотой Орды в рукописи «История Казахской ССР» позволило сделать следующие выводы. Во-первых, в партийных документах 1940–1950 гг. показано становление советской идеологии в исторической науке КазССР, оказавшее влияние на исследование средневековой истории. Во-вторых, власть планировала использовать постановления 1944 г., как широкомасштабный проект по изменению национальной идентичности казахского народа.

Также стоит отметить, что историческая наука тюркских народов была искажена. В советской историографии оценка какого-либо исторического события зависела от того, как это трактовали в Центральном комитете КПСС. Одна из таких проблем связана с освещением истории Золотой Орды. Оценивая последствия этого постановления, можно отметить, что это посеяло страх для исследователей, занимавшихся непосредственно историей Золотой Орды.

С каждым новым десятилетием становилось все больше и больше отсылок на исследование теоретиков коммунизма, а во взглядах иногда шло противоречие общепринятым данным по истории Золотой Орды. И скорее стоит посочувствовать советским историкам, проводившим исследования в те годы тотальной цензуры и коммунистической идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсеметов М.О. Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2016. №402. С. 18–22.
2. Аманжолов С. Проблемы тюркского языкознания в зарубежных исследованиях: научно-аналитический обзор. Алма-Ата: Наука, 1987. 32 с.
3. Асфендияров Санжар Шығармалары. Төрттомдық шығармалар жинағы. Алматы: «Ел-шежіре», 2014. 408 б.
4. Бекмаханов Е. Исторические корни дружбы казахского и русского народов // Большевик Казахстана. 1947. №1 ноябрь. С. 46–56.
5. Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР (с древнейших времен по 1870 г). М.: ОГИЗ, Госполиздат, 1941. 368 с.

6. Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197. 2019-7-4.784-797
7. Галлямова А.Г. Советская национальная политика и кризис этносоциальной самоидентификации татар в 1940–1980-е гг. // Международная конференция: История сталинизма: советские нации и национальная политика в 1920-е–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2014. С. 273–281.
8. Греков Б.Л., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 473 с.
9. Дашевская Ф.П. Женщины – революционеры и ученые. М.: Наука, 1982. 189 с.
10. Дюсенова Н.К. Қазақстандағы XX ғасырдың 40–50 жылдарындағы «ұлтшылдық» пен «космополитшылдыққа» қарсы күрес науқаны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Нурсулу Кенебаевна Дюсенова; Алматы, 2006. 141 с.
11. Ерiмбетова Қ. Қалдырған iзi мәңгiлiк. Қазақтың тарих ғылымы. Академик Анна Панкратова (XX ғасырдың бiрiншi жартысы). Астана: «БиКА» БП кешенi, 2016. 364 б.
12. Исабек М.Қ. Санжар Асфендияровтың Қазақстан тарихын оқыту үрдісіне қосқан үлесі // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы, №9. 2009. Б. 253–258.
13. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 670 с.
14. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1957. 608 с.
15. История татар. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. 1056 с.
16. Капаева А.Т. Наука и культура Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Мир большого Алтая. 2015. №1(2). С. 131–138.
17. Мажитов С.Ф. Историк Ермухан Бекмаханов. Астана: Фолиант, 2005. 264 с.
18. Морозов М. Об истории Казахской ССР // Большевик Казахстана. 1945. №4–5 апрель-май. С. 28–35.
19. О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. 1945. №4–5 апрель-май. С. 49–51.
20. Омаров И.О., Панкратова А.М. (ред.). История Казахской ССР. С древнейших времён до наших дней. 2-е изд. Т. 1. Алма-Ата, 1949. 510 с.
21. Панкратова А.М. Основные вопросы истории Казахской ССР (К выходу в свет книги «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней») // Большевик Казахстана. 1943. С. 10–12.
22. Сборник современной казахской литературы / Под редакцией А. Дроздова, М. Зенкевича, А. Тажибаева. М.: Огиз, 1941. 392 с.
23. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1985. 702 с.
24. Степанов Б. Об идеологических ошибках работников общественных наук Казахстана // Большевик Казахстана. 1947. №1 январь. С. 35–47.
25. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
26. Шоинбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана // Правда. 1950. 26 декабря.

Сведения об авторе: Айсауле Сериккызы Шакиева – докторант исторического факультета, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (010000, ул. Сатпаева, 2, Астана, Казахстан); ORCID: 0000-0001-9598-1486. E-mail: aisaule_10@mail.ru

Поступила 26.12.2022 Принята к публикации 27.02.2023
Опубликована 29.03.2023

REFERENCES

1. Absetmetov M.O. Contribution of academician A.M. Pankratova to the historical science of Kazakhstan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2016, no. 402, pp. 18–22. (In Russian)
2. Amanzholov S. *Problems of Turkic linguistics in foreign studies: a scientific and analytical review*. Alma-Ata: Nauka, 1987. 32 p. (In Russian)
3. *Works of Asfendiarov Sanjar. Collection of works in four volumes*. Alma-ata: El-shezhire, 2014. 408 p. (In Kazakh)
4. Bekmahanov E. Historical roots of friendship of the Kazakh and Russian peoples. *Bol'shevik Kazahstana = Bolshevik of Kazakhstan*. 1947, no. 1, pp. 46–56. (In Russian)
5. Vyatkin M.P. *Essays on the history of the Kazakh SSR. (from ancient times to 1870)*. Moscow: OGIZ, 1941. 368 p. (In Russian)
6. Gallyamova A.G. The Massacre of the “Golden Horde” in the Middle of the twentieth Century: Ideological Discourse in Tatar Medieval Studies in the Light of the August 1944 Decree. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no 4. pp. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797 (In Russian)
7. Gallyamova A.G. Soviet national policy and the crisis of ethnosocial self-identification of Tatars in the 1940–1980s. *International Conference: The History of Stalinism: Soviet Nations and National Politics in the 1920–1950s*. Moscow: ROSSPEN, 2014, pp. 273–281. (In Russian)
8. Grekov B.L., A.Ju. Jakubovskiy. *The Golden Horde and its Fall*. Moscow: Academy of Sciences of USSR, 1950. 473 p. (In Russian)
9. Dashevskaya F.P. Women revolutionaries and scientists. Moscow, 1982. 189 p. (In Russian)
10. Dyusenova N.K. *Campaign to combat “nationalism” and “cosmopolitanism” in Kazakhstan in the 40–50s of the 20th century: diss. ... Cand. Sci. (History)*. Almaty, 2006. 141 p. (In Kazakh)
11. Erimbetova Q. *The trail he left is eternal. Kazakh historical science. Academician Anna Pankratova (first half of the XX century)*. Astana: «BiKA», 2016. 364 p. (In Kazakh)
12. Isabek M.K. *Sanzhar Asfendiyarov's contribution to the process of teaching the history of Kazakhstan* [Messenger of KazNU. History series]. 2009, no. 9, pp. 253–258. (In Kazakh)
13. The history of the Kazakh SSR from ancient times to the present day. Ed. by M. Abdykalykov, A. Pankratova. Alma-Ata: KazOGIZ. 1943. 670 p. (In Russian)
14. The history of the Kazakh SSR from ancient times to the present day. Alma-Ata: KazOGIZ, 1957. 608 p. (In Russian)
15. The history of the Tatars. Volume III. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – mid 15th century. Kazan, 2009. 1056 p. (In Russian)
16. Капаева А.Т. Science and culture of Kazakhstan during the Great Patriotic War. *The world of the Big Altai*. 2015, no. 1(2), pp. 131–138. (In Russian)
17. Mazhitov S.F. Historian Ermukhan Bekmakhanov. Astana: Foliant, 2005. 264 p. (In Russian)

18. Morozov M. About the history of the Kazakh SSR. *Bol'shevik Kazahstana =Bolshevik of Kazakhstan*. 1945, no. 4–5, pp. 28–35. (In Russian)
19. About the preparation of the 2nd edition of the “History of the Kazakh SSR”. *Bol'shevik Kazahstana =Bolshevik of Kazakhstan*. 1945, no. 4–5, pp. 49–51.
20. Omarov I.O., Pankratova A.M. (ed.). *The history of the Kazakh SSR from ancient times to the present day*. Vol. 1. Alma-Ata, 1949. 510 p. (In Russian)
21. Pankratova A.M. The main issues of the history of the Kazakh SSR (For the publication of the book “The History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day”). *Bolshevik of Kazakhstan*. 1943, pp. 10–12. (In Russian)
22. Collection of modern Kazakh literature. Moscow, 1941. 392 p. (In Russian)
23. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy, 1985. 702 p. (In Russian)
24. Stepanov B. About ideological mistakes of workers of social sciences of Kazakhstan. *Bol'shevik Kazahstana =Bolshevik of Kazakhstan*. 1947, no.1, pp. 35–47. (In Russian)
25. Tikhonov V.V. *Ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical science (mid-1940s – 1953)*. Moscow, 2016. 424 p. (In Russian)
26. Shoinbaev T., Aydarova H., Yakunin A. For Marxist-Leninist coverage of the history of Kazakhstan. *Pravda*. 1950. (In Russian)

About the author: Aisaule S. Shakiyeva – Ph.D. Student of the Faculty of History, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpayev Str., Astana 010000, Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-9598-1486. E-mail: aisaule_10@mail.ru

*Received December 26, 2022 Accepted for publication February 27, 2023
Published March 29, 2023*

ХРОНИКА

УДК 94(47).031::061.3

DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.242-246

EDN: UXWRHL

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ФОРУМ «ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЯТИЯ ИСЛАМА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИЕЙ И ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ РОССИИ»

Т.Р. Галимов

*Международная общественная организация
«Ассоциация исследователей Золотой Орды»
Казань, Российская Федерация
galimov_t_r@mail.ru*

14–16 декабря 2022 г. Казань традиционно стала площадкой проведения VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», организованного в рамках Республиканского плана основных мероприятий, посвященных 1100-летию принятия ислама Волжской Булгарией. Организаторами форума стали Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Министерство образования и науки Республики Татарстан и Международная общественная организация «Ассоциация исследователей Золотой Орды». Прошедший Форум является важнейшей конференцией по изучению истории Золотой Орды и ее наследников и объединяет целый ряд ведущих отечественных и зарубежных исследователей. На форуме 2022 г. приняло участие около 70 ученых из России, Турции, Израиля, Сербии, Белоруссии, Чехии и Казахстана.

В этот раз серьезное внимание историков было обращено к следующим блокам вопросов: Источники и источниковедение Золотой Орды и татарских ханств: проблемы и перспективы; принятие и распространение Ислама в Волжской Булгарии и Золотой Орде; Ислам и золотоордынская цивилизация; мусульмане на Руси в период ордынского господства: присутствие, восприятие, отношения и влияние; «Постордынские ханства как исламские вилайаты: этнокультурное и социальное измерения»; татарские ханства как исламские юрты: этнокультурное и социальное измерения; военная культура Улуса Джучи: оружие, войны и сражения.

В рамках VII Международного Золотоордынского Форума были организованы круглые столы, по итогам конференции была сформирована и утверждена общая резолюция форума.

© Галимов Т.Р., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Ислам, Волжская Булгария, Золотая Орда, военная культура Улуса Джучи, мусульмане на Руси, татарские ханства, научные конференции, Международный Золотоордынский Форум, историография

Для цитирования: Галимов Т.Р. VII Международный Золотоордынский Форум «Цивилизационное значение принятия ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 242–246. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.242-246 EDN: UXWRHL

VII INTERNATIONAL GOLDEN HORDE FORUM
“THE CIVILIZATIONAL SIGNIFICANCE OF THE ISLAM ADOPTION
BY THE VOLGA BULGARIA AND THE GOLDEN HORDE:
INTEGRATION PROCESSES IN THE MEDIEVAL HISTORY OF RUSSIA”

T.R. Galimov

International Public Organisation
“Association of Researchers of the Golden Horde”
Kazan, Russian Federation
galimov_t_r@mail.ru

Abstract: On December 14–16, 2022, Kazan traditionally became the venue for the VII International Golden Horde Forum, “The Civilizational Significance of the Adoption of Islam by Volga Bulgaria and the Golden Horde: Integration Processes in the Medieval History of Russia.” It was organized as part of the Republic's plan of main events dedicated to the 1100th anniversary of the adoption of Islam by Volga Bulgaria. The organizers of the forum were the M.A. Usmanov Center for Research of the Golden Horde and the Tatar Khanates of Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan, and the International Public Organization, “Association of Researchers of the Golden Horde.” The forum was the most important conference on the study of the history of the Golden Horde and its successors, and it brought together many leading domestic and foreign researchers. About 70 scientists from Russia, Turkey, Israel, Serbia, Belarus, the Czech Republic, and Kazakhstan took part in the forum.

This time, the attention of historians was drawn to the following sets of questions: sources and source study of the Golden Horde and the Tatar khanates, problems and prospects; the adoption and spread of Islam in Volga Bulgaria and the Golden Horde; Islam and the civilization of the Golden Horde; Muslims in Rus' during the period of the Golden Horde, presence, perception, relations, and influence; post-Horde khanates as Islamic Wilayats, ethnocultural and social dimensions; Tatar khanates as Islamic yurts, ethnocultural and social dimensions; military culture of the Ulus of Jochi, weapons, wars, and battles.

Within the framework of the VII International Golden Horde Forum, round tables were organized. Following the results of the conference, a general resolution of the forum was formed and approved.

Keywords: Islam, Volga Bulgaria, Golden Horde, military culture of the ulus of Jochi, muslims in Rus', Tatar Khanates, scientific conferences, International Golden Horde Forum, historiography

For citation: Galimov T.R. VII International Golden Horde Forum “The Civilizational Significance of the Islam adoption by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: Integration Processes in the Medieval history of Russia”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 242–246. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.242-246 (In Russian)

Центральным мероприятием форума стала Международная научная конференция «Цивилизационное значение принятия ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России»¹, которая прошла 14–15 декабря 2022 г. в Казани. На пленарном заседании конференции с приветственными словами выступили заместитель министра образования и науки Республики Татарстан С.Б. Андреев, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.Р. Салихов, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, председатель Координационного совета МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды» И.М. Миргалеев. Задающими общую центральную тематику и открывающими пленарное заседание стали доклады Р.М. Мухаметшина, В.В. Трепавлова, И.Л. Измайлова, М.Г. Крамаровского, А.Г. Ситдикова, Ф.Ш. Хузина и Голды Ахиезер. Видные ученые раскрыли общие концептуальные и современные исследовательские задачи и направления по распространению ислама в Среднем Поволжье и становлении его как государственной религии; кочевые традиции в преддверии имперских новаций, культуры и коммуникации татаро-мусульманской цивилизации Улуса Джучи; войн памяти и диалог культур в степной Евразии XIII–XIV вв.; ислама в археологии Хазарии, Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды; истории и повседневной жизни татарского ханства XVI–XVIII вв., отраженных в еврейских хрониках Крыма.

Вопросы, касающиеся существующих исследовательских проблем и перспектив изучения источников Золотой Орды и татарских ханств и источниковедения, в целом были широко освещены в докладах представителя научной среды Белоруссии А.В. Мартынюка, ведущего специалиста отечественной тюменской школы А.Г. Еманова, представителей казанской исторической школы И.Р. Гибадуллина, Л.Ф. Абзалова, М.С. Гатина, И.А. Мустакимова, московской школы А.В. Белякова, петербургской исторической школы Р.Ю. Почекаева, а также исследователей Республика Турция Йылмаз Фехми и Ильяса Кемалоглу. Также в данной области были весьма интересными и содержательными доклады отечественных исследователей Ч.И. Хамидовой, Т.Ф. Хайдарова, Р.Р. Абдужемилева, и зарубежных коллег таких как Юлай Шамильоглу, Александр Узелац. Кроме того прозвучал и ряд сообщений молодых ученых Д.Р. Зайнуддинова, А.Н. Самигуллина и Юрдакал Османа. Спектр рассмотренных вопросов был весьма разнообразным и касался немецких, арабских, иранских, османских и древнерусских письменных источников. Нумизматическим источникам особое внимание было уделено в докладах П.Н. Петрова, Ф.В. Ермолова, Р.Ю. Реввы, В.А. Сидоренко, А.И. Бугарчева и О.В. Степанова, А.П. Козлова и А.В. Якушечкина.

¹ См. Программу VII Международного Золотоордынского Форума (Казань, 14–16 декабря 2022 г.). URL: http://вики.татаровед.рф/data/pdf/program_MZF2022.pdf

Заседание, посвященное этнокультурному и социальному измерению постордынских ханств, рассматриваемых в качестве исламских вилайатов, включило ряд докладов: по казанскому ханству и противостоянию Москве К.Ю. Ерусалимского, А.В. Аксанова; восприятия московско-казанского противостояния в нач. XX в. Л.Р. Муртазиной; Московской экспансии в Сибирское ханство и Зауралье в выступлениях С.А. Чернышова, Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябининой, П.А. Корчагина и Г.Х. Самигулова; постордынской титулатуре – Л.Ф. Байбулатовой, И.И. Ханмурзаева.

Особой темой для обсуждения конференции стало принятие и распространение ислама в Волжской Булгарии и Золотой Орде, включивший в себя обсуждения докладов по вопросам: религии древних тюрков – Ташагил Ахмета; источников исламизации – Д.М. Исхакова; исламизации Золотой Орды по данным средневековых арабских источников – Э.Г. Сайфетдиновой; суфийских символических форм в поэме эпохи Золотой Орды «Каландар-наме» – Л.З. Бородавской; основных подходов к проблеме исламизации населения Западной Сибири в современной историографии – З.А. Тычинских; исламского мировоззрения в татарском эпос-дастане «Кахарман Катил» – Л.Х. Мухаметзяновой; религиозной культуры Хорезма и Золотой Орды – А.М. Маликова; отображения казанских ханов в трудах Ш.Марджани – Н.А. Атыгаева; проникновения и распространения ислама среди болгарского населения по материалам нумизматики и эпиграфики – Д.Г. Мухаметшина; атрибуции памятников комплекса мавзолеев Лапаса – А.Г. Ситдикова и Е.М. Пигарева; ранних мусульманских эпиграфических памятников Крыма (XIII в.) – М.А. Усеинова; восприятия исламской погребальной обрядности кочевниками Золотой Орды – В.А. Иванова; тюркитики исламского мира и формирования художественной культуры Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды – К.А. Руденко; новых источников по истории мусульманской общины золотоордынского Солхата (по материалам археологических исследований 2021 г.) – Э.И. Сейдалиева. Необычной, но довольно актуальной межрелигиозной и фронтальной тематике были посвящены доклады М.В. Цыбина, Т.Р. Галимова и Л.В. Воротынцева. Кочевническая тематика была отражена в докладах Т.М. Калининой, Д.В. Васильева, Д.М. Тимохина и В.В. Тишина. Родоплеменная, дипломатическая и государственная организация в золотоордынский и постордынский период нашла свое видение в докладах Ж.М. Сабитова и М.В. Моисеева. Особо стоит выделить доклад И.Г. Закировой относительно эпиграфической биографии Идегея в татарском фольклоре.

15 декабря в серьезных дискуссиях прошел круглый стол, посвященный оружию, войнам и сражениям Улуса Джучи и военной культуре в целом. С докладами выступили И.М. Миргалеев, И.Л. Измайлов, и специально приглашенные гости из Самары – С.Э. Зубов, А.М. Назаров, А.И. Еремкин. Обсуждению были подвергнуты тема локализации, ход сражения и общие проблемы изучения битвы 1391 года на Кондурче между ханом Токтамышем и Тамерланом.

16 декабря состоялось заседание круглого стола «Наследие Л.Н. Гумилева в современной исторической науке». Участники Форума вспомнили о широком и неоднозначном наследии и наиболее ярких гипотезах Льва Николаевича Гумилева, его восприятие современниками и потомками.

На завершающем заседании были подведены итоги научных обсуждений и принята общая резолюция. В резолюции участники форума выразили призыв к объективному изучению, исключению неоправданной политизации из исследовательских мотивов. Также участники отметили тенденции, имеющие ненаучный и разрушительный характер, в разделении наследия по национальному принципу. По мнению высокого научного собрания история Золотой Орды является общим и неделимым историко-культурным наследием. Отмечена работа и актуальность популяризации исторического наследия и его возможностей для использования в рамках повседневной материальной и духовной культуры.

Материалы VII Международного Золотоордынского Форума будут изданы в сборнике статей «Золотоордынское наследие» (выпуск V, 2023 г.) и в журнале «Золотоордынское обозрение».

Сведения об авторе: Тэймур Рустэмвич Галимов – кандидат исторических наук, секретарь Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» (420138, ул. Дубравная, 51, Казань, Российская Федерация). E-mail: galimov_t_r@mail.ru

*Поступила 19.12.2022 Принята к публикации 20.02.2023
Опубликована 29.03.2023*

About the author: Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Secretary, International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde” (51, Dubravnaya Str., Kazan 420138, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

*Received December 19, 2022 Accepted for publication February 20, 2023
Published March 29, 2023*

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Иллюстрация из рукописи «Таварих-и гузида – Нусрат-наме»
(начало XVI в.). Список 1562–1563 гг. Британская библиотека, ор. 3222, f. 86r.
URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Or_3222

On cover: Illustration from the “Tavārīkh-i Guzīda – Nuṣrat-nāma” manuscript
(beginning of the 16th century). List 1562–1563. British Library, or. 3222, f. 86r.
URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Or_3222

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2023. Т. 11, № 1

GOLDEN HORDE REVIEW. 2023, vol. 11, no. 1

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 24.03.2023 г. Дата выхода в свет 29.03.2023 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 15,5 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17в
E-mail: foliantkazan@mail.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>